

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2020

№ 1

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Московский государственный университет, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Московский государственный университет, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия

де Грааф Тьегерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Новосибирский государственный университет, Россия

Мамонтова Надежда Александровна, Оксфордский университет, Великобритания

Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Роккилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Елена Карагеоргий*, University of Oxford Alumna, Институт этнологии и антропологии (Российская академия наук), Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Moscow State University, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Moscow State University, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Far East Federal University, Russia

Lbova, Lyudmila, Novosibirsk State University, Russia

Mamontova, Nadezhda, University of Oxford, UK

Miskova, Elena, Moscow State University, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Elena Karageorgii*, University of Oxford Alumna, Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences), Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Редакторская колонка (Д.А. Функ)	6
--	---

ИСТОРИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ «ПРИРУЧЕНИЯ» ГЛУБОКОГО КОСМОСА

(отв. ред. специальной темы номера – И.Г. Поправко и И.Х. Чалаков)

Поправко И.Г., Чалаков И.Х. Антропология космоса: российские поля в контексте нового направления антропологических исследований. Введение к специальной теме номера	10
Поправко И.Г., Чалаков И.Х. От космического корабля до заповедника: долгий путь Тунгусского метеорита (две истории о предпринимательской науке и науке стойкости)	19
Терешин М.Р. Поля падения: пространство космоса на реке Мезень	53
Сивков Д.Ю. Места и масштабы: онтологии освоения космоса	75

MISCELLANEA

Шнирельман В.А. Археология, историческое наследие и проблемы этики	97
Серегин Н.Н., Васютин С.А. «Ритуальные» курганы могильника Кок-Паш (Восточный Алтай): к вопросу о формировании культурного комплекса раннесредневековых тюрков	123
Кравченко А.В., Ломакин Н.А., Склез В.М., Соколова А.Д. Парадоксы темпоральности: память о крестьянских восстаниях 100 лет спустя	144
Парфирьев Д.С. Владимир Охримович и его путь в Сибирь	166
Бочков Д.А. <i>It's very personal</i> , или <i>I don't really care</i> : Пражская весна между аффектом и дискурсом	188
Каравасева Д.Н. Диалекты как маркер идентичности в современной Северной Англии	203
Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Брачная ассортативность и ее связь с половым диморфизмом у индийцев: экспериментальные данные с использованием стимульных изображений	230

РЕЦЕНЗИИ

Чантуридзе О.В. Новый реализм в антропологии и общая теория переживания Винчуна Хо	247
Басов А.С. Острая теория: критический реализм С. Рейны	253
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	259
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	263

CONTENTS

Editor's note (<i>Dmitriy A. Funk</i>)	6
---	---

**THE HISTORY AND ANTHROPOLOGY
OF OUTER SPACE 'DOMESTIFICATION'**
(*Guest editors of Special Theme section – Irina G. Popravko
and Ivan H. Tchalakov*)

Popravko I.G., Tchalakov I.H. The anthropology of outer space: Russian field research in the context of new anthropological inquiries. Introduction to the Special Theme section	10
Popravko I.G., Tchalakov I.H. A long way of the Tunguska meteorite from spaceship to reserve (two tales about entrepreneurship and perseverance in science)	19
Tereshin M.R. Falling back to Earth: Outer space and the Mezen River	53
Sivkov D.Yu. Scales and places: ontologies of space exploration	75

MISCELLANEA

Shnirelman V.A. Archaeology, historical heritage and ethical issues	97
Seregin N.N., Vasyutin S.A. 'Ritual' mounds on the Kok-Pash burial site (Eastern Altai): The formation of a cultural complex of early medieval Turks	123
Kravchenko A.V., Lomakin N.A., Sklez V.M., Sokolova A.D. Paradoxes of temporality: Remembering peasant uprisings 100 years later	144
Parfiryev D.S. Volodymyr Okhrymovych and the road to Siberia	166
Bochkov D.A. <i>It's very personal, or I don't really care</i> : The Prague Spring between affect and discourse	188
Karavaeva D.N. Dialects as markers of regional identity in contemporary northern England	203
Dronova D.A., Butovskaya M.L. Assortative mating and its relationship with sexual dimorphism in Indians: Experimental data using stimulus images	230

REVIEWS

Chanturidze O.V. New realism in anthropology and the general theory of lived experience from Wing-Chung Ho	247
Basov A.S. Poignant theory: Critical realism of Stephen Reyna	253

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	259
--	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	263
--------------------------------------	-----

DOI: 10.17223/2312461X/27/1

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

Уважаемые читатели!

Восьмой год работы журнала *Сибирские исторические исследования*, с точки зрения положения в международных базах, начинается без перемен. Журнал сохранил свои позиции в базе Scopus: Q2 по истории (393-е место из 1 217) и археологии (139-е место из 300 в категории Arts and Humanities и 137-е место из 286 в категории Social Sciences) и Q3 по антропологии (216 место из 374). Без изменений осталось положение журнала в базе Web of Science. Во второй половине 2019 г. сроки наблюдения за динамикой развития журналов, входящих в список ESCI core collection Web of Science, увеличились и потому, как указывают в переписке сотрудники Clarivate, решения о включении журналов в списки SSCI и / или ANCI откладываются.

Остается прежней и политика журнала. Подавляющее большинство публикуемых статей и рецензий / обзоров имеет либо непосредственное, либо хотя бы некоторое (в плане методологии и методических подходов) отношение к *антропологии*, понимаемой максимально расширительно, как минимум в соответствии с боасовской тетрадой (социокультурная антропология, биологическая, или физическая, антропология, лингвистическая антропология и археология). Работы, выполненные в рамках исторической этнологии / антропологии, как особого направления на стыке антропологии и истории, также вполне вписываются в ту междисциплинарную область, на которой специализируется журнал. Мы стремимся публиковать аналитически насыщенные тексты, *потому* просто полевые или архивные записи, или иные первичные материалы – при всей их важности – без их анализа, без исследовательской гипотезы, без четкого изложения методики исследования, без вписывания текста в существующие в мировой литературе дискурсы, как и ранее, не приветствуются в журнале. Журнал остается открытым для представителей разных отраслей социального и гуманитарного знания. Мы планируем продолжать публикацию теоретически насыщенных и базирующихся на широком сравнительном материале исследований, не замыкающихся на анализе лишь сибирских сюжетов.

Введенная в прошлом году практика самостоятельного (руководителями отдела рецензий) отбора книг для рецензирования, а также тех авторов, которым эти рецензии заказываются, хорошо себя зарекомен-

довала и потому сохраняется и в 2020 г. Рецензии, которые не были заказаны редакцией журнала, к рассмотрению не принимаются.

Год обещает быть насыщенным интересными публикациями. В первом номере, помимо целого ряда значимых статей в подборке *Miscellanea*, мы публикуем статьи специальной темы номера «История и антропология “приручения” глубокого космоса» (ред. И.Г. Поправко и И.Х. Чалаков). В следующих номерах мы рассчитываем на публикацию специальных тем, посвященных, в частности, антропологической американистике (ред. Р.Н. Игнатьев), социальной жизни транспортных инфраструктур на Российском Севере (ред. О.А. Поворознюк и П. Швайцер), визуальной антропологии в России (ред. Е.С. Данилко). В условиях пандемии, приведшей к практически тотальному закрытию национальных границ и отмене подавляющего числа международных мероприятий, необходимость международного диалога ощущается особо остро. Отрадно, что в числе наших авторов будут коллеги не только из России, но также из Эстонии, Болгарии, Германии, Австрии, США.

От лица редколлегии журнала и от себя лично благодарю всех коллег, авторов и рецензентов, участвовавших в создании журнала все предшествующие годы. Уверен, что журнал *Сибирские исторические исследования* будет успешно развиваться и в дальнейшем.

Д.А. Функ

EDITOR'S NOTE

Dear Readers!

The eighth year of *Siberian Historical Research* has started without any changes in the journal's ranking metrics: the journal is ranked in the second quartile, or Q2, for Arts and Humanities, specifically in the subject category of History (393rd of 1217), and of Archaeology (139th of 300) – the latter also ranked in Q2 (137th of 286) for Social Sciences – and in the third quartile, or Q3, for Anthropology (216th of 374). The journal has also retained its rank in the Web of Science. In the second half of 2019, more time was needed to trace journal dynamics in the Web of Science ESCI core collection, which resulted in postponement of decisions on journal inclusion in SSCI and/or AHCI ranking lists, according to Clarivate.

The journal policy this year remains the same. The absolute majority of articles, including reviews, either directly or in some, usually methodology-related ways, deal with *anthropology* as a subject understood in maximally broad terms, in line with the Boas tetrad encompassing sociocultural anthropology, biological (or otherwise known as physical) anthropology, linguistic anthropology, and archaeology. Research work that is done in historical ethnology / anthropology as a standalone area at the intersection of anthropology and history is also a part of interdisciplinary research that the journal accepts for publication. We seek to publish texts with strong underlying theoretical analysis. Without any theoretical grounding (including hypothesis, methodology outline, and incorporation of author's argument into broader scholarly discourse around a given topic), fieldwork and archival materials, or any other primary sources, however their value, will not be considered for publication in the journal. *Siberian Historical Research* is open for research in various areas of the humanities and social research, and we plan to continue publishing theoretically rich articles that draw on comparative materials not limited to the region of Siberia and Siberia-related topics.

Last year, we introduced a practice whereby the editors of the 'Reviews' section independently choose books to be reviewed and invite authors to publish their reviews in the journal. The practice has so far proved productive and will continue this year. Reviews that have not been ordered by the editors will not be considered for publication.

The year 2020 promises to be full of interesting and stimulating publications. In addition to a number of notable articles in the 'Miscellanea' section, in its 'Special Theme' section, the first issue of the journal features articles on the 'History and Anthropology of Outer Space "Domestication"' (Guest

---

Editors – Irina G. Popravko and Ivan H. Tchalakov). Other issues are to include Special Theme articles on the Anthropology of the Americas (Guest Editor Roman N. Ignatiev), the social life of transport infrastructures in the Russian North (Guest Editors – Olga A. Povoroznyuk and Peter Schweitzer), and visual anthropology in Russia (Guest Editor Elena S. Danilko). Given the pandemic which has already caused closure of national borders and cancellation of many international events, the need for international dialogue is being felt even more acutely. In view of this, we are delighted to have articles authored this year by researchers from outside Russia – Estonia, Bulgaria, Germany, Austria, and the U.S.A.

On behalf of the Editorial Board and myself, I would like to thank all the colleagues, authors, and reviewers, who have contributed to the journal over the past years. I am confident that *Siberian Historical Research* will continue its successful work in the future.

Dmitriy A. Funk

ИСТОРИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ «ПРИРУЧЕНИЯ» ГЛУБОКОГО КОСМОСА

(отв. ред. специальной темы номера –
И.Г. Поправко и И.Х. Чалаков)

УДК 303 4.02

DOI: 10.17223/2312461X/27/2

АНТРОПОЛОГИЯ КОСМОСА: РОССИЙСКИЕ ПОЛЯ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ВВЕДЕНИЕ К СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕМЕ НОМЕРА

Ирина Геннадьевна Поправко,
Иван Христов Чалаков

Аннотация. Приводятся краткие сведения о возникновении и развитии антропологии космоса в мировом контексте. Указаны основные события этого развития, ключевые авторы и темы, а также самые последние тенденции в данной области. Авторы исходят из того, что современная антропология космоса отражает развитие космических технологий после Второй мировой войны и тесно связана с гонкой космических сверхдержав, попытками остальных больших государств их догнать, а также с развитием исследований внеземного разума. Новое развитие антропологии космоса в начале настоящего века в свою очередь связано с «новым космосом», т.е. движением космических предпринимателей «вниз» к экономическому, социальному и культурному усвоению глубокого космоса вне государственных программ и связанных с ними космических корпораций. Также авторы знакомят читателя со статьями, включенными в специальную тему номера, их тематикой, методологическими подходами и основными результатами. В заключение указано на связь антропологии космоса с рядом важных современных тенденций в антропологии.

Ключевые слова: Маргарет Мид, Лиза Мессери, Деббора Батталья, Питер Редфилд, Шон Митчелл, Джанет Вергеси, Дэвид Валентайн, проект SETI, политическая антропология космоса, «новый космос», человек и глубокий космос, воображение и антропология будущего

Предлагаемая читателям подборка статей представляет собой российский опыт в новой для отечественной антропологии (но имеющей уже почти 50-летнюю историю на Западе) области исследований – антропологии космоса (anthropology of outer space).

Отправной точкой этого направления, а точнее, интереса антропологов к проблемам освоения человеком глубокого космоса, можно считать октябрь 1957 г. Сразу после запуска СССР первого искусственного спутника Маргарет Мид инициировала и провела вместе с коллегами

антропологами и другими представителями социальных наук конференцию, на которой обсуждалась и была разработана комплексная программа по изучению «Человека в космосе» (Man in Space... 1958). Безусловно, не стоит оставлять без внимания историко-политический контекст возникновения этого интереса – время холодной войны и начало битвы за космос между США и СССР, но факт остается: антропологи обратились к теме космоса именно во второй половине 1950-х. Непосредственно начало развития исследований в новой области (речь пока идет о США) относится к 1960-м гг., когда антропологи начали сотрудничать с проектом Search for Extraterrestrial Intelligence (SETI)*.

Одним из итогов этого сотрудничества стал инициированный Американской антропологической ассоциацией симпозиум по темам SETI, результаты которого были опубликованы в сборнике *Cultures Beyond the Earth: Anthropology in Outer Space* (1975). По мнению одного из ведущих антропологов космоса, Лизы Мессери (Йельский университет), данную публикацию можно рассматривать как начало современной «антропологии космоса» или «антропологии будущего», причем, сегодня эта книга привлекает внимание гораздо большего числа ученых, чем на момент ее выхода (из выступления Лизы Мессери на Втором Томском антропологическом форуме (ТАФ-2) в октябре 2018 г.). Следующим важным шагом в антропологическом приближении к освоению космоса стала книга Питера Рэдфилда *Space in the Tropics* (Radfield 2000), классический пример антропологии космоса «на Земле» (и о Земле). Исследование Рэдфилда представляет собой политическую антропологию национального космического проекта Франции (автор работал во Французской Гвиане, где строительство космодрома и дороги к нему вскрыло массу проблем, идентичностей и практик), однако вопросы, поднятые в нем, выходят за рамки космоса и включают проблематизацию модерности, колониализма и технологий. Стоит заметить, что книга Питера Рэдфилда вдохновила многих исследователей заняться проблемами космоса.

Следующей важной публикацией в области антропологии космоса является работа *E.T. Cultures* под редакцией Дебборы Батталли (Battaglia 2006). Авторы этой работы задаются вопросом: что космос может рассказать нам о себе? В уже упомянутом выступлении на ТАФ-2 Лиза Мессери отмечает работы Дэвида Валентайна, Валери Олсон и Дебборы Батталли как основателей антропологии космоса, которые прямо утверждают о необходимости антропологического подхода к косми-

---

* Комплекс мероприятий и проектов по поиску внеземных цивилизаций (подробнее об истории этого проекта см.: <https://history.nasa.gov/seti.html>). Антропологи, работавшие в этом проекте, надеялись, что их опыт (почерпнутый из колониальной истории самой антропологии, а также опыт лингвистической антропологии в создании универсального сообщения) может пригодиться в случае так называемого первого контакта.

ческому пространству как «критически важной площадке для изучения практик воображения будущего в социальных терминах... и для антропологического участия в этих практиках» (Valentine, Battaglia, Olson 2009, 2015; Valentine, Olson, Battaglia 2012). Они добавляют, что космос с его «спекулятивными онтологиями» может стать также площадкой для испытания основ существующих теорий пространства и времени в экстремальных условиях» (Там же). Дэвид Валентайн, один из авторов упомянутой статьи, должен быть особенно отмечен в нашем кратком обзоре важных работ по антропологии космоса. В фокусе его исследовательского интереса – космические предприниматели (*new space entrepreneurs*) (Valentine 2012). Этнографическая работа Валентайна показала, что мотивы их работы в сфере космического предпринимательства могут быть определены не только как экономические, но и как морально-этические – как достижение глобальной цели освоения (колонизации у И. Маска) космоса человечеством.

В настоящее время область антропологических исследований космоса (иногда ее обозначают шире – социальные исследования космоса) представляет из себя конгломерат различных тем и подходов, которые, следуя логике Лизы Мессери, можно условно обозначить как три направления (взято из лекции Лизы Мессери в рамках летней школы *Anthropology of Outer Space*, прошедшей в августе 2019 г. в Национальной астрономической обсерватории Рожен, Болгария):

1. **Исследование национальных и мультинациональных космических проектов** (широкий спектр исследований в рамках политической, экономической антропологии, с такими возможными фокусами как (пост)колониализм, модерн, кооперации). Примеры таких исследований – уже упомянутая выше работа Редфилда *Space in the Tropics* и вышедшая в конце 2017 г. работа Шона Митчелла *Constellations of Inequality: Space, Race, and Utopia in Brazil* (Mitchell 2017). Обе работы написаны в оптике политической антропологии, в центре их внимания – национальные космические проекты: первый – Франции, второй – Бразилии (Шон Митчелл, доцент кафедры антропологии Университета Рутгерс в Нью-Йорке, проводил исследование среди квиломбolas – потомков местных рабов, бежавших с плантаций в XIX в., которые во многом благодаря строительству космодрома осознали себя как общность и стали действовать как таковая).

2. **Антропология исследований человеком космоса** (этнография за пределами Земли, но пока что ни один антрополог не был в открытом космосе): наиболее яркий пример – исследование Джанет Вертеси *Seeing Like a Rover: How Robots, Teams, and Images Craft Knowledge of Mars* (Vertesi 2015) о работе мультинациональной команды, управляющей марсоходом. По сути это работа о том, что получаемые нами «картинки» с Марса – это результат договоренности между группой иссле-

дователей (астрономов, техников, фотографов). Другим примером исследований в этом направлении может служить работа антрополога Валери Олсон *Into the Extreme: U.S. Environmental Systems and Politics Beyond Earth* (Olson 2018), где в центре внимания то, как эксперты США «работают» в Солнечной системе, понимаемой автором как своего рода «контейнер жизни» и как обширное место для новых форм технического и политического контроля окружающей среды. Антропологически интересно, что Олсон показывает, каким образом формируется отношение людей к местам, вещам и процессам, с которыми они непосредственно не сталкиваются и которые классифицируются ими как отдаленные или не относящиеся к человеку.

3. **Антропология будущего и воображение** (исследование утопий, новых мифологий, «принадлежности», «чуждости» с попытками применения новых онтологий). Здесь одним из наиболее проблемных является вопрос о том, как исследовать то, что невозможно увидеть и порой даже трудно вообразить? Антропологическое исследование самой Лизы Мессери *Placing Outer Space: An Earthly Ethnography of Other Worlds* (Messeri 2016) посвящено как раз тому, как ученые (астрофизики, команда ученых разных специальностей, работающих в пустыне штата Юта на симуляторе марсианской станции) решают проблему мышления о космосе и космических объектах. На основании нескольких этнографических полей Мессери делает вывод, что «трудновообразимое» и «удаленное» мыслится с помощью метафоры «места» (place), и именно практикам «помещения» (placing) и посвящено ее исследование (мыслят с помощью метафоры «места»). Изучение космического пространства касается самой сути антропологии как науки просто потому, что оно очень напоминает то, с чего начиналось антропологическое знание – с постижения «другого» (сначала физически и культурно максимально отдаленного, «самого другого из других»). Книга неоднократно намекает на это, показывая, как странные обитаемые места, изображенные планетологами, так радикально отличаются от образа жизни здесь, на Земле.

Как видно, американские исследователи являются лидерами в данной области, однако стоит также упомянуть и европейский контекст социального исследования космоса. С начала 2000-х гг. в Западной Европе было проведено несколько мероприятий по различным аспектам исследования космоса социальными учеными: *Imagining Outer Space* (2000) и *Envisioning Limits: Outer Space and the End of Utopia* (2012) в Германии; конференция *Anthropology Off Earth: How Terrestrial Exploration and Scientific Imagination Shape Our Relation to Outer Space and Extraterrestrial Life* в Парижском Коллеж де Франс (2019); летняя школа *Anthropology of Outer Space* на базе Национальной астрономической обсерватории Рожен в Болгарии (2019). Впрочем, как нам кажется, «национальные границы» здесь не совсем уместно упоминать, поскольку

ку антропология как наука – явление, в целом не имеющее территориальных границ, это касается, прежде всего, подходов и методологии исследований. Возможно, что специфическими для каждой отдельной страны (как правило, имеющей собственную космическую программу) являются темы и этнографические поля, которые, как правило, политически и исторически опосредованы. В этом смысле российские исследователи только начинают включаться в общемировую повестку исследований космоса. Первая попытка собрать под этим «зонтиком» социальных ученых была предпринята на симпозиуме «Этнография приручения глубокого космоса» в рамках ГАФ-2. Год спустя впервые на русском языке вышла подборка статей, объединенных темой социальных исследований космоса (см. Этнографическое обозрение. 2019. № 6), и вот сейчас мы представляем еще одну серию статей для русскоязычной аудитории по антропологии космоса (все еще на Земле).

Открывает подборку текст редакторов специальной темы. В статье, которую мы скорее отнесли бы к исторической антропологии космоса, И.Г. Поправко и И.Х. Чалаковым рассматривается проблема формирования и существования особого рода социальности между ученым и объектом его исследования. В центре внимания авторов находятся отношения между участниками Комплексной самодеятельной экспедиции (КСЭ) по изучению Тунгусского метеорита (в лице ее руководителей разных периодов – Геннадия Плеханова и Николая Васильева) и собственно Тунгусским феноменом (прошедшим долгий путь от гипотетического космического корабля до заповедника), который всей своей сложностью на протяжении 40 лет сопротивлялся попыткам ученых его ухватить. Авторы предлагают разделить деятельность КСЭ на два периода: «героический», длившийся с момента основания экспедиции в 1959 г. до 1963 г., и «долгий», длившийся, начиная с 1963 г., в течение 40 лет. Основанием такой периодизации явилась оппозиция «предпринимательская наука» / «наука стойкости» (*entrepreneurial and enduring types of science*), основанная на разных типах привязанности (*attachments*) между человеческими и нечеловеческими деятелями в гетерогенных микросообществах. Кроме того, образование КСЭ совпало и с периодом наибольшего подъема энтузиазма в обществе в связи с достижениями в области освоения космоса (запуск искусственного спутника в 1957 г., полет человека в космос в 1961 г.). Так, КСЭ, возникшая в 1959 г. и движимая желанием проверить гипотезу о техногенном характере Тунгусского феномена, просуществовала на протяжении более 40 лет и держалась исключительно на привязанности и страсти ее участников и особенно руководителя – Н. Васильева – к нему. Наша гипотеза, что подобного рода привязанности и страсти к уже «разведанному», но постоянно ускользающему «Другому» движут и «новыми космическими» предпринимателями, которых исследовал Дэвид Валентайн (*Valentine 2016, 2017*).

В следующей статье М.Р. Терешин описывает утилизацию «космического мусора», но не того, что кружит в околоземной орбите, а того, что упал обратно на Землю во время запуска ракет: прежде всего, это отработанные первые ступени ракет-носителей. Он описывает возникновение и эволюцию практик этой утилизации на примере одного из мест самого большого скопления такого «мусора» – вокруг северного российского космодрома «Плесецк». Объектом его исследования выступает местное сообщество сборщиков и утилизаторов упавших и брошенных ракетных ступеней, которое не является частью организации запуска ракет и находится вне институциональных связей с космической промышленностью. В этом смысле его работу можно подвести под рубрику современных антропологических исследований «индигенизации» современных технологий, которую он определяет как «практики добычи космического металла».

Статья содержит целый ряд оригинальных и уникальных наблюдений и описаний, однако особенная ценность заключается в ее аналитической рамке. Начиная с краткого, но релевантного и логически продуманного теоретического введения, Терешин встраивает свою работу в небольшую, но уже значимую антропологическую традицию, которая на примере космических исследований выявляет заземленность и укорененность «универсальной» научной и технической инфраструктуры, ее встроенность в конкретные места и вовлеченность в сложные и иногда противоречивые и конфликтные экономические, социально-политические и культурные отношения. Это позволило автору увидеть, каким образом «пустые», с точки зрения государства и проектировщиков космодромов, пространства являются по сути давно освоенными и даже обустроенными своеобразной «инфраструктурой» избушек, зимников и путиков (тропы мелких зверей и охотников), которая, трансформировавшись по предназначению, сделала возможным освоение космического мусора.

Здесь анализ стоит продолжить с точки зрения «антропологии по ту сторону человека» Э. Кона с более детальным выявлением его «гетерогенности», где удивительным образом переплетаются человеческие сообщества, нерестящаяся пелядь, медведи, лоси и... ракетные ступени. Этот мир просвечивает через вложенные в текст фрагменты интервью, но нам кажется, что он ждет своего более полного описания и выявления. Стоит отметить еще один плюс работы Терешина, который, как и многие другие замечательные исследования в области антропологии и социологии, связан с переходностью его предмета. Надо отдавать себе отчет, что проанализированные автором практики «утилизации» космического мусора стали возможны только благодаря особой «траектории» развития космических технологий – одноразового использования ракет-носителей, которая, начиная с середины прошлого века, была

господствующей на протяжении семидесяти лет. Возможно, в следующие десятилетия эта траектория подойдет к своему концу, а с ней исчезнут и сами исследуемые автором практики. Макар Терешин фактически выявил эту тенденцию, описывая сужение масштаба деятельности своих информантов в конце 2000-х, когда большинство упавших в предыдущие десятилетия ступеней были «утилизированы» на фоне значительного сокращения запуска ракет.

Завершающая подборку статья Д.Ю. Сивкова начинается с интуитивно очевидного разграничения между локальным, национальным и глобальным уровнями и предлагает рассматривать через это разграничение практики освоения космоса. На примере американских и советских космических достижений со времен холодной войны он показывает, что две сверхдержавы зачастую представляли свои космические проекты как достижения всего человечества, и это видение было заложено в первых документах по космическому праву. По мнению автора, похожее видение имеют представители современных космических предпринимателей «нового космоса», которые тоже рассматривают свои коммерческие проекты как общечеловеческое достижение. Однако антропологические исследования космических программ догоняющих стран (таких, например, как Бразилия или Индия) показывают, что они находятся в другом – национальном масштабе, и для них «глобальная рамка» является просто масштабом мышления ведущих держав, с которыми они вообще не идентифицируются.

Локальный масштаб, по мнению Сивкова, ассоциируется с конкретными практиками освоения космоса в институциональной или самостоятельной форме, где речь идет не о космосе, человечестве или отдельных народах, а о конкретных местонахождениях на международной космической станции, на поверхности Луны, Марса или других тел в Солнечной системе, а также на новооткрываемых планетах других звезд нашей Галактики. Здесь исследователи или энтузиасты постоянно сравнивают реальные или воображаемые практики в космических локациях со своим земным опытом, и последний по сути является точкой отсчета, которой они постоянно пользуются. В последней части статьи автор находит подтверждение известному тезису Бруно Латура о «виртуальности» разграничений между микро-, мезо- и макроуровнями (локального, национального и общечеловеческого), вводя первичность конкретных (локальных) акторов, которые, по мере расширения диапазона создаваемых ими сетей, приобретают «глобальные» характеристики. Удачно введенное понятие «скалирования» указывает на необходимость исследования процесса «перелива» или «смещения» конкретных практик в другую (национальную, глобальную) рамку отсчета. Нам кажется перспективным с точки зрения антропологии космоса исследовать отношения между понятиями «место» и «масштаб», поскольку последнее не всегда связано с пространственными реляциями

(его можно применить, например, в количественных соотношениях), и поэтому оно в какой-то мере «не-онтологично».

В заключение мы хотели бы обратить внимание русскоязычного читателя на особый потенциал новых онтологий в антропологии в исследовании космоса. Идеи, изложенные в работах Э. Кона, Э. Вивейруш де Кастру, Ф. Дескола относительно пересмотра базовых для классической антропологии допущений, – это как раз то, что, как нам видится, может дать ключ к осмыслению космоса и в конечном счете – к новому осмыслению человека и человеческого.

Литература

- Поправко И.Г., Чалаков И.Х.* Комплексная самостоятельная экспедиция по изучению Тунгусского метеорита: поиски альтернативных форм социальности глубокого космоса в недрах советской науки // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 49–66.
- Cultures Beyond the Earth: The Role of Anthropology in Outer Space // A collection of speculative essays by noted anthropologists on the impact of human/alien contact / eds by Magoroh Maruyama, Arthur Harkins with foreword by Alvin Toffler. N.Y.: Vintage Books, 1975.
- E.T. Cultures. Anthropology in Outerspaces / ed. by D. Battaglia. Durham, NC: Duke University Press, 2006.
- Man in Space: A Tool and Program for the Study of Social Change // Annals of New York Academy of Science. 1958. Vol. 72, is. 4. P. 165–214.
- Messori L.* Placing Outer Space: An Earthly Ethnography of Other Worlds. Durham; London: Duke University Press, 2016.
- Mitchell S.* Constellations of Inequality: Space, Race, and Utopia in Brazil. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017.
- Olson V.* Into the Extreme: U.S. Environmental Systems and Politics Beyond Earth. University of Minnesota Press, 2018.
- Redfield P.* Space in the Tropics: From Convicts to Rockets in French Guiana. University of California Press, 2000.
- Valentine D.* Atmosphere: Context, Detachment, and the Modern Subject in Outer Space // American Ethnologist. 2016. No 43 (3). P. 511–524. DOI: 10.1111/amet.12343
- Valentine D.* Gravity Fixes: Habituating to the Human on Mars and Island Three // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2017. No 7 (3). P. 185–209. DOI: 10.14318/hau7.3.012
- Valentine D., Battaglia D., Olson V.* Relational Space: An Earthly Installation // Cultural Anthropology. 2015. No 30 (3). P. 245–256. DOI: 10.14506/ca30.2.07
- Valentine D.* Exit Strategy: Profit, Cosmology, and the Future of Humans in Space // Anthropological Quarterly. 2012. No 85 (4). P. 1045–1067. DOI: 10.1353/anq.2012.0073
- Valentine D., Olson V., Battaglia D.* Extreme: Limits and Horizons in the Once and Future Cosmos. (Introduction to special issue) // Anthropological Quarterly. 2012. No 85 (4). P. 1008–1026. DOI: 10.1353/anq.2012.0066
- Valentine D., Battaglia D., Olson V.* Encountering the Future: Anthropology and Outer Space // Anthropology News. 2009. No 50. P. 15.
- Vertesi J.* Seeing Like a Rover: How Robots, Teams, and Images Craft Knowledge of Mars. Chicago: The University of Chicago Press, 2015.

Статья поступила в редакцию 30 января 2020 г.

Popravko Irina G. and Tchalaikov Ivan H.

THE ANTHROPOLOGY OF OUTER SPACE: RUSSIAN FIELD RESEARCH IN THE CONTEXT OF NEW ANTHROPOLOGICAL INQUIRIES. INTRODUCTION TO THE SPECIAL THEME SECTION

DOI: 10.17223/2312461X/27/2

Abstract. The first part of the introduction gives an overview of the history and development of the anthropology of outer space internationally, including major events, key authors and topics, as well as current trends in this area of scholarly inquiry. The authors link research in the contemporary anthropology of outer space to the development of space technology after World War II, the competition of space superpowers and other states' attempts to catch up, as well as to the search for extraterrestrial intelligence. Since the early twenty first century, the field has been interested in the so-called New Space movement represented by grassroots entrepreneurs that seek to explore outer space economically, politically and culturally, beyond the framework of state-funded programmes and affiliated space corporations. The second part of the introduction presents the Special Theme Section articles, their underlying studies, methodological approaches and research results. The concluding part shows how the anthropology of outer space is associated with a number of important current trends in anthropology.

Keywords: Margaret Mead, Liza Messeri, Debora Battaglia, Peter Redfield, Sean Mitchell, Janet Vertesi, SETI, the political anthropology of outer space, New Space, man and outer space, imagination and the anthropology of the future

References

- Popravko I.G., Chalakov I.H. Kompleksnaia samodeiatel'naia ekspeditsiia po izucheniiu Tun-gusskogo meteorita: poiski al'ternativnykh form sotsial'nosti glubokogo kosmosa v nedrakh sovet'skoi nauki [The Complex Amateur Expedition organised to study the Tun-guska meteorite: A search for an outer space alternative form of sociality in the depth of Soviet science?], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 6, pp. 49–66.
- Cultures Beyond the Earth: The Role of Anthropology in Outer Space* / Editors: Magoroh Maruyama, Arthur Harkins with foreword by Alvin Toffler. A collection of speculative essays by noted anthropologists on the impact of human/alien contact. Vintage Books, 1975.
- E.T. Cultures. Anthropology in Outerspaces / ed. by D. Battaglia. Durham, NC, Duke University Press, 2006.
- Man in Space: A Tool and Program for the Study of Social Change, *Annals of New York Academy of Science*, 1958, Vol. 72, Is. 4, pp. 165-214.
- Messeri L. *Placing Outer Space: An Earthly Ethnography of Other Worlds*. Durham; London: Duke University Press, 2016.
- Mitchell S. *Constellations of Inequality: Space, Race, and Utopia in Brazil*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017.
- Olson V. *Into the Extreme: U.S. Environmental Systems and Politics Beyond Earth*. Univ Of Minnesota Press, 2018.
- Redfield P. Space in the Tropics: From Convicts to Rockets in French Guiana. Univ. of California Press, 2000.
- Valentine D. Gravity Fixes: Habituating to the Human on Mars and Island Three, *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2017, no. 7(3), pp. 185–209. DOI:10.14318/hau7.3.012
- Valentine D. Atmosphere: Context, Detachment, and the Modern Subject in Outer Space, *American Ethnologist*, 2016, no. 43(3), pp. 511-524. DOI:10.1111/amet.12343
- Valentine D., Debora Battaglia and Valerie Olson. Relational Space: An Earthly Installation, *Cultural Anthropology*, 2015, no. 30(3), pp. 245-256. DOI:10.14506/ca30.2.07
- Valentine D. Exit Strategy: Profit, Cosmology, and the Future of Humans in Space, *Anthropological Quarterly*, 2012, no. 85(4), pp. 1045-1067. DOI:10.1353/anq.2012.0073
- Valentine D., Valerie Olson and Debora Battaglia. Extreme: Limits and Horizons in the Once and Future Cosmos. (Introduction to special issue), *Anthropological Quarterly*, 2012, no. 85(4), pp. 1008-1026. DOI:10.1353/anq.2012.0066
- Valentine D., Battaglia, D., & Olson, V. Encountering the Future: Anthropology and Outer Space, *Anthropology News*, 2009, no. 50, pp. 15.
- Vertesi J. *Seeing Like a Rover: How Robots, Teams, and Images Craft Knowledge of Mars*. Chicago: The University of Chicago Press, 2015.

УДК 001/89, 930.85

DOI: 10.17223/2312461X/27/3

ОТ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ ДО ЗАПОВЕДНИКА: ДОЛГИЙ ПУТЬ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА (ДВЕ ИСТОРИИ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ И СТОЙКОСТИ В НАУКЕ)*

Ирина Геннадьевна Поправко,
Иван Христов Чалаков

Аннотация. Статья является следующим шагом авторов в осмыслении деятельности Комплексной самодеятельной экспедиции (КСЭ) по изучению Тунгусского метеорита. КСЭ рассматривается не только как уникальный феномен, раскрывающий сложность и многогранность советской науки и общества, но и как конкретное проявление универсальных черт современной науки, выявленных в рамках акторно-сетевой теории и других подходов в современных исследованиях наук и технологий. Через теоретическую модель «предпринимательская наука» / «наука стойкости» предлагается объяснение разделения работы КСЭ на два периода. Авторы идентифицируют специфические практики «предпринимательской науки» и «науки стойкости» в деятельности КСЭ, включая ее вызов теоретической модели, такие как комплексность Тунгусского метеорита и особая роль полевой работы в ходе многолетних исследований.

Ключевые слова: Комплексная самодеятельная экспедиция, Тунгусский феномен, Николай Васильев, Геннадий Плеханов, наука, акторно-сетевая теория

Введение

В недавно опубликованной статье в журнале «Этнографическое обозрение» (Поправко, Чалаков 2019: 49–68) нами была сделана попытка рассмотреть Комплексную самодеятельную экспедицию (КСЭ) по изучению Тунгусского метеорита как уникальный феномен науки советского времени, построенный на энтузиазме, служении идее, самоорганизации человеческого сообщества, который противоречит традиционным (а зачастую слишком упрощенным и идеологически нагруженным) представлениям о советском обществе. В этом смысле настоящий текст является частью дискуссии о феномене социалистической науки, начатой в предыдущих десятилетиях в работах А. Болотовой (Bolotova 2004), С. Геровича (Gerovitch 2002, 2014), Н. Кременцова (Krementsov

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-00-01625 «Гибридные формы взаимодействия / сосуществования в социальном пространстве на берегах Оби: сопряжение жизненных миров местных сообществ, государственных структур и ученых как ресурс для понимания глобальных / локальных климатических и социокультурных изменений» (рук. Д.А. Функ).

1997), Нири и Брейнденбах (Nyiri, Breidenbach 2002) и других исследователей науки.

Впервые о КСЭ мы услышали от наших коллег и друзей – сотрудников Научно-исследовательского института биологии и биофизики Томского государственного университета (НИИ ББ ТГУ) – в ходе полевой работы на научно-исследовательском стационаре Кайбасово летом 2016 г. Для нас было большим счастьем и удачей встретиться лично и поговорить с основателем КСЭ, легендарным «командором», профессором Геннадием Фёдоровичем Плехановым. Потом мы нашли замечательный электронный архив на сайте «Тунгусский феномен», где представлен практически весь спектр направлений исследования Тунгусского метеорита и многолетней деятельности КСЭ. Знакомство с основными публикациями показало, что перед нами интереснейший кейс, который в социальных науках, и в частности в уже утверждённой области социальных исследований наук и технологий (STS), до сих пор был игнорирован.

КСЭ была неформальной организацией единомышленников, увлечённых проблемой Тунгусского метеорита, и включала в себя как учёных, так и просто энтузиастов, студентов, а иногда даже школьников. В разные годы в её состав входили физики, ботаники, медики, почвоведы. Эта группа каждый год организовывала экспедиции в место предполагаемого падения Тунгусского метеорита, собирала там образцы почв, ожогов деревьев и другие материалы, а потом обрабатывала и исследовала их в своих (или у друзей и единомышленников) лабораториях. Знакомство с материалами этой экспедиции и самое главное – с людьми, которые её создавали и продвигали в течение нескольких десятилетий, открывает для нас новую картину науки как формы жизни, позволяя увидеть по-новому научные организации (институты, кафедры, лаборатории), стоящие за ней.

КСЭ является прежде всего свидетельством сложности и многогранности советской науки, которая не укладывается в узких двухполюсных (часто идеологически ангажированных) концепциях. Алла Болотова в исследовании сообщества советских геологов (Bolotova 2004) и Алексей Юрчак на примере сообществ физиков-теоретиков, а также поэтических, археологических и других объединений советского времени (Юрчак 2014) указывают на формирование «мощных профессиональных субкультур», которые в значительной степени отходили от доминирующего идеологического дискурса и социальных отношений и практик в советском обществе. Важно отметить и их позицию в том, что интерпретация этих явлений в терминах «диссидентство» и скрытая или явная «оппозиция режиму» не улавливает (или улавливает только частично) их суть. Алексей Юрчак, например, утверждает, что феномен субкультуры физиков-теоретиков невозможно понять в рамках бинар-

ной модели социализма (где репрессивному государству противостоят героические группы сопротивления), а «что само существование творческих, динамичных и относительно независимых социальных сообществ среди ученых-теоретиков (и культурных производителей в других областях знания) являлось неотъемлемой, хотя и парадоксальной частью культурного проекта Советского государства, а не его антиподом» (Юрчак 2014: 280–281). Это в полной мере можно отнести и к сообществу геологов, описываемому Аллой Болотовой, или к исследуемой нами КСЭ. По словам одного из участников КСЭ, это была «вольница»: «...была атмосфера, место встречи вольнолюбивых, вольномыслящих и интересующихся всем людей... Люди-то были разные, и никто не спрашивал паспорта... все можешь сказать, что ты можешь предложить, и что ты можешь сделать реально. И это было главное. Там было просто свободное общение. ... Окуджаву я услышал впервые в 1964 г. там за костром, Высоцкого – там же. Но диссидентства там не было. Партийные и советские органы, они, конечно, в чем-то были прозрачны, а в чем-то они просто не могли понять в силу своей зашоренности» (интервью с Владимиром Шипулиным, участником КСЭ, июль 2019 г.).

Наше исследование показывает, что сама КСЭ и ее многолетняя жизнь стали возможными благодаря огромной поддержке, которую исследователи находили среди коллег, администрации университетов, руководителей промышленных предприятий, военных руководителей, а также представителей местной и государственной власти, партии, комсомольских органов и общественных организаций.

Феномен комплексной самодеятельной экспедиции, ее продолжительность как уникальной формы научно-исследовательской практики, нацеленной на изучение сложного объекта, невозможно, однако, объяснить, исходя только из анализа специфических (и малоизученных) условий советской науки. *Феномен КСЭ является конкретным проявлением универсальных черт современной науки, которую уже более 30 лет исследуют с использованием таких ведущих современных подходов, как акторно-сетевая теория (ACT) и социальные исследования наук и технологий (STS).* Здесь мы можем отметить введенную Бруно Латуром оппозицию между «готовой наукой» и «наукой в действии» (Латур 2013), концепцию Мишеля Каллона о «возникающих» и «стабилизированных» социотехнических сетях в современной науке и технологиях (Callon 1996) или понятие «объекты знания» (knowledge objects) Карин Кнор-Цетиной (Knorr-Cetina 1996). В сочетании с идеями социологии привязанности Антуана Аньона (Hennion 2007), они позволяют рассматривать научные и инженерные практики не только в качестве агонистического поля «пробы сил» между людьми и нечеловеческими деятелями (Кузнецов 2016), но и как очаг феноменов страсти, привязанности и стойкости. Проявляя себя деликатным и чаще всего без-

молвным образом, вместе с поддерживающими их не-картезианскими асимметриями, эти феномены долгое время оставались в стороне от мейнстрима социальных наук, в том числе из-за отсутствия подходящей исследовательской методологии.

Развивая эти идеи, один из авторов несколько лет тому назад ввел оппозицию между *предпринимательской наукой* и *наукой стойкости* (entrepreneurial and enduring types of science), основанную на *разных типах привязанности* (attachments) между человеческими и нечеловеческими деятелями в гетерогенных микросообществах (Tchalakov 2014, 2015). Наша гипотеза здесь состоит в том, что рассмотрение истории исследований КСЭ через концептуальные рамки оппозиции «предпринимательская наука» / «наука стойкости» позволяет выявить важный элемент динамики этих исследований, а именно: четкое разделение ее работы на два периода, где ведущую роль играли разные типы исследователей. Первый период – от возникновения идеи и организации первой экспедиции в 1959 г. до КСЭ-4 в 1962 г., когда исследования были нацелены, прежде всего, на проверку гипотезы об искусственном происхождении Тунгусского метеорита и когда ведущую роль играли новые методы полевого исследования (радиометры и металлоискатели). Второй период начался в 1963–1964 гг. и продолжался в течение 40 лет. Он характеризуется кропотливой систематической работой по изучению всех возможных аспектов Тунгусского метеорита как способе решить сложную проблему природы этого необъяснимого до сих пор феномена.

Ниже мы введем теоретическую рамку нашего исследования, которая явится обоснованием вышеупомянутой оппозиции двух типов науки и ключом к пониманию эмпирических данных о двух этапах истории КСЭ, включая роль ее лидеров – Геннадия Фёдоровича Плеханова и Николая Владимировича Васильева. Мы решили начать с анализа эмпирических данных о создании и первых пяти годах существования КСЭ (1958–1963) под руководством Г.Ф. Плеханова и неожиданном окончании этого периода. Затем мы вводим теоретическую рамку «предпринимательская наука» / «наука стойкости», чтобы перейти к анализу данных второго этапа истории КСЭ, связанного с деятельностью Николая Васильева как руководителя КСЭ на протяжении почти четырех десятилетий (начиная с 1964 г.). В заключении мы завершаем анализ и делаем выводы об эвристических возможностях оппозиции «предпринимательская наука» / «наука стойкости» для антропологического анализа сложных научных феноменов мировой науки, каким и является КСЭ.

Эмпирические данные, используемые в нашей статье, основываются на описаниях деятельности КСЭ, сделанных Г.Ф. Плехановым, Н.В. Васильевым и их коллегами, а также на научных публикациях, докладах и отчетах экспедиции. Наш фокус исключительно на их отношении и восприятии Тунгусского феномена как основе возникнове-

ния гетерогенной (микро)социальности в науке, т.е. каким образом ученые «привязываются» к этому феномену через применяемые инструменты и методы (радиометры, микроскопы, озоление, описание вывала леса, сбор и анализ образцов торфа, опрос очевидцев и т.д.). Результатом этой «привязанности» является уникальное гетерогенное сообщество КСЭ. Как будет обосновано в теоретической части, *мы сознательно отказываемся редуцировать этот процесс до личностно-психологических или «процедурно-технических»* (как проистекающих из установленных в науке правил исследования) характеристик. Личность и психологические качества ученого, конечно, имеют большое значение, так же как и установленные дисциплинарные правила и нормы науки, но акцент на них – как это долго делали в классической социологии и антропологии науки, редуцирует «материальность» исследования до «объектов» и «инструментов», препятствуя пониманию их собственной «актантности», и ищет «социальность» только на стороне людей и институций.

Томский «Луи Пастер»: Геннадий Плеханов и его «предпринимательская наука»

В 1950-х гг. город Томск – через комплекс ядерных исследований в его пригородах (так называемый Томск-7, ныне г. Северск), а также благодаря пионерным исследованиям в области бетатронов (небольших ускорителей элементарных частиц), начатым в Томском политехническом институте в 1945 г., стал один из ведущих центров атомных исследований в СССР. Таким образом, томские «энтузиасты» из КСЭ являлись представителями элитных исследовательских и образовательных центров страны. Геннадий Плеханов, как инициатор и создатель КСЭ, поступил на работу в бетатронную лабораторию при Томском медицинском институте (тогда одна из двух таких в СССР) сразу после его окончания в 1956 г., будучи в то же время студентом Томского политехнического института (Плеханов 2012: 17).

В упомянутой выше нашей статье о КСЭ (Поправко, Чалаков 2019), мы указали на то, что знания и умения в бурно развивающейся в послевоенные годы области ядерных исследований не были массово распространены и доступны. Во-первых, по причине безопасности и секретности, а во-вторых, в силу дисциплинарных границ и барьеров они долго оставались принадлежностью относительно замкнутого профессионального сообщества. Именно тогда их и не хватало в традиционной науке о метеоритах. Наверное, это объясняет тот факт, что в первой послевоенной экспедиции в район Тунгусской катастрофы в 1958 г. К.П. Флоренский и его коллеги из КМЕТ АН СССР ставили перед собой задачу «провести маршрутные пересечения района, вываленного в

1908 г. леса и... произвести сбор образцов почвы». Именно эта экспедиция была организована после многолетней дискуссии, в которой представители КМЕТа оспаривали очень популярную в то время гипотезу писателя А.П. Казанцева. В 1946 г. в своем рассказе «Взрыв» А.П. Казанцев описывал Тунгусский метеорит как взорвавшийся в воздухе космический корабль, и что произведенные эффекты очень сходны с теми, что вызвали атомные бомбы, взорванные над Хиросимой и Нагасаки. Правда, экспедиции «не удалось обнаружить никаких следов наземного взрыва», а измеренный на протяжении десятков километров радиальный вывал леса косвенно подтвердил гипотезу А.П. Казанцева о воздушном взрыве падающего небесного тела. Ни о каких замерах радиационного фона речи не было. Заключение доклада – *изучение вывала леса с целью определения характеристики ударной волны и поиск материальных остатков метеорита* как двух основных направлений дальнейшей работы (Флоренский и др. 1960: 32–33).

Здесь научная деятельность Геннадия Плеханова очень похожа на деятельность Луи Пастера, описанную Бруно Латуром (Латур 2015), которого мы идентифицируем ниже как типичного представителя «предпринимательской науки». Как показывает Латур, Луи Пастер применил созданные в кристаллографии новые методы исследования в области микробиологии, ветеринарии и медицины и совершил там настоящую революцию. Для нашего исследования очень важно наблюдение Латура о том, что в научных областях, где Пастер применил свои кристаллографические методы, в результате предыдущих исследований уже были сформулированы проблемы, но которые, однако, оставались нерешенными. Здесь Пастер доказывает эффективность новых методов, находя решение этих давно сложившихся научных проблем.

Подобно Пастеру, Геннадий Плеханов и его друзья оказались в нужном времени и месте. Они появляются на «поле» метеоритики в разгар дискуссий о природе Тунгусской катастрофы как одни из немногих тогда в СССР, хорошо освоивших метод полевой радиометрии и другие релевантные методы. Как пишет в своих воспоминаниях сам Плеханов,

...работал я тогда врачом-инженером бетатронной лаборатории Томского мединститута и считал себя достаточно грамотным для проведения хотя бы начальных работ по измерению радиоактивности в том районе (курсив наш. – И.П., И.Ч.). Тем более что аналогичную работу уже проводил подпольно в Томске. Так как название «Томск-7» (теперь – Северск) тогда вообще произносить было нельзя (Плеханов 2012: 18).

Целью Г. Плеханова и его молодых коллег было подтверждение или опровержение выдвинутой А.П. Казанцевым гипотезы об искусственной (техногенной) природе Тунгусского метеорита, хотя в своей книге, опубликованной сразу после первой экспедиции, они заявляют, что «не

связывали себя заранее какой-либо гипотезой, а проверяли всё и вся» (Плеханов 2012: 14). Однако, как мы показали в упомянутой статье (Поправко, Чалаков 2019), участники КСЭ формировались не только в эпоху прикладных ядерных исследований, но и в период бурного развития космонавтики. Как и большую часть советской молодежи и общественности, их интересовали проблемы освоения космоса и, конечно, очень волновала гипотеза об искусственном происхождении Тунгусского метеорита. Поэтому, благодаря поддержке научных и военных кругов Томска, они пришли на место предполагаемого падения метеорита, оснащенные современными портативными дозиметрами, а также устройствами для поиска металлических фрагментов и осколков. Кроме того, они применили близкий к ядерным исследованиям метод спектрального анализа древесины с целью поиска там редкоземельных элементов (рис. 1) (Васильев и др. 1960: 87).

Рис. 1. Работа с радиометром на восточном маршруте

Как и исследования Луи Пастера сто лет назад, результаты первого полевого сезона КСЭ в 1959 г. в районе Тунгусской катастрофы производят настоящую научную сенсацию. Выступая на различных форумах в Москве, Киеве и в других городах Советского Союза, Г.Ф. Плеханов и участники экспедиции сообщают о впервые установленном в районе Тунгусской катастрофы *двукратном превышении радиационного фона*

и о повышенном содержании группы редкоземельных элементов в образцах собранной в районе древесины. Эти результаты вызвали большой резонанс в научном сообществе и привлекли внимание научной и технической элиты СССР к проблеме Тунгусского метеорита – И.В. Курчатов и С.П. Королёв, И.Е. Тамм и Л.А. Арцимович, М.А. Лаврентьев и А.А. Трофимук, М.А. Леонтович и В.С. Соболев заинтересовались работой КЭС-1 и выразили готовность поддержать организацию второй и последующих экспедиций деньгами, оборудованием и людьми. Решением председателя Сибирского отделения АН СССР академика М.А. Лаврентьева от 17 мая 1960 г. КЭС выделяет 100 тыс. руб. для проведения полевых работ (Архив КЭС, <http://tunguska.tsc.ru/ru/archive/vasiliev/1/76100/81/>). Состав экспедиции – уже 70 человек, среди которых 12 сотрудников «организации» С.П. Королёва во главе с будущим космонавтом Г.М. Гречко. Они присланы помочь в проверке гипотезы об искусственном происхождении метеорита, т.е. в поиске обломков возможного космического корабля! В следующем, 1961 г., КЭС-3 проводится совместно с Комитетом по метеоритам АН СССР. Вместо 12 энтузиастов, теперь в районе Тунгусской катастрофы работают почти 80 человек (Бояркина и др. 2008: 9–20). Намечаются планы более масштабных исследований... И как раз в этот момент *Геннадий Плеханов теряет интерес к исследованиям и практически уходит из руководства экспедиции!* Что случилось?

В результате обработки новых данных в начале 1962 г. стало ясно, что повышенный радиофон в районе Тунгусской катастрофы является результатом испытания ядерного оружия. Данные о причинах вывала леса также опровергли гипотезу об искусственном происхождении метеорита. В своих воспоминаниях Г. Плеханов описывает эти годы следующим образом:

...Изучением ТМ занимался только из-за того, что всегда существовала, иногда совсем малая, но отличная от нуля, вероятность его искусственной природы... 1959–1961. Период основания, создания и признания КЭС. Основная идея – проверка предположений А.П. Казанцева об искусственной природе ТМ... Оцениваю вероятность отыскания дюзы космического корабля около 50%. Итоговый результат второй экспедиции отрицательный. Радиоактивность есть, но привязать ее к ТМ крайне трудно. Надежда на искусственную природу ТМ подорвана, но не исчезла.

В планах третьей экспедиции 4 пункта: вывал, пожар, включая «лучистый ожог», металлометрия, гидрохимия... Попытка отыскать следы техногенной конструкции косвенными методами... Изучаем пожар и пожарные подсушины на вершинах деревьев, переживших катастрофу. Детально и по сетке картируем вывал. Зимняя обработка его, проведенная В.Г. Фастом, дает разгромный результат для всяческих взвешенных цивилизаций... Значит: большой объем, большая скорость и никакой «искусственности» в явлении не просматривается (Плеханов 2012: 269–270).

Неподтвердившаяся гипотеза об искусственном происхождении Тунгусского метеорита поставила КСЭ на развилку: часть участников – и прежде всего, ее руководитель, потеряли интерес и переключили свое внимание на исследование других, более заманчивых научных проблем:

Вероятность техногенной природы ТМ резко упала, а поскольку метеориты меня никогда в чистом виде не интересовали, я перешел на работы бионического профиля, где *также* серьезный научный поиск сочетается с экспедиционными исследованиями. *Николай же, взвалив на свои плечи весь груз по организации дальнейших исследований Тунгусского метеорита, тянет его вплоть до настоящего времени* (курсив наш. – И.П., И.Ч.) (Из выступления Г. Плеханова по поводу 70-летия Н. Васильева, 2000 г. (Плеханов 2000: 3)).

Бруно Латур описывает траекторию научной биографии Луи Пастера как серию последовательных переходов (вместе со своими научными методами) к новым областям исследования, как только находилось решение заранее сформулированной в данной области основной научной проблемы (Латур 2013: 111–114). Подобным является описанный Эвелин Фокс-Келлер переход учеников Нильса Бора в микробиологических исследованиях вместе с освоенными ими новыми методами спектроскопического анализа. Однако они остались здесь надолго, наверное, потому что очерченная ими программа исследований оказалась достаточно масштабной. В случае с Геннадием Плехановым у нас появляется *третий вариант предпринимательской науки* – уход из новой научной области, как только полученные результаты опровергают сформулированную гипотезу. Этот тип поведения также согласуется с некоторыми концепциями предпринимательства в экономике, когда, например, исследователи указывают на способность успешного предпринимателя на каждом этапе инновационной разработки «быстро и навсегда» закрыть ее, если процесс экспериментирования не дает результатов и не выявляет необходимую поддержку заинтересованных участников (Freeman 1982; Callon, Latour 1986).

И все-таки, несмотря на собственные слова Г. Плеханова, здесь всё не совсем так – *он уходит, не полностью и не навсегда*, сохраняя близкие отношения с участниками экспедиции и свой статус «командора». Он также периодически появляется в поле – сам или с членами своей семьи, иногда развивая оригинальные направления исследования, или помогает коллегам, включаясь в обработку собранных материалов. А когда возглавляет НИИ ББ ТГУ в 1980-х, то в течение многих лет оказывает логистическую и материальную поддержку КСЭ. Поэтому в одном из своих более поздних воспоминаний Г. Плеханов немного модифицирует утверждение о своем «уходе»:

В КСЭ начался период исканий. Одни, и среди них был Коля Васильев, считали, что раз уж мы начали заниматься Тунгусским метеоритом, *то надо его исследовать до конца* (курсив наш. – *И.П., И.Ч.*). Другие, и я в том числе, высказывались за расширение направлений поиска, включая серию бионических исследований. Тунгусский метеорит при этом не отбрасывался, но становился «одним из». Дело в том, что стихийно создавшийся коллектив оказался достаточно слаженным, дружным и никто не хотел «рассыпаться»... Весьма явно это показал новогодний общий сбор [конец 1962 г. – *И.П., И.Ч.*], проводить который было решено в Новосибирске... (Плеханов 2012: 166).

К этому новому сбору Юрий Алексеевич Львов, болотовед, один из основных исследователей КСЭ, сочиняет «Песню о командоре», в которой поется: «Надоело говорить и спорить, и ругать Плеханова в глаза. Он на радость нам или на горе повернул вперед или назад. Командор, обветренный как скалы, к муравьям ушел, оставив нас...» (цит. по: Плеханов 2012: 177). На что сам Плеханов заявляет:

Обидно, но вообще-то справедливо. С метеоритом я завязал. А весной по приглашению Д.К. Беляева переехал в Новосибирский Академгородок планово и официально заниматься таинствами телепатии (Там же)*.

Значит, хотя и «ушел», Г. Плеханов всегда был рядом, когда нужна была помощь, да и сам включался в исследования. Наша гипотеза состоит в том, что основной причиной такого «полуотхода» стали прочные научные и дружеские связи, возникшие в ходе первых лет полевой работы. Припомним, что саму идею КСЭ Г. Плеханов впервые высказал во время туристического похода с кемеровскими студентами, где он нашел поддержку только в лице своей будущей супруги. Дружески-научные отношения начали складываться еще при подготовке первой КСЭ, во время «еженедельных вылазок за город Томск», где проверялись и отсеивались будущие участники экспедиции: Плеханов утверждал, что только в походе можно понять, кто будет надежным в экспедиции. Впоследствии этот принцип срабатывал в течение всех полевых работ КСЭ.

Владимир Митрофанович Шипулин, один из самых молодых участников первых экспедиций, вспоминает в интервью:

---

* Телепатия как исследовательская проблема – это «наука стойкости» Г. Плеханова. Из-за нее он решил учиться последовательно в медицинском и инженерном вузах и потом занимался ей фактически на протяжении всей своей научной жизни. Тунгусский метеорит в этом смысле является его типичным «предпринимательским» нашествием в чужую научную область. Скорее всего из-за опосредованной связи «инопланетного корабля» с его исследованиями – в советской фантастике развитие внеземного разума часто связывалось с развитием телепатии и других специфических особенностей разумных существ, о которых сам Г. Плеханов дискутировал с известным писателем-фантастом Иваном Ефремовым (Плеханов 2012: 165–166).

Плеханов говорит: «Мы не нашли, что такое Тунгусский метеорит, тайна до сих пор не разгадана, но мы нашли друг друга». Это сказал и Демин. КСЭ... там были люди разного возраста, разных специальностей, разных психологических характеристик... Ну, где же еще было столько разных, абсолютно разнотипных людей!? И когда собирались у костра, каждый что-то высказывал, что-то говорил, и для меня, как очень молодого человека тогда, это было как неوفиту попасть в элитное общество. Вот в такой атмосфере оказаться, для меня было страшно интересно... я думаю, что для многих студентов первокурсников тоже попасть туда и пообщаться, посмотреть на Николая Васильева, о котором Юрий Львов написал «Летит комета в вышине, За нею пыльный хвост. И смотрит ей Васильев вслед, наморщив длинный нос», это было.... Да, и там были прекрасные вещи, некоторые стихи были просто гениальные, как стихотворение «Синильга» Геннадия Карпунина* (из интервью авторов, июль 2019 г.).

Это очень похоже на описанные А. Болотовой аспекты жизни советских геологов:

Отличительной чертой труда геологов в Советском Союзе было сочетание творческой научной работы и различных видов физической работы в геологических экспедициях. Для профессии геолога полевой сезон может занимать до восьми месяцев, и экспедиции часто доставляли геологов в отдаленные районы. Длительное пребывание с небольшим количеством людей в естественной среде оказало огромное влияние на характер социальных отношений в профессиональном сообществе, что в значительной степени способствовало формированию мощной профессиональной субкультуры (Bolotova 2004: 114)**.

Эти возможно излишне длинные описания, однако, позволяют нам добавить важный аспект в понимание гетерогенного сообщества – *в тяжелых условиях экспедиций люди вступают в связь не только с неизвестным Тунгусским феноменом и аппаратурой, которую они используют для его «обнаружения», но также с рядом нечеловеческих существ в окружающей тайге: с наследством Л. Кулика, с лодками, само-*

---

* С прекрасным стихотворением «Синильга» можно познакомиться на страницах сайта КСЭ (<http://tunguska.tsc.ru/ru/lyrics/poetry/100/01/>) или сайта Томского политехнического университета (http://portal.tpu.ru:7777/CANIKULA/canicula_songs/sinilgasong)

** Алла Болотова цитирует воспоминания геолога К. Войновского-Кригера, который описывает жизнь одной из экспедиций: «Иногда было трудно. Бывало так, что мы голодали и замерзали. Или мы очень уставали. Было трудно не знать месяцами, что происходит в мире, что происходит дома. Но все это было компенсировано общением с природой, прекрасным сном под шум горной реки, утренним мытьем в холодной речной воде. И, самое главное, – интересными маршрутами, открытиями и находками, которые предлагали увлекательные научные вызовы и головоломки, и которые сопротивлялись нашим попыткам решить их» (по книге Яковенко А.А. (состав.). Идущие впереди: сб. ст. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1987. Цит. по: Bolotova 2004: 114).

летами и вертолетами, которыми они пользовались, с их экипажами, с людьми и инфраструктурой поселка Ванавара и т.д. Так что если Г. Плеханов и ушел из исследования самого Тунгусского феномена, оставшиеся гетерогенные связи продолжали удерживать его своими «цепями». Все это, однако, стало возможно, потому что КСЭ не распалась, поскольку Николай Васильев взвалил «на свои плечи весь груз по организации дальнейших исследований Тунгусского метеорита» и нес его на протяжении почти четырех десятилетий.

О предпринимательской науке и науке стойкости

Оппозиция «предпринимательская наука» / «наука стойкости» основана на *разнице в относительной значимости методов исследования (и связанным с ними научным оборудованием) и самих исследуемых объектов и феноменов* в ходе формирования гетерогенных сообществ современной науки. Если кратко, «предпринимательская наука» *двигается учеными, которые увлечены созданными ими (или их коллегами в той же области) новыми методами исследования и с целью доказательства «исследовательской мощи»* этих методов пытаются применять их в *других областях исследований, для решения других научных проблем.* «Предпринимательская наука» гораздо более динамична и успешна, поскольку научные открытия обычно являются результатом переноса проверенных в данной научной области инструментов и подходов в другую область, где проблемы уже были сформулированы, но не были решены в ходе предыдущих исследований. Так сделал Пастер, применив методы кристаллографии в новых областях микробиологии, ветеринарии и медицине (Latour 2015). Так сделали и ученики Нильса Бора, которые с помощью метода спектроскопии, разработанного в ходе пилотных ядерных исследований, совершили революцию в микробиологии и цитологии и создали новую науку – молекулярную биологию (Fox-Keller 1983).

В свою очередь, «науку стойкости» *двигают ученые, которые нацелены на неведомые или не совсем понят(н)ые феномены и явления.* Здесь доминирует стремление к их пониманию как таковых. Это, как правило, подразумевает гораздо более длительные и более неопределенные связи между учеными и исследуемыми ими актантами*, где методы являются вторичными, и в большинстве случаев здесь они впер-

---

* В данном случае и далее, по предложению главного редактора, мы заменяем слово «существа» на «актанты», поскольку «объекты» не являются адекватными заменителями «существ», возвращая нас в старую картезианскую модель субъект-объектных отношений. Понимая, что слово «существо» непривычно использовать в научном тексте, мы заменяем его на уже более или менее воспринятый термин из акторно-сетевой теории – «актант».

вые возникают как новые инструменты исследования и новые подходы, адекватные вновь открывшимся актантам.

Контуры оппозиции «предпринимательская наука» / «наука стойкости» начали складываться почти два десятилетия назад, когда, изучая жизнь исследователей в болгарской голографической лаборатории, в 1994 г. Иван Чалаков натолкнулся на интересный случай Мефодия Ковачева, создателя и ведущего ученого этой лаборатории. Обвинения коллег, звучавшие в адрес Мефодия, основывались на том, что он тратил время и ресурсы на изучение явлений, отсутствие (несуществование) которых было математически доказано. С точки зрения АСТ, сначала это было интерпретировано как типичная история возникновения и стабилизации социально-технической сети, в которой история «теоретически и математически невозможных» оптических элементов Мефодия оказалась неудачным проектом, как и многие другие в науке. Однако в конце 1997 г., ближе к концу полевых работ в лаборатории, Иван встретил Мефодия в коридоре института, размахивающего двумя публикациями в американском журнале *Journal of Modern Optics*: «Вы видели? Наконец-то они опубликовали это!». О чем шла речь?

Работы Мефодия были вдохновлены его более ранними исследованиями голографической компьютерной памяти, позволившими выявить целый ряд проблем, вытекающих из самой природы линейной и дифракционной оптики. Можно ли создать оптический элемент, который бы сочетал преимущества и избегал недостатки обоих? При обсуждении этих проблем с коллегами стало ясно, что нет теории и методов, позволяющих решить их на практике. В 1988 г. Мефодий создал рабочую группу, которая получила финансирование от Болгарской академии наук. Некоторое время спустя известный российский ученый из Санкт-Петербурга, анализируя их результаты, нашел ошибку. По его словам, искомый новый оптический элемент является в сущности дифракционной линзой с высоким уровнем дифракции, и в целом все это является бессмысленным начинанием. Год спустя аспирант-физик и специалист по программному обеспечению решили уйти из этой группы. Несмотря на общий скептицизм и математические опровержения, Мефодий и его супруга Росица продолжили работу ценой серьезных лишений и часто были вынуждены, подобно участникам КСЭ, нести расходы на исследования из собственного кармана. Результаты данных исследований стали известны только в 1997 г., когда в упомянутом журнале были опубликованы их статьи, а чуть позже в США состоялась конференция по этой теме, где со сходными результатами выступили несколько их коллег, исследования которых долгое время оставались засекреченными.

Работая над публикацией, посвященной этим событиям, И. Чалаков натолкнулся на еще более увлекательную историю американского био-

лога Барбары МакКлинтон, описанную Эвелин Фокс-Келлер (Fox Keller 1983). В 1930-х гг. МакКлинтон была одним из ведущих специалистов в области генетики и первой женщиной, избранной членом совета Американской генетической ассоциации. В начале 1940-х она выдвинула идею о *транспозиции*, т.е. способности живых организмов контролировать размножение и даже перестройку своего генотипа. В тот же период несколько физиков-ядерщиков, учеников Нильса Бора, пришли в область микробиологии, представляя совершенно новый подход к научной деятельности (редукционизм) и новый тип технологий (спектроскоп заменяет микроскоп). Так появилась молекулярная биология, в которой основной научной предпосылкой была уверенность в том, что любая генетическая мутация является случайной. По утверждению же МакКлинтон, генетические изменения находятся под контролем организма! Ее утверждение и эмпирические результаты не соответствовали доминирующей в то время идее генов как фиксированной неизменной единицы наследственности. К тому же она работала в рамках старого подхода в цитологии, опираясь на использование микроскопических, а не спектроскопических наблюдений за хромосомами! МакКлинтон столкнулась с жестоким сопротивлением: «Я была удивлена, что не было никакого общения... Я стала предметом насмешек или мне просто говорили, что я совершенно сумасшедшая», – вспоминает она в интервью. Видный специалист по генетике, посетивший ее лабораторию в Коулд-Спринг-Харбор, публично заявляет: «Я не хочу слышать ни слова о том, что вы делаете. Это может быть интересно, но для меня это безумие» (1983: 140). Последовали более двадцати лет исследовательской работы в одиночестве; Барбара закрывалась в себе, опасаясь встреч с враждебной аудиторией и даже визитов враждебно настроенных коллег. Лишь в 1967 г., благодаря открытиям Уотсона и Крика в США и Жака Моно во Франции, вновь возникла идея контроля организма над его генами. В 1970-х гг. транспозиция была открыта заново, и Барбара МакКлинтон постепенно восстановила свою научную репутацию.

Как мы можем объяснить такие случаи необычайной настойчивости со стороны ученых, их сопротивления внешнему давлению научного сообщества, их стойкость и терпимость к невзгодам? Это невозможно сделать, находясь в пределах лишь психологических или моральных категорий. Что их поддерживало в течение долгих лет одиночества? С точки зрения АСТ ответить на этот вопрос было настоящей проблемой. До сих пор АСТ чаще всего игнорировала те особые случаи, в которых ученые все-таки добивались успеха (или упорно продолжают исследования без видимого результата) в условиях недоверия, трудностей с финансированием и даже профессионального ostracism. Гораздо позже нам стало ясно, что у классической АСТ нет ресурсов понять

источники упорства и стойкости ученых*, в силу рассмотрения ею научных и инженерных практик только в качестве агонистического поля «пробы сил» между людьми и нечеловеческими деятелями (Кузнецов 2016).

Первым шагом в поиске решения этой проблемы стала концепция гетерогенных микрообществ в науке, разработанная на основе идеи феминистской эпистемологии Донны Харрауэй и идеи Эммануила Левинаса о гуманизме человека к «Другому» (Tchalakov 2004a). Оказалось, что идеи Левинаса дают отличный ключ к описанию этих странных актантов, появляющихся в лабораториях. На ранних этапах своих исследований ученые относятся к ним, как к «нечеловеческим Другим»** (хотя и приобщенным к человеческому миру). В рамках этической концепции Левинаса устойчивость возникшей гетерогенной микросоциальности можно объяснить через понятие «пассивного аспекта» ответственности, где в своем асимметрическом отношении человек становится «заложником» (не-человеческого) «Другого» и обязан сообщать другим о том, что «открылось» ему в отношениях с этим «Другим».

По словам Грема Хармана, этика, основанная на пассивном и асимметричном понятии ответственности, важна для метафизики Левинаса, поскольку он отходит от представления о тотальности существ в мире, как связанных реципрокной детерминированностью (Harman 2007: 22). В результате этого отказа появляется человеческий субъект – «более пассивный, чем любая пассивность из звеньев в причинной цепи» (Levinas 2004: 79). На основе этой радикальной концепции пассивности возникает новое понимание ответственности как «выходящей за пределы свободы». Левинас заявляет, что «субъект выделяется не своей свободой, которая сделала бы его хозяином вещей, а своей первоначальной восприимчивостью (susceptibility)... Благодаря этой восприимчивости субъект отвечает за свою ответственность и не может отказаться от нее без клейма дезертирства» (Levinas 1987: 134).

Таким образом, в философии Левинаса пассивное понятие ответственности является самой фундаментальной характеристикой субъекта: «...прежде чем стать интенциональностью, субъект есть ответственность» (Levinas 1972: 51). В то же время и это имеет прямое отношение к описываемому нами поведению ученых, быть ответственным означает «говорить»; *ответственность* – как первичное, находящееся не только по ту сторону знания, но и по ту сторону инертности вещей, – *есть высказывание*, говорит Левинас. Но «это неразумное [шокирую-

---

* Возможно, за некоторым исключением работ Антоана Аньона, где он развивает основы своей «социологии привязанности» на примерах музыкальных фанатов, скалолазов и любителей вина (Hennion 2004, 2007).

** Понятие из философии Э. Левинаса (Levinas 1982: 94–95).

щее, запутывающее других людей за пределами гетерогенной пары. – И.П., И.Ч.] и рискованное высказывание. Первоначально это является той коммуникацией для самого себя, которую подразумевает любая информация» (51).

Важным ресурсом в анализе проблемы выносливости и стойкости в научных исследованиях являются поздние работы французского философа Мориса Мерло-Понти (Merleau-Ponty 1960, 1964). Вместе с идеями Левинаса они позволяют понять своеобразную «интертелесность» лабораторной практики и интерпретировать проблему стойкости и выносливости в науке, способность выдержать нажим со стороны научного сообщества, не в психологических и этических терминах, а социологически и антропологически – как эффект возникновения своеобразной «микросоциальности» гетерогенных сообществ, состоящих из людей, технических устройств и неизвестных или не вполне понятных природных объектов и феноменов (Tchalakov 2004b)*.

Если это не только новый исследовательский метод и аппаратура, с которыми ученый приходит в область уже сформулированной проблемы, то что делает этих исследователей такими сильными и позволяет им в течение многих лет противостоять и неверию, и враждебным атакам коллег, и «неожиданностям» и «строптивости» нечеловеческих акторов, которых они пытаются «приручить»? *Это как раз их особые отношения с этими акторами, не являющимися людьми – отношения солидарности и взаимности* [с неведомым Тунгусским феноменом. – И.П., И.Ч.], о котором говорит также известный STS исследователь Карин Кнор-Цетина (Knorr-Cetina 1996), и которое позволяет относиться к ним как к полноценным «Другим». Проявлять «гуманизм по отношению к Другому», о котором говорит Эмануэль Левинас, невзирая на то, что гуманизм этот – по отношению к «нечеловеческому Другому». Здесь методы и методика исследования хотя и важны, но отходят на второй план.

Таким образом, выявляются два типа отношений: первый, когда доминирует связь ученого с методами исследования (Луи Пастер, Геннадий Плеханов), и второй, когда доминирует связь ученого с «нечеловеческим Другим» (Мефодий Ковачев, Барбара МакКлинтон, Николай Васильев). Первый тип соответствует «предпринимательской науке», второй – «науке стойкости». Эту оппозицию двух типов науки также можно рассматривать как разновидность редукционизма, и, возможно, она также имеет свои недостатки. Но, как неоднократно показала исто-

---

* Чуть позже Иван опубликовал совместно с Георгием Каприевым две статьи, в которых проблема выносливости и стойкости в научных исследованиях была рассмотрена через теорию действия Аристотеля в ее интерпретации византийской православной философией (Tchalakov, Kapriev 2005; Kapriev, Tchalakov 2008).

рия науки, такие оппозиции в состоянии внести порядок в накапливаемые данные, позволяют выявить ранее забытые аспекты в области исследований и допускают новые обобщения и гипотезы.

Новое понимание стойкости и выносливости, на основе которых вводится различие двух типов научной практики, оказывается конгруэнтным также исследованиям Люка Болтански и Лорана Тевено. Как заявляет Болтански, «решение сосредоточить наши исследования на вопросе справедливости побудило нас подчеркнуть пластичность людей, их склонность к изменению ситуаций и достижению согласия в различных ситуациях... Это согласуется с тенденциями, которые после Дильтея *отказываются принимать стойкость* [subsistence на французском, endurance на английском языке] *как данность, раз и навсегда вписанную в природу самого тела*; их цель состоит в том, чтобы проанализировать механизмы, в которых люди вынуждены связывать свои нынешние действия с действиями, которые они совершили в прошлых ситуациях... Вопрос о стойкости во времени... возникает в довольно специфических ситуациях, в которых люди должны выносить суждения о действиях, совершенных в прошлом, и об отношениях между этими прошлыми действиями и более недавними» (Boltanski 2012: 55–56).

Нам кажется, что такое понимание стойкости и выносливости адекватно характеризует научную деятельность Николая Васильева и членов КСЭ с самого ее начала. Как руководитель КСЭ, Николай Васильев развернул масштабную программу исследований с применением целого комплекса разных методов (которые с годами дополнялись), нацеленных как раз на сам Тунгусский феномен – найти объяснение его неведомой природе. За эти долгие годы, как Мефодий Ковачев и Барбара МакКлинток, он также оказался не в «предпринимательской», а в «науке стойкости» – науке терпеливого, длительного, трудного и ненадежного ознакомления с новым нечеловеческим актором (или неизвестной чертой уже известного). Эта наука, возможно, не приносит быстрых «дивидендов» (в виде признания и славы) как «предпринимательская наука», но тоже очень важна для развития знаний и способов человеческого общения с миром, в котором мы живем. Это наука коллег Пастера из кристаллографической лаборатории, которые остались в кристаллографии и продолжили разбираться с интересными только для них самих проблемами. Их работа делает возможным, чтобы кто-то, как Пастер, мог «прийти и уйти», беря с собой новые методы и инструменты исследования, которые они разработали, или новые феномены, которые они обнаружили и приручили. В этом смысле это не маргинальный тип науки, а важная исследовательская практика, которая долгое время ускользала от внимания современных исследований наук и технологий (STS) и АСТ в частности возможно потому, что она долгое время была предметом внимания старой эпистемологии и истории науки.

Тунгусский феномен как нечеловеческий «Другой»: Николай Васильев и «наука стойкости»

Основная характеристика «науки стойкости» – это глубокая связь ученого с самим объектом исследования, постоянно ускользающим, не вполне определенным, хранящим свою тайну и скрытые стороны. Здесь ученый и следующая за ним команда формируют особое гетерогенное сообщество, в котором изучаемый объект становится полноправным «членом коллектива», особым нечеловеческим «Другим». Следуя АСТ, мы можем сказать, что здесь ученые становятся «спикерами» этого Другого для «большого» общества. Однако АСТ описывает этот процесс как «реконфигурацию» социотехнических сетей, где ученый (Пастер) победоносно трансформирует общество, добавляя новые нечеловеческие (или гибридные) элементы, а в редкие случаи неуспеха (проект «Арамис», электромобили во Франции в 1970-е гг.) это описывается как «предательство», отказ «идти в ногу» с остальными человеческими или нечеловеческими деятелями в социотехнических сетях. Так, являясь адекватным описанием поведения ученых в «предпринимательской науке», классическая АСТ так и не заметила феномен «науки стойкости». А понятия «стойкости» и «выносливости» здесь очень уместны, потому что положение ученого здесь сложнее, чем в предпринимательской науке, где налицо утвердивший себя метод исследования и четко определенная в ходе предыдущих исследований проблема. В случае Г. Плеханова это были методы полевой радиометрии и гипотеза об искусственном происхождении Тунгусского метеорита. А что было у Николая Васильева?

С самого начала Н. Васильев оказался в числе тех, кто безоговорочно поддержал идею о проведении экспедиции к месту предполагаемого падения Тунгусского метеорита и стал близким другом Г. Плеханова. Однако здесь же выявляется и первое различие: Васильев, возможно, был единственным из всех основателей КСЭ, который был кабинетным ученым. У него был большой опыт в *лабораторных*, а не в полевых исследованиях. Но идея проверить гипотезу об искусственном происхождении Тунгусского метеорита так увлекла его, что он включился в экспедицию и, по свидетельству Плеханова, за несколько лет стал настоящим полевиком. По словам сына Николая Васильева, Владимира, его отец «был тепличным мальчиком. Но тепличным мальчиком, который попал в войну и эвакуацию. Тепличный мальчик, который голодал и вынужден был вообще в семье выживать... Плеханов в то время уже армию прошел, да и как крестьянский сын много чего знал. Но отец учился и этому, учился у других людей» (интервью с Владимиром Васильевым, июль 2019).

Сам Геннадий Плеханов вспоминает:

...когда в 1958 г. зародилась идея заняться Тунгусским метеоритом, достаточно быстро я поделился ею с Николаем, и мы неоднократно обсуждали ее... Затем, когда группа стала сколачиваться, я ему предложил тоже принять участие в этой работе. Вначале он колебался и весьма серьезно. Причина банальна. Все остальные участники группы – старые опытные туристы, у которых за плечами не одна сотня верст, пройденных по нехоженным тропам. У Николая – только желание принять участие в разгадке тайны. Полевой опыт равен нулю, но есть целеустремленность. Сейчас, спустя почти сорок лет, могу сказать однозначно, что он ни разу не пожалел о таком решении. Более того, за эти годы Николай стал опытным, классным экспедиционщиком, умеющим ходить и водить группы по таежной глухомани, способным организовать сложное экспедиционное хозяйство... (Плеханов 2012: 79–80).

Да, Васильев стал полевиком, но полевиком особым – всегда брал галстук (для переговоров с местным начальством), пользовался вертолетами, когда было возможно. В то же время, по словам его сына, он был «совершенно неприхотлив в бытовом плане – спать на спальном мешке или одеяле где-то на полу в аэропорту вместе со студентами для него не было проблемой. А поскольку он был человек интеллектуальный, всегда находились люди, которые хотели ему помочь, подавали еду или заменяли потерянные ложки и тарелки» (Владимир Васильев в интервью с авторами, июль 2019 г.).

О мотивации и стремлении учиться Н. Васильева свидетельствует также А.П. Бояркина в своем эссе, написанном сразу после его смерти: «В 1960 г. Васильев уже берется за самостоятельное дело. Он возглавляет отряд из 3-х человек (Алла Ерошкина, Анатолий Ошаров и Геннадий Трухачев) и отправляется на поиски вывала в бассейне р. Кеть, описанного П. Дравертом и предположительно имеющего отношение к ТМ. Путешествие это было непростым – только пешком по суровой сибирской тайге 300 км...» (Бояркина 2001: 27–28).

Одна из глав книги «По следам Тунгусской катастрофы», опубликованной в 1961 г. сразу после первой КСЭ, фактически является выдержками из дневника Николая Васильева во время экспедиции. Она недвусмысленно свидетельствует о вовлеченности и энтузиазме молодого исследователя, наблюдавшего из окна Ан-2 распростертую тайгу и рассуждавшего о том, что видел из окна экипаж взорвавшегося «звездолета»: а не случайно ли они выбрали такой малонаселенный район, не принесли ли они себя в жертву? (Он повторяет эту мысль в одном из последних своих публичных выступлений 1998 г., рассуждая о том, какими могли бы быть последствия, если бы космическое тело упало в районе Европы или Европейской части России). Там же свидетельства его восхищения и глубокой признательности Леониду Кулику – его де-

лу, когда он оказался впервые перед «избой Кулика» и своими глазами увидел результаты его десятилетних усилий*.

Нам кажется, что Н. Васильев лучше всех участников экспедиции понял суть дела Л. Кулика, который несмотря на «отрицательные результаты» (так и не нашел железного метеорита) тоже продолжал работу и остался ею увлечен до самой смерти. Подготовка его последней экспедиции была прервана началом Великой Отечественной войны, куда он записался добровольцем и погиб при обороне Москвы. Работа Л. Кулика является прекрасным примером «науки стойкости» и заслуживает отдельного исследования.

Николай Васильев является членом трех первых «победоносных» экспедиций Геннадия Плеханова (1959–1962 гг.). И, наверное, результаты этих экспедиций, которые не подтвердили гипотезу об искусственном происхождении Тунгусского метеорита, заставляли его переживать не меньше остальных. Однако его поведение перед лицом этих результатов – прямо противоположно поведению Г. Плеханова. Как и в случае Л. Кулика, *«отрицательный результат» для Васильева позволяет увидеть Тунгусский феномен как таковой – его тайны, его скрытые стороны.*

Для Г. Плеханова отбрасывание модуса (гипотезы) космического корабля означало потерю интереса к объекту как таковому, распад возникающей во время первых трех экспедиций гетерогенной социальности, где ведущим был не сам феномен, а новые методы тестирования заранее установленной гипотезы (полевая радиометрия, индуктометрия – поиск обломков металла и т.д.). Для Н. Васильева же (подобно Кулику) прошедшие годы работы в полевых экспедициях и обработки результатов в лабораториях были доказательствами *существования* этого феномена (его подлинного признания как нечеловеческого «Другого» – по Э. Левинасу).

На поворотной встрече команды КСЭ в конце 1962 г. в Новосибирске, где Плеханов предлагает закрыть экспедицию, Васильев вместе с большинством участников выбирает другой путь. За эти четыре года их увлекла не просто проверка гипотезы и связанный с этим успех и внимание со стороны научных и более широких общественных кругов, а

---

* «О Кулике написано много, но для того, чтобы понять, кем он был, нужно побывать здесь. Надо увидеть просеки, прорубленные в тайге, проложенные через болота гати, астропункты, установленные на вершинах гор, избы и лабазы, построенные в делянках, посмотреть своими глазами буровые установки, водоотливные помпы, груды шанцевого инструмента – все то, что везли и тащили сюда за восемь с лишним сот верст с Тайшета и Кежмы. И все это, аккуратно смазанное, законсервированное, уложенное в просторном крытом помещении, терпеливо ждет своего хозяина. Но давно погасли угли в железной печурке, и на дворе не 1930-й год, а пятьдесят девятый год, и слишком далеко уехал Леонид Алексеевич Кулик, чтобы когда-нибудь снова вернуться назад» (Васильев и др. 1960: 68).

сам неведомый, необъяснимый Тунгусский феномен. Он упорно «ускользал» от предпринимаемых до сих пор попыток охватить и объяснить его, тем самым захватив их научное воображение. Место «командора» занял Н. Васильев, и далее последовали почти 40 лет систематических упорных исследовательских усилий.

Алена Бояркина описывает масштабную программу исследований Тунгусского метеорита, которая складывается под руководством Н. Васильева. Эта программа свидетельствует об отсутствии привилегированного положения какого-либо метода исследования; наоборот, методы приумножаются, чтобы охватить феномен во всей его сложности и многогранности:

В 1964 г. Николай уже берет на себя обязанности организатора и начальника экспедиции на место падения ТМ, тщательно прорабатывает программу работ, во всем оглядываясь на командора, но часто поступаая по-своему... Составляется карта лучистого ожога. Начаты работы по исследованию треххвойности сосны... В 1965 году... начинаются многолетние работы по термолюменисценции пород района. В 1966 и 1967 гг.... исследуются подозрительные образования далеко за его пределами, так или иначе связанные с проблемой, проводится опрос очевидцев. И в районе эпицентра, который уже теоретически определен Вильгельмом Фастом... бегают группы металлотристов, отбирая оловянными ложками пробы почв на поиски все того же вещества. В 1966 г. Юрий Львов предложил и отработал оригинальную методику поисков мелкодисперсной составляющей вещества ТМ в сфагновых торфах. Впоследствии это оформилось в обширную программу, которая легла в основу глобальных многоплановых исследований... (Бояркина 2001: 28–29).

Сам Н. Васильев в своем докладе по поводу столетия Тунгусского метеорита в 1998 г. очерчивает эту масштабную программу следующим образом: первой их целью было понять, *как точно все произошло*. Отсюда и их результаты, которые почти за четыре десятилетия исследований четко установили, что речь идет о *космическом теле*, которое вошло в атмосферу Земли с запада на восток и взорвалось в районе поселка Ванавара на высоте от 8 до 10 километров. Была установлена и мощность взрыва – в порядке от 16 до 40 мегатонн в тротиловом эквиваленте, что близко к самым мощным термоядерным бомбам, созданным в период холодной войны. На основе исследований архивов магнитных обсерваторий, существовавших к 1908 г., было установлено локальное изменение магнитного поля в районе падения (данные обсерватории Иркутска и др.), которое очень походит на изменения после ядерных взрывов. Однако, в отличие от таких взрывов, почти за четыре десятилетия не было выявлено связанных с ними выбросов радиоактивных элементов.

Менее успешными являются результаты второй части программы – *что конкретно является причиной произошедших событий*. Единственным твердо установленным фактом стало наличие в районе падения Тунгусского метеорита пиковых аномалий содержания в почвах редкоземельных элементов (в том числе и иттербия). Кроме этой находки, многолетний поиск «самого вещества» космического тела – в почве, на дне болот, в торфе, в поваленной и опаленной древесине – не дал никакого определенного результата. За это время Н. Васильев добивается применения самых новых методов исследования, встречая немало трудностей на этом пути (некоторые из них были связаны с самостоятельным статусом экспедиции). Это объясняет его готовность к сотрудничеству с зарубежными коллегами (из Италии, Японии и других стран), располагающими таким оборудованием.

Алена Бояркина оставила воспоминания, в которых сохранилось ценное свидетельство о полевой деятельности Николая Васильева. Не случайно, что оно говорит о «слиянии» полевой жизни и близких Васильеву лабораторных исследований:

В Центре он редко оставался подолгу. Обычно, наладив работу и оставив кого-то вместо себя, он уходил в лабораторию. Лабораторный стационар – это маленький мир в тайге, где жила надежда – вот прямо сейчас найти долгожданный кусочек ТМ. Там обрабатывались пробы торфа, вплоть до последней инстанции. Он всегда располагался где-нибудь в экзотическом месте – на Чамбе, на Чеко, на Кимчу. Почти круглосуточно гудел движок, дающий энергию для муфельной печи и микроскопов. Трудились там (почти без преувеличения) день и ночь. И Васильев – со всеми на равных (Бояркина 2001: 30).

Была и *третья область исследования*, которая наиболее близка узко-научной специализации самого Николая Васильева – *исследования биологических, экологических, психологических и социальных эффектов Тунгусского феномена*. Н. Васильев является ведущим специалистом в области исследований реакций иммунной системы человека и других живых существ на изменение окружающей среды. Он рассматривает Тунгусский феномен как одно из подлинных событий, которое резко изменило локальную экосистему и подвергло изменениям растительный и животный мир (включая человека). Именно это позволило связать с Тунгусским метеоритом выявленную в 1960-е гг. локальную генетическую аномалию у эвенкийского населения, проживающего в районе Тунгусской катастрофы, серьезно озаботиться аномально повышенным ростом растительности по всей траектории движения космического тела и выявить ряд других экологических и биологических последствий. С самых первых экспедиций он организует и настойчиво добивается полного картографирования свидетельств живых очевидцев

Тунгусской катастрофы, а также анализа региональных, национальных и зарубежных архивов, где имеются данные, связанные с Тунгусской катастрофой. Одной из последних стали полевые заметки британской экспедиции, проведенной в 1908 г. в Австралии, в месте, диаметрально противоположном месту падения Тунгусского метеорита.

В своих воспоминаниях, уже после смерти Н. Васильева, Г. Плеханов пишет: «Нет, пожалуй, главы в Тунгусской проблеме, которой бы он не занимался. Вывал и ожог, “шарики” и мутанты, изотопия и светлые ночи 1908 г. А главное – он не только сам увлеченно и самозабвенно работал в этих различных направлениях, но и привлекал массу других людей от студентов до академиков» (Плеханов 2001: 3).

В упомянутой выше статье Карин Кнор-Цетина утверждает, что «объекты познания» «мутируют», ускользают от усилий исследователя охватить их, вплоть до своего исчезновения (Knorr-Cetina 1996). Исследование деятельности Николая Васильева свидетельствует о его особой «открытости» по отношению к данным и методам исследования – он нацелен на раскрытие тайн своего «ускользающего объекта познания» и всегда готов включить новый метод, пересмотреть уже накопленные данные или же включить новые в сферу анализа. Среди архивов КСЭ мы нашли замечательное подтверждение этой открытости Н. Васильева только что полученным свидетельствам:

Однажды мы с Николаем сидели вдвоем на «Тунгусском гурмане» у Куликовских изб, сидели всю ночь. НВ спрашивал себя, что ему дальше делать с проблемой ТМ? Считать ли доказательными собранные Коненкиным свидетельства очевидцев о пролете «огненного тела» с востока на запад? Если считать, то рушатся, по его словам, все ранние рабочие программы КСЭ. И будут ли оправданы последующие программы, по термолюминесценции и другие, вчера перспективные? Стоит ли бить в колокола, поднимать на ноги прессу – речь ведь пойдет об управляемом объекте?... Смотрел на НВ, видел, что его уверенность в себе сейчас разбита вдребезги. Казалось, он чувствовал себя оторванным от корней (упоминал Плеханова, тяжело вздыхал). Потом сказал, что никогда не представлял, что будет заниматься чем-то другим, а не наукой... «Слово “Тунгуска”, – вдруг сказал НВ – для меня стало волшебным магнитом. Нет! – Ловушкой, которая манила меня сказочными обещаниями и песнями сирен о несбыточных мечтах, а под конец погубит меня! Знаешь, Юра, на Избах меня всегда охватывает трепет благородных чувств» (Кандыба 2001: 28).

Такая методологическая открытость по отношению к данным является также особой характеристикой исследователя «науки стойкости».

Важной манифестацией возникшей «гетерогенной социальности» с Тунгусским метеоритом являются усилия участников КСЭ и лично Николая Васильева по ограждению района катастрофы от экономического и другого рода вмешательств. Аргументация Н. Васильева связана не

только с еще не раскрытыми тайнами Тунгусского феномена, но и с созданием площадки для проведения долгосрочных исследований района Тунгусской катастрофы. Снова цитируем А. Бояркину:

Будучи уникальным... особенно если встать на точку зрения, что в 1908 г. здесь имел место ядерный взрыв, этот район представлял интерес как полигон, хранящий отдаленные следы этого явления. С другой стороны, в результате активного промышленного освоения труднодоступных районов Сибири возросла угроза нарушения его естественного состояния. Возникает необходимость организации биосферного заповедника или заказника. И Васильев начинает терпеливо решать эту задачу. Сначала – это статьи-размышления. Затем – ночные бдения в квартире Юрия Львова за составлением писем во многие инстанции, поездки то в Москву, то в Ванавару и не только в экспедиционное время. И, наконец, победа! 9 октября 1995 г. создан Государственный заповедник «Тунгусский», где академик Васильев занимает пост заместителя по науке директора заповедника (Бояркина 2001: 30).

Опасаясь за дальнейшую судьбу заповедника, Н. Васильев заявляет: «Тунгусский феномен представляет собой планетарное явление, опасность столкновения с телами Солнечной системы – это планетарная опасность, очевидно, что и судьба проблемы ТМ и судьба заповедника “Тунгусский” не могут не беспокоить мировое сообщество» (Васильев 1997: 15).

Вряд ли случайно, что после долгих десятилетий исследований Васильев является одним из немногих людей на Земле, кто понимает суть Тунгусского феномена, при всей неизвестности многих его сторон, и осознает одновременно и масштабность, и опасность подобных событий – такие события случались в истории Земли и вероятность их повторения не стоит исключать. Он является одним из инициаторов и активным участником проведенных в 1990-х гг. дискуссий среди американских и российских специалистов о создании космического щита с целью предотвращения подобных катастроф.

Просматривая сохранившиеся записи последних выступлений Николая Васильева, поражаешься, как преобразается уже немолодой (68 лет) человек и оживает, когда говорит о Тунгусском феномене. За эти десятилетия Н. Васильев и возглавляемая им команда стали мировыми лидерами в исследовании Тунгусского феномена, и сам Николай Владимирович это осознает. В конце своей жизни он делится со своим сыном личным итогом жизни: «То, что я сделал в иммунологии, вирусологии и других сферах, в том, чем я занимался профессионально, и за что мне дали звание академика, могли сделать и другие люди. А то, что я сделал как руководитель КСЭ: собрал уникальный материал, обобщил его и представил – не сделал бы никто!» Сам Владимир Николаевич добавляет, что «отец находил точки соприкосновения в

иммунологии и исследованиях ТМ, а именно глобальный взгляд на развитие биосферы вообще, на развитие человечества, на опасности, которые подстерегают нас из космоса, и которые человечество недооценивает сейчас» (интервью с сыном Николая Васильева Владимиром, июль 2019 г.).

Заканчивая рассказ о втором «командоре», стоит сказать, что наше исследование КСЭ показывает возможность совмещения «предпринимательской науки» и «науки стойкости», поскольку они взаимодополняют друг друга. Между их представителями возможно подлинное сотрудничество и взаимная поддержка. Лучше самого Геннадия Плеханова об этом вряд ли можно сказать:

Мы с ним постоянно спорим. По поводу и без повода. Но я уверен, что обоюдно можем положиться друг на друга в любой, самой критической ситуации. Про таких иногда говорят – «С ним я бы пошел в разведку». (Надеюсь, что и обо мне он то же скажет.) Так кто же он такой, что из себя представляет, почему именно ему, в свое время, я передал бразды правления КСЭ, а он их принял и несет этот груз в течение более тридцати лет... (из выступления Г.Ф. Плеханова на тожестве по случаю 70-летию Н. Васильева).

Валерия Сапожникова, физик Томского государственного университета, участница нескольких экспедиций КСЭ и талантливый художник, в своей карикатуре *Гегемоны КСЭ* дала нам прекрасный метафорический образ встречи науки стойкости и предпринимательской науки (рис. 2).

Рис. 2. Гегемоны КСЭ: командор Г.Ф. Плеханов, вице-командор Н.В. Васильев (рисунок Валерии Сапожниковой, с сайта <http://www.irkutsk.com/tunguska/tung99/cart2.htm>)

Нам кажется, что, изображая Николая Васильева Дон Кихотом и Геннадия Плеханова Санчо Пансой*, она прекрасно выявляет прагматичность и заземленность «предпринимательской науки», ее устремление к решению уже сформулированной исследовательской проблемы, по сравнению с открытостью, странностью и неординарностью (вплоть до чудачества) «науки стойкости».

Заключение

Анализ деятельности КСЭ в рамках оппозиции «предпринимательская наука» / «наука стойкости» позволил нам выйти за пределы установившегося в современных социальных исследованиях науки (STS) рассмотрения научных и инженерных практик только в качестве *агонистического поля «пробы сил» между людьми и нечеловеческими деятелями*. Мы выявили малоизученные отношения солидарности и взаимности между человеческими и нечеловеческими деятелями, как основу своеобразной «микросоциальности» *гетерогенных сообществ*, где к нечеловеческим деятелям относятся как к полноценным «Другим» и где появляется специфический «гуманизм по отношению нечеловеческому Другому» (Э. Левинас). Это позволило предложить объяснение важного элемента динамики исследований КСЭ, а именно четкое раз-

---

* Стоит пояснить, почему «вице-командор» Николай Васильев изображен как Дон Кихот, а кажущийся старшим «командор» Геннадий Плеханов как Санчо Панса. Дело в том, что являясь инициатором, основной фигурой и руководителем первых КСЭ, после 1964 г. Плеханов фактически ушел от активного руководства экспедицией, а его место занял Николай Васильев. Однако несмотря на свой, как мы написали, «полуотход», он навсегда сохранил статус «командора» КСЭ, неоднократно включаясь в экспедиции и оказывая ей разного рода поддержку. Вот несколько цитат из воспоминаний участников: «С 1959 по 1964 год он главный помощник Командора (руководителя КСЭ) Г.Ф. Плеханова. В 1964 году Плеханов отходит от руководства экспедицией, и с этого времени Васильев – бессменный глава КСЭ» (Бидюков, Кривяков 2011); «Начиная с 1968 г. уже редкий случай, когда он [Н. Васильев] передоверял кому-то непосредственное руководство экспедицией. Из года в год, закрывая одно направление работ и открывая другое, Николай Васильев все глубже и глубже зарывается в проблему ТМ и вскоре как специалист выходит за рамки ведущего КСЭ на союзный, а затем и мировой уровень» (Бояркина 2001: 28); «Долгие годы “командоры” КСЭ, академик РАМН Н.В. Васильев и профессор Томского университета Г.Ф. Плеханов, добивались объявления этого района биосферным заповедником...» (Воробьев 1997: 24).

Валерия Сапожникова, тонко уловив подлинные роли Васильева и Плеханова в жизни КСЭ (изобразив первого Дон Кихотом, а второго Санчо Пансой), все же сохранила эту первоначальную иерархию, обозначив их «командором» (Плеханов) и «вице-командором» (Васильев). Мы полагаем, что это своего рода противоречие связано с тем, что она была активным участником КСЭ именно 1960-е гг., когда роль Николая Васильева как руководителя только начинала складываться. Плюс к этому, в первые экспедиции после «полуотхода» Плеханова, Васильев поддерживал с ним тесные связи, которые сохранялись вплоть до его [Васильева] смерти в начале 2001 г.

деление ее работы на два периода: 1) короткий начальный период, когда исследования были нацелены прежде всего на проверку гипотезы об искусственном происхождении Тунгусского метеорита при ведущей роли новых методов полевого исследования (радиометры и металлоискатели) и 2) второй период, которой длился более трех десятилетий и характеризовался кропотливой систематической работой по изучению всех возможных аспектов явления ТМ с целью понимания этого необъяснимого до сих пор феномена. Соответственно, в каждый из этих периодов ведущую роль играли разные типы исследователей, воплотивших собой практики «предпринимательской науки» и «науки стойкости».

Как и исследования Луи Пастера сто лет назад, первый полевой сезон КСЭ в 1959 г. в районе Тунгусской катастрофы производит настоящую научную сенсацию. Докладывая о полученных результатах на различных форумах в Москве, Киеве и в других городах Советского Союза, Г.Ф. Плеханов и участники экспедиции произвели огромное впечатление на научное сообщество и привлекли внимание научной и технической элиты СССР. КСЭ получила поддержку деньгами, оборудованием и людьми, что позволило резко увеличить ее состав и развернуть программу исследований. Однако после трех лет упорной работы руководитель экспедиции *Геннадий Плеханов теряет интерес и практически уходит из ее руководства, поскольку результаты исследований стали «разгромными» по отношению к гипотезе об искусственном (техногенном) происхождении Тунгусского феномена.* Его место занимает Николай Васильев, который с самого начала безоговорочно поддерживал идею о проведении экспедиции к месту падения Тунгусского метеорита, был участником трех первых «победоносных» КСЭ и стал близким другом Геннадия Фёдоровича. Однако его поведение оказалось прямо противоположно поведению Плеханова – *«отрицательный результат» позволил ему увидеть Тунгусский феномен как таковой – его тайны, его скрытые стороны.* Если для Плеханова отбрасывание гипотезы космического корабля означало распад возникающей во время первых трех экспедиций гетерогенной социальности, где ведущими были новые методы тестирования заранее установленной гипотезы, то для Васильева прошедшие полевые экспедиции и обработка результатов в лабораториях были недвусмысленными доказательствами существования этого феномена и его подлинного признания как нечеловеческого «Другого». Васильев принимает решение взвалить «на свои плечи весь груз по организации дальнейших исследований Тунгусского метеорита» и нести его на протяжении 40 лет.

Выдвинутое нами понимание стойкости и выносливости адекватно характеризует научную деятельность Николая Васильева, который развернул масштабную программу исследований с применением целого

комплекса разных методов, нацеленных на сам Тунгусский феномен с целью найти объяснение его неведомой природы. Эта программа свидетельствует о неприулегирированности ни одного из методов исследования, а наоборот, о приумножении методов с целью охвата феномена во всей его сложности и многогранности. За эти долгие годы Васильев оказывается не в «предпринимательской», а в «науке стойкости» – науке терпеливого, длительного, трудного и ненадежного ознакомления с новым нечеловеческим актором или неизвестной чертой уже известного.

Вместе с тем эмпирическое исследование выявило некоторые вызовы к предложенной нами теоретической модели. Первый из них – *комплексность Тунгусского феномена*. Разрабатывая идею о «науке стойкости», мы до сих пор работали с гетерогенными сообществами в науке, где исследования проводятся в лабораториях и тестовых полях, когда исследуемые объекты находятся в гораздо большей степени под контролем исследователя. Там основная проблема состояла, прежде всего, в создании в контролируемых пространствах лабораторий исследовательских ситуаций, где исследуемые объекты проявили бы те или другие свойства. *Тунгусский феномен в своей сложности и удаленности во времени, когда каждый год постепенно стирает оставленный им «след», не попадает под эту схему*. Несмотря на все усилия исследователей, он до сих пор хранит свои тайны. По словам Николая Васильева, «явление поражает своей сложностью: по какому бы направлению мы ни стали анализировать накопленные данные, повсюду мы натываемся на противоречия – начиная с вопроса о траектории и механизме взрыва и кончая биологическими (экологическими) последствиями катастрофы 1908 г. “Портрет” явления явно не укладывается в рамки элементарных схем» (Васильев 1999: 10).

Возможно ли вообще, чтобы этот феномен, воспринятый исследователями как «Другой», стал основой гетерогенного сообщества и «социальной опорой» стойкости и выносливости ученых? Наш анализ деятельности Николая Васильева, хотя на данном этапе еще, конечно, неполный, позволяет дать утвердительный ответ на этот вопрос. У нас есть все основания утверждать, что чем масштабнее и радикальнее отличия нечеловеческого «Другого» от всего знакомого, тем прочнее гетерогенная связь, лежащая в основе «науки стойкости».

Вторым вызовом нашей теоретической модели является *особая роль полевой работы* в ходе многолетних исследований. Как и в случае с сообществом советских геологов, исследованных Аллой Болотовой, продолжительное пребывание в отдаленной и труднодоступной местности Тунгусской катастрофы является одним из ключевых измерений работы КСЭ. Концепция «предпринимательская наука» / «наука стойкости», однако, основана на утравдившемся в STS понимании « лабора-

торной жизни» современных наук, где полевые исследования являются начальной точкой исследовательского процесса (накопления «первичного материала»), ядро которого состоит в работе внутри самих научных лабораторий. В истории современной науки это начиналось с первых научных экспедиций на кораблях, в джунглях, горах или пустынях, прошло через период создания полевых исследовательских станций, а в наши дни находит свое воплощение в создании сетей дистанционного измерения и мониторинга с помощью кибернетических устройств, спутников Земли и т.д. Однако есть научные сообщества – как КСЭ или сообщества советских геологов, где роль полевых исследований гораздо более широка, значима и трудно редуцируема до «начального этапа сбора данных». Несколько лет назад во время одного из наших антропологических исследований на научно-исследовательском стационаре Кайбасово (на р. Обь) среди томских экологов, один из ведущих исследователей сказал нам: «Мой многолетний опыт убедил меня, что крестьянские ребята из наших студентов и аспирантов гораздо лучше справляются в поле. Там, кроме работы с научным оборудованием, необходимо еще много практических умений – ориентироваться в лесах и болотах, управлять лодкой, косить траву, мастерить что-то из подручных инструментов и многое другое» (интервью с С. Воробьевым, июнь 2017 г.).

Полевая работа в сибирской тайге, в условиях, когда самые близкие населенные пункты находятся в десятках, а иногда и в сотнях километров, – это не просто применение научных методов для сбора данных и умение работать с соответствующими инструментами, а своеобразная «форма жизни», где научная работа неотделима от умения выживать и справляться с самыми разными ситуациями. Это сказывается на отношениях с коллегами, с научным оборудованием и снаряжением, да и с самими исследуемыми «объектами». Как это влияет на практики «предпринимательской науки» и «науки стойкости»? Осмысление десятилетней практики КСЭ, где одним из результатов ежегодных экспедиций стала трансформация места полевых работ в территорию с особым статусом – государственный заповедник «Тунгусский» – представляет собой вызов оппозиции «предпринимательская наука» / «наука стойкости» и требует ее усложнения и модификации.

Изучение деятельности Геннадия Плеханова во время первого периода существования КСЭ позволило нам выявить, в дополнение к установленным ранее вариантам (на примерах Луи Пастера и учеников Нильса Бора), *третий вариант «предпринимательской науки»* – уход из новой научной области, как только полученные результаты отвергают сформулированную гипотезу и предложенное решение существующей проблемы. Однако уход Г. Плеханова был условным: он сохранил свои близкие отношения с участниками экспедиции и свой статус «ко-

мандора». Причиной такого «полуотхода» стали прочные научные и дружеские связи, возникшие в ходе первых лет полевой работы. Это позволило нам добавить важный аспект в понятие гетерогенного сообщества – *в тяжелых условиях экспедиций люди входят в связь не только с неведомым Тунгусским феноменом и аппаратурой, которую они используют для его «обнаружения», но также и с рядом нечеловеческих сущностей в окружающей тайге, с наследством Л. Кулика, с людьми и инфраструктурой поселка Ванавара и т.д.* Даже после отхода от исследования самого Тунгусского феномена оставшиеся гетерогенные связи продолжали удерживать Геннадия Плеханова.

Литература

- Бидюков Б., Кривяков С. Васильев Николай Владимирович – человек, ученый, лидер // Природа Эвенкии.рф. 2011. URL: <http://природаэвенкии.рф/Васильев-Николай-Владимирович>
- Воробьев В. Тунгусская Катастрофа – Начало Конца? // Тунгусский вестник КСЭ. 1997. № 8. С. 20–24.
- Бояркина А.П., Плеханов Г.Ф., Родимова О.Б., Сапожникова В.А., Фазлиев А., Чернова Т.И. «Я был участник многих экспедиций...» (100 лет «Тунгусскому метеориту», 50 лет КСЭ). Томск: Иван Федоров, 2008.
- Бояркина А.П. Тунгусская биография Николая Владимировича Васильева, 16.01.1930–15.02.2001 // Тунгусский вестник. 2001. № 14. С. 27–30.
- Васильев Н.В. Меморандум // Тунгусский вестник КСЭ. 1999. № 10. С. 7–16.
- Васильев Н., Демин Д., Ероховец А. и др. По следам Тунгусской катастрофы. Томск: Том. книж. изд-во, 1960. 158 с.
- Васильев Н.В. К 90-летию Тунгусского метеорита // Тунгусский вестник КСЭ. 1997. № 8. С. 1–15.
- Воробьев В.А. Страсти по Николаю Васильеву. Архангельск, 2001–2002. URL: <http://tunguska.tsc.ru/ru/lyrics/prose/passions/last>
- Кандыба Ю. Он очень быстро жил // Тунгусский вестник КСЭ. 2001. № 14. С. 27–28.
- Кузнецов А. Технонаука за пределами критики и оправдания: от агонистических полей к траекториям привязанности // Антропология в поисках нового языка описания: тезисы. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2016. С. 121–123.
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Латур Б. Пастер: Война и мир микробов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Плеханов Г.Ф. К нашим читателям // Тунгусский вестник КСЭ. 2000. № 11. С. 3.
- Плеханов Г.Ф. Тунгусский метеорит. Воспоминания и размышления. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.
- Плеханов Г. Памяти Н.В. Васильева (16.01.1930–15.02.2001) // Тунгусский вестник КСЭ. 2001. № 14. С. 3.
- Поправко И.Г., Чалаков И.Х. Комплексная самодеятельная экспедиция по изучению Тунгусского метеорита: поиски альтернативных форм социальности глубокого космоса в недрах советской науки // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 49–66.
- Флоренский К.П. и др. Предварительные результаты работ экспедиции Тунгусской метеоритной экспедиции 1958 г. // Метеоритика. 1960. Вып. XIX. С. 1–37.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.

- Boltanski L.* Love and Justice as Competences. Cambridge, UK: Polity Press, 2012.
- Bolotova A.* Colonization of Nature in the Soviet Union: State Ideology, Public Discourse, and the Experience of Geologists // *Historical Social Research*. 2004. Vol. 29, No. 3. P. 104–123.
- Callon M., Latour B.* Comment concevoir les innovations? // *Prospéctive et Santé*. 1986. No. 36. P. 13–25.
- Callon M.* Le statut économique des activités de recherche et développement. Éléments pour une analyse dynamique des réseaux technico-économiques // *Représenter, Hybrider, Coordonner*. Paris: CSI-Ecole des Mines, 1996. P. 43–60.
- Fox Keller E.* A Feeling for the Organism. The Life and Work of Barbara McClintock. New York: W.H. Freeman and Company, 1983 (from Seventeenth printing 2000).
- Freeman Chr.* The Economic of Industrial Innovation. London: Francis Pinter, 1982.
- Gerovitch S.* From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002.
- Gerovitch S.* Voices of the Soviet Space Program: Cosmonauts, Soldiers, and Engineers Who Took the USSR into Space. Palgrave Macmillan, 2014.
- Harman G.* Aesthetics as First Philosophy: Levinas and the Non-Human // *Naked Punch*. 2007. Is. 9, Summer/Fall. P. 21–30.
- Hennion A.* Pragmatics of taste / ed. by M. Jacobs, N. Hanrahan // *The Blackwell Companion to the Sociology of Culture*. Oxford/Malden MA: Blackwell, 2004.
- Hennion A.* Those Things That Hold Us Together: Taste and Sociology // *Cultural Sociology*. 2007. No 1. P. 97–114.
- Knorr-Getina K.* Post-Social (Knowledge) Societies. Paper presented at the plenary session of Joint EASTT/4S Conference in Bielefeld. Germany, October 1996.
- Kremensov N.* Stalinist Science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.
- Levinas E.* Humanism de l'autre homme. Paris: Editions Fata Morgana, 1972.
- Levinas E.* Ethique et infini. Paris6 Fayard, 1982.
- Levinas E.* Collected philosophical papers: Humanism and anarchy. Dordrecht, The Netherlands: Martinus Nijhoff, 1987.
- Levinas E.* Otherwise Than Being. Pittsburgh: Duquesne University Press, 2004.
- Merleau-Ponty M.* Signes. Paris: Gaulimard (Le philosophe et son ombre), 1960.
- Merleau-Ponty M.* Visible et Nonvisible. Paris: Gaulimard, 1964.
- Nyiri P., Breidenbach J.* Living in Truth: Physics as a Way of Life // *Anthropology of East Europe Review*. 2002. Vol. 20, № 2. P. 43–54.
- Tchalakov I.* The object and the other in holographic research – Approaching passivity and responsibility of human actors' // *Science, Technology and Human Values*. 2004a. № 29 (1). P. 64–87.
- Tchalakov I.* Language and Perception in the Coupling Between Human and Non-human Actors' // Arno Bammé, Günter Getzinger and Bernhard Wieser (eds.). Yearbook 2004 of the Institute for Advanced Studies on Science, Technologies & Society. München: Profil, 2004b. P. 192–215.
- Tchalakov I.* Amateur's Action in Science // *Le Sujet de l'Acteur. An Anthropological Outlook on Actor-Network Theory, MORPHOMATA* / eds. by G. Kapriev, M. Roussel, I. Tchalakov. Germany: Wilhelm Fink Publishers, 2014. Vol. 21. P. 25–65.
- Tchalakov I.* On Entrepreneurship and Endurance in Science. *Sociology of Laboratory Life*. Sofia (in Bulgarian): East-West Publishing House, 2015.

Popravko Irina G. and Tchalakov Ivan H.

A LONG WAY OF THE TUNGUSKA METEORITE FROM SPACESHIP TO RESERVE (TWO TALES ABOUT ENTREPRENEURSHIP AND PERSEVERANCE IN SCIENCE)

DOI: 10.17223/2312461X/27/3

Abstract. The article offers an analysis of the activities of the Complex Amateur Expedition (CAE) organised to study the Tunguska event and carried out between 1959 and early this century. Here, the CAE is considered not only as a unique phenomenon that reveals the complexity and versatility of Soviet science and society, but also as a concrete manifestation of the universal features of modern science, conceptualised in the framework of Actor-Network Theory and other approaches in Science and Technology Studies. Through a theoretical model of entrepreneurial science / enduring science, an explanation is proposed for a clear division of the CAE's activities into two unequal time periods. The authors identify the specific practices of the two types of sciences in the analyzed CAE activities, including their challenges to the theoretical model, such as the complexity of the Tunguska event and the special statute of fieldwork in the course of many years of research.

Keywords: Complex Amateur Expedition, Tunguska phenomenon, Nikolay Vasilyev, Genadiy Plekhanov, entrepreneurial / enduring types of science, Actor-Network Theory

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant RFFI No. 18-00-01625), titled 'Hybrid forms of interaction / coexistence in the social space on the banks of the Ob river: conjugation of life worlds of local communities, state structures, and scientists as a resource for understanding global / local climate and sociocultural change' (Principal Investigator Dmitriy A. Funk).

References

- Bidiukov B., Kriviakov S. Vasil'ev Nikolai Vladimirovich – chelovek, uchenyi, lider [Nikolay V. Vasilyev, a man, a scientist, a leader], *Priroda Evenkii.rf*, 2011. Available at: <http://prirodaevenkii.rf/Vasil'ev-Nikolai-Vladimirovich>
- Vorob'ev V. Tunguskaia Katastrofa – Nachalo Kontsa? [The Tunguska catastrophe – the beginning of the end?], *Tunguskii Vestnik KSE*, 1997, no. 8, pp. 20–24.
- Boiarkina, A.P., Plekhanov, G.F., Rodimova O.B., Sapozhnikova V.A., Fazliev A., Chernova T.I. „Ia byl uchastnik mnogikh ekspeditsii...“ (100 let „Tunguskomu meteoritu“, 50 let KSE) [‘I have taken part in many expeditions...’. Marking the centenary of the Tunguska event and the 50th anniversary of the Complex Amateur Expedition]. Tomsk: Izdatel'stvo „Ivan Fedorov“, 2008.
- Boiarkina, A.P. Tunguskaia biografiia Nikolaia Vladimirovicha Vasil'eva, 16.01.1930 – 15.02.2001 [The Tunguska-related part of the life of Nikolay V. Vasilyev, 16.01.1930 – 15.02.2001], *Tunguskii vestnik*, 2001, no. 14, pp. 27–30.
- Vasil'ev N.V. Memorandum [Memorandum], *Tunguskii vestnik KSE*, 1999, no. 10, pp. 7–16.
- Vasil'ev N., Demin D., Erohovets A. et al. *Po sledam tunguskoi katastrofy* [Tracing the Tunguska catastrophe]. Tomsk: Tomskoe knizhnoe izd-vo, 1960, 158 p.
- Vasil'ev N.V. K 90-letiiu Tunguskogo meteorita [To the 90th anniversary of the Tunguska meteorite]. *Tunguskii vestnik*, 1997, no. 8, pp. 1–15.
- Vorob'ev V.A. *Strasti po Nikolaiu Vasil'evu* [The passion of Nikolay Vasilyev]. Arkhangel'sk, 2001–2002. Available at: <http://tunguska.tsc.ru/ru/lyrics/prose/passions/last>
- Kandyba Iu. On ochen' bystro zhil [He lived fast], *Tunguskii vestnik KSE*, 2001, no. 14, pp. 27–28.
- Kuznetsov A. Tekhnounauka za predelami kritiki i opravdaniia: ot agonisticheskikh polei k traektoriiam priviazannosti [Techno-science beyond criticism and justification: From ago-

- nistic fields to trajectories of attachment]. In: *Antropologiya v poiskakh novogo iazyka opisaniia: Tezisy* [Anthropology in search of a new language of description: abstracts]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, pp. 121–123.
- Latour B. *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vnuri obshchestva* [Science in action: How to follow scientists and engineers through society]. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013.
- Latour B. *Paster: Voina i mir mikrobov* [Pasteur. Bataille contre les microbes]. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015.
- Plekhanov G.F. K nashim chitatel'nyam [To our readers], *Tunguskii Vestnik KSE*, 2000, no. 11, pp. 3.
- Plekhanov G.F. *Tunguskii meteorit. Vospominaniia i razmysleniia* [The Tunguska event. Memories and thoughts]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2012.
- Plekhanov G. Pamiati N.V. Vasil'eva (16.01.1930-15.02.2001) [In memory of Nikolay V. Vasilev (16.01.1930-15.02.2001)], *Tunguskii vestnik KSE*, 2001, no. 14, pp. 3.
- Popravko I.G., Chalakov I.H. Kompleksnaia samodeiatel'naia ekspeditsiia po izucheniiu Tungusskogo meteorita: poiski al'ternativnykh form sotsial'nosti glubokogo kosmosa v nedrakh sovetskoi nauki [The Complex Amateur Expedition organised to study the Tunguska meteorite: A search for an outer space alternative form of sociality in the depth of Soviet science?], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 6, pp. 49–66.
- Florenskii K.P. et al. Predvaritel'nye rezultaty rabot ekspeditsii Tungusskoj meteoritnoj ekspeditsii 1958 g. [Preliminary results of the Tunguska event expedition, 1958], *Meteoritika*, 1960, Vol. XIX, pp. 1–37.
- Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation]. Moscow: NLO, 2014.
- Boltanski L. *Love and Justice as Competences*. Polity Press, Cambridge UK, 2012.
- Bolotova A. Colonization of Nature in the Soviet Union: State Ideology, Public Discourse, and the Experience of Geologists, *Historical Social Research*, 2004, Vol. 29, no. 3, pp. 104–123.
- Callon M., Latour B. Comment concevoir les innovations?, *Prospéctive et Santé*, 1986, no. 36, pp. 13–25.
- Callon M. Le statut économique des activités de recherche et développement. Éléments pour une analyse dynamique des réseaux technico-économiques. In: *Représenter, Hybrider, Coordonner*. Paris: CSI- Ecole des Mines, 1996, pp. 43-60.
- Fox Keller, E. *A Feeling for the Organism. The Life and Work of Barbara McClintock*. New York, W.H. Freeman and Company, 1983 (from Seventeenth printing 2000).
- Freeman Chr. *The Economic of Industrial Innovation*. London, Francis Pinter, 1982.
- Gerovitch S. *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics*. MIT Press Cambridge, Mass., 2002.
- Gerovitch S. *Voices of the Soviet Space Program: Cosmonauts, Soldiers, and Engineers Who Took the USSR into Space*. Palgrave Macmillan, 2014.
- Krementsov N. *Stalinist Science*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1997.
- Knorr K. *Post-Social (Knowledge) Societies*. Paper presented at the plenary session of Joint EASTT/4S Conference in Bielefeld, Germany, October 1996.
- Harman G. Aesthetics as First Philosophy: Levinas and the Non-Human, *Naked Punch*, 2007, Is. 9, Summer/Fall, pp. 21–30.
- Hennion A. Pragmatics of taste. In: Jacobs, M. et N. Hanrahan ed., *The Blackwell Companion to the Sociology of Culture*. Oxford/Malden MA, Blackwell, 2004.
- Hennion A. Those Things That Hold Us Together: Taste and Sociology, *Cultural Sociology*, 2007, no. 1, pp. 97–114.
- Levina E. *Otherwise Than Being*. Pittsburgh, Duquesne University Press, 2004.
- Levinas E. *Collected philosophical papers: Humanism and anarchy*. Dordrecht, The Netherlands: Martinus Nijhoff, 1987.
- Levinas E. *Humanism de l'autre homme*. Paris, Editions Fata Morgana, 1972.

- Levinas E. *Ethique et infini*. Paris, Fayard, 1982.
- Merleau-Ponty M. *Signes*. Paris, Gaulimard (Le philosophe et son ombre), 1960.
- Merleau-Ponty M. *Visible et Nonvisible*. Paris, Gaulimard, 1964.
- Nyiri P., Breidenbach J. Living in Truth: Physics as a Way of Life, *Anthropology of East Europe Review*, 2002, Vol. 20, no. 2, pp. 43–54.
- Tchalakov I. The object and the other in holographic research—Approaching passivity and responsibility of human actors', *Science, Technology and Human Values*, 2004, no. 29 (1), pp. 64–87.
- Tchalakov I. Language and Perception in the Coupling Between Human and Non-human Actors'. In: Arno Bammé, Günter Getzinger and Bernhard Wieser (Eds.), *Yearbook 2004 of the Institute for Advanced Studies on Science, Technologies & Society*. Profil, München, pp. 192–215.
- Tchalakov I. Amateur's Action in Science. In: Kapriev, G., M. Roussel and I. Tchalakov (Eds.) *Le Sujet de l'Acteur. An Anthropological Outlook on Actor-Network Theory*, MORPHOMATA. Wilhelm Fink Publishers, Germany, Vol. 21, 2014, pp. 25–65.
- Tchalakov I. *On Entrepreneurship and Endurance in Science. Sociology of Laboratory Life*. East-West Publishing House, Sofia (in Bulgarian), 2015.

УДК 316.42; 629.784
DOI: 10.17223/2312461X/27/4

ПОЛЯ ПАДЕНИЯ: ПРОСТРАНСТВО КОСМОСА НА РЕКЕ МЕЗЕНЬ

Макар Романович Терешин

Аннотация. В статье рассматривается развитие хозяйственно-экономических практик, связанных со сбором ступеней ракет-носителей в одном из районов падения космодрома «Плесецк» в бассейне реки Мезень. Основанное на теоретических рамках социальных исследований космоса рассмотрение районов падения позволяет локализовать космос на примере сообществ сборщиков космического металла, а также представить, как районы падения, включенные в инфраструктуру космодрома, переопределяются с точки зрения местного сообщества. Описывается контекст возникновения нового промысла, особенности использования районов падения, а также практики поиска и заготовки космического металла, основанные на существующих порядках взаимодействия рассматриваемого сообщества с окружающим ландшафтом и его ресурсами.

Ключевые слова: антропология космоса, исследование науки и технологий, локальность, космодром, космический мусор, Мезень

Введение

Раннее январское утро. Я стою в засыпанном снегом сосновом бору на границе с огромным болотом, растянувшимся между течениями двух рек. Место, подобное тому, где я нахожусь, на Мезени называют поля падения. Подо мной большая конусовидная серая бочка с яркосиней наклейкой «РКЦ Прогресс», в моих руках лопата, ближайший час я и мой спутник будем скользить по гладким бокам ступени «Союза», разгребая снег. Когда Николай вскрыет корпус ракеты бензопилой, он покажет мне клеймо на одной из деталей двигателя и объяснит, что ступень лежит здесь с 1989 г. Двадцать лет назад, встав похожим образом на топливный бак «Союза», можно было увидеть еще несколько ступеней поблизости, а добираясь до тех мест, где мы были сейчас, таких ракет по пути можно было насчитать больше десятка.

В 1957 г. в Архангельской области, вблизи небольшого поселка Плесецк, расположенного на линии железной дороги «Москва–Архангельск», был заложен объект «Ангара». Основной целью нового военного научно-исследовательского полигона стало размещение и испытание межконтинентальных баллистических ракет (Северный космодром... 2007: 19). В 1963 г. главные задачи полигона меняются и «Плесецк» становится центром испытания и эксплуатации ракетно-космических комплексов для выведения спутников на стратегически

важные орбиты. Новый космодром расположился на не самом выгодном 63-м градусе северной широты, поскольку обычно пусковые площадки стремятся разместить ближе к экватору, чтобы, не теряя мощности, за счет вращения планеты вывести на орбиту больше полезного груза. Местоположение «Плесецка» позволило запускать спутники на приполярные орбиты, т.е. на орбиты, проходящие над Северным и Южным полюсами. Такое положение дает возможность спутникам периодически охватывать любой участок земной поверхности. Отдельно учитывалась безопасность местного населения, районы падения размещали так, чтобы активные участки траектории полета пролегали над малонаселенными территориями.

17 марта 1966 г. с первой пусковой установки космодрома «Плесецк» стартует разведывательный спутник «Космос-112». С этого момента начинается регулярное использование космодрома для запуска космических аппаратов. На сегодняшний день с «Плесецка» произведено более 1 500 пусков (Северный космодром... 2007: 116). При выводе на орбиту части ракеты-носителя падают обратно на землю, где для них государством¹ выделены определенные участки – районы падения отделяющихся частей ракет-носителей. Для северного космодрома это 21 район площадью 140 тыс. км², из которых 67 тыс. км² расположены на суше (74).

Несколько таких районов для падения первых ступеней расположились в бассейне реки Мезень на территории Архангельской области и Республики Коми. Участки тайги, ставшие районами падения, считались малонаселенными и находились на расстоянии не менее пятидесяти километров от ближайшего населенного пункта, но для местных жителей окрестные леса были частью охотничьих угодий, местами для рыбалки и просто хорошо знакомым пространством.

С начала работы космодрома в отдельных районах падения скопилось по несколько сотен ступеней. Жители окрестных деревень видели пролетающие ракеты, но немногие посещали территории, куда они падали. Только во время перестройки и после, с распадом СССР, скопившийся в лесах металл стал активно использоваться в быту мезенских деревень, а для некоторых стал одной из основ экономической деятельности в кризисные 1990-е гг.

В настоящей статье я обращаюсь к работам в области антропологии космоса и изучения науки и технологий (STS), связанным с локальным подходом к изучению освоения космоса. В этом ключе я предлагаю рассмотреть практики жителей бассейна реки Мезень, возникшие внутри районов падения. В первую очередь я отображаю контекст освоения космического металла, а также локальные особенности во взаимодействии с окружающим пространством, ставшим территорией районов падения. Особое внимание уделено тому, как куски металла, падавшие

в окрестные леса, начали становиться чьей-то собственностью и разрабатываться как новый ресурс.

Материалом для исследования послужили интервью со сборщиками космического металла, данные включенного наблюдения в нескольких поселениях, расположенных в бассейне реки Мезень в непосредственной близости к районам падения космодрома, а также работа с местными муниципальными и семейными архивами. Для анонимизации моих собеседников и места действия используются псевдонимы.

Освоение космоса и космодромы

Один из взглядов на материальность космических программ и космодромы как ее составляющие предлагает австралийский археолог Элис Горман. Она рассматривает космос как часть глобальной среды, в которой мы существуем, а также как часть культурного пространства, иллюстрирующую конкретный этап в истории человечества, обусловленный особыми социальными, экономическими и культурными силами (*forces*). Горман утверждает, что космодромы на Земле, лунный ландшафт, попавший под воздействие человека, земная орбита и такие нематериальные элементы как идеологии, культурные представления и ассоциации людей, связанные с космосом и его исследованием, оказываются частью межпланетарного культурного ландшафта, который трансформируется вместе с человеческим обществом. Признание «многоголосия» (*multivocality*) этого пространства позволяет нам выйти за рамки модели космоса как части «космической гонки» и колонизации, придав местам, связанным с освоением космоса, глобальную значимость (Gorman 2005: 102–103).

Для этого оказывается важным проследить, как, несмотря на «бездомность» (*placeless*) высоких технологий и космических исследований, они остаются укорененными на поверхности Земли. Так, каждый космический аппарат запускается с военного или гражданского космодрома и отслеживается при помощи установок, разбросанных по земному шару, таким образом оказываясь связанным с конкретными местами на Земле (Gorman 2007: 155). Также реализация космических программ и инфраструктуры, создаваемые для космических полетов, способны трансформировать окружающую среду, формировать институты и правовые нормы, приводящие к изменению режимов землепользования и отношений между различными сообществами на Земле (Klinger 2019: 18).

Космос может быть рассмотрен с точки зрения различных масштабов, которые могут как существовать отдельно, так и сталкиваться и находиться в напряжении друг с другом (Сивков 2019). Ряд исследователей, изучая космос, объявляют его локальным. Так, антрополог Питер

Редфилд, работавший во Французской Гвиане в окрестностях космического центра Куру, показывает, как космодром, центр научно-технического производства, который по набору своих характеристик кажется «безместным пространством» (placeless space) и мог бы находиться в любой точке планеты, оказывается конкретно локальным, связанным с определенными характеристиками местности и привязанным к Земле (earthbound) (Redfield 2000: 182–183).

Варвик Андерсон говорит о том, что в исследовании науки и технологий важно понять, каким образом технологии вовлекаются в постколониальную провинциализацию «универсального» разума, описывая «альтернативные современности» и признавая пограничные, гибридные условия современной науки (Anderson 2002). В работе Редфилда есть схожее стремление к провинциализации космического пространства, которое он выстраивает на основе работы Чакрабарти (Chakrabarty 2000). В частности, для него важно показать, что, несмотря на свою кажущуюся нейтральность, элементы научной инфраструктуры, связанные с освоением космоса, таковыми не являются. Наука и технологии вне центра своей деятельности работают в рамках множества условий и контактов (encounters). Исследуя это пространство, мы сталкиваемся с мирами природных и общественных мест, расположенных среди него, и обращение к этим мирам позволяет нам раскрыть территорию, часто неразличимую за инструментами лаборатории (Redfield 1996: 256). Таким образом, для Редфилда провинциализация – это процесс, прежде всего, связанный с признанием напряженностей и человеческих разногласий, проходящих через различия в масштабе и ограничительных рамках науки (Redfield 2002: 813).

Обращаясь к локальным, земным конфликтам, привязывающим освоение космоса к конкретным точкам, Редфилд проблематизирует напряженность вокруг описания освоения космоса при помощи языка колониального завоевания, апеллирующего к представлениям о неумолимом «прогессе человечества». В случае Редфилда такой точкой, позволяющей рассматривать космос в локальном масштабе и показать неуниверсальность космического прогресса, становится конфликт вокруг дороги, проходящей через территорию космодрома. Строительство новой объездной стало катализатором протестов против деятельности космодрома и привело к возникновению движения за деколонизацию и социальное освобождение, заставив официальных лиц космодрома решать земные проблемы наряду с космическими (Redfield 2000).

В другой работе, посвященной бразильскому космодromу Алькантара, антрополог Шон Митчелл анализирует связи утопии космического полета с неравенством, а перспективу воображаемого универсального человечества – с имперскими амбициями космических программ. Бразильская программа по запуску спутников была с самого начала проектом, направлен-

ным на уменьшение глобального неравенства и сглаживание глобальных техно-военных иерархий, но одновременно с этим ее развертывание привело к появлению напряженности и росту неравенства в отношениях с сообществами квиломбас – потомками рабов, переселенными со своих земель из-за строительства космодрома (Mitchell 2017).

Разворачивание космических программ на местности не всегда учитывает сложные отношения сообществ с ландшафтом, который включается в инфраструктуру освоения космоса. Подобно тропикам Французской Гвианы земли Австралии, также когда-то являвшейся европейской колонией, оказались пригодны своей удаленностью и «пустотой» сначала для отправки туда заключенных, а затем и для разворачивания инфраструктуры, связанной с освоением космоса. Однако на примере протестов коренного населения Вумеры, чьи земли стали территорией космодрома, Горман показывает, что перспектива ничьей земли оказывается ошибочной. Таким образом, освоение космоса наследует колониальное восприятие пространства и земли «примитивных» народов, а космическое пространство и его элементы также рассматриваются как пустыни или моральные вакуумы (Gorman 2005: 98–99).

Для того чтобы представить сложный культурный ландшафт космоса таким образом, чтобы он отображал все его элементы, нужно осветить или выделить смысловые конфликты, существующие в рамках космических программ (Gorman 2005: 103). Одним из таких конфликтов, важным для моего исследования, становится использование земли как пустоши (wasteland), удобной лишь для использования в целях освоения космоса сильными государствами. Мусор, производимый в процессе этого освоения, может быть переопределен как нечто ценное, если мы представим его как субъективную категорию, через которую отображаются наши представления о возможности использования объекта (Drackner 2005: 176). Так, космический мусор может быть не только чем-то бесполезным, но и иметь культурную или экономическую ценность (Gorman 2019).

В моем случае я хотел бы обратиться к космическому мусору, который не улетел далеко, а упал обратно на землю и стал частью ландшафта, несколько отличного от космического, а именно к первым ступеням ракет-носителей «Союз» и «Циклон», падавшим в мезенские леса. Мусор, о котором дальше пойдет речь, оставаясь собственностью космодрома и падая на территории, законодательно выделенные государством для нужд космической программы, сохранил свое отношение к освоению космоса. Однако сообщества, изначально не обладающие монополией на продукты космической деятельности, смогли распоряжаться ступенями от ракет-носителей в своих интересах и выработать уникальные практики во взаимодействии с новым ресурсом.

Случай, рассматриваемый мною, является еще одним примером локального космоса, однако, в отличие от упомянутых выше исследова-

ний, основным фокусом моей работы становятся не политические протесты и движения, связанные с деятельностью космодрома. На Мезени космос локализуется в практиках добычи космического металла, и мое внимание сосредотачивается на том, как местная космология и ее порядки взаимодействия с окружающим ландшафтом распространяются на территории районов падения космодрома «Плесецк».

Одновременно признавая поля падения включенными в пространство, связанное с освоением космоса, мы можем обратиться к местным практикам и представлениям, относящимся к ландшафтам, ставшими районами падения, и показать, как эта территория, с одной стороны, нарушается деятельностью космодрома, а с другой – заново осваивается и перерабатывается в рамках местных представлений. Таким образом, мы уделим внимание «размещенным знаниям» (*situated knowledges*) (Haraway 1988) и подчеркнем конкретные места и моменты практических отношений, возникших в рамках реализации космической программы.

«Перестройка» в полях падения

Космодромы как место для проведения исследования едва ли можно назвать доступными, но их районы падения могут стать хорошим полем для исследования территорий, включенных в освоение космоса. Многие космодромы мира в качестве районов падения используют территорию близлежащих морей и океанов – мыс Канаверал в Америке, Куру во Французской Гвинее, Алькантара в Бразилии. Важным отличием «Плесецка» от остальных космодромов становится использование суши для падения отделяющихся частей ракеты-носителя. Поля падения, куда падают ступени от ракет, запущенных с космодрома, размещаются по схожим принципам ничьей земли и малонаселенного пространства. Однако условно «пустую» землю использует не только космодром, но и местные жители, которые имеют намного более продолжительную историю отношений с окружающим ландшафтом, вошедшим в границы падения первых ступеней.

Кречеулово стало одной из деревень, граничащих с одним из районов падения «Плесецка», где я проводил свою полевую работу. Со ступенями, падавшими в окрестностях деревни, прежде всего, сталкивались охотники, уходившие глубоко в лес. Хотя в деревне большинство мужчин занималось охотой, не у всех была возможность уйти в лес надолго, поскольку обязанность отрабатывать полную рабочую неделю не позволяла уйти на дальние расстояния, туда, куда падали ступени. Одним из первопроходцев, начавшим собирать детали от ступеней, стал Алексей – опытный охотник, работавший вахтами на метеостан-

ции. Он был первым, кто смог познакомиться с территорией района падения.

А еще, ради интереса, когда вот началось, какие времена-то. Хотел уточнить, почему я поехал-то. Поехал я, сделали заяву [жалобу. – М.Т.], первую ракету нашли на болоте, там слив шел уже в реку. Как-то все это оформили и как-то сделали заявление в сельский совет отсюда, потом в администрацию районную, администрация вышла на Плесеуц, что, мол, ракеты очень близко, мы нашли примерно 37 километров [от деревни] и сток прямо в реку. Вояки дали вертолет. Мы показали где, в каком месте лежит она. И вот мы делали облет, мы увидели, что ракет очень много лежит. Д. это не заинтересовало, а меня заинтересовало. На следующую зиму я уже поехал искать (ПМА 1).

Алексей, выбранный из местных жителей, чтобы сопровождать военных во время полета, стал первым, кто смог оценить масштаб использования районов падения, а также получить примерное представление о том, где именно находятся ступени. Еще в 1980-е гг. это было проблемой, поскольку территории полей падения формально были засекречены, подробных карт окрестных лесов у людей не было, и эти участки были размыты на печатных картах, висевших в сельсовете. Только в начале 1980-х население официально начало узнавать о деятельности космодрома (Северный космодром... 2007: 78).

После полета над полями падения Алексей сделал примерные метки на карте, взял компас и стал искать ступени. Однако добираться туда по-прежнему было затруднительно из-за нехватки свободного времени. Работа не позволяла Алексею уходить надолго, однако, он нашел возможность меняться сменами с коллегами и стал чаще уходить на поиски ракет. Навыки ориентирования в пространстве, приобретенные за годы охоты, позволили Алексею определить примерные границы района падения, а опыт работы на радиоузле заставил его задуматься о наличии драгоценных контактов в аппаратуре упавших ступеней, а также впоследствии разобратся в том, какие именно детали нужно искать и куда их потом сдавать.

Уходил на дня три, четыре. И теряли меня, и все было. На автопилоте выходил, и тонул в болоте, и с медведями встречался. Хорошо, собаки были с собой, ничего страшного не произошло, жив-здоров. Уходил, потом выносил контакты. Расколачивал, бывает, что найдешь не одну ступень, там же складировал. Места уже знал, ходил только по карте и по компасу. Джитизсок не было, ниче не было. Карта, компас. Все. И солнышко. Вот это я один, в небольшом количестве получалось. Но, все-таки, как это объяснить, бывало, что там расколачивал и приносил только контакты конкретно. Зимой вывозил. Здесь уже на работе, в свободное время, расколачивал. Все контактики добывал. Радиодетали же в ларьках принимали (ПМА 1).

Алексей был первым человеком в Кречеулово, кто увидел в ступенях не просто груды металлического мусора, а полезный ресурс, который может быть использован для улучшения собственного благосостояния. Поначалу ступени и поиск контактов едва ли интересовали его односельчан, однако интерес к ступеням начал быстро расти, после того как Алексей использовал выпиленный из корпуса ступени кусок алюминия как основу для саней. Двадцатиметровые конусообразные топливные баки стали источником качественного дюралюминия, пригодного для клепания волокуш (саней) и лодок, помимо этого части ступеней стали использоваться для изготовления лопат, водостоков, погребов, печек и кладбищенских оград.

Высокий уровень доверия внутри небольшого сообщества, часто связанного близкородственными связями, способствовал быстрому превращению новых знаний о ландшафте полей падения и возможности использования ступеней в общественное достояние. Вместе с тем большое количество ступеней в лесу и сложность в их единоличной заготовке не вели к напряженной конкуренции между заинтересованными в космическом металле. Основной проблемой зародившегося промысла стало изобретение инструментов, подходящих для разделки ступеней.

Мы один раз нашли, достать не могли, лежит как раз на аккумуляторе, кругом лед, там отверстие – никак туда не залезешь, а там лед, вода затекла. Как только ни пытались, долбили, рубили, никак не могли. Тогда не было еще приспособлений никаких, что[бы] взял да распилил. А потом че-то давайте мы, мужики, соберемся, кто че может придумает, кто с ножовкой поедет, человек пять нас насобиралось, поехали. Кто болты да гайки понаоткручивал, раньше у нас не было, чтоб мы куда покупать их поедем, здесь их в продаже никогда не было, вот, надо ехать наоткручивать гаек, кто за чем. Это железо и топорами возьмут наставят, колотят, топор ломают, колотили молотками. Дырку-то сделают небольшую, а там такое пространство метров по пять, по семь, а там, пилой «Дружба», цепь такая, тупые цепи, знаешь, когда могилы зимой копаем, не можем докопаться, тогда режут, пилят. Вот такими методами. Стали придумывать, придумали че сначала, пилили так, перерубали, переминали, а потом вот диск стали, обыкновенный режущий, сделали переходник от бензопилы, тоже от «Дружбы». Мужик один только ее поставил [на ступень], звенья проверял, моментом так вжжжжжжж, только глаза береги, стружки летят. Ого, хорошо [режет]! И вот мы так все вот этот отсек располосовали. Все, гонка началась за этими дисками (ПИМА 2).

С изобретением подходящей техники и совершенствованием инструментов меняется способ заготовки металла. При помощи бензопилы «Дружба» с циркулярной приставкой (позже ее заменят бензопилы «Stihl») ступени стало легче разделявать, и, помимо сбора отдельных

запчастей, сборщики металла начинают вырезать цельные листы, удобные для изготовления саней и лодок. Поиск металла для собственной «ракеты», так называется лодка, склепанная из космического металла, стал основной целью большинства искателей ступеней. Качественный металл от корпуса ступени стал хорошим материалом для изготовления новых легковесных, быстроходных и долговечных лодок без дополнительных затрат (рис. 1), при этом «ракеты» во многом унаследовали конструктивные особенности различных типов деревянных лодок, использовавшихся в бассейне Мезени (Балакин 2019).

Рис. 1. Рыбак отдыхает в «ракете» во время спуска по реке. Приток Мезени. Фото автора, июль 2018 г.

С распадом Советского Союза подход к ступеням начинает меняться. В годы «перестройки» (так мои собеседники называют период, наступивший после распада СССР) в Кречеулово закрывается совхоз, многие сельчане остаются без постоянной работы и начинают искать новые источники дохода. Женщины преимущественно трудоустраиваются в муниципалитетах, школах, учреждениях культуры и магазинах, а многие мужчины все больше высвободившегося времени уделяют неформальным и ситуационным возможностям поддержания хозяйства.

Я разнорабочим был в совхозе, пока не распался. Когда в России стояли совхозы у нас уже разорили все здесь. Вот ушел торговать. Коммерция. Купи-продай, ***. Возили вещи, ***ней [бесплезным делом] страдали. В основном я просто так, немного чтоб хоть стаж шел, а в основном-то на*** [незачем]. Но так в основном рыбалка да

охота была. Тогда же железом занялись, начали, когда совхозы-то распались, железо-то все подбирали, ***. Этот ***ый [никудышный] металлолом, алюминий. Раньше же при совхозах до*** [много] этой грязи лежало везде, не обращали внимания, что на эту медь, что на алюминий, что на нержавейку. А потом что, подобрали все лишнее, вот и поехали к ракетам, *** (ПМА 3).

На середину 1990-х гг. приходится пик сбора космического металла, ступени становятся не только материалом для личного хозяйства, но и ресурсом, за счет которого можно заработать. Появлению коммерческого интереса к ступеням и металлам, оставшимся после закрытия различных предприятий в Кречеулово, способствовали открытие пунктов сбора металлолома в столице региона и деятельность перекупщиков из райцентра. В районных газетах публиковались объявления о скупке металла, и новости о новой возможности быстро распространялись по району.

В практиках поиска и заготовки ступеней можно проследить определенный календарь и порядок распределения добычи. Летом – в начале осени сборщики собирались в группы по несколько человек и выезжали на болота искать ступени. Найденные блоки разрезались на удобные для транспортировки куски и помечались на карте, затем, в конце зимы – весной, когда снег становился тверже и замерзали реки, а значит, появляется дорога, сборщики снова выезжали за ракетами и в течение месяца вывозили их по зимнику в пункты приема металлолома. Заготовка ступеней почти всегда была коллективной, поскольку заготовить и вывезти металл в одиночку было слишком тяжело и занимало много времени. Найденная группой ступень становилась собственностью участников. Если металл предназначался для хозяйства, его делили по качеству материала и распределяли в зависимости от вклада каждого в работу, в первую очередь на это влияло наличие транспорта и инструментов. Если металл собирались продавать, то доход, как правило, делился поровну.

Однако в начале 2000-х гг. транспортировка металла становится проблематичной. Ракеты, лежавшие вблизи сел, достаточно быстро собирали, а с подорожанием бензина расходы на транспортировку металла с дальних участков районов падения едва покрывались доходами от продажи металла. К тому же в местном райцентре цена за металл была занижена вдвое по сравнению со столицей региона. Во многих деревнях невозможность окупить расходы стала причиной затухания промысла. Тем не менее в Кречеулово образовалось несколько крупных бригад, которые продолжили собирать и сдавать в металлолом ступени. Одну из бригад организовал Андрей, бывший совхозный тракторист, активно занимавшийся сбором и продажей металлолома, он смог накопить достаточное количество денег и организовать прибыльную систему переработки металла.

Железо стоило, скажем, 36 рублей, а они [в райцентре] принимали по 14 у нас. Я начинал тогда, сдавал, деньги имели от нас бешеные, а потом, надоело за бесценно работать, и я купил машину и сам в Архангельск уже возил. Газель полноприводная. Первая машина, поступили только. Тонна, две влезают. Везешь, оно хватает, по горло денег (ПМА 4).

Если большинство собирателей в Кречеулово сдавали только драг-металлы и отдельные части ступеней, то Андрей начал возить в переработку все, что можно было вывезти из полей падения (рис. 2). Доход от нескольких тонн алюминия, привезенных в город и сданных в металлолом, в несколько раз превышал среднюю месячную зарплату в деревне. Прямой доступ к рынку в городе позволил Андрею приобрести удобные бензопилы, снегоходы, а также организовать бригаду с наемными рабочими из местных жителей.

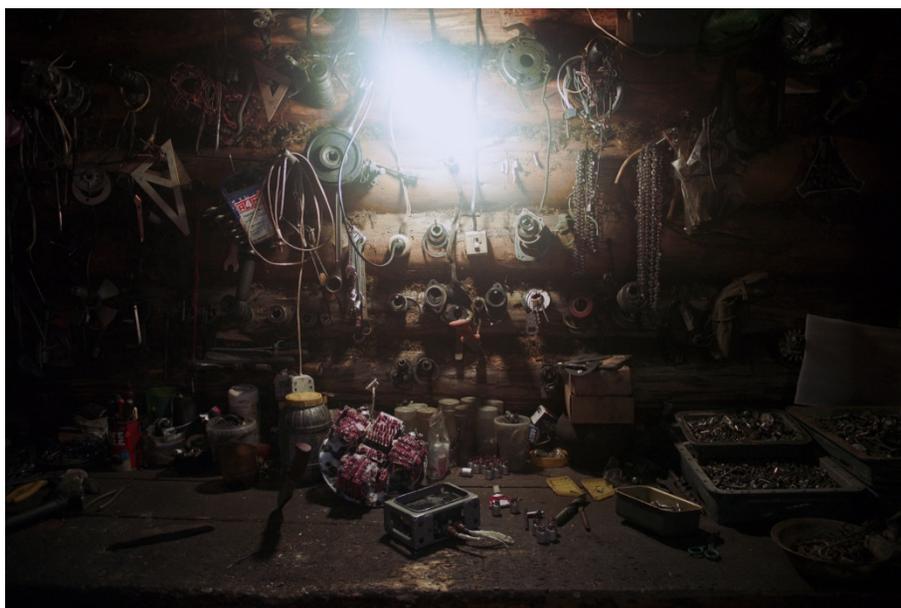

Рис. 2. Золотые контакты от аппаратуры «Союза» лежат на столе в гараже. Кречеулово. Фото автора, январь 2019 г.

Сам Андрей называет себя самым большим заготовителем в районе и объясняет свой успех тем, что просто «мог сделать деньги на железе», т.е. правильно его заготовить. В это входило умение наладить удобную для транспортировки инфраструктуру в лесу: проложить и поддерживать дорогу, соорудить мосты и переправы для снегоходов, а также организовать закупку инструментов, снегоходов и бензина для бригады.

Возможности организовать и обеспечивать бригаду способствовало занятие торговлей, помимо дополнительной прибыли это облегчало

Андрею транспортировку груза и, вместе со сбором металла, позволяло дифференцировать источники заработка, постоянно обеспечивая себя прибылью. Во многом фрагментарность характеризует большинство источников дохода в Кречеулово. А. Позаненко (2018: 37) называет такую способность находить и совмещать одновременно несколько источников дохода, основанных на постоянной работе или пенсии, эпизодических сезонных подработках и нескольких теневых источниках заработка, характерной чертой пространственно-изолированных сел Севера, где значительная часть трудоспособных жителей не задействована на официальном рынке труда. Такая комбинация практик, основанных на присваивающей экономике, дает относительно высокие доходы при относительно небольших трудозатратах. Сбор космического металла в Кречеулово стал одним из таких ситуативных неформальных источников дохода.

Как пишет Дж. Скотт, местоположение сообществ, размеры и пространственное рассредоточение, а также комбинирование различных хозяйственно-экономических стратегий дают возможность сообществу менять собственные позиции по отношению к государству и быть более или менее независимыми от отдельных элементов государственного контроля (Scott 2009: 333–334). В Кречеулово относительная независимость сообщества в силу географической удаленности стала важной составляющей в развитии нового промысла. В 1990-е гг. государство проявляло мало интереса к регулированию или контролю отдельных сфер жизни местного населения, а путь до Кречеулово по реке оказался слишком тяжелым, чтобы обеспечить постоянный контроль со стороны различных инспекций или милиции.

Это с райцентра, они сюда не ездят, себе дорожке по этой мели ползти, ***. Ну раньше весной, нажаловались, как лодок настроили железных вот этих. Так они приехали, зарегистрировали два года подряд. Потом как-то раз они тут, на мели-то, мотор сломали хороший и все, больше не ездят. Десять лет уж наверно прошло. Да *** [кто] их знают. Я-то не помню, они там, иногда, в Мухино [деревня, до которой есть постоянная дорога. – М.Т.] приедут, да и все. Кого надо поймают, а кого не надо не поймают. Сети здесь не трогают, а там до Мухино уже начинают шерстить. Ну, доезжают сюда иногда. Проверяют, когда нажалуются. Приедут да уедут назад (ПИМА 5).

Чем дальше от дороги, куда представителям власти удобнее добраться, тем менее подконтрольными оказываются неформальные практики самообеспечения. В случае, если машина с космическим металлом попадает на проверку по дороге к городу, человек может лишиться всего груза или попасть под статью за хищение госсобственности. Однако характер и исход встречи с представителями органов мог быть решен на уровне личных взаимодействий и контактов, а не в рамках правовых норм.

Куда свои мужики будут тормозить, хорошо шо в деревню не падает это железо дак. У нас вон в Новодвинске было задержали тоже машину, дак, тоже капитан пришел да и отпустил. Говорит: «Пусти-те их. *** [И правда] если у них в деревни падает это железо, вы че, не знаете что ли!» (ПМА 6).

Удаленность дает преимущество не только в самостоятельном неформальном пользовании окружающими ресурсами (рыба, дичь, лес, ступени). Жизнь «в глуши» и вблизи полигонов жителями условных центров воспринимается как критические обстоятельства, за счет которых за жителями удаленных деревень может признаваться моральное право на добычу и использование космического металла. Этот же подход оказывается важным в неформальном порядке принятия решений представителями власти, когда они сталкиваются с нарушениями закона со стороны мезенцев.

Таким образом, удаленность оказывается преимуществом не только для реализации космической программы, но и для местных жителей, которые смогли распорядиться металлом в своих интересах. Для жителей Кречеулово космический металл в кризисные постсоветские годы оказался важным ресурсом, на основе которого они смогли создать развитую хозяйственно-экономическую систему, обеспечивая себя за счет ступеней как материалом для хозяйства, так и дополнительным источником дохода.

Однако к концу 2000-х гг. промысел начал сходить на нет. После распада Советского Союза интенсивность запусков уменьшилась, новые ступени стали падать реже, а старые постепенно заканчиваться. Другой причиной стали протесты местных жителей против экологического загрязнения окружающей среды. Вместе с началом гласного использования районов падения, начался разговор о гептиле – токсичном топливе, на котором работала часть ступеней, запускаемых с «Плесецка». Появились исследования, связывающие космическую деятельность с онкологическими заболеваниями и ростом смертности в деревнях, граничащих с полями падения (Сидоров, Совершаева, Скребцова 2005), последствия деятельности космодрома активно освещались в местных СМИ.

В результате этого район падения, в границах которого я проводил свое исследование, стал реже использоваться для падения ступеней или перестал использоваться вовсе, поскольку часть трасс полета была переориентирована на другие направления. Сегодня нагрузка ложится преимущественно на территории Республики Коми. Помимо этого, в 2010-е гг. цены на металлы поменялись, а многие собиратели, начавшие добывать ступени в начале 1990-х гг., вышли на пенсию. Тяжелый и трудозатратный промысел стал не востребовавшимся для стареющего поколения, а большинство молодежи уехало из деревни и чаще возвращается туда к семье и односельчанам на время отпуска, а не для заработка.

«Поехали в лес, ракету добывать»

Часть лесов, входивших в состав района падения, уже использовалась местными жителями для сбора ягод, охоты и рыбалки. Однако с высвобождением времени после закрытия совхоза и вместе с растущей важностью практик самообеспечения за счет использования природных ресурсов в 1990-е гг. расширяется география осваиваемого пространства. Далее я покажу, как различные элементы местной космологии задействуются при освоении новых территорий и космического металла.

Тим Ингольд утверждает, что социальные отношения с ландшафтом устанавливаются путем инвестирования труда и времени (жизненного опыта), а также через взаимодействие с природой и через наследственный опыт (2002: 199, 133–136). В случае Кречеулово подобное выстраивание определенных отношений с окружающим ландшафтом во многом происходит в рамках охоты. Порядок установления права на пользование отдельными участками леса среди мужчин-охотников в Кречеулово стал для меня одним из основных интересов при исследовании полей падения.

Основными маркерами «занятой» земли для охотников становятся «путики» (тропы, по которым ходят мелкие хищники, а вслед за ними охотник с ловушками), а также избушки, построенные вблизи мест охоты или рыбалки.

Путики. Дичь-то ловить. Озера вот в принципе еще разделенные. Сейчас тоже все уже забросили. Куницей вот тоже занимались, все разделено было. Охотничьи избушки, охотничьи путики. Угодья как. Я вот куницей занимался нанизу, туда ко мне никто не совался. Василий ставил туда, к своим озерам. Далеко. И каждый знал. Это же борки [небольшие боры], путики ставят только на борках, где сухое место, каждый знал где. И озеро у каждого свое. Я вот на Высских озерах занимаю озеро. Там база, там избушка. Светлая, большая. Старые избушки стоят. Осенью все приезжают, все ловят. Но. В то же время, есть места уловистые, есть не очень. Они уже разделены. Вот, например, на середине озера есть кошка [песчаный остров], где пелядка нерестится, там четыре человека ставят перетяги. Остальные в других местах ужже. В ноябре месяце основная пелядка вот на эту кошку выходит, у них уловы более-менее. А те, кто у берегов, у тех не так (ПМА 7).

Избушки и путики являются основными элементами ландшафта, по которым можно определить, принадлежат ли земли вокруг кому-либо. Хозяин следит за избушкой, постоянно подновляет ее и держит внутри базовый запас дров, соли, спичек и других предметов, которые могут пригодиться охотнику. Также хозяин содержит территорию вокруг, наводя там «порядок» и очищая озеро для рыбалки. То, как жители Кречеулово выстраивают отношения с ландшафтом, можно сравнить с

тем, как Дэвид Андерсон определяет приобретение статуса и права на собственные, самостоятельные отношения с землей у эвенков и долган на основе умелых действий человека, свидетельствующих о его знании (см. Андерсон 1998: 126).

Избушка становится центром угодий, отталкиваясь от которого, охотник обходит свои путики или ходит рыбачить на озеро. Она же, вместе с путиками, является собственностью семьи и может наследоваться. Наличие избушки в конкретных местах дает ее владельцу приоритет в использовании окрестных ресурсов, а использование чужих угодий оказывается связано со строгим запретом на присвоение чужой добычи или порчи чужой собственности. Подобные нарушения в немногочисленном сообществе становятся быстро известны и влекут за собой серьезные наказания. Однако пользоваться самой избушкой может любой нуждающийся, если он не нарушает порядок использования ресурсов на территории угодья. И, как правило, этот порядок оказывается знаком большинству членов сообщества.

Что приехали ребята на озеро, изба стоит, вот, значит, я живу. Мы там тоже не бегаем, вот ты побежал туда, я там побежал сюда. Мы, знаешь, мы вышли на озеро, ага, твоя изба тут, моя тут (ПМА 8).

Важную роль избушки сыграли и при добыче ступеней в районах падения. Первые рыбачьи или охотничьи избушки появляются там еще до начала сбора ступеней. По мере роста интереса к космическому металлу такие избушки становятся одной из основ для освоения районов падения, однако порядок присвоения ступеней вокруг оказывается несколько иным.

Это первая избушка (на фото), она недалеко от озера, там крупное озеро, щука, сорога, окунь. А построили избушку рядом. Заехали туда как-то. Очень мало стало у нас рыбы на вирюжских озерах [основные системы, где ловят рыбу]. И тут мы как-то сговорились и вот туда поехали. Поехали без палатки, без всего, неделю прожили под елкой. И вот срубили такую вот неказистую, не по силе, ничего, так просто на мох сложена, печка была с собой привезена. И через неделю мы в эту избушку вошли. Мы там сколько порыбачили, сколько поохотились, лося еще добыли в тот год. А потом как мы поехали, вот эта ракета первая найдена была. Это озерко, оно тут недалеко, километра полтора от избушки (ПМА 1).

Избушка давала приоритет ее хозяину в заготовке ступеней, но не означала наличие у ее хозяина неоспоримого права на ступени вокруг, хотя, как я покажу далее, в отдельных случаях это могло оспариваться.

<А вашей избушкой как пользовались?>

Да все могли пользоваться, она не закрывалась дак. Печка была, все было, е-мае. Тут как началось, совхозы стали распадаться, все, пошла

полная безработица. Разово много кто ездил, чтобы на лодку вытащить. Чего там, один раз нас одиннадцать человек в этой избушке ночевало. Все ездили, чтоб на лодки себе вытащить. Тогда ракет было море. Я тогда еще металлом крепко не занимался, именно вот контактами этими, я их просто довез и ну, мол, ищите. Где-то вот здесь, в окрестностях должны лежать. Все нашли по ракете (ПМА 1).

Таким образом, избушки становились базой не только для их хозяина, но и для других желающих собрать ступени (рис. 3).

Рис. 3. Николай с циркулярной бензопилой стоит на ступени «Союза». Окрестности Кречеулово. Фото автора, январь 2019 г.

Вместе с этим изобилие металла в окрестностях поначалу не требовало особых правил для распределения ресурсов, поскольку ступеней хватало всем. Если было видно, что ступень уже кто-то начал разделять, то ее обходили стороной. Однако по мере уменьшения количества ступеней и роста конкуренции среди собирателей ступени начинают зачуривать (клеймить). Клеймение ступеней стало основным маркером ее принадлежности нашедшему ее человеку. Достаточно было вырубить свои инициалы, написать карандашом «занято» или даже надрезать ступень, и она уже считалась найденной и, соответственно, принадлежащей кому-либо. Причем это не оспаривалось не только жителями соседних деревень, но и собирателями, приезжавшими с других районов Мезени.

Вот ты идешь, находишь, метку ставишь. Ну просто вырубаешь че-то там. Приходишь, даже знаешь чья. Вот там бригадир ставит свою. Знаешь там Сергею, Мише [принадлежит]. Друг у друга так не трогали. Ставишь метку, я там РВ вырублю и ничего. Я у них не трогаю, у меня они не трогают (ПМА 9).

Право собственности на ступень принадлежало первому нашедшему, а клеймо устанавливало эту принадлежность. Клеймо стало одним из элементов местной культуры, широко задействованным в освоении нового ресурса. Помимо ступеней, клеймом маркировалась часть охотничьих угодий и приспособлений, связанных с охотой. Также личные клейма использовались в быту, чтобы обозначить принадлежность или авторство предметов. Отдельно клейма использовали для того, чтобы обозначить право собственности над стволами деревьев, принесенными рекой во время паводка. Однако заклеимленная ступень не всегда принадлежала целиком кому-то одному. Поскольку труд тяжелый и часто коллективный, мужчины сбивались в группы, состоявшие в основном из близких родственников или друзей. Сборщики разделяли между собой как добычу, так и труд по ее поиску, заготовке и транспортировке. Члены бригады следили за правилами распределения и неприкосновенности добычи, а если все-таки случалась кража, то такие проблемы, как правило, быстро решались. Потери компенсировались ответной кражей металла в пропорциональном количестве или конфликт решался в индивидуальном порядке.

Ну, если подъехал, а она уже запилена, приготовлена, распилена уже к вывозке. Не вздумай пилить. Если напишут там занято, на ракете, тоже не будешь пилить.

<А почему?>

Нельзя потому что. Место узкое, все равно друг друга найдем. У нас был случай один дак. Мы короче подготовили ступень, чтобы приехать на ГТСке, на вездеходе, ее подцепить и утянуть. То есть она ведь, если фотографии видел, нос такой длинный, середний бак, мы середний значит распилили. Все склади в нос, вперед. Дальше там не брали тогда. Склали сюда. В нос, потом зимой на вездеходе подъезжали цепляли и все. Небольшое отверстие как бы, чтобы влезали куски. Один раз приехали, задняя часть оставлена с соплами, пила оставлена [чужая]. Всего остального нету [украли]. Пилу забрали да на железе написали, где находимся, в какой избушке. Приехали. Договорились. Дак чего, они столько железа вывезли у нас здесь до машины и все. Оружие забрал у них, когда будет погружено на машину и наличные деньги, тогда и оружие получите. И все, без всякого скандала, и сейчас хорошо общаемся. Дак а че, если приготовленное, зачем трогать. Ладно, там начали пилить, ну увидели, что распилено и складено в носовую часть. И ничего, никто не в обиде (ПМА 9).

Несмотря на то, что многие жители Кречулово были вовлечены в сбор ступеней, для большинства ракеты оставались источником качественного материала в хозяйстве или ситуационной возможностью заработать. Большая часть территорий осваивалась небольшими бригадами, сделавшими сбор ступеней одним из основных источников своего дохода. В Кречулово таких бригад было четыре. Как уже было сказано, совмещая доход от торговли, охоты, сбора ягод или постоянной работы, участники этих бригад смогли организовать достаточно большой объем заготовок, чтобы обеспечить себя не только инструментами, транспортом и топливом, но и получить прибыль.

Для каждой из бригад избушки, построенные вблизи полей падения, стали базами, позволившими быстро освоить окружающие территории и заклеить большинство окрестных ракет. Чем больше бригада вкладывалась в инфраструктуру вокруг, тем большее количество ступеней она могла освоить, и тем большая часть территории вокруг воспринималась как закрепленная за конкретной бригадой. В отдельных случаях освоенность территории ее хозяином давала право оспаривать права на ступени, найденные поблизости другими. Например, несмотря на общее признание собственности на ракету за тем, кто ее заклеил, иногда конфликт мог возникнуть, если другой собиратель попадал на территорию вблизи избушки и пользовался ее инфраструктурой, чтобы вывезти металл.

Виктор тут тоже был, бухтел чо-то на нас. Наехал на нас тут. Избушку там, на реке, сделал, а я прошел за реку, нашел там три ракеты. Думаю, ладно, три ракеты-то не буду забирать, но одна тут ловко [удобно] как бы, и она, знаешь, целенька. И это лежит недалеко. Эту я, думаю, все равно заберу. А там уже тут уж лишнего ободрал [с ракет], головки снял и думаю ладно, черт с ними, мне неловко их возить было. Находил [к ракете] свою дорогу, а потом, думаю, а ракеты лежат прямо у ихней дороги. Ну че, думаю, ладно, давай через ихнюю дорогу вывезу. А у них же мост, они же построили через реку. Вот он там забухтел, забухтел, забухтел [что его дорогой воспользовался]. Я ему позвонил, ты приезжай ко мне, и разберемся. Поговорим. Че ты там, с какими угрозами. Чего ты мне угрожать надумал, дурака нашел что ли? Приезжай. И все, больше перестал звонить.

<А в чем смысл бухтения был?>

Ракету-то я у него прямо у дороги взял. Но он же ее не видел! Он там все выходил, но он ее не нашел, а она прямо вон. Говорит: «Я ее когда ле нашел». Дак я когда ле бы все здесь нашел без вас. Вы, говорю, сколько моих забрали с Ц... Которые я сначала не метил, я же первый начал. Я же еще там этих ракет сколько видел на болоте. Мы приехали, с одной ракеты 29 насчитываешь. Только на болоте, а они потом-то начали пилить. Потом приехали и начали тык мык. Мы просто не метили, они тоже брали как бы, я же ниче не говорил. Столько же не охватишь, здоровья не хватит столько. А потом, когда стало кончатся вот дележ начался, и они там между собой все перессорились.

Подобно тому, как избушка становилась основой для охоты и рыбалки и позволяла претендовать на ресурсы вокруг, избушки в полях падения давали собирателям и их бригадам возможность заготавливать металл и заявлять свои права на смежные территории и ступени в случае конфликтов.

В формировании порядка добычи ступеней мы можем наблюдать, как сборщиками задействуется метис – знание, преимущественно приобретаемое только через практику и используемое в конкретных ситуациях. Метис оказывается наиболее ценен в изменчивых контекстах, где порядок действий оказывается неопределенным и имеет частный характер (Скотт 2005: 512–513). Одновременно ступени осваиваются в рамках уже существующих порядков использования окружающего пространства и ресурсов, и их освоение отражает местные представления о справедливом распределении добычи среди участников промысла, а сбор ступеней связывается с умением, биографией и стремлениями отдельного человека (Андерсон 1998: 126). Таким образом, знание и освоенность ландшафта собирателями становятся символическим капиталом, дает право на использование территорий, включенных в поля падения, и создает основу для присвоения большинства ступеней.

Заключение

Деятельность космодрома оказывается сопряженной с земными проблемами вокруг реализации космических программ, прежде всего, в связи с их влиянием на окружающую среду и сообщества. Обращение к локальному космосу позволяет провинциализировать космическую деятельность и переоценить отдельные ее элементы, вовлекая в этот процесс места, связанные с деятельностью космодрома. Районы падения «Плесеца» в бассейне реки Мезень и практики добычи космического металла являются одними из таких элементов локального космоса. Рассмотрение полей падения и того порядка взаимодействия, который устанавливается с этим ландшафтом местными жителями, позволяет представить альтернативные подходы к использованию данной территории и рассмотреть уникальные культурные практики, возникшие на грани космической деятельности.

Поля падения в 1990-е гг. – не «пустые» пространства, а территории, насыщенные человеческой деятельностью. Рассмотренный мною случай показывает, как поля падения меняют порядки взаимодействия с окружающим ландшафтом и то, как вместе с освоением ступеней жители Кречеулово вырабатывают новые практики, совмещая их со знаниями, которые определяли использование пространства и определенных ресурсов до появления районов падения. Таким образом, это позволяет описать территории, включенные в освоение космоса, с точки зрения

конкретного местного сообщества и его космологии, и показать, как эта космология трансформируется в процессе взаимодействия с пространством полей и вместе с этим встраивает его в границы освоенных сообществом территорий.

Примечания

¹ Выделение районов падения происходило согласно Постановлениям Совмина РСФСР, затем согласно закону РФ «О космической деятельности», и Постановлению Правительства РФ № 536 от 31 мая 1995 г. «О порядке и условиях эпизодического использования районов падения отделяющихся частей ракет». Подробнее о нормативно-правовых вопросах использования районов падения см. Н. Гунькина и С. Совершаева (2003).

Источники

Полевые материалы автора (ПМА 1–9). Экспедиция в бассейн реки Мезень, Кречеулово, Архангельская область 2018–2019.

Литература

- Андерсон Д.Д. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.
- Балакин А.Ю. Современные конструкции поморских лодок (по материалам фольклорных экспедиций 2010-х гг. в Мезенский район Архангельской области) // Живая старина. 2019. № 3 (103). С. 56–58.
- Гунькина Н.С., Совершаева С.Л. Нормативно-правовые вопросы использования территорий в качестве районов падения отделяющихся частей ракеты-носителя // Экология человека. 2003. № 5. С. 46–50.
- Северный космодром России / под общ. ред. А.А. Башлакова. Мирный: Космодром «Плесецк», 2007. Т. 1.
- Сивков Д.Ю. Шаги и скачки: антропология космоса в поисках масштаба // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 29–33.
- Сидоров П.И., Совершаева С.Л., Скребцова Н.В. Основы системного мониторинга на территориях влияния ракетно-космической деятельности // Экология человека. 2006. № 5. С. 12–16.
- Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.
- Позаненко А.А. «Отдельная типа республичка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. 2018. Т. 27, № 4. С. 31–55.
- Anderson W. Introduction: Postcolonial Technoscience // Social Studies of Science. 2002. Vol. 32, № 5–6. P. 643–658.
- Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Drackner M. What is waste? To whom? An anthropological perspective on garbage // Waste management & research. 2005. Vol. 23, № 3. P. 175–181.
- Gorman A. Dr Space Junk Vs The Universe: Archaeology and the Future. New South Wales: NewSouth Publishing, 2019.
- Gorman A. La terre et l'espace: Rockets, prisons, protests and heritage in Australia and French Guiana // Archaeologies. 2007. Vol. 3, № 2. P. 153–168.

- Gorman A. The cultural landscape of interplanetary space // *Journal of Social Archaeology*. 2005. Vol. 5, № 1. P. 85–107.
- Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspectives // *Feminist Studies*. 1988. Vol. 14, № 3. P. 575–599.
- Ingold T. The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling and skill. London: Routledge, 2002.
- Klinger J. M. Environmental Geopolitics and Outer Space // *Geopolitics*. 2019. P. 1–38. DOI: 10.1080/14650045.2019.1590340
- Mitchell S.T. Constellations of inequality. Space, race, and utopia in Brazil. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017.
- Redfield P. Beneath a Modern Sky: Space Technology and Its Place on the Ground // *Science, Technology, & Human Values*. 1996. Vol. 21, № 3. P. 251–274.
- Redfield P. Space in the tropics: from convicts to rockets in French Guiana. Berkley: University of California Press, 2000.
- Redfield P. The half-life of empire in outer space // *Social Studies of Science*. 2002. Vol. 32, № 5–6. P. 791–825.
- Scott J. C. The art of not being governed: an anarchist history of upland Southeast Asia. New Heaven: Yale University Press, 2009.

Статья поступила в редакцию 27 января 2020 г.

Tereshin Makar R.

FALLING BACK TO EARTH: OUTER SPACE AND THE MEZEN RIVER

DOI: 10.17223/2312461X/27/4

Abstract. The article discusses the emergence of practices related to collecting carrier rocket boosters in one of the drop zones of the Plesetsk spaceport in the Mezen River basin (North Russia). Drawing on theoretical works in the anthropology of outer space, the author situates outer space in the context of an empirical study on the people collecting rocket boosters, and shows how the drop zone is redefined by the local community. The article contextualizes the local population's new activity, tracing the ways in which the drop zone is used by them, and discusses how the interaction of the locals and the surrounding landscape has contributed to the new practices.

Keywords: anthropology of outer space, Science and Technology Studies, locality, spaceport, space debris, Mezen

References

- Anderson D.D. *Tundroviki: ekologiya i samoznanie taymyrskikh evenkov i dolgan* [The tundra people: the ecology and self-identification of the Taymyr Evenks and the Dolgans]. Novosibirsk: Izd. SO RAN, 1998.
- Balakin A.Iu. Sovremennyye konstruktssii pomorskikh lodok (po materialam fol'klornykh ekspeditsii 2010-kh gg. v Mezenskii raion Arkhangel'skoi oblasti) [Contemporary Pomor boat designs (based on the folklore materials of the expeditions conducted in the 2010s to the Mezen area of Arkhangel'sk oblast)], *Zhivaia starina*, 2019, no. 3(103), pp. 56–58.
- Gunkina N.S., Sovershaeva S.L. Normativno-pravovyye voprosy ispol'zovaniia territorii v kachestve raionov padeniia otdeiliaushchikhsia chastei rakety-nositelia [Normative and legal issues of using territories as drop zones], *Ekologiya cheloveka*, 2003, no. 5, pp. 46–50.
- Severnii kosmodrom Rossii* [The Northern Cosmodrome of Russia]. Ed. by A.A. Bashlakov. Mirnyi: Kosmodrom «Plesetsk», 2007, Vol. 1.

- Sivkov D.Iu. Shagi i skachki: antropologiya kosmosa v poiskakh masshtaba [Steps and leaps: The anthropology of space in search of scale], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 6, pp. 29–33.
- Sidorov P.I., Sovershaeva S.L., Skrebtsova N.V. Osnovy sistemnogo monitoringa na territoriiakh vliianiia raketno-kosmicheskoi deiatel'nosti [Principles of system monitoring on territories of rocket-space activity's impact], *Ekologiya cheloveka*, 2006, no. 5, pp. 12–16.
- Scott J. *Blagimi namereniami gosudarstva. Pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniia uslovii chelovecheskoi zhizni* [Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed]. Moscow: Universitetskaia kniga, 2005.
- Pozanenko A.A. «Otdel'naiia tipa respublikhka»: strukturnye osobennosti prostranstvenno izolirovannykh lokal'nykh sel'skikh soobshchestv [‘A kinda separate little republic’: Structural specifics of spatially isolated local rural communities], *Mir Rossii*, 2018, Vol. 27, no. 4, pp. 31–55.
- Anderson W. Introduction: Postcolonial Technoscience, *Social Studies of Science*, 2002, Vol. 32, no 5–6, pp. 643–658.
- Chakrabarty D. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Drackner M. What is waste? To whom? An anthropological perspective on garbage, *Waste management & research*, 2005, Vol. 23, no. 3, pp. 175–181.
- Gorman A. *Dr Space Junk Vs The Universe: Archaeology and the Future*. New South Wales: NewSouth Publishing, 2019.
- Gorman A. La terre et l'espace: Rockets, prisons, protests and heritage in Australia and French Guiana, *Archaeologies*, 2007, Vol. 3, no. 2, pp. 153–168.
- Gorman A. The cultural landscape of interplanetary space, *Journal of Social Archaeology*, 2005, Vol. 5, no. 1, pp. 85–107.
- Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspectives, *Feminist Studies*, 1988, Vol. 14, no. 3, pp. 575–599.
- Ingold T. *The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling and skill*. London: Routledge, 2002.
- Klinger J. M. Environmental Geopolitics and Outer Space, *Geopolitics*, 2019, pp. 1–38. DOI: 10.1080/14650045.2019.1590340
- Mitchell S.T. *Constellations of inequality. Space, race, and utopia in Brazil*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017.
- Redfield P. Beneath a Modern Sky: Space Technology and Its Place on the Ground, *Science, Technology, & Human Values*, 1996, Vol. 21, no. 3, pp. 251–274.
- Redfield P. *Space in the tropics: from convicts to rockets in French Guiana*. Berkley: University of California Press, 2000.
- Redfield P. The half-life of empire in outer space, *Social Studies of Science*, 2002, Vol. 32, no. 5–6, pp. 791–825.
- Scott J.C. *The art of not being governed: an anarchist history of upland Southeast Asia*. New Heaven: Yale University Press, 2009.

УДК 008.2; 316.42

DOI: 10.17223/2312461X/27/5

МАСШТАБЫ И МЕСТА: ОНТОЛОГИИ ОСВОЕНИЯ КОСМОСА

Денис Юрьевич Сивков

Аннотация. В статье рассматриваются онтологии освоения космоса, связанные с понятиями места и масштаба. Космос и космонавтика репрезентируются как столкновение трех масштабов: глобального, национального и локального. Глобальный масштаб – это действия всего человечества, национальный масштаб – космическая гонка государств. Антропологические исследования космоса показывают, что космос локализуется в особых земных местах. Три онтологических масштаба смешиваются и конкурируют друг с другом. В рамках исследований науки и технологий и тезиса Б. Латура доказывается, что столкновение масштабов зависит от мест, которые создают и поддерживают масштабирование. В то же время вызовом для земных онтологий являются внеземные места, в которых обнаруживаются радикально иные условия существования, например невесомость. В этой связи в онтологической перспективе важной становится интерскалярная работа по сопряжению масштабов и мест.

Ключевые слова: антропология космоса, исследование науки и технологий, масштаб, место, космос, космонавтика, онтология, локальность, интерскалярность

Введение: шаги и скачки

Изучая социотехнические проекты космических любителей в России, я столкнулся с необходимостью понять, как репрезентируется попытка достичь безвоздушное пространство¹. В освоении космоса одной из самых заметных является метафора шагов и скачков, в которой само освоение предстает как движение и преодоление. Американский астронавт Нил Армстронг, первым ступивший на поверхность Луны, произнес знаменитую фразу: «Это один маленький шаг для человека и огромный скачок для человечества» (That's one small step for [a] man, one giant leap for mankind). Шаг индивида является метонимией скачка всего человечества. В этом смысле отдельный человек действует не сам, а от имени всего человечества, если он занимается освоением космоса.

Любопытно, что в коммерческой космонавтике, которая, казалось бы, в последнее время существенно опрокидывает принципы космической гонки и государственного освоения космоса, сохраняется тот же троп или фрейм шагов-скачков «всего человечества». После успешного запуска компанией Илона Маска *Space X* ракеты *Falcon 9*, один из сто-

ронников движения *NewSpace* Рик Тамлинсон заявил: «Это гигантский скачок для коммерческого космоса, но маленький шаг к космическому фронтиру!» (That's one giant leap for commercial space and one small step towards an open space frontier!). Как показал в своем исследовании коммерческой космонавтики антрополог Дэвид Валентайн, риторика освоения космоса у ньюспейсеров построена на идее «стратегии выхода» – спасения всего человечества за счет колонизации спутника Земли, планет Солнечной системы и астероидов и создания там человеческих поселений. Валентайн показывает, что коммерческое движение *NewSpace* отличается от современного капитализма. Капитализм, как правило, стремится к быстрой отдаче кратковременных инвестиций. Космические предприниматели, напротив, стремятся к долгосрочным инвестициям в будущее, в эволюцию человечества в космологической перспективе. Как отмечал Валентайн, «вопреки разнообразию индустрии они [ньюспейсеры. – Д.С.] объединены общим и несомненно экстремальным видением будущего и капитализма: предпринимательская активность радикально и позитивно трансформирует будущую эволюцию общества и самих наших видов основанием человеческих поселений в Солнечной системе и за ее пределами» (Valentine 2012: 1047)².

Схожим образом видят будущее колонизации космоса участники проекта *Mars One*. Этот коммерческий медиа-проект имеет целью отправку миссии на Марс и создание там поселений. Для этого был проведен отбор колонистов из разных стран. Исследователь науки и технологий Ричард Таттон провел серию интервью с колонистами, прошедшими отбор в *Mars One*, на предмет их видения будущего и целей миссии. Основывая свое мнение на утопических представлениях, взятых в том числе из современной научной фантастики, респонденты схожим образом отмечали, что сама миссия послужит для объединения всего человечества. Это может произойти из-за стирания в космосе границы между национальными, социальными и расовыми группами. Таттон выяснил, что «не только сам *Mars One* привлек широкий круг претендентов из разных стран и культур, но и путешествие на Марс, которое совершат четыре соискателя *Mars One*, их попытка создать там поселение, которое также объединит все человечество» (Tutton 2017: 529). В этом смысле оторванные от своих обязательств, привязывающих к Земле, участники надеются на стирание всех земных различий и создание космического единства в колонизации красной планеты.

Таким образом, изучение и освоение космоса не являются нейтральным технонаучным предприятием. Оно основывается на важном допущении, согласно которому считается делом *всего человечества*. Этот глобальный масштаб сохраняет свою значимость от «общего дела» русского космизма до актуальных проектов Илона Маска. Необходимо пояснить, что понятие масштаба в онтологическом смысле опирается на

несколько достаточно простых допущений. Во-первых, освоение космоса, как уже было показано, имеет пространственный смысл и подразумевает преодоления некоторой дистанции (расстояния), а также достижения и соединения различных точек. Во-вторых, обозначенное преодоление осуществляется за счет некоторого ресурса и, соответственно, имеет смысл для некоторой референтной группы, например для всего человечества. Очевидно, что этот ресурс и весь социологический аппарат, описывающий его, отсылает к пространственной метафору размещения. В-третьих, масштаб также оказывается некоторой рамкой, или фреймом, который позволяет видеть, как сам феномен освоения, так и референтную группу. В данном случае масштаб предоставляет возможность видеть всех людей как человечество. Говоря о масштабе, следует учитывать, что социальные образования, которые являются основаниями для масштаба освоения космоса – человечество, нация или локальные сообщества, являются «воображаемыми сообществами» в том смысле, в котором о них говорил Бенедикт Андерсон (Андерсон 2016). Дело в том, что освоения космоса представляется делом всего человечества, но вряд ли в действительности является таковым. В то же время, как будет показано дальше, масштаб создается и поддерживается с помощью материальной инфраструктуры в специальных местах. В последующем изложении представлена попытка сформулировать положения конкурирующих онтологий освоения космоса, действующих масштабы и места. В этой связи возникает вопрос: «все человечество» – единственный ли это масштаб, который позволяет осваивать космос или изучать само освоение? Для ответа на этот вопрос попытаемся понять, какой масштаб в освоении космоса выбирает антропология.

«For all mankind» в антропологии

В каком-то смысле антропология космоса началась сразу же после запуска Советским Союзом первого искусственного спутника Земли в 1957 году. Пожалуй, самый влиятельный в дисциплине ученый в начале космической эры Маргарет Мид собрала в Нью-Йоркской академии наук своих коллег – антропологов, социологов и политологов с целью выяснить, какое влияние может оказать советский «красный спутник» (red moon) на человечество. Как отмечал корреспондент газеты *The New Scientist* Джон Лир, освещавший событие, «есть небольшая группа ученых-наблюдателей в Соединенных Штатах, которые смотрят на спутники (moons), произведенные русскими, как на будущее благо для человечества. Возглавляемое известным антропологом д-р Маргарет Мид из Американского музея естественной истории, это меньшинство наблюдателей реалистов надеется получить самую первую “до и после” словесную картину главного культурного изменения во всей истории человеческой цивилизации» (Leag 1957: 20).

Любопытно, что в начале освоения космоса антропология говорит не о локальных, локализованных на островах и в джунглях индигенных сообществах, а обо всем «человечестве» и «человеческой цивилизации». Более того, помимо глобального масштаба «ради всего человечества», Мид и ее соавтор Рода Метро обращаются к метафоре шагов и скачков всего человечества в эссе «Человек на Луне», которое было опубликовано за несколько дней до высадки американских астронавтов на естественный спутник Земли: «В день, когда человек ступит (steps) на поверхность Луны, люди (human beings) сделают решительный шаг (step) из прошлого в новую реальность» (Mead, Metraux 2005: 247).

Такой взгляд на освоение космоса как на деятельность всего человечества во многом стал возможен благодаря публикации фотографий Земли, сделанных из космоса американскими астронавтами во время миссии «Аполлон» с расстояния примерно в 30 тыс. км. Один из самых известных снимков этой серии называется *Blue Marble*. В другом эссе, «Час земли», Маргарет Мид рассуждала о стирании политических границ благодаря такому взгляду на Землю из космоса: «...на синих и белых пустошах (waste) изображения Земли из космоса нет границ, кроме тех, что сделаны водой и горами. Однако в этой картине Земли исчезают суровые безличные структуры мировой *Politik*, нет зон влияния, политических спутников, международных блоков, только люди, которые живут на землях, на земле, о которой они заботятся» (Mead 1973: 10). Соответственно, по мнению Мид, освоение космоса превращает нашу планету в целое, потому что «тот же самый набор изобретений, который открывает вселенную для освоения, также делает наш мир одной, ограниченной единицей, внутри которой все люди разделяют те же риски и имеют доступ к тем же самым надеждам» (10).

Для поддержания глобального фрейма-масштаба и «ради всего человечества» ранняя антропология космоса задействует различные внешние и внутренние ресурсы, будь то фотовзгляд из безвоздушного пространства, или идея эволюции и культурного контакта между цивилизациями разной степени развития, или даже перенос принципов полинезийской колонизации в межзвездное пространство (Dick 2006; Finney 1987). В начале космической эры антропология видела освоение космоса в глобальном масштабе³.

Space race, или Национальный масштаб

Американский антрополог Шон Т. Митчелл, который исследовал этническое и политическое движения квиломбу в контексте бразильской космической программы, обратил внимание читателя на фотовзгляд Маргарет Мид из космоса на нашу планету. Митчелл отмечал, что «это видение Земли стало возможным благодаря космическому пу-

тешествуию, – абстрактное видение издалека, в котором линии конфликтов и господства становятся бессмысленными. Эссе Мид было написано как заявление эры холодной войны о том, что космическая перспектива побуждала человечество больше заботиться о Земле и народах, свободных от политических границ – настолько плодотворная утопия, насколько мог вообразить любой человек... Похожую утопическую перспективу сложно найти в бразильской космической программе. Видеть Землю сверху, не с земной, но с точки воображаемого универсального человечества – легко с перспективы имперской космической программы во время холодной войны в США и Советском Союзе. Но такая универсализующая перспектива плохо подходит к попытке догнать, которую устанавливает для себя бразильская космическая программа в качестве отправной точки» (Mitchell 2017: 185).

Тем самым Митчелл выявил еще на один масштаб освоения космоса, – национальный масштаб, обусловленный космической гонкой. Во-первых, примечательно, что, согласно Митчеллу, глобальный взгляд на Землю, человечество и освоение космоса возможен как раз благодаря универсализующему национальному фрейму. В этом смысле фотография *Blue Marble* помещается в уже существующие рамки столкновения национальных государств. Очевидно, что речь идет о том, что уже готовая целостность национального взгляда достаточно легко переносится на всю планету. Тотальность масштаба задается механизмами не глобальной, а национальной целостности. Таким образом, на онтологическую арену выходит национальный масштаб.

В этом смысле коммерческий сектор в эпоху космической гонки и гонки вооружений скорее эксплуатирует противостояние космических держав, а не спасение всего человечества. Можно проиллюстрировать сказанное одним примечательным примером. В декабрьском номере журнала *Playboy* за 1969 год, который вышел после полета американцев на Луну, была размещена реклама портативного телевизора фирмы *Panasonic*. На фотографии изображены два американских астронавта в скафандрах на поверхности Луны, которые видели на портативном телевизоре летящую баллистическую ракету. Надпись гласит: «Теперь Вы можете смотреть, как русские идут, даже если вы находитесь за 250 000 миль от дома» (Panasonic Advertising 1969: 52). Этот одновременно иронический и серьезный образ расколотой на политические блоки планеты, которые соревнуются в смертельной гонке, далек от единого и универсального человечества в движении *NewSpace*.

Во-вторых, Митчелл делает важное различие: есть национальный масштаб освоения космоса, связанный с космической гонкой, а есть, в случае с Бразилией и ее космической программой, национальный масштаб, связанный с попыткой догнать космические державы.

Очевидно, что у «гнаться» и «догонять» разные смыслы. История бразильской космической программы – это скорее история неудач и поражений. От полета бразильского астронавта на Международную космическую станцию до взрыва на космодроме Алкантара в 2015 г. бразильская космонавтика воспринимались как безуспешные попытки попасть в клуб космических держав. В 1994 г. за 10 млн долл. бразильский астронавт Маркос Цезар Понтис полетел на российском корабле «Союз» на Международную космическую станцию. Как отмечал Шон Т. Митчелл, «если Нил Армстронг был способен представить себя как метонимию человечества в его прогрессе, Понтис стал метонимией – во многих бразильских медиа – неудачной конвергенции с космическими державами» (Mitchell 2017: 94).

В контексте неудач Митчелл противопоставлял национальному и тотальному взгляду Мид другой национальный взгляд на *Blue Marble* в песне *Terra* известного бразильского исполнителя Каэтану Веллозо. В этой песне герой смотрит на звездное небо и на фотографию Земли, находясь в тюремной камере. Тюрьма здесь – Бразилия, а заключенный – любой бразилец или бразильянка. Митчелл отмечал, что Веллозо «начинает песню с замечания, что видит изображение Земли в тюрьме бразильского режима. Даже с этой абстрактной и универсальной перспективы, утопия космоса зависит от земной локации» (Mitchell 2017: 185). Итак, в размышлении Митчелла появляется национальный масштаб, который дробится и приводит к перспективе более локальной и менее национальной.

Earthbound, или Локальный космос

В последние 15–20 лет появляется все больше антропологических исследований, в которых глобальный космос объявляется локальным, привязанным к конкретным местам. Антропологи показывают, что освоение космоса считается не делом рук всего человечества и не предметом заботы национальных государств, а делом отдельных людей и сообществ. Так, Лиза Мессери привела убедительные аргументы, что освоение космоса (outer space) является своего рода поиском особенных мест. Точнее сказать, безграничный (spaceless) космос оказывается понятным и знакомым, и в этом смысле земным местом (place). Места – это такие метафорические (в смысле переноса) и одновременно конструктивные средства освоения космического пространства. По мнению американского антрополога, «место предполагает близость, которая может приблизить космос к человеческому опыту» (Messeri 2016: 2).

Космос через различные практики соприсутствия, картографирования, рассказы и другие способы визуализации превращается из бесконечного пространства в место. Одним из мест, где Лиза Мессери делала полевую работу, была «Марсианская исследовательская станция в пу-

стыне Юта» (The Mars Desert Research Station). Вместе с геологами и другими специалистами антрополог искала места, которые могли бы быть похожими на марсианские. Мессери описала специфическую технику двойной экспозиции, или двойного наложения (*double exposure*), когда через нарратив, через повествование о месте конструируется само место посредством совмещения земного и марсианского планов. Двойная экспозиция может быть и материальной. Подобно героям «Волшебника Изумрудного города» участники арктических экспедиций изменяли восприятие земных местностей с помощью специальных фильтров: «Первые команды арктической симуляции Марса акцентировали двойную экспозицию места, используя при фотографировании оранжевые и красные фильтры, чтобы убедить наблюдателя, что он действительно смотрит на населенный марсианский ландшафт» (Messeri 2016: 65). Эта практика двойной экспозиции позволяет совмещать земные и внеземные места, искать в предполагаемых марсианских ландшафтах знакомые земные места.

Другой антрополог, Питер Редфилд, проводил исследование на космодроме Куру во Французской Гвиане. Эта территория является французской провинцией и идеальным местом для запуска ракет из-за близости к экватору и более низкой себестоимости запусков. Европейская космическая программа и постоянные запуски сделал Гвиану местом, привлекательным для мигрантов из соседних стран. При этом единственная асфальтированная дорога, которая проходила через территорию провинции, была дорогой, проходящей через космодром. Она перекрывалась во время запусков, и строительство объездного шоссе вызвало череду политических выступлений и породило политическое Движение за деколонизацию и социальное освобождение (*Mouvement de decolonization et d'emancipation sociale – MDES*), выступавшее против космической программы и французского правительства.

Редфилд, используя тезис Латура из книги «*We have never been modern*». «Даже длинная сеть остается локальной во всех точках» (Латур 2006: 94), предложил понимать космос как локальность политического конфликта. «Космос, или сегмент широких, смещающихся сетей, мгновенно становится локальным. Несомненно, эта локальность понимается по-разному с разных направлений. Для официальных лиц космодром – это помеха, для избранных официальных лиц – статья переговоров, для представителей MDES – фокус для политической мобилизации. Однако для всех она остается точкой перехода, проблемой, в которую они все инвестируют, вместе с ракетой и спутником» (Redfield 2002: 807). Такой локальный космос, «насыщенный маленькими и особенными столкновениями, оказывается локальным, или «привязанным к Земле» (*earthbound*).

В другом кейсе Джаннет Вертези исследовала команду специалистов, которые занимались управлением марсоходами на поверхности

Марса. Примерно 150 человек – представители разных стран, профессий, институций и статусов жили в течение нескольких лет по марсианскому времени (сутки на Марсе – сол составляют 24 часа 39 минут и 35,244 секунды) и обсуждали на видео и телеконференциях, через файлобменники, электронную почту и личные встречи, какой путь должны проделать марсоходы. Специалисты получают изображения, обрабатывают их, анализируют и принимают решение, куда дальше должен двинуться марсоход. Команду формально возглавлял главный исследователь (Principal Investigator), но при этом он скорее отвечал за правила горизонтальной иерархии и консенсуса. В этом смысле никто не принимал решение единолично. Вертези подчеркивает важность установления социального порядка в команде: «...ответственность распределялась по команде. Это означает, что ученый никогда не был одиночкой, а располагался в социальной среде... Изображения во взаимодействии являются главным для производства социального порядка команды» (Vertesi 2015: 15).

Специалисты, управляющие марсоходами на поверхности красной планеты с помощью тех изображений, которые они получают от робота, условно делятся на «ученых» и «инженеров». Ученые хотят делать «открытки» (postcards) красивых видов красной планеты, которые потом опубликуют в научно-популярных журналах, а инженеры пытаются сохранить марсоход в рабочем состоянии и уберечь его от необдуманных действий ученых. В этом смысле изображения Марса, а в пределе и освоение космоса, будут зависеть от мира в команде, от правил социального порядка. Вертези отмечала: «То, как марсоход конструирует изображения, связано с непосредственной и ситуативной целью так же, как и с взаимодействием в команде марсохода. Изображения являются и продуктом, и средством обращения этой деятельности; их окончательная форма и возможности обработки формируются этими действиями. Ритуалы и практики планирования изображений производят коллективную ориентацию и цель непрерывного, ежедневного консенсуса» (Vertesi 2015: 51). В этом случае команда не собирается в одном месте, а через виртуальные ресурсы является распределенной в пространстве и времени. Тем не менее освоение удаленного космоса локализуется в этой распределенной команде и в виртуальном месте интернет-коммуникаций⁴.

Локализация космоса в особые места позволяет изменить оптику восприятия освоения космоса и заметить локальные реальности, ранее находившиеся в слепом пятне. Например, благодаря локальному штабу, можно исследовать проекты любительской космонавтики в России (Сивков 2019б), изучать комплексные самостоятельные экспедиции к предполагаемому месту падения Тунгусского метеорита в СССР (Поправко, Чалаков 2019), выявлять народные нарративы, интерпретиру-

ющие национальную космическую программу Индонезии запусков системы спутников *Palapa* (Barker 2005), применять социальную историю для понимания вклада обычных рабочих на космических предприятиях в освоение космоса (Asner 2007), понимать политическую роль протестов афроамериканских активистов против полетов на Луну (Maher 2018), а также интерпретацию полетов на Луну в ритуалах индейцев зуни (Jane Young 1987). Локальный масштаб также означает пролиферацию онтологий и космологий в исследовании и освоении космического пространства.

Войны масштабов

В ходе рассуждения об онтологии сначала освоение космоса, – даже самые малые шаги отдельных людей, – казалось делом всего человечества. Потом на онтологической сцене появились другие космические масштабы – национальный и локальный, которые стали конкурировать с глобальным описанием. При этом могло показаться, что исследователи полагают в качестве верного только один из масштабов, а остальные считают иллюзорными. Например, в случае с последними исследованиями антропологов, нет никакого глобального космоса; он может быть только локальным. Однако нижеследующие примеры показывают, что речь идет о своего рода войнах масштабов, которые сталкиваются и конкурируют друг с другом.

Вообще говоря, антропология и социальные науки последние несколько десятилетий имеют тенденцию к критике модерновых конструкций и экспликации множественных онтологий в разных подходах и направлениях. В то же время именно в сфере освоения космоса нарратив модерна чувствует себя достаточно уверенно. Сегодня общим местом для исследователей, активистов и простых людей в социальных сетях стало разоблачение мужского господства, деколонизация всего и всех, отказ от универсалий и больших нарративов. Так, вполне легитимно говорить о колонизации Луны, Марса и астероидов. В этом смысле космос, похоже, – единственное место, где колонизация не только существует, но и приветствуется. Освоение космоса считается делом не отдельных людей, а всего человечества, и тут никто не сомневается, что такой феномен как человечество существует. Публика восторгается маскулинностью героев космического фронта в «Интерстелларе» Нолана и «Марсианине» Вейера. Почему все эти модерновые конструкции остаются в слепом пятне? Возможно, их незаметность и отсутствие нашей рефлексии свидетельствуют о том, что они вовсе не являются вымыслом вопреки разоблачениям, а оказываются все еще хорошо работающими инструментами такого глобального, метропольного, антропного, колониального масштаба? Если это так, то под во-

просом оказывается и исчезновение модерна, и работоспособность в космосе всех модных альтернативных, множественных и гетерогенных онтологий.

В контексте *scale wars* исследователь науки и технологий Катарина Дамьянов обратила внимание на то, что в космическом праве в Законе о космосе (Outer Space Treaty), который был принят в 1967 г. и сегодня ратифицирован почти всеми странами мира, сам космос считается «провинцией всего человечества» (province of all mankind), а космонавты и астронавты – «посланниками всего человечества» (envoys of mankind) (Damjanov 2018: 19). Соответственно, космос и космонавты воспринимаются в глобальном масштабе. При этом вещи в космосе, включая космический мусор, принадлежат национальным государствам, которые их изготовили и отправили. «OST подходит к “космическим объектам” как к внеземным расширениям государств, запускающих в космос, и хотя он представляет космос как глобальное общее (commons), который должен оставаться вне территориальных притязаний и прав собственности, он понимает космические объекты, которые размещены в нем, как области собственности и суверенитета. Вместе с развитием международного сотрудничества и публично-частного партнерства, в космосе возникают более сложные отношения собственности и будут предприниматься дальнейшие попытки классифицировать и укрепить их» (20). В этой связи Дамьянов упоминает проект Portal на Международной космической станции. Частная компания Made in Space и НАСА установили 3D-принтер, который позволяет изготавливать компоненты, необходимые для станции. В контексте практик правоприменения вопрос о том, чей собственностью являются вещи, изготовленные на этом принтере, остается открытым.

Шон Т. Митчелл в бразильской космической программе увидел столкновение национального и локального космоса в одной референтной группе. Этническое и политическое движение квиломбу (этот термин в XIX в. означал «свободные поселения беглых рабов») появилось вокруг космодрома Алкантара из-за того, что жителей приморских деревень переселяли в новые «потемкинские» «агровилладжи». В этом смысле для квиломболов космос оказывается локальным – для них это не прибыль коммерческих запусков гражданского космического агентства и не величие Бразилии как члена клуба космических держав бразильских военных; для квиломбу космическая программа – это их конкретные земли с «традиционной» экономикой. «Общим местом в Алкантаре является восприятие себя как тех, кого база ранит экономически, в первую очередь давлением, которое она оказывает на землю и водные ресурсы в регионе. Никто из тех, кого я встречал, не говорил о том, что он часть коллектива, в общем получающий преимущества от прогресса, принесенным космической программой» (Mitchell 2017: 33).

При этом некоторые квиломболоас воспринимают угрозу своим землям в национальном масштабе как угрозу со стороны других государств (часть космодрома была отдана в аренду бразильско-украинскому консорциуму «Циклон», а Америка в режиме теории заговора рассматривается как инициатор аварии в Алькантре в попытке захватить всю Амазонию). Митчелл отмечал, что «многие среди бразильских военных убеждены в международном заговоре, который организует квиломбу и коренные народы, чтобы завладеть амазонскими ресурсами, поэтому защита амазонской территории добавляет иное измерение к оппозиции движению квиломбу. В то же время движение квиломбу и его сторонники иногда сотрудничают с военными, хоть и с разными целями, против угроз суверенитету Бразилии» (Mitchell 2017: 157).

Жители тех деревень, которые пострадали или могут пострадать из-за бразильской космической программы, как правило, говорят о космосе в терминах локализации. В то же время один из активистов квиломбу Мачадо говорил Митчеллу о другом, а именно об аренде части базы Украиной. Подобно другим квиломболоас, активист «фокусируется на возможной потере земли и средств существования... но он сфокусировался на одном элементе... “аренде” базы Украиной, иностранным государством» (Mitchell 2017: 170). В этом случае, как заметил антрополог, «интерес Мачадо фреймирован более широким масштабом», чем у других активистов (Ibid.). В случае, который рассматривается в «Конstellляции неравенства», разные масштабы освоения космоса, национальный и локальный, конкурируют в одном месте – в общине квиломбу.

Судя по всему, масштабы не только конкурируют и вытесняют друг друга. Они могут смешиваться и находиться в некотором напряжении, ситуативно подменять друг друга. На советском плакате 1969 г. «Побратимы Вселенной» художников В.П. Воликова и М.И. Эльцуфена изображены экипажи космических кораблей «Союз-4» и «Союз-5», которые, состыковавшись, образовали первую космическую станцию. Четыре космонавта как бы образуют единое тело с буквами СССР, две руки которого находятся в рукопожатии, и третья лежит на плече. Космонавты находятся на фоне двух больших красных звезд и звездного неба. В верхней части плаката есть надпись: «Гордимся! Восхищаемся!», а внизу – «побратимы Вселенной». Очевидно напряжение между частью и целым – СССР и Вселенной. Причем не ясно, являются ли советские космонавты репрезентантами Вселенной или СССР автоматически и потенциально расширяется до размеров Вселенной. Кажется, что соединение частей (кораблей) в целое (станцию) и делает советских космонавтов «побратимами Вселенной».

Места масштабов

В освоении космоса сталкиваются масштабы – национальный, глобальный и локальный. Какой из них сильнее и почему? Так, мы видим,

что идея глобального человечества, бесконечного космоса и соразмерных с ней «побратимов Вселенной» достаточно живуча, а активные действия Китая в освоении космоса могут свидетельствовать о новых витках космической гонки.

В книге «Наука в действии» французский социолог и философ Брюно Латур рассказывает историю про попытку французского мореплавателя Лаперуза узнать, является ли Сахалин островом или полуостровом. Местные жители, нарисовав рисунок на прибрежном песке и объяснив знаками, сколько дней пути займет движение по проливу на лодке, сообщили Лаперузу, что Сахалин – это остров, но из-за плохих погодных условий мореплаватель не смог проверить это знание. Тем не менее он отправил своего помощника де Лессепса через Россию во Францию с подробным описанием земель и глубин. Де Лессепс два года добирался до Парижа, а Лаперуз и его команда пропали без вести.

Основанное на данных местных жителей (буквально нарисованное на песке и смытое морской волной) знание является слабым – не ясно, можно ему доверять или нет. Латур говорил, что знание о Сахалине становится «сильным», когда помещается в Париже в кабинет королевских картографов. Это особое место задает глобальный географический масштаб пространства, в котором можно знать и достигать Сахалина и других мест. Как отмечал французский философ, «те, кто изначально были самыми слабыми, поскольку оставались на месте и ничего сами не видели, начинают становиться самыми сильными; ведь им известно больше мест, чем не только любым аборигенам, но и путешественникам и капитанам... Вместо того, чтобы полагаться на природу и аборигенов, как несчастный Лаперуз, каждый день рисковавший жизнью, европейские картографы в своих хранилищах – самых важных и дорогостоящих лабораториях вплоть до конца XVIII века – начали собирать данные о координатах всех известных земель... Что становится следствием этого изменения масштаба? Картограф начинает подчинять себе мир, который раньше подчинял себе Лаперуз» (Латур 2013: 347). В этом смысле кабинет картографа – это особенное место, которое задает глобальный масштаб на Земле. Благодаря такому месту можно знать и достигать другие места. В этом смысле локальность обеспечивает глобальность.

Подход локальной онтологии в исследованиях науки и технологий позволяет Латуру и космос считать конструкцией, которая создается в особых местах. Французский философ отмечал, что «мы, читатели, не живем *внутри* космоса, состоящего из миллиардов галактик; наоборот, пространство космоса создается *внутри* обсерватории, когда, например, компьютер подсчитывает количество точек на фотографической пластинке» (курсив Б. Латураа. – Д.С.) (Латур 2013: 355). Смысл предлагаемого подхода в том, что земное место всегда нужно для производства

любого масштаба – локального, национального и глобального. Для того, чтобы увидеть единое человечество, Землю без границ, для того, чтобы достичь Марса и сфотографировать там закат Солнца, нужны специальные места, обжитые и знакомые, одушевленные и наполненные смыслами. Не только локальный масштаб локализован в земных местах, но также глобальный и национальный.

Множество земных мест освоения космоса приводит нас к идее множества версий освоения космоса. Необходимо признать пролиферацию космологических описаний: появляются индигенные и афроамериканские версии, в которых космос устроен по-другому или вообще не осваивается. Например, в космологиях коренных американцев Луна и другие небесные тела – наши родственники, поэтому их нельзя колонизировать (Jane Young 1987). Однако все эти альтернативные представления космического пространства все равно оказываются слишком земными.

Внеземные места

От онтологии масштабов мы перешли к онтологии мест, а от онтологии земных мест предлагается перейти к онтологии внеземных мест, в которых, например, другая гравитация, невесомость и другие параметры экстремальных сред создают радикально иные условия существования, для которых не подходят земные онтологии.

Антрополог Дэвид Валентайн считает, что хронотоп земной гравитации в $1g$ не является универсальным, – это не стандарт, к которому можно редуцировать притяжения всех других мест в космосе. Действительно, на Марсе, Луне, на орбите Земли и даже в цилиндре О'Нила (Остров III), который, по идее, должен воспроизводить земную гравитацию, обнаруживаются места с притяжениями и невесомостями, которые не только радикально трансформируют тела и организмы людей, но также их когнитивные способности и представление о своем месте в мире. Это иные места, в которых не работают земные онтологии. По мнению Валентайна, «необходимо подумать об этих местах, их многочисленных условиях и о том, какие новые задачи они ставят перед “человеком”. Во многих местах космического пространства, где условия пространственного или временного характера Земли, в том числе условия одного g , не выполняются, необходимо непрерывно обсуждать, пересматривать и постоянно решать проблему того, как стать и быть человеком» (Valentine 2017: 189).

Можно вкратце проиллюстрировать инаковость внеземных мест повседневной ориентацией в пространстве в условиях невесомости на орбитальных станциях. Космонавты, выполняя различные задачи, зачастую соотносят положение станции с теми или иными районами Земли.

Однако внутри станции земные принципы ориентации перестают работать. Архитектор советских космических кораблей и орбитальных станций Галина Балашова рассказывала в автобиографии о том, что в космических «домах» сохраняются земные ориентиры: «В невесомости ведь нет верха и низа, и объемы с приборами и оборудованием вроде можно было бы компоновать свободно, как хочется, только учитывая требования центровки и взаимосвязи систем. Но оказалось, что это так, да не совсем: время тренировок космонавтов на Земле во много раз больше, чем в полете, то есть в невесомости. А тренироваться хотя бы без пола очень неудобно – стоять-то не на чем» (Мойзер 2018: 31).

Когда космонавты оказываются на станции, «верх» и «низ» становятся относительными и определяются в зависимости от меняющейся перспективы. Космонавт Валентин Лебедев отмечал в своем дневнике: «Немного насчет нашей ориентации в станции. Плаваем в положении, как привыкли жить: где стол – там пол, над ним – потолок, а справа и слева стены. Это земная компоновка только в рабочем отсеке, а в переходном компоновка определялась условиями наблюдений – там семь иллюминаторов по периметру. Бывает, приплываешь в ПХО и начинаешь крутиться по ним, выбирая наиболее подходящий иллюминатор и относительно него удобную позу для наблюдения, съемки. И, естественно, отключаешься от окружающей обстановки, уже не контролируешь свое положение в отсеке, а крутишься только относительно того, что видишь: Землю или звезды. И если понадобилось в это время что-то: фотоаппарат, карты, журнал, прибор, то сразу не поймешь, где ты находишься, в каком положении, где верх, где низ, где какая плоскость, и начинаешь мысленно восстанавливать свою ориентацию по деталям отсека или по интерьеру вдоль станции. А бывает, закончишь наблюдения и так закрутишься в процессе работы, что вместо люка в станцию попадаешь в транспортный корабль. Или же выплываешь в рабочий отсек и не поймешь как – стол сбоку, все по-другому, но зацепишься взглядом за что-то: за пульта, предметы интерьера – и, когда поймешь взаимосвязь их расположения, начинаешь разворачиваться относительно них, чтобы занять привычное, нормальное положение... при этом только надо провести коррекцию своего восприятия, сказав себе: “стена – это пол, а все, что над ней – потолок”, нужно лишь посмотреть вперед, в перспективу, и признать эту картину интерьера за новую. Теперь все в порядке: ты переориентирован и не чувствуешь никаких неудобств от того, что ходишь по стене или потолку» (Лебедев 1994: 73)⁵. Из этого подробного описания космического перспективизма, которое повторяется в других дневниках, становится ясно, что базовая пространственная оппозиция верха и низа просто-напросто перестает работать; они определяются ситуативно⁶. В пределе бесконечная смена перспективы на космической станции отменяет любую онтологию земного

перспективизма, будь то «двойное скручивание» (Вивейруш де Кастру 2017), или «экология самостей» (Кон 2018).

В некоторых случаях земная ориентация все же переносится в пространство станции и космонавты пытаются редуцировать инаковость пространственной реляции и перспективы к привычному верху и низу потолка и пола. Советский и российский космонавт Юрий Усачев отмечал что при смене перспективы «пол стал потолком, а потолок – полом. Но нет, мне не нравится, когда на полу светильники, и станция стала пугающе чужой. Те же звуки, те же цвета панелей – та же станция, но как зеркальное отражение иногда бывает необычным, так и станция – та, да не та. Легкий толчок, небольшой прогиб, и я снова в привычной среде, где пол – это пол, а потолок – потолок, и все вещи на своих привычных местах. Потому что даже в невесомости, где, закрыв глаза, не скажешь, где верх, а где низ, мы располагаем вещи так, как делаем это на Земле, – фотоаппараты, радиограммы, одежда и все тому подобное – находится на стенах, а светильники, как им положено, на потолке. И любое нарушение этих правил вызывает внутренний дискомфорт. Интересно, что даже перелетая с одного места на другое, мы ориентируемся лицом к полу, чтобы сохранить “земную” привычку ориентации... Интересно, что, даже наблюдая за картиной в иллюминаторе, я стараюсь занять положение, чтобы Земля была “внизу”, другими словами, ногами к Земле. Чтобы Земля оставалась “базой” так же, как мы это делаем на Земле – Земля под ногами, а небо над головой» (Усачев 2004: 400–401). В этом смысле пространство станции находится на пересечении земных и внеземных космических онтологий. Космос является местом или, лучше сказать, совокупностью мест, которая позволяет нам увидеть ограничение и пересмотреть наши слишком земные онтологии.

Интерскалярность, или Сопряжение масштабов и мест

Внеземные места могут оказывать обратное влияние на места земные. Например, экологическая парадигма космической капсулы или кабины космического корабля стали прообразом для замкнутой экосистемы на Земле, поддерживающий баланс с окружающей средой. Как показал историк Педер Анкер, современные экологические технологии, ставшие частью повседневности, пришли на Землю из космоса. Автор отмечал, что «в 1970-х годах этика окружающей среды стала проблемным вопросом о попытках жить как космонавты путем адаптации для общего пользования космических технологий, таких как биотуалеты, солнечные элементы, утилизация отходов и энергосберегающие устройства. Технологии, терминология и методология, разработанные для экологической колонизации космоса, стали инструментами решения экологических проблем Земли» (Anker 2005: 239).

Помимо повседневных практик, связанных с заботой об окружающей среде, экологическая парадигма в целом от Джеймса Лавлока и Линн Маргулис до Мишеля Серра, от Ричарда Бакминстера Фуллера и Джерарда О'Нила до Донны Харауэй, так или иначе обязана освоению космоса. В этой парадигме Земля понимается как целостный организм, а земные места, сообщества и субъекты представляют собой замкнутые экосистемы, поддерживающие равновесное состояние с окружающей средой. Забота о планете происходит под лозунгом автора концепции космического корабля «Земля» Бакминстера Фуллера «Мы все – астронавты»⁷.

Любопытно, что в отличие от антропологических описаний, локализующих космическое, этот взгляд из космоса тоже стал возможным благодаря дистанцированному и панорамному виду, который представили фотографии Земли из космоса. «Рассмотрение Земли как гигантской космической кабины требовало панорамной перспективы, которая появилась, когда космический корабль “Аполлон” отправил с Луны назад фотографии планеты. Видение вдохновило многих экологов, использовавших воображаемые сообщества будущих космических колоний для анализа Земли» (Anker 2005: 246). Тем не менее в экологии кабина корабля или интерьер станции стали аналогами для земных мест, а не наоборот. В этой экологической экспансии кабины и станции под вопросом оказываются приоритет земных локаций и редукционизм космического к земному.

Подобным же образом географическое воображение выстраивает земные места из космоса. Как отмечал географ Фрэнсер Мак-Дональд, «космос становится обыденным. Космические технологии регулярно меняют наш опыт работы дома, на работе, в сфере образования и здравоохранения с помощью приложений в транспортном, телекоммуникационном, сельскохозяйственном и энергетическом секторах... наземная геополитика все больше определяется внеземными стратегическими соображениями» (MacDonald 2007: 594). Действительно, вычисление местоположения, пешее передвижение в городе или по дорогам на автомобиле зависят от спутников, которые находятся на орбите. Навигация в этом смысле существенно зависит от космических локаций. Более того, в последнее время различные коммерческие сервисы предлагают с помощью спутников дистанционного зондирования и разработанных алгоритмов подсчет контейнеров, машин на стоянке, самолетов на летном поле, беженцев в лагере. Спутниковые данные анализируются, а размещение объектов или управление ими проходит оптимизацию.

Взаимное определение и влияние земных и космических мест заставляет обратиться к исследованиям, в которых акцент делается на сложной работе сопряжения, согласования и координации мест и масштабов. Американский антрополог Габриэль Хехт, исследуя добычу

урановой руды в Габоне, вводит понятие «интерскалярных транспортных средств» (*interscalar vehicles*), которые соединяют национальный, планетарный и локальные масштабы, а также различные темпоральности. Так, урановое месторождения Окло является специфической локацией, которое соединяет настоящее, далекое прошлое – время естественных термоядерных реакций и будущее хранения ядерных отходов (Hecht 2018: 122–125). Местные жители, страдающие от радиоактивного заражения, вынуждены выстраивать определенную «скалярную политику», изменяющую масштабирование проблемы отходов на их землях. Как отмечала Хехт, «жители Мунана занимаются собственной политикой масштаба. Они отказались быть причислены к локальному, так как они считали, что масштаб исключает их как незамеченных (*ignorant*) и ограниченных. Они также отказались от национального масштаба: Габонское государство в прошлом плохо им служило. Вместо этого бывшие шахтеры достигли севера, за пределами национальной территории, в неправительственных организациях в Нигере и Франции, которые выступали в защиту больных урановых рабочих» (129). Хехт, таким образом, показала в своем исследовании, что масштабы создаются, конкурируют друг с другом и изменяются. Более того, у акторов есть возможность влиять на соединение масштабов, используя интерскалярные транспортные средства, будь то карты или стандарты.

Схожую интерскалярную работу американский антрополог Валери Олсон обнаружила в освоении космоса. Она показала, что понятие системы, повсеместно используемое в разных контекстах в космических полетах, является таким интерскалярным средством, позволяющим соединять разные места на Земле и в космосе, а также разные масштабы. Олсон показала, что система – это «реляционная технология», которая «также стала технологией собирания концептуальных и материальных отношений» (Olson 2018: 6). В этой технологии важной является «скалярность» (*scalarity*), как с помощью систем сочетаются места и масштабы: «...специалисты и сторонники космического полета делают рутинно вещи и процессы сопредельными по масштабу, таким как соединение домашних пространств с планетарными пространствами, человеческое сознание с космическими системами, человеческие следы на планетах с эволюцией человека» (31). Например, в аналоговой миссии телемедицинская операция из Канады в подводном модуле «Аквариус» проекта NEEMO недалеко от Ки Ларго – острова в архипелаге Флорида Киз, – соединяется с Международной космической станцией на земной орбите, и даже, возможно, с будущими миссиями на поверхности Луны или Марса (51–53).

Оппозиция между земными и внеземными местами снимается в скалярном сопряжении: «В этой работе, космос (*outer space*) – это не про-

сто место земного или возвращения на Землю, но пространство (space), в котором неземные различия формируют более-чем-земное строительство систем» (Olson 2018: 31).

Таким образом, онтологическая работа по сопряжению и координации различных масштабов освоения космоса, а также земных и внеземных локаций, означает, что мы имеем дело не только с войной, но и с миром масштабов и мест.

Заключение

В данной статье я попытался понять через призму онтологии, что такое изучение и освоение космоса. Отвечая на этот вопрос, я представил онтологическую пролиферацию и онтологическую динамику, которые выстраиваются вокруг аналитических и перформативных концептов места и масштаба. Проще говоря, анализируя локации, воображаемые референтные группы и их размеры, я показал, как умножаются и изменяются онтологические описания. В рамках онтологии космоса речь должна идти о «войнах масштабов» – глобального, в котором освоением космоса занимается все человечество, национального масштаба космической гонки государств и локального масштаба земных мест освоения космоса. Эти три масштаба оказываются сильнее или слабее, конкурируют, вытесняют и поглощают друг друга. При этом при изучении локального масштаба была высказана гипотеза, что все масштабы в той или иной мере обязаны земным материальным местам, которые фреймируют действие и восприятие. Чтобы видеть космос глобальным или национальным, требуются обсерватории, фотографии, сделанные астронавтами в космосе, космопорты, космические агентства, конференции ньюспейсеров и астробиологов и т.д. Локализации освоения космоса умножают онтологии космоса в контексте индигенных, афроамериканских и иных описаний. Однако стало очевидно, что внеземные места, в которых мы сталкиваемся с радикально иными феноменами типа невесомости, ставят под вопрос слишком земные и колониальные онтологии и оказывают обратное влияние на земные места. В этой связи важной в контексте онтологической проблематики оказывается интерскалярная работа по сопряжению земных и неземных масштабов и мест.

Примечания

¹ Данная статья предлагает ответы на вопросы, поставленные в вводной статье к блоку по антропологии космоса в журнале «Этнографическое обозрение» (Сивков, 2019а). Предварительные результаты исследования любительского освоения космоса в России представлены в том же блоке (Сивков, 2019б).

² Ньюспейсеры активно эксплуатируют метафору шагов и скачков. Так, рекламная компания чипсов *Doritos* компании *Pepsico* характеризовалась как: «Один маленький

шаг для человека, но гигантский скачок для рекламы» (Сарова 2016: 308). Компания *Celestis*, которая предлагает похоронные услуги в космосе, предлагает своим клиентам им-морталистский слоган «Шаг во Вселенную» (A step into the Universe) (Cutting 2009: 260).

³ Стоит отметить, что в упомянутой работе одного из основателей антропологии космоса Бена Финни представлено напряжение двух онтологических масштабов: с одной стороны, автор говорит о том, что антропология должна отказаться от «архаичной и мелкомасштабной перспективы» и исследовать освоение космоса как дело человечества. С другой стороны, космонавты и астронавты представляют собой «малые группы», и здесь могли бы пригодиться средства антропологии и для анализа таких сообществ (Finney 1987: 189–190).

⁴ Австралийский археолог Элис Горман в своем исследовании австралийского любительского спутника OSCAR V показывает, что освоение космоса может быть распределено в нескольких земных местах (Gorman 2009: 141–142).

⁵ Американский антрополог Деббора Баталия предлагает считать дневники космонавтов (авто)этнографическими документами (Battaglia 2012). Действительно, дневники представляют собой насыщенные описания космической повседневности на орбите.

⁶ Кроме упомянутых Усачева и Лебедева, были опубликованы дневники космонавтов Севастьянова, Савиных и Рюмина (Севастьянов 1977; Савиных 2010; Рюмин 2014).

⁷ В переводе на русский фраза звучит так: «Люди часто задаются вопросом: “Интересно, каково это, находиться на борту космического корабля?” А ответ очень прост! *Каково это?* Нам всем это известно. Ведь все мы – космонавты» (курсив. – *Р.Б.Ф.*) (Бакминстер Фулер 2018: 38).

Литература

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Бакминстер Фуллер Р. Космический корабль «Земля»: Руководство по эксплуатации. М.: Издатель Дмитрий Аронов, 2018.
- Вивейруи де Кастру Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006.
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.
- Лебедев В. Мое измерение: Дневник космонавта. М.: Наука, 1994.
- Мойзер Ф. Галина Балашова. Архитектор советской космической программы. М.: Дом Publishers, 2018.
- Поправко И.Г., Чалаков И.Х. Комплексная самостоятельная экспедиция по изучению Тунгусского метеорита: в поисках альтернативных форм социальности глубокого космоса в недрах советской науки // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 49–60.
- Рюмин В.В. Год вне земли. М.: Машиностроение/Машиностроение-Полет, 2014.
- Савиных В. Вятка–Байконур–Космос. М.: МАКД, 2010.
- Севастьянов В.И. Дневник над облаками. М.: Правда, 1977.
- Сивков Д.Ю. Шаги и скачки: антропология космоса в поисках масштаба // Этнографическое обозрение. 2019а. № 6. С. 29–33.
- Сивков Д.Ю. Освоение космоса в домашних условиях: любительская космонавтика в современной России // Этнографическое обозрение. 2019б. № 6. С. 67–79.
- Усачев Ю. Дневник космонавта: Три жизни в космосе. М.: Гелиос, 2004.
- Anker P. The ecological colonization of space // Environmental History. 2005. № 10 (2). P. 239–268.

- Asner G.* Space history from the bottom up: Using social history to interpret the societal impact of spaceflight // *Societal Impact of Spaceflight* / ed. by S.J. Dick, R.D. Launius. Washington: NASA, 2007. P. 289–312.
- Barker J.* Engineers and political dreams: Indonesia in the satellite age // *Current Anthropology*. 2005. № 5. P. 703–727.
- Battaglia D.* Coming in at an unusual angle: Exo-surprise and the fieldworking cosmonaut // *Anthropological Quarterly*. 2012. Vol. 85, № 4. P. 1089–1106.
- Capova A.K.* The New Space Age in the making: Emergence of exo-mining, exo-burials and exo-marketing // *International Journal of Astrobiology*. 2016. № 4. P. 305–310.
- Cutting A.* Ashes in Orbit: Celestis spaceflights and the invention of post-cremationist Afterlives // *Science as Culture*. 2009. № 3. P. 355–369.
- Damjanov K.* Accounting for non-humans in space exploration // *Space Policy*. 2018. № 43. P. 18–23.
- Dick S.J.* Anthropology and the search for extraterrestrial intelligence: An historical view // *Anthropology today*. 2006. № 2. P. 3–7.
- Finney B.R.* Anthropology and the humanization of space // *Acta Astronautica*. 1987. № 3. P. 189–194.
- Hecht G.* Interscalar vehicles for an African Anthropocene: on waste, temporality and violence // *Cultural Anthropology*. 2018. № 33 (1). P. 109–141.
- Gorman A.* Archeology of space exploration // *Space travel and culture: From Apollo to space tourism* / D. Bell, M. Parker. Oxford: Willey-Blackwell, 2009. P. 132–145.
- Jane Young M.* «Pity the Indians of Outer Space»: Native American views of the space program // *Western Folklore*. 1987. № 4. P. 269–279.
- Lear J.* Dr. Mead and red moons // *The new scientist*. 1957. 14 November. P. 20.
- MacDonald F.* Anti-Astropolitik – outer space and the politic of geography // *Progress in human geography*. 2007. № 31 (5). P. 592–615.
- Maher N.M.* Grounding the Space Race // *Modern American History*. 2018. № 1. P. 141–146.
- Mead M.* Earth Day // *Bryan Times*. 1973. March 20. P. 10.
- Mead M., Metraux R.* Man on the Moon // Mead M. *The world ahead: an anthropologist anticipates the future*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2005. P. 247–252.
- Messeri L.* Placing outer place: An earthly ethnography of other worlds. Durham; London: Duke University Press, 2016. 238 p.
- Mitchell S.T.* Constellations of inequality. Space, race, and utopia in Brazil. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017. P. 255.
- Olson V.* Into the extreme: U.S. environmental systems and politics beyond Earth. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2018. 290 p.
- Panasonic Advertising* // *Playboy*. December. 1969. P. 52.
- Redfield P.* The half-life of empire in outer-space // *Social Studies of Science*. 2002. № 5–6. P. 791–825.
- Tutton R.* Multiplanetary Imaginaries and Utopia // *Science, Technology, & Human Values*. 2017. № 43 (3). P. 518–539.
- Valentine D.* Exit strategy: Profit, cosmology, and the future of humans in space // *Anthropological Quarterly*. 2012. Vol. 85, № 4. P. 1045–1067.
- Valentine D.* Gravity fixes: Habituating to the human on Mars and Island Three // *HAU: Journal of Ethnographic theory*. 2017. № 7. P. 185–209.
- Vertesi J.* Seeing like a rover: how robots, teams and images craft knowledge of Mars. Chicago: The University of Chicago Press, 2015. 318 p.

Sivkov Denis Yu.

SCALES AND PLACES: ONTOLOGIES OF SPACE EXPLORATION

DOI: 10.17223/2312461X/27/5

Abstract. The article discusses the ontologies of space exploration which are associated with the concepts of place and scale. As a rule, space exploration is represented on either a global scale, as all mankind's actions, or a national scale, as a space race. Anthropological studies of outer space, in turn, show that outer space is localized in particular terrestrial places. These three scales get mixed and compete with each other. Within Science and Technology Studies, it has been argued that the controversies of scales depend on the places that create and maintain scaling. According to this idea, extraterrestrial places represent a challenge to terrestrial ontologies, in which radically different conditions, such as zero gravity, are found. Thus, from the ontological perspective, the interscalar work on combining scales and places becomes a matter of particular importance.

Keywords: anthropology of outer space, Science and Technology Studies, scale, place, outer space, space exploration, ontology, locality, interscalarity

References

- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016.
- Buckminster Fuller R. *Kosmicheskii korabl' «Zemlia»: Rukovodstvo po ekspluatatsii* [Operating manual for spaceship 'Earth']. Moscow: Izdatel' Dmitrii Aronov, 2018.
- Viveiros de Castro E. de *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturalnoi antropologii* [Cannibal metaphysics]. Moscow: Ad Marginem Press, 2017.
- Kohn E. *Kak mysliat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka* [How forests think: Toward an anthropology beyond the human]. Moscow: Ad Marginem Press, 2018.
- Latour B. *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We have never been modern]. St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2006.
- Latour B. *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vntri obshchestva* [Science in action: How to follow scientists and engineers through society]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013.
- Lebedev V. *Moe izmerenie: Dnevnik kosmonavta* [My dimension: Diary of an astronaut]. Moscow: Nauka, 1994.
- Moizer F. *Galina Balashova. Arkhitektor sovetskoj kosmicheskoi programmy* [Galina Balashova, the person who designed the Soviet space programme]. Moscow: Dom Publishers, 2018.
- Popravko I.G., Chalakov I.Kh. *Kompleksnaia samodeiatel'naia ekspeditsiia po izucheniiu Tungusskogo meteorita: v poiskakh al'ternativnykh form sotsial'nosti glubokogo kosmosa v nedrakh sovetskoj nauki* [A complex amateur expedition for studying the Tunguska meteorite: A search for an outer space alternative form of sociality in the depth of Soviet science?], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 6, pp. 49-60.
- Riumin V.V. *God vne zemli* [A year beyond Earth]. Moscow: Mashinostroenie/Mashinostroenie-Polet, 2014.
- Savinykh V. *Viatka-Baikonur-Kosmos* [Viatka-Baikonur-Kosmos]. Moscow: Izdatel'stvo «MAKD», 2010.
- Sevast'ianov V. I. *Dnevnik nad oblakami*. M.: Pravda, 1977. 64 s.
- Sivkov D.Iu. *Shagi i skachki: antropologiya kosmosa v poiskakh masshtaba* [Steps and leaps: The anthropology of space in search of scale], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019a, no. 6, pp. 29-33.
- Sivkov D.Iu. *Osvoenie kosmosa v domashnikh usloviakh: liubitel'skaia kosmonavtika v sovremennoi Rossii* [Space exploration at home: Amateur cosmonautics in contemporary Russia], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019b, no. 6, pp. 67-79.

- Usachev Iu. *Dnevnik kosmonavta: Tri zhizni v kosmose* [Diary of an astronaut: Three lives in space]. Moscow: Gelios, 2004.
- Anker P. The ecological colonization of space, *Environmental History*, 2005, no. 10(2), pp. 239-268.
- Asner G. Space history from the bottom up: Using social history to interpret the societal impact of spaceflight. In: *Societal Impact of Spaceflight*. Edited by Steven J. Dick and Roger D. Launius. Washington: NASA, 2007, pp. 289-312.
- Barker J. Engineers and political dreams: Indonesia in the satellite age, *Current Anthropology*, 2005, no. 5, pp. 703-727.
- Battaglia D. Coming in at an unusual angle: Exo-surprise and the fieldworking cosmonaut, *Anthropological Quarterly*, 2012, no. 4, Vol. 85, pp. 1089-1106.
- Capova A.K. The New Space Age in the making: Emergence of exo-mining, exo-burials and exo-marketing, *International Journal of Astrobiology*, 2016, no. 4, pp. 305-310.
- Cutting A. Ashes in Orbit: Celestis spaceflights and the invention of post-cremationist Afterlives, *Science as Culture*, 2009, no. 3, pp. 355-369.
- Damjanov K. Accounting for non-humans in space exploration, *Space Policy*, 2018, no. 43, pp. 18-23.
- Dick S.J. Anthropology and the search for extraterrestrial intelligence: A historical view, *Anthropology today*, 2006, no. 2, pp. 3-7.
- Finney B.R. Anthropology and the humanization of space, *Acta Astronautica*, 1987, no. 3, pp. 189-194.
- Hhect G. Interscalar vehicles for an African Anthropocene: on waste, temporality and violence, *Cultural Anthropology*, 2018, no. 33(1), pp. 109-141.
- Gorman A. Archeology of space exploration. In: *Space travel and culture: From Apollo to space tourism* / Bell D. Parker M. Oxford: Willey-Blackwell, 2009, pp. 132-145.
- Jane Young M. "Pity the Indians of Outer Space": Native American views of the space program, *Western Folklore*, 1987, No. 4, pp. 269-279.
- Lear J. Dr. Mead and red moons, *The new scientist*, 1957, 14 November, pp. 20.
- MacDonald F. Anti-Astropolitik – outer space and the politic of geography, *Progress in human geography*, 2007, no. 31(5), pp. 592-615.
- Maher N.M. Grounding the space race, *Modern American History*, 2018, no. 1, pp. 141-146.
- Mead M. Earth Day, *Bryan Times*, 1973, March 20, pp. 10.
- Mead M., Metraux R. Man on the Moon. In: Mead M. *The world ahead: an anthropologist anticipates the future*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2005, pp. 247-252.
- Messeri L. *Placing outer place: An earthly ethnography of other worlds*. Durham; London: Duke University Press, 2016.
- Mitchell S.T. *Constellations of inequality. Space, race, and utopia in Brazil*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017.
- Olson V. *Into the extreme: U.S. environmental systems and politics beyond Earth*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2018.
- Panasonic Advertising, *Playboy*, December, 1969, pp. 52.
- Redfield P. The half-life of empire in outer-space, *Social Studies of Science*, 2002, no. 5-6, pp. 791-825.
- Tutton R. Multiplanetary imaginaries and utopia, *Science, Technology, & Human Values*, 2017, no. 43(3), pp. 518-539.
- Valentine D. Exit strategy: Profit, cosmology, and the future of humans in space, *Anthropological Quarterly*, 2012, no. 4, Vol. 85, pp. 1045-1067.
- Valentine D. Gravity fixes: Habituating to the human on Mars and Island Three, *HAU: Journal of Ethnographic theory*, 2017, no. 7, pp. 185-209.
- Vertesi J. *Seeing like a rover: how robots, teams and images craft knowledge of Mars*. Chicago: The University of Chicago Press, 2015.

MISCELLANEA

УДК

DOI: 10.17223/2312461X/27/6

АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ*

Виктор Александрович Шнирельман

Аннотация. Становление массового общества, появление все новых и новых групп, которые активно борются за свое место в обществе и в мире, превращают историческое наследие в ценный политический ресурс. Следствием этого является «историческая политика», апеллирующая не только к событиям XX в., но иной раз охватывающая более древние пласты прошлого. Все это ставит перед археологами важные вопросы. Что такое историческое наследие? Как оно понимается сегодня? Что именно привлекает внимание общественности, а что оставляет ее равнодушной? Кто имеет право на историческое наследие – археологи, государство или общество? И какое именно общество? Речь идет о сложных вопросах этногенеза и спорах об историческом наследии, в том числе о посягательствах на чужое наследие. Такие споры могут вестись между соседними государствами, этническими группами или между археологами и местными общинами. В этом контексте возникают и важные этические вопросы: идет ли речь о сохранении исторического наследия или о колониальном / постколониальном грабеже? Кроме того, сегодня становится очевидным, что историческое наследие является жертвой вооруженных конфликтов: происходят его грабеж, разрушение или даже полное уничтожение. Все это заставляет ставить вопрос об этике в археологии.

Ключевые слова: историческое наследие, археология, коренные народы, идентичность, политика, конфликт, этика

Проблема исторического наследия возникла не сразу. По сути, это дитя XIX в. с его жадным интересом к национальной истории. Историческое наследие долго воспринимали как некую данность, как нечто хорошо оформленное и ценное, с железной последовательностью передававшееся от предков к потомкам. В эпоху колониализма акцент ставился на мировом «универсальном» наследии, и о правах на него колониального населения не было и речи. Это отношение до сих пор сохраняется в Европе и закреплено реестром ЮНЕСКО, включающим памятники мирового наследия.

---

* Статья является переработанным докладом на Втором Томском антропологическом форуме – ТАФ-2 «Антропология интердисциплинарности» 11–13 октября 2018 г., г. Томск. Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Однако с падением колониальных империй и возникновением массы новых государств последние начали предъявлять свои права на такое наследие, с которым они связывают свое прошлое и свою идентичность. В этих условиях универсализм, основанный на западном элитарном понимании «наследия», иной раз воспринимается как продолжение былого империализма. Так, известный археолог Я. Хамилакис усмотрел неоимпериализм в стремлении западных археологов представлять Ближний Восток «колыбелью Западной цивилизации» и защищать лишь «древности» во время недавней войны в Ираке в 2003 г., что, по его словам, привело к возникновению своеобразного «военно-археологического комплекса» (Hamilakis 2009). Поэтому встают вопросы о том, как могут сочетаться представления об универсальном «мировом», общенациональном и локальном наследии, кто имеет преимущественное право на то или иное историческое наследие, почему идет борьба за это право и кто и какую выгоду от него получает (Scarre, Scarre 2006a; Meskell 2009; Colwell, Joy 2015).

В 1970–1980-х гг. с их лихорадочным поиском исторического наследия и желанием не только его сохранить, но в чем-то и вернуться к «заветам предков», стало приходить понимание того, что как историческое наследие, так и «археологические факты» являются конструктами, которые по-разному и в разные периоды выстраиваются как обществом в целом, так и его отдельными группами и тесно связаны с идентичностью и социальной практикой (Lowenthal 1985; Wright 1985; Hewison 1987; Fowler 1992; Smith 2006; Hamilakis 2003: 107, 2007: 23; Green 2015; Haber 2015a). Поэтому сегодня некоторые авторы говорят даже о «производстве наследия», имея в виду производство смыслов (DiGiiovine 2015). Так, по словам ряда колумбийских антропологов, «прошлое – это риторическое поле, заполненное меняющимися смыслами, которые ситуативны и используются для выработки идентичности» (Gnecco, Hernandez 2008: 439).

Это выносит на повестку дня новую проблему: если право на памятники прошлого имеют не только археологи, но и общественность, то о какой именно общественности может идти речь? Ведь многие современные общества полиэтничны, и часто возникает вопрос о том, кому принадлежит ценное историческое наследие того или иного региона – коренному населению, нации или мировому сообществу (Smith 2004)? Кроме того, имеют ли это право неоязычники, претендующие не только на неограниченный доступ к ряду почитаемых ими памятников древности, но и желающие проводить там свои ритуалы (Fowler 1992: 70–71; Bender 1998; Stout 2008: 137–154; Шнирельман 2014)?¹ В этой связи возникают вопросы о том, чему именно «историческое наследие» служит, ради чего сохраняется и куда нас ведет. А это в свою очередь ставит вопрос об этике.

Поэтому в последние 20–25 лет как в США, так и в различных европейских странах принимались археологические этические кодексы. В нашей науке этические вопросы едва ли не впервые были поставлены в работах А.А. Формозова (1977, 2004, 2005, 2008), а затем внимание к ним систематически привлекал В.А. Коренько (2004, 2013, 2014, 2016а, 2016б). В конечном итоге это вылилось в издание первого в нашей науке сборника об этике в археологии (Обыденнова 2016) и проекта «Этического кодекса российского археолога», подготовленного В.А. Коренько (2017). Важные замечания высказал и Л.С. Клейн по поводу Кодекса этики археолога, принятого на Украине (Клейн 2009).

При всех достоинствах этих обсуждений и документов многие из них оставляли за скобками особенности взаимодействия археологов с общественностью, прежде всего, с группами коренного населения, остро заинтересованного в результатах археологических исследований или, напротив, протестующего против таких исследований. Многие специалисты ограничивают свои рассуждения рамками археологии и редко задумываются о ее социальной роли (Smith 2004: 43–55). А это – именно то, что в течение последних 20 лет представляется западным археологам одним из важнейших принципов (Scarce, Scarce 2006а; Gnecso, Lippert 2015), но и там это иной раз недооценивается (см.: Ferris, Welch 2015: 71), на что совершенно справедливо обратил внимание Клейн. При этом неизбежно встает вопрос, кто именно имеет право владеть и распоряжаться наследием прошлого. Важно также предвидеть, какие социальные последствия могут в будущем иметь те или иные археологические выводы о прошлом (Giblin 2015: 36).

Вместе с тем недостаточно ставить вопрос о взаимоотношениях археологов с «общественностью» в общей форме, так как общественность не представляет собой некую гомогенную массу. Специального внимания требуют взаимоотношения с малочисленным коренным населением, более других заинтересованным в том или ином обращении со своим историческим наследием, напрямую связанным с местной политикой, в частности, земельными тяжбами. Основную массу археологов эти отношения оставляют равнодушными, что с горечью подчеркивают археологи из коренного населения, выступающие против такого рода «универсальной этики» (Watkins 2005, 2015: 25; Curtoni 2015; Yellowhorn 2015).

Мало того, опыт показывает, что у коренного населения могут быть гораздо более широкие представления о своем наследии, включающем устные предания, исторические ландшафты, разнообразные ритуальные и памятные места, которые не фиксируются археологически и не замечаются учеными. А это делает такие места жертвами индустриального развития и приводит к их уничтожению.

Наконец, в изложении местного прошлого археологи часто руководствуются собственными соображениями и не учитывают мнение абори-

генов (Phillips, Ross 2015: 34–36). Как следствие, «археологическая этика» встречает критику со стороны археологов из коренного населения, обнаруживающих в ней «гегемонистский дискурс», связанный с родимыми пятнами колониального прошлого (Shepherd 2015: 12). В ряде случаев такой дискурс лишает коренные народы субъектности, признавая их наличие только в доколониальном прошлом и не оставляя им места в настоящем (Jofré Luna 2015).

Остро встают и вопросы о прошлом этнических и расовых меньшинств, подвергавшихся той или иной дискриминации. В США это касается прежде всего чернокожего населения, требующего «деколонизации истории» и поэтому заинтересованного в изучении истории своих общин, в том числе методами археологии. Опираясь на археологию, чернокожие археологи выступают сегодня против замалчивания своей истории и доказывают аутентичность собственной культуры. Они стремятся заинтересовать в своей работе широкую общественность, включая школьных учителей, и видят в истории «мощное политическое оружие» (Morris 2014).

Раскопки погребений и демонстрация человеческих останков музеями иной раз вызывают неприятие в христианских странах, где, казалось бы, исследование человеческих скелетов не запрещено обычаями. Но, что показательно, в Англии это неприятие касается местных первобытных и средневековых погребений, но не относится к останкам людей, обнаруженным в других странах (Swain 2002). Можно также вспомнить, как, отдавая дань расизму, американский антрополог А. Грдличка раскапывал могильники на Аляске, игнорируя протесты местных жителей (Scarfe, Scarfe 2006b: 3–4). То же самое неоднократно происходило и до сих пор происходит в Африке и в Южной Америке, вызывая возмущение коренного населения (Chirikure 2015: 34–35; Jofré Luna 2015: 65–72).

Иными словами, универсальность принципов археологической этики и понимания самой сути исторического наследия встречает сопротивление со стороны местных культурных традиций со своими собственными ценностями и этическими принципами. Именно с этих позиций американский этический кодекс подвергся разнообразной критике (Scarfe, Scarfe 2006a; Gnecco, Lippert 2015). И именно поэтому в этический кодекс, принятый археологами Австралии в 1991 г., были внесены исправления. Там подчеркивалось, что опекунами материальной культуры являются австралийские аборигены, тогда как археологи могут играть роль консультантов, уважающих взгляды аборигенов на свое прошлое (Smith 2004: 102).

В ряде случаев сегодня западные археологи из этических соображений идут навстречу местному национализму, полагая, что этим они выражают свое неприятие колониализма и империализма (Wynn 2008: 286–287). Некоторые отмечают связь современной археологии с разви-

тием глобального движения коренных народов (Haber, Shepherd 2015: 3–4) и даже считают, что участие в антиколониальной и антирасистской борьбе за социальную справедливость является долгом археологов, которым следует дистанцироваться от интересов капитализма и неокOLONиализма (Gnesso 2015: 11; Haber 2015b: 95–113). На этой основе в последние годы строится этика прикладной археологии в США и Канаде (Ferris, Welch 2015: 82–82).

Аргентинский археолог А. Хабер даже призывает выстраивать на этой базе здание «ненормативной археологии» и вырабатывать для нее новый «деколонизованный язык». По его мнению, она должна отказаться от глобальных построений с их универсальной эволюционной парадигмой и вместо этого создавать локальную теорию и служить локальным общинам (Haber 2015a). Сходного подхода придерживаются те археологи, которые полагают, что знакомство представителей религиозных меньшинств (даже в случае их недавнего поселения в данном районе) с глубокими корнями их религии в данных местах способствует их успешной интеграции в общество (Loosley 2005).

В то же время попытки ознакомить широкую общественность со своими открытиями иной раз приносят неожиданные результаты, приводящие археологов в замешательство. Выясняется, что археологи неспособны держать под контролем высказанные идеи и интерпретацию полученных ими данных (McDavid, Brock 2015: 175). В России наиболее известные примеры этого представлены Аркаимом (Челябинская область) и «принцессой» с плато Укок (Алтай). В первом случае археологический памятник привлек внимание, во-первых, разного рода националистов, а во-вторых – новых религиозных движений и, как результат, превратился в место интенсивного религиозного культа (Шнирельман 2001; 2015a). Во втором случае возник конфликт между археологами и коренным населением, не без помощи археологов посчитавшим «Алтайскую принцессу» своей прародительницей, а ее перемещение в Новосибирск и публичную демонстрацию в музее – причиной катастроф (от войны в Чечне до землетрясения на юго-востоке Алтая). В результате по требованию местной общественности мумия была возвращена назад на Алтай (Плетц, Соенов, Константинов, Робинсон 2014; Доронин 2016).

Алтайский случай особенно показателен тем, что вначале, желая из благородных побуждений «состарить» этническую историю алтайцев и наделить их древними местными предками, археологи сами объявили о находке «прародительницы», и местное население с радостью приняло эту версию. Но позднее генетический анализ показал отсутствие прямых связей между современными алтайцами и населением раннего железного века, вызвав возмущение у коренного населения, увидевшего в этом отрицание древней связи с местной территорией и посягательство

на свое историческое наследие. Местные власти даже наложили мораторий на археологические раскопки, который был преодолен лишь после вмешательства федерального центра (Плетц, Соенов, Константинов, Робинсон 2014: 23–24).

В 1990-е гг. в США и Австралии происходили скандалы, связанные с обнаружением раннеголоценовых скелетных останков, которые коренное население отождествляло со своими предками и требовало их перезахоронения, пытаясь заблокировать дальнейшие научные исследования (Watkins 2001). Мне самому пришлось столкнуться с подобным случаем на Аляске, где у входа в тотемный парк в Ситке индейцы-тлингиты поставили указатель, говорящий о том, что их предки поселились там 10 тыс. лет назад. Это было ответом белым расистам, которые время от времени со ссылкой на археологические данные заявляют о своих преимущественных правах на американские земли, а иногда и обвиняют индейцев в истреблении своих древних предков (см., напр.: Allen 2015: 185–186).

В середине 1990-х гг. два громких случая, грозящие подорвать доверие коренного населения к археологам (проблема «Кенневикского человека» в США (Thomas 2000; Benedict 2003; Smith 2004: 161–172; Lackey 2006: 154–156; Owsley, Jantz 2014)² и дело «Ла Трууб» в Австралии (Smith 2004: 187–193)³), поставили вопрос о новом подходе к археологической этике. Они показали, что, имея дело с «управлением культурными ресурсами»⁴, археология неизбежно вторгается в сферу политики, к участию в которой археологи плохо подготовлены. Если археологи видят в «культурных ресурсах» лишь материал для своих исследований⁵, то для коренного населения речь идет о важном «культурном наследии», на которое опирается его идентичность и чувство связи с территорией. Например, если сегодня российские археологи изучают курганы пазырыкского времени на Алтае в русле исследования скифской проблемы, то для современных казахских археологов и историков такие изыскания представляются важной частью изучения этногенеза казахского народа (Шнирельман 2009: 199). Та же коллизия обнаружилась и в связи с «Алтайской принцессой».

Несмотря на то, что детальный анализ нередко показывает абсурдность чьих-либо претензий (государственных, национальных, общинных) на древности, обнаруженные археологами (Young 2006), современная политика заставляет людей выступать с такими требованиями, за которыми стоит вовсе не бескорыстная любовь к прошлому, а современные интересы. В результате неожиданно для нее самой археология обретает власть над идентичностью коренного населения и сталкивается с его политическими и культурными потребностями (Smith 2004: 6–7, 16–32, 72, 83; Colwell-Chanthaphonh, Ferguson 2006: 127–128). Археологические знания ведут к политическим последствиям, так как то

или иное понимание прошлого коренных жителей сказывается на особенностях административного управления как регионами в целом, так и историческим наследием в частности (Smith 2004: 62).

Например, археологическая реконструкция причин крушения цивилизации майя якобы по причине варварского ведения хозяйства оказала влияние на стигматизацию современных майя властями Белиза (Рубин 2011). Аналогичным образом эссенциализация «расы» привела к выселению коренного населения с территории национального парка Крюгера в ЮАР (Meskell 2005: 86–87). Поэтому, как отмечают некоторые археологи, этнические чувства аборигенов и порожденные ими притязания могут иной раз «входить в конфликт с археологическим знанием или пониманием прошлого» (Watkins 2001; Smith 2004: 92–93). Причем для археологов это оказывается неприятной неожиданностью в тех случаях, когда чиновники интерпретируют и используют результаты их исследований вовсе не так, как этого хотелось бы им самим (Smith 2004: 71). Еще хуже, если в своей интерпретации полученных данных археолог идет на поводу у заказчика, который оплачивает исследование и заинтересован в строго определенных выводах (Greenberg 2015: 22).

В этом контексте археология встречается с жесткой критикой со стороны коренных жителей. Они обвиняют археологов в узурпации прав на свое культурное наследие и в обслуживании империалистических интересов. А некоторые даже обнаруживают расизм в археологических интерпретациях прошлого. В частности, такие термины, как «цивилизация» и «эволюция» они связывают с шовинизмом. При этом многие выступают против раскопок могил своих предков, тем более перемещения их костных останков в музеи. Они также недовольны патернализмом со стороны археологов и иной раз оспаривают их экспертные заключения (Di Giovine 2015: 212–215), а также требуют, чтобы в ходе планирования и проведения археологических исследований ученые учитывали мнение местных общин и вступали с ними в переговоры. Многие археологи не готовы к такому общению и не понимают, какое огромное политическое значение культурное наследие имеет для коренных жителей (Smith 2004: 26–31, 43).

В этой обстановке утверждение ученых о том, что они обладают более глубокими знаниями о коренных народах, чем сами эти народы, и убеждение в том, что такие знания создаются за пределами данной народной среды и принадлежат всему миру, трактуются некоторыми авторами как «научный колониализм». Последний иной раз встречает неприятие со стороны коренных народов, полагающих, что они сами знают свое прошлое и никакой помощи от археологов им не требуется. Они верят в то, что прошлое живо и живет в них самих, а вовсе не исчезло во времени, как это утверждают археологи. Причем в некоторых контекстах они видят в археологии угрозу для себя и относятся к археоло-

гам с недоверием и неприятием, упрекая их в незаконных посягательствах на свое историческое наследие (Reid 1992: 195–196; Ferguson 1996: 71–73; Zimmerman 2001; Bendremer, Richman 2006: 97–114; Nicholas, Hollowel 2007: 60–61), ведь тесная связь с предками и их могилами означает для аборигенов подтверждение своего права на территорию и образ жизни, а нарушение их покоя трактуется как подрыв этого права. Кроме того, последнее идет вразрез с религиозными чувствами местного населения (Shepherd 2015: 15–17). Это и ведет к движениям протеста против археологии, связанной, в представлениях местных обитателей, с глобализацией, покушающейся на земли коренных жителей (Shepherd 2015: 21–22).

Иными словами, если археологи убеждены в том, что наделяют прошлым народы, ранее считавшиеся «не имеющими истории», и открывают им их связь с далекими предками, то в ряде случаев они не только не получают ожидаемой благодарности, но, напротив, встречают отпор как агенты «неоколониализма» и проводники «гегемонистского дискурса». Все это, как правило, наблюдается там, где речь идет об отношениях между потомками колонизаторов и малочисленными коренными народами, которые в прошлом подвергались угнетению и отчасти до сих пор испытывают дискриминацию. В таких странах археология в прошлом обслуживала интересы колонизаторов и сегодня пытается загладить свою вину перед коренными народами. Это и вызвало к жизни появление постпроцессуального и постколониального дискурса в Северной и Южной Америке, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Впрочем, в других регионах мира он не популярен (Matsuda, Okamura 2011: 2, 8).

До сих пор речь шла лишь об одной модели взаимоотношений археологов с коренным населением, с которой археологи встречаются в Америке, Австралии, на Ближнем Востоке и в ряде других регионов. Иначе дело обстоит в Европе, в странах бывшего Советского Союза и в Южной и Восточной Азии, где национальное государство ищет легитимации в глубокой истории, связанной с титульным народом. Здесь с уважением относятся к археологии, но нередко требуют, чтобы археологи создавали такую версию прошлого, которая максимально удовлетворяла бы политическим интересам местных народов, причем прежде всего титульного народа. Например, по словам Я. Хамилакиса, в Греции в археологии видят «священную национальную миссию», тесно связанную с «моральной экономикой» (Hamilakis 2017). В такой обстановке «этнокритицизм» (Krupat 1992; Zimmerman 2001: 178–179) нередко сочетается с «этноцентризмом», который, в свою очередь, иной раз отсылает к «гегемонистскому дискурсу».

С другой ситуацией археолог встречается в некоторых постколониальных странах Африки, где во имя национального единства государство пытается упразднить этнические идентичности, грозящие расколом и сепаратизмом. Там это единство ищут в реальных или вообража-

емых доколониальных империях, которые идеализируются, что сплошь и рядом расходиться с построениями археологов (Robertshaw 1996: 7–9; Schoenbrun 2006; Giblin 2015: 40–43). Но если в такой ситуации акцент делается на доколониальном прошлом, то, например, в шахском Иране прославлялось доисламское прошлое, причем это дискредитировало археологию в глазах общественности, так как не только умаляло роль исламских древностей, но иной раз вело к их уничтожению (Dezhamkhooy, Yazdi, Garazhian 2015: 56–57).

Речь идет не только о взаимоотношениях между властями, учеными и малочисленным коренным населением, чем для некоторых авторов и ограничивается рассматриваемая коллизия (см., например: Gnессо 2015: 5). Нередко борьба за историческое наследие выходит далеко за эти рамки и затрагивает межэтнические, межконфессиональные, межнациональные и межгосударственные отношения, чреватые серьезными конфликтами вплоть до вооруженных (об этом см.: Shnirelman 1996; Шнирельман 2003, 2006, 2012a, 2015b. Т. 2: 224–250; Scham, Yahya 2003). В этом случае историческое наследие подвергается смертельной опасности, и ему грозит полное уничтожение.

Разумеется, следует всегда помнить, что хотя археологи имеют дело с остатками умерших культур и цивилизаций, результаты археологических исследований предназначены живым людям со своими особыми интересами, заставляющими их по-своему относиться к археологии: высоко ее ценить или, напротив, отвергать; полностью доверять археологическим выводам или принимать лишь то, что служит интересам данного общества или группы, и отвергать то, что идет вразрез с ними. В последние десятилетия западные сторонники постпроцессуальной археологии, отрицающие «миф об объективности», рассматривают такие коллизии в контексте борьбы за идентичность и склоняются к поддержке коренного населения, для которого легитимация права на историческое наследие звучит справедливым протестом против дискриминации. Поэтому предлагается поддерживать дискриминируемое меньшинство против гегемонии большинства (Handler 1994; Rowlands 1994; Hamilakis 2007; Hodder 2011: 23). С этим вряд ли можно спорить, но это не снимает все вопросы.

Многие «постколониальные археологи» настаивают на том, что археологи не должны замыкаться в своем профессиональном мире и им следует активно взаимодействовать с общественностью. Однако остаются вопросы о том, как именно вести диалог с общественностью, должен ли археолог отстаивать правомерность своей реконструкции прошлого или ему следует идти на компромисс с собеседниками, а если идти на компромисс – то на какой именно, есть ли границы у такого компромисса, имеются ли красные линии, которые археолог не должен переступать. Некоторые авторы считают, что вовсе не обязательно полно-

стью соглашаться с представлениями коренного населения о прошлом, но нужно признать их легитимность, в частности, сострадая травме, полученной местным населением от колониализма, и осознавая факт сохранения определенного неравенства. Например, это находит отражение в согласии археологов на перезахоронение найденных человеческих останков, чем археологи оказывают уважение к иной системе ценностей. Кроме того, по мнению австралийской исследовательницы Л. Смит, необходимо, чтобы коренные жители осуществляли контроль над своим историческим наследием наравне с археологами (Smith 2004: 198–199).

Некоторые авторы объясняют, что речь идет не только о консультировании или информировании общественности, а о том, чтобы «инкорпорировать» взгляды и практики коренного населения в состав своих археологических знаний. Имеются в виду устная история, обычаи и ритуалы, система верований, даже термины, пригодные для прошлых эпох (Nicholas, Hollowel 2007; Colwell-Chanthaphonh, Ferguson 2008; Phillips, Ross 2015: 35), в особенности представления о предках и их взаимоотношениях с миром живых (Haber, Shepherd 2015: 5–7; Shepherd 2015). Что же касается конфликтных ситуаций, то, как считает английский археолог Ян Ходдер, следует не просто рассуждать о неких универсальных правах на общее прошлое, а стремиться показывать, как истории соседних народов самым сложным образом сочетаются, переплетаются и зависят друг от друга (Hodder 2011: 26). Ведь в некоторых регионах мира борьба идет даже за право называться коренным народом. Так, на Ближнем Востоке это право оспаривают палестинцы и израильтяне, причем и те и другие нередко апеллируют к археологии (Greenberg 2015).

Между тем возникает вопрос: если постколониальный подход возможно применять во взаимоотношениях с малочисленными коренными народами, то годен ли он в отношении ИГИЛ (запрещенной в России террористической организации) или других религиозных фундаменталистов, тоже выступающих от лица коренных народов? А если нет, то не означает ли это, что подход должен быть дифференцированным в зависимости от контекста? Похоже, именно это и имеют в виду некоторые авторы, указывая на то, что универсальная этика – это дитя модерна, по-прежнему содержащее в себе зерна «гегемонизма» (Meskell, Pels 2005), но этика должна быть привязана к контексту и отличаться ситуативностью, в частности, потому что результаты археологических исследований могут использовать группы с очень разными, если не противоположными, интересами и взглядами на мир (Badiou 2001; Hamilakis 2007: 24–25; Nicholas, Hollowel 2007: 73–74; Hodder 2011; Gnecco 2015; Giblin 2015: 44–45).

К. Гнекко призывает различать две группы этических ценностей: с одной стороны, научные, защищающие интересы профессии, а с дру-

гой – контекстуальные, способные идти вразрез с этими интересами (перезахоронения костных останков, нелегальная торговля древностями, уничтожение материальных ценностей и пр.). В частности, речь идет о необходимости учета представлений местных групп, по-своему относящихся к археологическим исследованиям и их результатам, о чем археологи часто не задумываются. В условиях мультикультурализма археологу предлагается не только придерживаться этоса своей науки, но и считаться со взглядами местных жителей, которым небезразличны результаты его деятельности (Gnesso 2015: 3). В итоге Гнеcco приходит к выводу о том, что мультикультурная этика в археологии попросту невозможна, так как борьба с неравенством важнее учета культурного разнообразия (Gnesso 2015: 15–16).

Все это порождает новые вопросы и коллизии, так как иной раз археолог встречается с противоречащими друг другу ценностями разных групп, находящихся в тесном взаимодействии. Так, Я. Хамилакис приводит в пример, с одной стороны, справедливые требования малочисленных коренных народов, выступающих против дискриминации, а с другой – практику европейских праворадикальных активистов, возбуждающих расовые чувства в отношении мигрантов (Hamilakis 2007: 35). В свою очередь К. Холторф отмечает, что, в отличие от Нового Света, где справедливость требует защиты малочисленных групп коренного населения от (белых) мигрантов, в Европе дело обстоит прямо противоположным образом – здесь надлежит защищать мигрантов и их право на наследие от доминирующего коренного населения. По его мнению, в этих условиях у коренного населения не должно быть никаких привилегий, так как «национальное историческое наследие» теперь не объединяет, а разъединяет людей (Holtorf 2009). Между тем, европейские правые радикалы нередко используют историческое и культурное наследие в своих интересах (Hamilakis 2016; Niklasson, Hølleland 2018; Шнирельман 2018).

Однако речь должна идти не только об этом, а и о том, что по политическим причинам соседние этнические группы по-разному трактуют одно и то же прошлое и относящиеся к нему археологические данные.

В случае конфликта интересов возникает вопрос о том, кому именно должна служить археология? И что именно следует защищать в первую очередь? Кто в конкретной обстановке имеет право выбора того или иного решения, и чей голос должен пользоваться приоритетом? Наконец, как быть с множественностью взглядов на прошлое, связанных с особыми интересами различных групп (Hodder 1998; 2011: 21–23; Niklasson, Hølleland 2018: 13–14)?

По сути, здесь обнаруживается зазор между интересами науки, основанной на позитивистском («процессуальном») подходе эпохи модерна, и постмодернистским подходом коренного населения, стремящегося использовать категорию наследия для упрочения идентичности

и борьбы за политические права (Murray 2011: 367–368) При этом археология, равно как и антропология, нередко оказывалась в прошлом, а иной раз и сегодня оказывается на стороне властей, проводящих дискриминационную политику (Watkins 2001; Smith 2004: 10–12, 30–31).

Многие специалисты редко задумываются о том, что означают выводы и заключения археологов в обстановке острого этнического конфликта (см.: Holtorf 2009: 678–679). Сознвая опасность таких споров и конфликтов, некоторые авторы ставят вопрос об инструментализации археологии, что рождает проблему моральной ответственности археологов, подтверждающих своими исследованиями ту или иную точку зрения и тем самым, не желая того, раздувающих межгрупповые распри или сепаратизм (Spriggs 1999: 116–118; Шнирельман 2003; 2006). В такой ситуации стремление археологов поддержать одну из сторон ведет к идеологической борьбе между самими археологами, выступающими по разные стороны баррикад.

Однако и это не выход, так как националисты руководствуются не научной достоверностью, а политической задачей. Поэтому в любом случае археологи, придерживающиеся научной позитивистской методологии, не могут обеспечить их желательной «истиной», и они создают свои собственные интерпретации археологических данных (Shnirelman 1995). А это неизбежно приводит к конфликту между ними и археологами (Шнирельман 2013: 19–20). Эта коллизия обнаруживает коренное противоречие, лежащее в основе кодекса американских археологов: ведь в ряде случаев (или даже во многих случаях) невозможно одновременно скрупулезно следовать научным правилам и служить интересам местного населения (Colwell-Chanthaphonh, Ferguson 2006: 117–118; Cooper 2006). А попытки сочетать этику с политикой (будь то политика колонизаторов и угнетателей или политика местных властей или националистов) ведут к двойным стандартам (Pels 1999).

Все это требует от археологов тонкого понимания того, в какой мере и каким образом добываемое ими знание служит политике, лежащей далеко за пределами археологии, а также кто именно является субъектом, а кто – жертвой этой политики и во имя чего она проводится. Поэтому, по мнению английского археолога Дж. Джиблина, учитывающего печальный опыт геноцида в Руанде, археолог даже должен нести ответственность за то, какие социальные последствия имеют его построения (Giblin 2015: 37).

Действительно, как поступать специалисту, работающему в пограничной зоне между двумя этническими общностями (или меньшинствами), каждая из которых в политических целях заинтересована в своей собственной трактовке археологических данных^{6?} Или в такой ситуации, когда для выполнения своих справедливых требований меньшинство опирается на версию прошлого, нарушающую стандарты

научной методике и научного анализа (это можно встретить у кряшен, кумыков, лезгин)? (см., например: Шнирельман 2002; Shnirelman 2018). Или если между двумя группами ученых одной этнической принадлежности разгорается спор о далеких предках, причем каждая из групп представляет их по-своему (например, «татаристы» и «булгаристы» в Татарстане или пантюкисты и сторонники Кавказской Албании в Азербайджане)? С кем именно должен в этом случае солидаризироваться ученый? И как быть, если археологические данные входят в противоречие со стремлением государства преодолеть страшные последствия геноцида путем конструирования исторической утопии, как это происходит в Руанде (Giblin 2015)? Как в этих условиях должны пониматься принципы мультикультурализма и политкорректности в археологии, о чем пишет К. Гнекко?

Иными словами, в нашем мире археологам приходится иметь дело с идеями и интересами, которые в высшей степени проблематичны. Кстати, и Я. Хамилакис соглашается с тем, что «принцип политической этики не означает, что археолог или любой специалист должен обязательно становиться на сторону какого-то народа или общины» (Hamilakis 2007: 30). А некоторые другие сторонники постпроцессуального подхода признают, что «археология никогда не сможет быть подлинно постколониальной» (Nicholas, Hollowel 2007: 73). У коренных народов нередко встречается тяготение к эссенциалистской парадигме, а археологам следует избегать как ее, так и чрезмерного релятивизма (Nicholas, Hollowel 2007: 75–76).

По словам Д. Купера, «ни один археолог не согласится делить с кем-либо “контроль за прошлым” путем отказа от своего понимания или своей интерпретации прошлого в пользу, скажем, того понимания, которое имеется у местного населения». Ведь отказ от научной реконструкции в пользу того, что по научным критериям выглядит мифом, означает измену поиску научной истины (Cooper 2006: 133–134). Эту позицию разделяют другие специалисты, отмечающие, что на практике невозможно так обращаться с археологическими данными, чтобы это устроило всех заинтересованных лиц (Groarke, Warrick 2006: 165–166). Столкнувшись в Турции с радикальным исламизмом и национализмом, Ян Ходдер приходит к выводу о том, что археологу следует отстаивать тот подход, который основан на его профессиональных знаниях и опирается на научные методики. Именно это и соответствует этике в археологии (Hodder 2011: 27. Также см.: Groarke, Warrick 2006: 177). Но при этом, по словам израильского археолога Р. Гринберга, «интерпретация [археологических данных] требует ответственности» (Greenberg 2015: 22). Он хотел бы видеть в археологии «интеллектуальную и культурную деятельность, которая освобождает прошлое от зависимости от экономических интересов, мифов [включая миф об этнической иден-

тичности] и априорных представлений о мире и определяет наше понимание настоящего и наши надежды на будущее» (Greenberg 2015: 25–26).

Некоторые авторы сетуют на то, что, идя навстречу местному населению в том, что касается публичной презентации находок (музеи и др.), археологи оставляют за собой право на определение целей и разработку плана исследований, а также «производство нарративов», т.е. извлечение смысла из проведенного исследования и формулирование выводов (Gnессо 2015: 4). Тем самым между научной истиной и этикой обнаруживается зазор, хотя обе они требуют ответственности (Pels 1999: 104). Пытаясь преодолеть этот разрыв, отдельные археологи все же находят возможность учитывать в своих подходах к материалу взгляды и представления местного населения, хотя и признают встречающиеся на пути трудности (McDavid, Brock 2015: 168–170). Это в особенности характерно для археологов из коренных малочисленных народов (см., например: Yellowhorn 2015: 249–250). Все это порождает вопросы, на которые сегодня нет простого ответа (Murray 2011: 368).

Как бы то ни было, для проведения продуктивных исследований археологам следует не только тесно взаимодействовать с местным населением, но учитывать специфику его отношения к прошлому. Надо хорошо сознавать, как и в какой степени археологические реконструкции влияют на социальный и политический статус коренного населения. Например, в свое время меня поразило нежелание археологов ряда южных республик бывшего СССР признать наличие первичного очага становления производящего хозяйства на Ближнем Востоке, откуда оно распространялось путем то миграции, то диффузии (Шнирельман 1989). На Кавказе, в Центральной Азии и порой даже на Украине некоторые местные археологи доказывали, что переход к производящему хозяйству совершился самостоятельно. Такая тенденция сохраняется там и сегодня, и ее следы можно встретить даже в школьных учебниках. Это говорит о том, что на археологов воздействует современная политическая обстановка, требующая подтверждения права местного населения на самостоятельное политическое развитие. В свое время по той же причине российские и советские археологи опровергали «миф о готах» и боролись с норманнизмом. Вот что иной раз лежит за чрезмерной приверженностью принципу автохтонизма. Поэтому «разговор о политике путем разговора об археологии» – это вовсе не недавнее явление, как некоторые думают (Gnессо 2015: 10). В поликультурной обстановке обсуждение давнего прошлого нередко скрывало актуальный политический дискурс, и археологические данные служили символической политике. Во всяком случае, именно это происходило в СССР и до сих пор происходит в России (см., например: Shnirelman 1996; 2018; Шнирельман 2003, 2006, 2012б, 2015б).

Кроме того, надо иметь в виду, что этические кодексы, выработанные в рамках западной культуры, могут идти вразрез с ценностями не-

которых других культур. Не менее важно и наличие множественности версий одного и того же прошлого, трактуемого с разных социальных, культурных или религиозных позиций, что в свою очередь может отражаться на политике, включая национализм (Matsuda, Okamura 2011: 10–11). Это ставит в тупик археологов, озабоченных сохранением и консервацией памятников истории и культуры, и в таких случаях западные кодексы плохо работают (Holtorf 2006; Hamilakis 2007: 27–28).

В итоге сегодня археология не только служит научной истине, но и оказывается на перекрестье очень разных, иной раз несовместимых интересов: социальной справедливости, индустриального развития, рынка, прибыли, туризма и пр. И в этих условиях она не может оставаться нейтральной (Haber 2015a: 134).

Примечания

¹ Наиболее известным случаем является Стоунхендж, где в июне 2018 г. солнцестояние отметили около 9,5 тыс. чел., причем среди них было немало неоязычников-друидов.

² Речь шла о раннеголоценовых останках человека, которые сперва были приписаны «европеоиду», что вызвало полемику о том, кто раньше заселил Америку. Местные индейцы с возмущением относились к возможности столь раннего появления «белого человека» в Америке и настаивали на том, что останки принадлежали их предку. В то же время среди претендентов на костные останки были и американские неоязычники (община Асатру). В конечном итоге новые палеоантропологические и генетические исследования подтвердили правоту индейцев, и в 2016 г. они торжественно перезахоронили найденные кости.

³ В данном случае убеждение аборигенов в том, что лишь они обладают правами на любые остатки материальной культуры на земле своих предков, едва не привело к запрету археологических раскопок на о. Тасмания. В этой связи некоторые авторы заявили о «конце археологии».

⁴ Эта социально-культурная сфера, придавшая археологии коммерческий облик и рекрутировавшая много археологов, стала развиваться в США в 1970-х гг.

⁵ В этой коммерческой области работают до 80–90% всех североамериканских и европейских археологов, что само по себе поднимает острые этические проблемы (Ferris, Welch 2015; Zorzini 2015; Almansa Sánchez 2015; Haber, Shepherd 2015: 3. Также см.: Everill 2009).

⁶ С такой ситуацией археологи встретились, например, на Шри-Ланке, где речь шла о святилище, на которое претендовали как сингалы, так и тамилы, причем научные данные говорили в пользу тамиллов (Cooper 2006: 139).

Литература

- Доронин Д.Ю. Что опять не так с «алтайской принцессой»? Новые факты из ньюслорной биографии Ак Кадын // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 74–104.
- Клейн Л.С. Кодекс этики археолога як справа честі країни // Археологія. 2009. № 1. С. 100–102.
- Коренько В.А. Этические проблемы и кризисные явления в археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова) : сб. статей / ред. и сост. В.И. Гуляев и С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2004. С. 36–47.
- Коренько В.А. Об этическом кодексе профессиональных археологов (зарубежный опыт) // Российская археология. 2013. № 4. С. 125–142.

- Коренько В.А. Проблемы этики и этического кодекса профессиональных археологов // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 4. С. 240–242.
- Коренько В.А. Профессиональные археологи об этических проблемах своей науки // Этика в археологии / ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа: Изд-во БГПУ, 2016а. С. 59–79.
- Коренько В.А. Этические проблемы и проявления кризиса в современной археологии (шесть лет спустя) // Этика в археологии / ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа: изд-во БГПУ, 2016б. С. 179–200.
- Коренько В.А. Этический кодекс российского археолога. Проект // «И музюю ему была наука»: сборник памяти В.А. Коренько (1952–2016) / отв. ред. и сост. С.В. Кузьминых, А.А. Горбенко. Азов: Азов. ист.-археол. и палеонтол. музей-заповедник, 2017. С. 89–91.
- Обыденнова Г.Т. (ред.). Этика в археологии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2016.
- Плетц Г., Соенов В.И., Константинов Н.А., Робинсон Э. Международное значение репатриации «Укокской принцессы» (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами?) // Древности Сибири и Центральной Азии. 2014. № 7. С. 17–45.
- Формозов А.А. О критике источников в археологии // Советская археология. 1977. № 1. С. 5–14.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2004.
- Формозов А.А. Человек и наука. Из записей археолога. М.: Знак, 2005.
- Формозов А.А. Статьи разных лет. Курск: ГОУ ВПО КГМУ Росздрава, 2008.
- Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука, 1989.
- Шнирельман В.А. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт / ред. М.Б. Олкотт, И. Семенов. М.: Гендальф, 2001. С. 58–85.
- Шнирельман В.А. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 128–147.
- Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003.
- Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛЮ, 2006.
- Шнирельман В.А. Арийцы или тюрки? Борьба за предков в Центральной Азии // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 192–212. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.4/14.pdf> (дата обращения: 01.11.2019).
- Шнирельман В.А. Религия, национализм и межконфессиональный конфликт в Индии // Этничность и религия в современных конфликтах / ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2012а. С. 57–109.
- Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры-Гешарим, 2012б.
- Шнирельман В.А. Национализм и археология // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 9–25.
- Шнирельман В.А. Аркаим и Стоунхендж между прошлым и будущим // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 19–40.
- Шнирельман В.А. Конструирование исторического наследия – случай Аркаима // Сибирские исторические исследования. 2015а. № 2. С. 53–65.
- Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М.: НЛЮ, 2015б. Т. 1–2.
- Шнирельман В.А. Мигранты, ксенофобия и социальная память – пример Австрии // Новое прошлое. 2018. № 2. С. 64–84.
- Allen M. Ethics in the Publishing of Archaeology // Ethics and archaeological praxis / C. Gnecco, D. Lippert (eds.). New York: Springer, 2015. P. 185–200.
- Almansa Sánchez J. Trading Archaeology Is Not Just a Matter of Antiquities: Archaeological Practice as a Commodity // Ethics and archaeological praxis / C. Gnecco, D. Lippert (eds.). New York: Springer, 2015. P. 148–153.

- Badiou A.* Ethics. Essay on the Understanding of Evil. London: Verso, 2001.
- Bender B.* Stonehenge: making space. Oxford: Berg, 1998.
- Bendremer J.C., Richman K.A.* Human subjects review and archaeology: a view from Indian country // The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice / Ch. Scarre, G. Scarre (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 97–114.
- Benedict J.* No Bone Unturned: The Adventures of a Top Smithsonian Forensic Scientist and the Legal Battle for America's Oldest Skeletons. New York: HarperCollins, 2003.
- Chirikure Sh.* «Do as I Say and Not as I Do». On the Gap Between Good Ethics and Reality in African Archaeology // After Ethics: Ancestral Voices and Post-Disciplinary Worlds in Archaeology / A. Haber, N. Shepherd (eds.). New York, NY: Springer New York, 2015. P. 27–38.
- Colwell-Chanthaphonh Chip., Ferguson T.J.* Trust and archaeological practice: towards a framework of Virtue Ethics // The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice / Ch. Scarre, G. Scarre (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 115–130.
- Colwell-Chanthaphonh C., Ferguson T.J.* (eds.). Collaboration in Archaeological Practice: Engaging Descendant Communities. Lanham, MD: AltaMira, 2008.
- Colwell Ch., Joy Ch.* Communities and Ethics in the Heritage Debates // Global Heritage: A Reader / Lynn Meskell (ed.). John Wiley & Sons, Inc. 2015. P. 112–130.
- Cooper D.E.* Truthfulness and 'inclusion' in archaeology // The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice / Ch. Scarre, G. Scarre (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 131–145.
- Curtoni R.P.* Against Global Archaeological Ethics: Critical Views from South America // Ethics and archaeological praxis / C. Gnecco, D. Lippert (eds.). New York: Springer, 2015. P. 41–47.
- Dezhamkhooy M., Yazdi L.P., Garazhian O.* All Our Findings Are Under Their Boots! The Monologue of Violence in Iranian Archaeology // Ethics and the Archaeology of Violence / A. González-Ruibal, G. Moshenska (eds.). New York: Springer, 2015. P. 51–70.
- Di Giovine M.A.* Patrimonial Ethics and the Field of Heritage Production // Ethics and archaeological praxis / C. Gnecco, D. Lippert (eds.). New York: Springer, 2015. P. 201–227.
- Everill P.* The invisible diggers. A study of British commercial archaeology. Oxford: Oxbow Books, 2009.
- Ferguson T.J.* Native Americans and the practice of archaeology // Annual Review of Anthropology. 1996. Vol. 25. P. 63–79.
- Ferris N., Welch J.R.* New Worlds: Ethics in Contemporary North American Archaeological Practice // Ethics and archaeological praxis / C. Gnecco, D. Lippert (eds.). New York: Springer, 2015. P. 69–92.
- Fowler P.* The Past in Contemporary Society: Then, Now. London: Routledge, 1992.
- Giblin J.* Archaeological Ethics and Violence in Post-genocide Rwanda // Ethics and the Archaeology of Violence / A. González-Ruibal, G. Moshenska (eds.). New York: Springer, 2015. P. 33–50.
- Gnecco C.* An entanglements of sorts: archaeology, ethics, praxis, multiculturalism // Ethics and archaeological praxis / C. Gnecco, D. Lippert (eds.). New York: Springer, 2015. P. 1–17.
- Gnecco C., Hernandez C.* History and its discontents: Stone statues, native histories and archaeologists // Current Anthropology. 2008. Vol. 49, № 3. P. 439–455.
- Gnecco C., Lippert D.* (eds.). Ethics and archaeological praxis. New York: Springer, 2015.
- Green L.* Archaeologies of Intellectual Heritage? // Ethics and archaeological praxis / C. Gnecco, D. Lippert (eds.). New York: Springer, 2015. P. 229–243.
- Greenberg R.* Ethics in Action: A Viewpoint from Israel/Palestine // Ethics and the Archaeology of Violence / A. González-Ruibal, G. Moshenska (eds.). New York: Springer, 2015. P. 19–32.

- Groarke L., Warrick G.* Stewardship gone astray? Ethics and the SAA // The ethics of archaeology. archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice / Ch. Scarre, G. Scarre (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 163–179.
- Haber A.* Archaeology after archaeology // After Ethics: Ancestral Voices and Post-Disciplinary Worlds in Archaeology / A. Haber, N. Shepherd (eds.). New York, NY: Springer New York, 2015a. P. 127–137.
- Haber A.* Archaeology and Capitalist Development: Lines of Complicity // Ethics and archaeological praxis / C. Gnecco, D. Lippert (eds.). New York: Springer, 2015b. P. 95–113.
- Haber A., Shepherd N.* After Ethics: Ancestral Voices and Post-disciplinary Worlds in Archaeology: An Introduction // After Ethics: Ancestral Voices and Post-Disciplinary Worlds in Archaeology / A. Haber, N. Shepherd (eds.). New York, NY: Springer New York, 2015. P. 1–10.
- Hamilakis Y.* Iraq, stewardship and ‘the record’: an ethical crisis for archaeology // Public archaeology. 2003. Vol. 3, № 2. P. 104–111.
- Hamilakis Y.* From ethics to politics // Archaeology and Capitalism: From Ethics to Politics / Y. Hamilakis, P. Duke (eds.). Walnut Creek, CA: Left Coast Press, 2007. P. 15–40.
- Hamilakis Y.* The ‘war on terror’ and the military-archaeology complex: Iraq, ethics, and neo-colonialism // Archaeology: Journal of the World Archaeological Congress. 2009. Vol. 5, № 1. P. 39–65.
- Hamilakis Y.* Some Debts Can Never Be Repaid: The Archaeo-politics of the Crisis // Journal of Modern Greek Studies. 2016. Vol. 34, № 2. P. 228–233.
- Hamilakis Y.* An oneiric archaeology of the crisis: the Amphipolis saga // Archaeology of the Future/Archäologie der Zukunft (Culturescapes Griechenland) / K. Botanova, C.Ch. Crysopoulos (eds.). Basel: Christoph Merian, 2017. P. 16–36.
- Handler R.* Is «identity» a useful cross-cultural concept? // Commemorations. The politics of national identity / John R. Gillis (ed.). Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. P. 27–40.
- Hewison R.* The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline. London: Methuen Publishing Ltd., 1987.
- Hodder I.* The Past as Passion and Play: Çatalhöyük as a Site of Conflict in the Construction of Multiple Pasts // Archaeology under Fire: Nationalism, Politics and Heritage in the Eastern Mediterranean and Middle East / L. Meskell (ed.). London: Routledge, 1998. P. 124–139.
- Hodder I.* Is a Shared Past Possible? The Ethics and Practice of Archaeology in the Twenty-First Century // New Perspectives in Global Public Archaeology / K. Okamura, A. Matsuda (eds.). New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2011. P. 19–28.
- Holtorf C.* Can less be more? Heritage in the age of terrorism // Public archaeology. 2006. Vol. 5. P. 101–109.
- Holtorf C.* A European perspective on indigenous and immigrant archaeologies // World Archaeology. 2009. Vol. 41, № 4. P. 672–681.
- Jofré Luna I.C.J.* The Mark of the Indian Still Inhabits Our Body: On Ethics and Disciplining in South American Archaeology // After Ethics: Ancestral Voices and Post-Disciplinary Worlds in Archaeology / A. Haber, N. Shepherd (eds.). New York, NY: Springer New York, 2015. P. 55–78.
- Krupat A.* Ethnocriticism: Ethnography, History, and Literature. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Lackey D.P.* Ethics and Native American reburials: a philosopher’s view of two decades of NAGPRA // The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice / Ch. Scarre, G. Scarre (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 146–162.
- Loosley E.* Archaeology and cultural belonging in contemporary Syria: The value of archaeology to religious minorities // World Archaeology. 2005. Vol. 37, № 4. P. 589–596.
- Lowenthal D.* The Past is a Foreign Country. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

- Matsuda A., Okamura K.* Introduction: New Perspectives in Global Public Archaeology // *New Perspectives in Global Public Archaeology / K. Okamura, A. Matsuda (eds.)*. New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2011. P. 1–18.
- McDavid C., Brock T.P.* The Differing Forms of Public Archaeology: Where We Have Been, Where We Are Now, and Thoughts for the Future // *Ethics and archaeological praxis / C. Gnecco, D. Lippert (eds.)*. New York: Springer, 2015. P. 159–184.
- Meskell L.* Archaeological ethnography: Conversations around Kruger National Park // *Archaeologies*. 2005. Vol. 1, № 1. P. 81–100.
- Meskell L.* (ed.). *Cosmopolitan Archaeologies*. Durham, NC: Duke University Press, 2009.
- Meskell L., Pels P.* (eds.). *Embedding ethics: Shifting the boundaries of the anthropological profession*. Berg: Oxford, 2005.
- Morris A.* Public Archaeology and Critical Histories: Collaborative Archaeology in Southern Illinois // *Journal of African diaspora archaeology and heritage*. 2014. Vol. 3, № 2. P. 159–174.
- Murray T.* Archaeologists and Indigenous people: A maturing relationship? // *Annual Review of Anthropology*. 2011. Vol. 40. P. 363–378.
- Nicholas G., Hollowel J.* Ethical Challenges to a Postcolonial Archaeology: the Legacy of Scientific Colonialism // *Archaeology and Capitalism: From Ethics to Politics / Y. Hamilakis, P. Duke (ed.)*. Walnut Creek: Left Coast Press, 2007. P. 59–82.
- Niklasson E., Hølleland H.* The Scandinavian far-right and the new politicisation of heritage // *Journal of Social Archaeology*. 2018. № 2. P. 121–148.
- Owsley D.W., Jantz R.L.* (eds.). *Kennewick Man: The Scientific Investigation of an Ancient American Skeleton*. College Station: TexasA&M University Press, 2014.
- Pels P.* Professions of Duplexity: A Prehistory of Ethical Codes in Anthropology // *Current Anthropology*. 1999. Vol. 40, № 2. P. 101–114.
- Phillips C., Ross A.* Both Sides of the Ditch: The Ethics of Narrating the Past in the Present // *Ethics and archaeological praxis / C. Gnecco, D. Lippert (eds.)*. New York: Springer, 2015. P. 27–40.
- Pyburn K.A.* Engaged Archaeology: Whose Community? Which Public? // *New Perspectives in Global Public Archaeology / K. Okamura, A. Matsuda (eds.)*. New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2011. P. 29–41.
- Reid J.J.* Recent findings on North American prehistory // *American Antiquity*. 1992. Vol. 57, № 2. P. 195–196.
- Robertshaw P.* Knowledge and power // *African Archaeological Review*. 1996. Vol. 13, № 1. P. 7–9.
- Rowlands M.* The politics of identity in archaeology // *Social construction of the past: representation as power / G.C. Bond, A. Gilliam (eds.)*. London: Routledge, 1994. P. 129–143.
- Scarre Ch., Scarre G.* (eds.). *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006a.
- Scarre Ch., Scarre G.* Introduction // *Scarre Ch., Scarre G. (eds.)*. *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006b. P. 1–12.
- Scham S.A., Yahya A.* Heritage and reconciliation // *Journal of Social Archaeology*. 2003. Vol. 3, № 3. P. 399–416.
- Schoenbrun D.* Violence and vulnerability in East Africa before 1800 CE: An agenda for research // *History Compass*. 2006. Vol. 4, № 5. P. 741–760.
- Shepherd N.* Undisciplining Archaeological Ethics // *After Ethics: Ancestral Voices and Post-Disciplinary Worlds in Archaeology / A. Haber, N. Shepherd (eds.)*. New York, NY: Springer New York, 2015. P. 10–25.
- Shnirelman V.A.* Alternative prehistory // *Journal of European Archaeology*. 1995. Vol. 3, № 2. P. 1–20.

- Shnirelman V.A.* Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington, DC; Baltimore; London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996.
- Shnirelman V.A.* The politics of the past in Dagestan: national unity and symbolic revolt // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70, № 6. P. 966–990.
- Smith L.* Archaeological theory and the politics of culture heritage. New York: Routledge, 2004.
- Smith L.* Uses of heritage. London: Routledge, 2006.
- Spriggs M.* Pacific archaeologies: contested ground in the construction of Pacific history // *The Journal of Pacific History*. 1999. Vol. 34, № 1. P. 109–121.
- Stout A.* Creating prehistory: druids, Ley hunters and archaeologists in pre-war Britain. Oxford: Blackwell, 2008.
- Swain H.* The ethics of displaying human remains from British archaeological sites // *Public archaeology*. 2002. Vol. 2. P. 95–100.
- Thomas D.* Skull Wars: Kennewick Man, Archaeology, and the Battle for Native American Identity, New York: Basic Books, 2000.
- Watkins J.* Yours, mine, or ours? Conflicts between archaeologists and ethnic groups // *The Future of the Past: Archaeologists, Native Americans, and Repatriation* / T.L. Bray (ed.). New York: Garland Publishing, 2001. P. 57–68.
- Watkins J.* Through wary eyes: Indigenous perspectives on archaeology // *Annual Review of Anthropology*. 2005. Vol. 34. P. 429–449.
- Watkins J.* An Indigenous Anthropologist's Perspective on Archaeological Ethics // *Ethics and archaeological praxis* / C. Gnecco, D. Lippert (eds.). New York: Springer, 2015. P. 21–26.
- Wright P.* On Living in an Old Country. The National Past in Contemporary Britain. London: Verso, 1985.
- Wynn L.L.* Shape Shifting Lizard People, Israelite Slaves, and Other Theories of Pyramid Building. Notes on Labor, Nationalism, and Archaeology in Egypt // *Journal of Social Archaeology*. 2008. Vol. 8, № 2. P. 272–295.
- Yellowhorn E.* Just Methods, No Madness: Historical Archaeology on the Piikani First Nation // *Ethics and archaeological praxis* / C. Gnecco, D. Lippert (eds.). New York: Springer, 2015. P. 245–256.
- Young J.O.* Cultures and the ownership of archaeological finds // *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice* / Ch. Scarre, G. Scarre (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 15–31.
- Zimmerman L.J.* Usurping Native American voice // *The Future of the Past: Archaeologists, Native Americans, and Repatriation* / T. Bray (ed.). New York: Garland Publishing, 2001. P. 169–184.
- Zorzin N.* Archaeology and Capitalism: Successful Relationship or Economic and Ethical Alienation? // *Ethics and archaeological praxis* / C. Gnecco, D. Lippert (eds.). New York: Springer, 2015. P. 115–139.

Статья поступила в редакцию 12 ноября 2019 г.

Shnirelman Viktor A.

ARCHAEOLOGY, HISTORICAL HERITAGE AND ETHICAL ISSUES*

DOI: 10.17223/2312461X/27/6

Abstract. The development of mass society and emergence of new groups that actively claim their place in society and in the world have turned historical heritage into a valuable political resource. This, in turn, has paved the way for 'historical politics', which, along with twentieth-century events, tends to encompass layers of the past that go much further back in time.

As a result, archaeologists find themselves confronted with some important issues. What is historical heritage? How is it understood today? What attracts public attention, and what leaves the public indifferent? Who has the right to historical heritage – archaeologists, the state, or society? What society?

Here, we deal with complex issues of ethno-genesis and disputes over historical heritage, including unjustified claims for heritage that is someone else's. Such disputes may occur between states, ethnic groups, or archaeologists and local communities. Acute ethical issues necessarily follow: is this about preserving historical heritage after all or is this about stealing it from others as part of the colonial/postcolonial logic? In addition, it has now become clear that armed conflicts can threaten historical heritage: it can be looted, destructed, or completely destroyed in conflict-affected areas. Thus, ethics is increasingly coming to the fore in archaeology.

Keywords: historical heritage, archaeology, native peoples, identity, politics, conflict, ethics.

* Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

References

- Doronin D.Iu. Chto opiat' ne tak s «altaiskoi printsessoj»? Novye fakty iz n'iuslornoj biografii Ak Kadyń [What is wrong again with the 'Altai princess'? New facts from newslore biography of Ak Kadyń], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 1, pp. 74-104.
- Klein L.S. Kodeks etiki arkheologa iak sprava chestikraĩni [Code of ethics for archaeologists as a matter of the country's honour], *Arkheologiia*, 2009, no. 1, pp. 100-102.
- Koreniako V.A. Eticheskie problemy i krizisnye iavleniia v arkheologii [Ethical issues and phenomena of crisis in archaeology]. In: *Problemy pervobytnoi arkheologii Evrazii (k 75-letiiu A.A.F Ormozova)*. Sb. statei [Issues in the pre-historic archaeology of Eurasia (associated with the 75th anniversary of A.A.F Ormozova). A collection of articles]. Eds. and comp. by V.I. Guliaev, S.V. Kuz'minykh. Moscow: IA RAN, 2004, pp. 36-47.
- Koreniako V.A. Ob eticheskom kodekse professional'nykh arkheologov (zarubezhnyi opyt) [Legislation of other nations on archaeological heritage protection], *Rossiiskaia arkheologiia*, 2013, no. 4, pp. 125-142.
- Koreniako V.A. Problemy etiki i eticheskogo kodeksa professional'nykh arkheologov [Issues of ethics and code of ethics for professional archaeologists]. In: *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani. Vol. 4* [Proceedings of the 20th Russian Archaeological Congress in Kazan. Vol. 4]. Kazan': Otechestvo, 2014, pp. 240-242.
- Koreniako V.A. Professional'nye arkheologi ob eticheskikh problemakh svoei nauki [Professional archaeologists on ethical issues in their research]. In: *Etika v arkheologii* [Ethics in archaeology]. Ed. by G.T. Obydenнова. Ufa: izd-vo BGPU, 2016, pp. 59-79.
- Koreniako V.A. Eticheskie problemy i proiavleniia krizisa v sovremennoi arkheologii (shest' let spustia) [Ethical issues and crisis manifestations in contemporary archaeology (6 years later)]. In: *Etika v arkheologii* [Ethics in archaeology]. Ed. by G.T. Obydenнова. Ufa: izd-vo BGPU, 2016, pp. 179-200.
- Koreniako V.A. Eticheskii kodeks rossiiskogo arkheologa. Proekt [The code of ethics for Russian archaeologists. Draft]. In: *«I muzoiu emu byla nauka»: Sbornik pamiati V.A. Koreniako (1952-2016)* [‘And science was his muse’: A collection of papers dedicated to the memory of V.A. Koreniako (1952-2016)]. Eds. and comp. by S.V. Kuz'minykh, A.A. Gorbenko. Azov: Azov. ist.-arkheolog. i paleontolog. muzei-zapovednik, 2017, pp. 89-91.
- Obydenнова G.T. (ed.). *Etika v arkheologii* [Ethics in archaeology]. Ufa: izd-vo BGPU, 2016.
- Pletts G., Soenov V.I., Konstantinov N.A., Robinson E. Mezhdunarodnoe znachenie repatriatsii «Ukokskoi printsessy» (gotova li rossiiskaia arkheologiia k dialogu s korennyimi narodami?)

- [International implications of the 'Ukok Princess's repatriation (Is Russian archaeology ready for dialogue with the indigenous peoples?). In: *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia in Central Asia]. Gorno-Altaiisk, 2014, no. 7, pp. 17-45.
- Formozov A.A. O kritike istochnikov v arkheologii [On the critique of sources in archaeology], *Sovetskaiia arkheologiia*, 1977, no. 1, pp. 5-14.
- Formozov A.A. *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki* [Russian archaeologists during the period of totalitarianism. Historiographic essays]. Moscow: Znack, 2004.
- Formozov A.A. *Chelovek i nauka. Iz zapisei arkheologa* [Man and science. From the notes of an archaeologist]. Moscow: Znack, 2005.
- Formozov A.A. *Stat'i raznykh let* [Articles written in different years]. Kursk: GOU VPO KGMU Roszdrava, 2008.
- Shnirel'man V.A. *Vozniknovenie proizvodiashego khoziaistva* [The emergence of a producing economy]. Moscow: Nauka, 1989.
- Shnirel'man V.A. Strasti po Arkaimu: ariiskaia ideia i natsionalizm [Arkaim's passion: the Aryan idea and nationalism]. In: Olkott M.B., Semenov I. (eds.). *Iazyk i etnicheskii konflikt* [Language and ethnic conflict]. Moscow: Gendal'f, 2001, pp. 58-85.
- Shnirel'man V.A. Identichnost' i obrazy predkov: tatory pered vyborom [Identity and the images of ancestors: the Tatars facing a choice], *Vestnik Evrazii*, 2002, no. 4, pp. 128-147.
- Shnirel'man V.A. *Voiny pamiati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Warriors of memory: myths, identity, and politics in the Caucasian region]. Moscow: IKTs Akademkniga, 2003.
- Shnirel'man V.A. *Byt' alanami. Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [To be alanami. Intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century.]. Moscow: NLO, 2006.
- Shnirel'man V.A. Ariitsy ili tiurki? Bor'ba za predkov v Tsentral'noi Azii [Aryans or Turks? A battle for ancestry in Central Asia], *Politicheskaiia kontseptologiia*, 2009, no. 4, pp. 192-212. Available at: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.4/14.pdf> (Accessed 1 November 2019).
- Shnirel'man V.A. Religiiia, natsionalizm i mezkhkonnessional'nyi konflikt v Indii [Religion, nationalism, and inter-confessional conflict in India]. In: Tishkov V.A., Shnirel'man V.A. (eds.). *Etnichnost' i religiiia v sovremennykh konfliktakh* [Ethnicity and religion on contemporary conflicts]. Moscow: Nauka, 2012a, pp. 57-109.
- Shnirel'man V.A. *Khazarskii mif: ideologiia politicheskogo radikalizma v Rossii i ee istoki* [The Khazar myth: ideology of political radicalism in Russia and its origins]. Moscow: Mosty kul'tury-Gesharim, 2012b.
- Shnirel'man V.A. Natsionalizm i arkheologiia [Nationalism and archaeology], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 1, pp. 9-25.
- Shnirel'man V.A. Arkaim i Stounkhendzh mezhdu proshlym i budushchim [Arkaim and Stonehenge between the past and the future], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, no. 5, pp. 19-40.
- Shnirel'man V.A. Konstruirovaniie istoricheskogo naslediiia – sluchai Arkaima [Constructing historical heritage: the case of Arkaim], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2015a, no. 2, pp. 53-65.
- Shnirel'man V.A. *Ariiskii mif v sovremennom mire* [The Aryan myth in today's world]. Vol. 1-2. Moscow: NLO, 2015b.
- Shnirel'man V.A. Migranty, ksenofobiia i sotsial'naia pamiat' - primer Avstrii [Migrants, xenophobia, and social memory: the case of Austria], *Novoe proshloe*, 2018, no. 2, pp. 64-84.
- Allen M. Ethics in the Publishing of Archaeology. In: Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015, pp. 185-200.
- Almansa Sánchez J. Trading Archaeology Is Not Just a Matter of Antiquities: Archaeological Practice as a Commodity. In: Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015, pp. 148-153.

- Badiou A. *Ethics. Essay on the Understanding of Evil*. London: Verso, 2001.
- Bender B. *Stonehenge: making space*. Oxford: Berg, 1998.
- Bendremer J.C., Richman K.A. Human subjects review and archaeology: a view from Indian country. In: Scarre Ch., Scarre G. (eds.). *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 97–114.
- Benedict J. *No Bone Unturned: The Adventures of a Top Smithsonian Forensic Scientist and the Legal Battle for America's Oldest Skeletons*. New York: Harper Collins, 2003.
- Chirikure Sh. "Do as I Say and Not as I Do". On the Gap Between Good Ethics and Reality in African Archaeology. In: Haber A., Shepherd N. (eds.). *After Ethics: Ancestral Voices and Post-Disciplinary Worlds in Archaeology*. New York, NY : Springer New York, 2015, pp. 27–38.
- Colwell-Chanthaphonh Chip., Ferguson T. J. Trust and archaeological practice: towards a framework of Virtue Ethics. In: Scarre Ch., Scarre G. (eds.). *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 115–130.
- Colwell-Chanthaphonh C., Ferguson T. J. (eds). *Collaboration in Archaeological Practice: Engaging Descendant Communities*. Lanham, MD: AltaMira, 2008.
- Colwell Ch., Joy Ch. Communities and Ethics in the Heritage Debates. In: Lynn Meskell (ed.). *Global Heritage: A Reader*. John Wiley & Sons, Inc, 2015, pp. 112-130.
- Cooper D. E. Truthfulness and 'inclusion' in archaeology. In: Scarre Ch., Scarre G. (eds.). *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 131–145.
- Curtoni R. P. Against Global Archaeological Ethics: Critical Views from South America. In: Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015, pp. 41–47.
- Dezhankhooy M., Yazdi L. P., Garazhian O. All Our Findings Are Under Their Boots! The Monologue of Violence in Iranian Archaeology. In: González-Ruibal A., Moshenska G. (eds.). *Ethics and the Archaeology of Violence*. New York: Springer, 2015, pp. 51–70.
- Di Giovine M.A. Patrimonial Ethics and the Field of Heritage Production. In: Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015, pp. 201–227.
- Everill P. *The invisible diggers. A study of British commercial archaeology*. Oxford: Oxbow Books, 2009.
- Ferguson T.J. Native Americans and the practice of archaeology, *Annual Review of Anthropology*, 1996, Vol. 25, pp. 63–79.
- Ferris N., Welch J.R. New Worlds: Ethics in Contemporary North American Archaeological Practice. In: Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015, pp. 69–92.
- Fowler P. *The Past in Contemporary Society: Then, Now*. London: Routledge, 1992.
- Giblin J. Archaeological Ethics and Violence in Post-genocide Rwanda. In: González-Ruibal A., Moshenska G. (eds.). *Ethics and the Archaeology of Violence*. New York: Springer, 2015, pp. 33–50.
- Gnecco C. An entanglements of sorts: archaeology, ethics, praxis, multiculturalism. In: Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015, pp. 1–17.
- Gnecco C., Hernandez C. History and its discontents: Stone statues, native histories and archaeologists, *Current Anthropology*, 2008, vol. 49, no. 3, pp. 439–455.
- Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015.
- Green L. Archaeologies of Intellectual Heritage? In: Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015, pp. 229–243.
- Greenberg R. Ethics in Action: A Viewpoint from Israel/Palestine. In: González-Ruibal A., Moshenska G. (eds.). *Ethics and the Archaeology of Violence*. New York: Springer, 2015, pp. 19–32.

- Groarke L., Warrick G. Stewardship gone astray? Ethics and the SAA. In: Scarre Ch., Scarre G. (eds.). *The ethics of archaeology: archaeological perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 163–179.
- Haber A. Archaeology after archaeology. In: Haber A., Shepherd N. (eds.). *After Ethics: Ancestral Voices and Post-Disciplinary Worlds in Archaeology*. New York, NY: Springer New York, 2015a, pp. 127–137.
- Haber A. Archaeology and Capitalist Development: Lines of Complicity. In: Gnecco C., Lipert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015b, pp. 95–113.
- Haber A., Shepherd N. After Ethics: Ancestral Voices and Post-disciplinary Worlds in Archaeology: An Introduction. In: Haber A., Shepherd N. (eds.). *After Ethics: Ancestral Voices and Post-Disciplinary Worlds in Archaeology*. New York, NY: Springer New York, 2015, pp. 1–10.
- Hamilakis Y. Iraq, stewardship and ‘the record’: an ethical crisis for archaeology, *Public archaeology*, 2003, vol. 3, no. 2, pp. 104–111.
- Hamilakis Y. From ethics to politics. In: Y. Hamilakis, P. Duke (eds.). *Archaeology and Capitalism: From Ethics to Politics*. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, 2007, pp. 15–40.
- Hamilakis Y. The ‘war on terror’ and the military-archaeology complex: Iraq, ethics, and neocolonialism, *Archaeology: Journal of the World Archaeological Congress*, 2009, Vol. 5, no. 1, pp. 39–65.
- Hamilakis Y. Some Debts Can Never Be Repaid: The Archaeo-politics of the Crisis, *Journal of Modern Greek Studies*, 2016, vol. 34, no. 2, pp. 228–233.
- Hamilakis Y. An oneiric archaeology of the crisis: the Amphipolis saga. In: K. Botanova and C. Ch. Cryssopoulos (eds.). *Archaeology of the Future/Archäologie der Zukunft (Culturescapes Griechenland)*. Basel: Christoph Merian, 2017, pp. 16–36.
- Handler R. Is “identity” a useful cross-cultural concept? In: John R. Gillis (ed.). *Commemorations. The politics of national identity*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994, pp. 27–40.
- Hewison R. *The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline*. London: Methuen Publishing Ltd., 1987.
- Hodder I. The Past as Passion and Play: Çatalhöyük as a Site of Conflict in the Construction of Multiple Pasts. In: L. Meskell (ed.). *Archaeology under Fire: Nationalism, Politics and Heritage in the Eastern Mediterranean and Middle East*. London: Routledge, 1998, pp. 124–139.
- Hodder I. Is a Shared Past Possible? The Ethics and Practice of Archaeology in the Twenty-First Century. In: K. Okamura and A. Matsuda (eds.). *New Perspectives in Global Public Archaeology*. New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2011, pp. 19–28.
- Holtorf C. Can less be more? Heritage in the age of terrorism, *Public archaeology*, 2006, vol. 5, pp. 101–109.
- Holtorf C. European perspective on indigenous and immigrant archaeologies, *World Archaeology*, 2009, vol. 41, no. 4, pp. 672–681.
- Jofré Luna I.C.J. The Mark of the Indian Still Inhabits Our Body: On Ethics and Disciplining in South American Archaeology. In: Haber A., Shepherd N. (eds.). *After Ethics: Ancestral Voices and Post-Disciplinary Worlds in Archaeology*. New York, NY: Springer New York, 2015, pp. 55–78.
- Krupat A. *Ethnocriticism: Ethnography, History, and Literature*. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Lackey D.P. Ethics and Native American reburials: a philosopher’s view of two decades of NAGPRA. In: Scarre Ch., Scarre G. (eds.). *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 146–162.
- Loosley E. Archaeology and cultural belonging in contemporary Syria: The value of archaeology to religious minorities, *World Archaeology*, 2005, vol. 37, no. 4, pp. 589–596.
- Lowenthal D. *The Past is a Foreign Country*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

- Matsuda A., Okamura K. Introduction: New Perspectives in Global Public Archaeology. In: K. Okamura and A. Matsuda (eds.). *New Perspectives in Global Public Archaeology*. New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2011, pp. 1–18.
- McDavid C., Brock T.P. The Differing Forms of Public Archaeology: Where We Have Been, Where We Are Now, and Thoughts for the Future. In: Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015, pp. 159–184.
- Meskell L. Archaeological ethnography: Conversations around Kruger National Park, *Archaeologies*, 2005, vol. 1, no. 1, pp. 81–100.
- Meskell L. (ed.). *Cosmopolitan Archaeologies*. Durham, NC: Duke University Press, 2009.
- Meskell L., Pels P. (eds.). *Embedding ethics: Shifting the boundaries of the anthropological profession*. Berg: Oxford, 2005.
- Morris A. Public Archaeology and Critical Histories: Collaborative Archaeology in Southern Illinois, *Journal of African diaspora archaeology and heritage*, 2014, Vol. 3, no. 2, pp. 159–174.
- Murray T. Archaeologists and Indigenous people: A maturing relationship?, *Annual Review of Anthropology*, 2011, vol. 40, pp. 363–378.
- Nicholas G., Hollowel J. Ethical Challenges to a Postcolonial Archaeology: the Legacy of Scientific Colonialism. In: *Archaeology and Capitalism: From Ethics to Politics*. Edited by Y. Hamilakis and P. Duke. Walnut Creek: Left Coast Press, 2007, pp. 59–82.
- Niklasson E., Hølleland H. The Scandinavian far-right and the new politicisation of heritage, *Journal of Social Archaeology*, 2018, no. 2, pp. 121–148.
- Owsley D.W., Jantz R.L. (eds.). *Kennewick Man: The Scientific Investigation of an Ancient American Skeleton*. College Station: TexasA&MUniversityPress, 2014.
- Pels P. Professions of Duplexity: A Prehistory of Ethical Codes in Anthropology, *Current Anthropology*, 1999, vol. 40, no. 2, pp. 101–114.
- Phillips C., Ross A. Both Sides of the Ditch: The Ethics of Narrating the Past in the Present. In: Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015, pp. 27–40.
- Pyburn K.A. Engaged Archaeology: Whose Community? Which Public? In: K. Okamura and A. Matsuda (eds.). *New Perspectives in Global Public Archaeology*. New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2011, pp. 29–41.
- Reid J.J. Recent findings on North American prehistory, *American Antiquity*, 1992, vol. 57, no. 2, pp. 195–196.
- Robertshaw P. Knowledge and power, *African Archaeological Review*, 1996, Vol. 13, no. 1, pp. 7–9.
- Rowlands M. The politics of identity in archaeology. In: G. C. Bond, A. Gilliam (eds.). *Social construction of the past: representation as power*. London: Routledge, 1994, pp. 129–143.
- Scarre Ch., Scarre G. (eds.). *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006a.
- Scarre Ch., Scarre G. Introduction. In: Scarre Ch., Scarre G. (eds.). *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006b, pp. 1–12.
- Scham S.A., Yahya A. Heritage and reconciliation, *Journal of Social Archaeology*, 2003, vol. 3, no. 3, pp. 399–416.
- Schoenbrun D. Violence and vulnerability in East Africa before 1800 CE: An agenda for research, *History Compass*, 2006, vol. 4, no. 5, pp. 741–760.
- Shepherd N. Undisciplining Archaeological Ethics. In: Haber A., Shepherd N. (eds.). *After Ethics: Ancestral Voices and Post-Disciplinary Worlds in Archaeology*. New York, NY: Springer New York, 2015, pp. 10–25.
- Shnirelman V.A. Alternative prehistory, *Journal of European Archaeology*, 1995, vol. 3, no. 2, pp. 1–20.

- Shnirelman V.A. *Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia*. Washington D. C., Baltimore & London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996.
- Shnirelman V.A. The politics of the past in Dagestan: national unity and symbolic revolt, *Europe-Asia Studies*, 2018, vol. 70, no. 6, pp. 966–990.
- Smith L. *Archaeological theory and the politics of culture heritage*. New York: Routledge, 2004.
- Smith L. *Uses of heritage*. London: Routledge, 2006.
- Spriggs M. Pacific archaeologies: contested ground in the construction of Pacific history, *The Journal of Pacific History*, 1999, Vol. 34, no. 1, pp. 109–121.
- Stout A. *Creating prehistory: druids, Ley hunters and archaeologists in pre-war Britain*. Oxford: Blackwell, 2008.
- Swain H. The ethics of displaying human remains from British archaeological sites, *Public Archaeology*, 2002, vol. 2, pp. 95–100.
- Thomas D. *Skull Wars: Kennewick Man, Archaeology, and the Battle for Native American Identity*. New York: Basic Books, 2000.
- Watkins J. Yours, mine, or ours? Conflicts between archaeologists and ethnic groups. In: T.L. Bray (ed.). *The Future of the Past: Archaeologists, Native Americans, and Repatriation*. New York: Garland Publishing, 2001, pp. 57–68.
- Watkins J. Through wary eyes: Indigenous perspectives on archaeology, *Annual Review of Anthropology*, 2005, vol. 34, pp. 429–449.
- Watkins J. An Indigenous Anthropologist's Perspective on Archaeological Ethics. In: Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015, pp. 21–26.
- Wright P. *On Living in an Old Country. The National Past in Contemporary Britain*. London: Verso, 1985.
- Wynn L. L. Shape Shifting Lizard People, Israelite Slaves, and Other Theories of Pyramid Building. Notes on Labor, Nationalism, and Archaeology in Egypt, *Journal of Social Archaeology*, 2008, vol. 8, no. 2, pp. 272–295.
- Yellowhorn E. Just Methods, No Madness: Historical Archaeology on the Piikani First Nation. In: Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015, pp. 245–256.
- Young J. O. Cultures and the ownership of archaeological finds. In: Scarre Ch., Scarre G. (eds.). *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 15–31.
- Zimmerman L.J. Usurping Native American voice. In: T. Bray (ed.). *The Future of the Past: Archaeologists, Native Americans, and Repatriation*. New York: Garland Publishing, 2001, pp. 169–184.
- Zorzin N. Archaeology and Capitalism: Successful Relationship or Economic and Ethical Alienation? In: Gnecco C., Lippert D. (eds.). *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, 2015, pp. 115–139.

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/27/7

«РИТУАЛЬНЫЕ» КУРГАНЫ МОГИЛЬНИКА КОК-ПАШ (ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ): К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКОВ*

Николай Николаевич Серегин,
Сергей Александрович Васюгин

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации материалов раскопок двух курганов погребально-поминального памятника Кок-Паш в Восточном Алтае. Раскопки этих объектов осуществлены Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А.С. Васютина в 1983 г., однако результаты их исследований до сих пор полноценно не опубликованы. Представлена развернутая характеристика зафиксированных комплексов, которые предложено обозначать как «ритуальные» курганы. Анализ выявленных конструкций, а также обнаруженных предметов инвентаря позволил обосновать датировку объектов в рамках второй половины V – VI вв. н.э. и отнести их к раннему этапу формирования археологического комплекса тюрков. Изучение материалов раскопок позволило затронуть ряд дискуссионных вопросов, связанных с реконструкцией процессов формирования традиций тюрков. Обосновано предположение о том, что в середине I тыс. н.э. на Алтае происходил своего рода «поиск» форм обрядовой практики, который получил отражение в материалах исследования целого ряда объектов, отличающихся от «классических» памятников раннесредневековых тюрков.

Ключевые слова: «ритуальный» курган, раннее средневековье, тюрки, Алтай, «поминальные» объекты, предтюркское время, новые материалы

Введение

Среди дискуссионных проблем раннесредневековой археологии Центральной Азии особое место занимает комплекс вопросов, связанных с ритуальной обрядностью тюрков. Различным аспектам интерпретации «поминальных» сооружений посвящено значительное количество работ (Евтюхова 1952; Грач 1961; Кубарев 1984; Ермоленко 2004; Серегин, Шелепова 2015 и др.), но до сих пор нет единой позиции по поводу назначения оградок, изваяний, балбалов и прочих конструкций, составляющих одну из наиболее многочисленных групп объектов но-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 16-18-10033), а также в рамках реализации гранта Президента РФ МК-2381.2020.6.

мадов второй половины I тыс. н.э. Очевидно, что возможности более детального рассмотрения особенностей обрядовой практики тюрков связаны с анализом ранних памятников, относящихся к начальным этапам сложения культурного комплекса кочевников и демонстрирующих процессы формирования традиций. Большое значение в этом плане имеют результаты раскопок А.С. Васютина на Алтае, до настоящего времени опубликованные весьма фрагментарно. Данная статья посвящена введению в научный оборот и интерпретации материалов исследований двух раннесредневековых курганов археологического комплекса Кок-Паш в контексте решения актуальных вопросов реконструкции процессов становления обрядовой практики раннесредневековых тюрков.

Характеристика материалов раскопок

Погребально-поминальный комплекс Кок-Паш расположен на высокой террасе в месте слияния рек Чулышман и Башкаус, в 15 км на юго-восток от с. Балыкча, в Улаганском районе Республики Алтай (рис. 1). Памятник включает более 300 объектов, датирующихся в широких хронологических рамках от эпохи энеолита до этнографической современности. В 1982–1987 гг. систематические работы на данном комплексе проводились Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А.С. Васютина. Раскопанные объекты демонстрируют несколько групп сооружений. Первую, наиболее многочисленную, составляют 43 погребения предтюркского (жужанского) времени. Результаты исследований этих объектов полностью опубликованы в отдельной монографии (Бобров, Васютин, Васютин 2003). Вторая группа сооружений включает серию тюркских «поминальных» оградок¹. Наконец, третью, наименее представительную в количественном отношении, но при этом не менее показательную группу составляют два кургана без погребений, относящихся к раннему средневековью. Материалы из этих объектов неоднократно и в разном формате использовались исследователями (Илюшин 1990, рис. 1; Бобров, Васютин, Васютин 2003, рис. 53, 14–21; Горбунов 2003; Савинов 2005: 134 и др.), однако до сих пор полноценно не введены в научный оборот. Учитывая значение обозначенных курганов для решения целого ряда вопросов формирования археологического комплекса тюрков, очевидной представляется необходимость подробной характеристики данных памятников.

---

¹ Результаты раскопок объектов данной группы авторы планируют представить в отдельной публикации.

Рис. 1. Карта расположения комплекса Кок-Паш

Курганы № 1–2 расположены в нескольких метрах друг от друга в центральной части обширного могильного поля Кок-Паш, среди объектов различных хронологических периодов. Какой-либо четкой закономерности в их локализации не прослеживается. Отметим, что ранне-средневековые курганы находятся к востоку–юго-востоку от крупной насыпи скифо-сакского времени. Рядом с ними зафиксированы раскопанные погребения жужанского периода, не исследованные тюркские оградки, а также другие объекты, культурно-хронологическая принадлежность которых не установлена.

Курган № 1. Представляет собой каменно-земляную насыпь подовальной формы диаметром 2,8 м, высотой 0,3 м. Какие-либо дополнительные сооружения под наземной конструкцией не зафиксированы (рис. 2, 1). При этом под северной частью насыпи на уровне материка обнаружены удила с кольчатыми ложновитыми псалиями, миниатюрное стремя с петельчатым ушком, две пряжки со щитками-обоймами и две безщитковые пряжки (рис. 3, 1–6).

Курган № 2. Каменно-земляная насыпь округлой формы диаметром 4,4 м, высотой 0,2 м. В северной части насыпи на глубине 0,22 м от со-

временной поверхности расчищен небольшой каменный ящик из плит, размеры которого составляли $0,5 \times 0,7$ м (рис. 2, 2). На дне ящика находились железные панцирные пластины, краями налегающие друг на друга, плохо сохранившиеся удила и черешковый нож (рис. 3, 7–8).

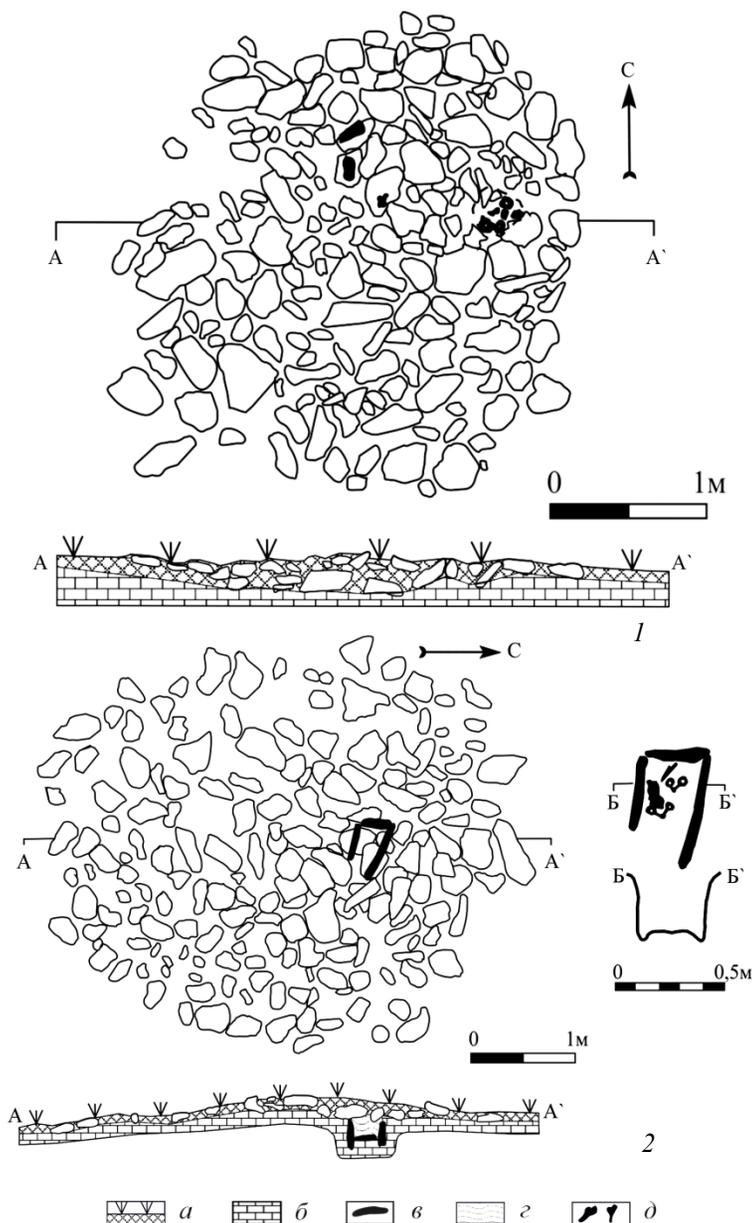

Рис. 2. Кок-Паш. Планы курганов № 1–2: *a* – дерн и заполнение насыпи; *б* – материк; *в* – плиты ящика; *г* – заполнение ящика; *д* – кости животных

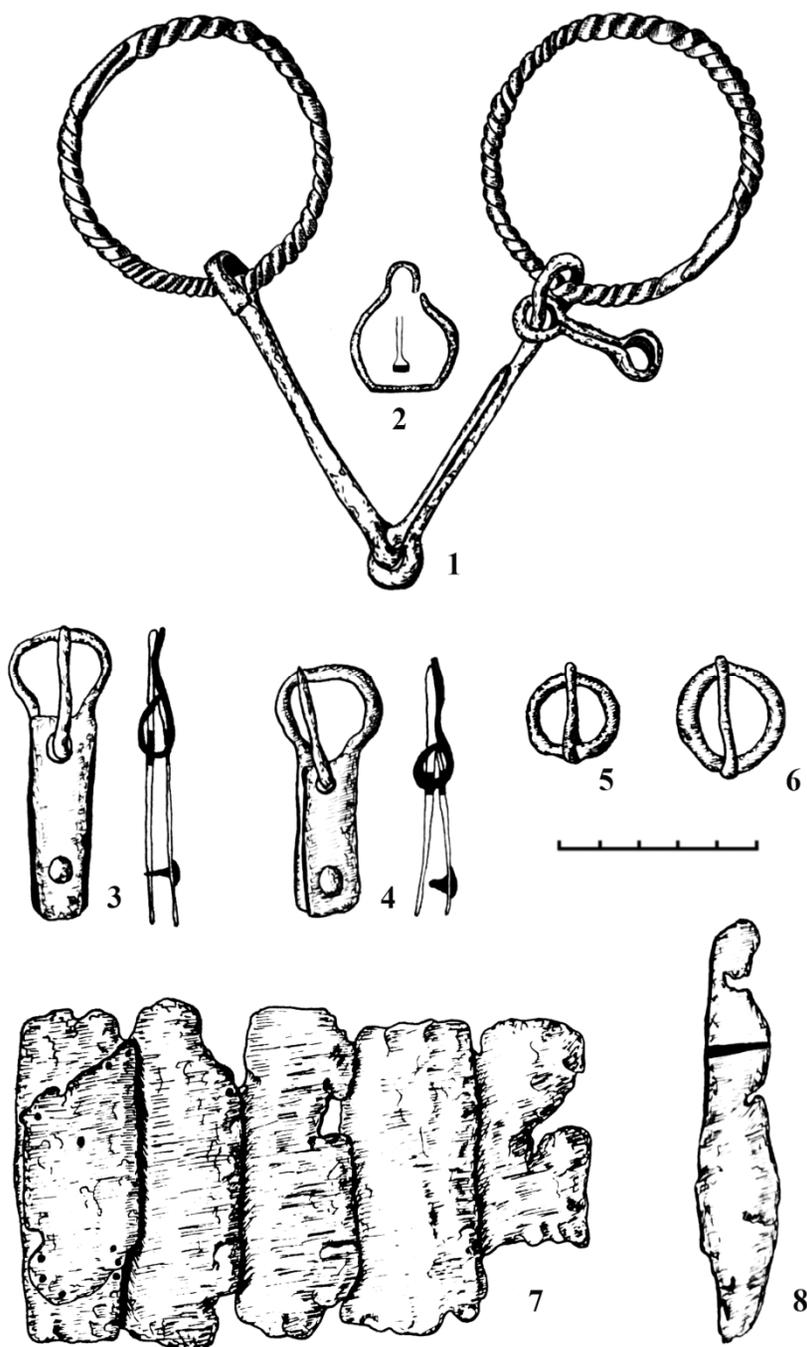

Рис. 3. Кок-Паш. Находки из курганов № 1–2

Основные аспекты культурно-хронологической интерпретации объектов

Прежде всего необходимо остановиться на проблеме терминологического определения рассматриваемых объектов могильника Кок-Паш, представляющих собой насыпи без погребений под ними. В научной литературе представлены различные варианты обозначения подобных комплексов – курганы «культового» и «специального» назначения (Евтухова, Киселев 1941: 93; Могильников 1990: 145), «ложные» курганы (Грач 1960: 146), «ритуальные» курганы (Илюшин 1990; Соенов и др. 1992: 90), «поминальные» курганы (Бобров, Васютин, Васютин 2003: 150), кенотафы (Длужневская, Овчинникова 1980: 89; Могильников и др. 1992: 83; Кубарев и др. 2007: 302), поминальные кенотафы (Тишкин, Грушин 1997: 25; Тишкин, Дашковский 2003: 267; Матренин 2005: 37) и др. Культурная и хронологическая атрибуция таких объектов затрудняется тем, что они существовали на протяжении длительного периода. На наш взгляд, наиболее предпочтительным является обозначение «ритуальные» курганы, демонстрирующее конструктивные особенности подобных сооружений и их отличие от «стандартных» погребений под насыпью и при этом отражающее сложность однозначного определения назначения рассматриваемых комплексов.

Возможности интерпретации раскопанных «ритуальных» курганов памятника Кок-Паш связаны с анализом зафиксированных конструкций, а также изучением предметов, обнаруженных под наземными сооружениями.

По своим внешним характеристикам насыпи курганов № 1–2 не выделяются на фоне исследованных комплексов предтюркского времени памятника Кок-Паш. Важной отличительной особенностью объекта № 2 является небольшой каменный ящичек из плит, зафиксированный под насыпью (см. рис. 2, 2). Подобные конструкции в период раннего средневековья наиболее характерны для тюркских оградок. Миниатюрные ящички зафиксированы на целом ряде «поминальных» комплексов, в ходе раскопок которых обнаружены датирующие материалы (Гаврилова 1965, табл. IV; Васютин 1985: 75; Соенов, Эбель 1997, рис. II; Илюшин 2000, рис. I–V и др.). Судя по имеющимся данным, традиция сооружения небольших каменных ящичков в оградках существовала уже на раннем этапе культуры тюрков во второй половине V – первой половине VI вв. н.э. Об этом свидетельствует время бытования находок – главным образом, предметов вооружения и конского снаряжения, обнаруженных в таких объектах. Вполне обоснованным, хоть и требующим дальнейшего подтверждения конкретными материалами, представляется предположение о том, что каменные ящички в тюркских оградках являются отголоском погребально-поминальных традиций

населения Алтая хуннуско-сяньбийского времени (Матренин, Сарафанов 2006: 210). При этом имеющиеся вещественные материалы демонстрируют распространение подобных конструкций при сооружении раннесредневековых оградок вплоть до VII – начала VIII в. н.э. (Кубарев 1984: 54, 167–168).

Объекты памятника Кок-Паш относятся к редким «ритуальным» курганам, датировка которых может быть точно установлена. В ходе раскопок рассматриваемых сооружений зафиксирована небольшая группа находок, которая, при этом, включает весьма показательные и даже уникальные изделия, требующие подробного рассмотрения.

Одной из довольно редких находок являются *удила с кольчатыми ложновитыми псалиями*, обнаруженные под насыпью кургана №1 (см. рис. 3, 1; 4). Отдельные аспекты исследования изделий такого типа уже представлялись в публикациях одного из авторов настоящей статьи (Тишкин, Серегин 2011: 17–18; Серегин 2018: 178–179). Дискуссионность датировки кольчатых ложновитых псалиев, в рамках сложившейся историографической традиции относимых большинством исследователей к последним векам I тыс. н.э. (Кызласов 1969: 114; Савинов 1984: 134; Овчинникова 1990: 98–99; Кубарев 2005: 140), определяет необходимость подготовки отдельной работы с подробным обоснованием особенностей распространения предметов. В настоящей статье лишь кратко остановимся на возможностях определения хронологии подобных находок.

Рис. 4. Кок-Паш. Удила с псалиями из кургана № 1

К настоящему времени в результате раскопок памятников Центрально-Азиатского региона зафиксирована небольшая серия кольчатых ложновитых псалиев, насчитывающая, по меньшей мере, 13 экземпляров. Самые ранние находки такого типа обнаружены в комплексах сяньбийско-жужанского времени – в захоронении кургана № 15 некрополя Кокэль в Туве (Вайнштейн 1970, рис. 51, 8–9), а также в двух по-

гребениях позднего этапа булан-кобинской культуры могильника Чо-бурак-I на Алтае*. В обоих случаях время сооружения объектов определяется рамками IV–V вв. н.э. с возможностью последующего уточнения представленной датировки.

Наиболее архаичные для раннего средневековья кольчатые ложновитые псалии обнаружены в тюркской оградке комплекса Кудыргэ (Илюшин 2000, рис. II, 5), которая на основании зафиксированных предметов, а также характерных конструкций относится ко второй половине V – первой половине VI вв. Судя по имеющимся материалам, подобные изделия бытовали у тюрков на протяжении VI–VII вв. Большая часть кольчатых ложновитых псалиев обнаружена в памятниках Алтая (Евтюхова, Киселев 1941, рис. 24; Мамадаков, Горбунов 1997, рис. VI, 24; Худяков 2003, рис. 5; Кубарев 2005, табл. 111, 1; Kubarev 2017, abb. 173). Кроме того, такие элементы конского снаряжения найдены в двух объектах, раскопанных на территории Тувы (Кызласов 1979, рис. 5, 4; Садыков 2017, рис. 7), а также в одном захоронении, исследованном в Монголии (Худяков, Цэвендорж 1999, рис. 5, 10). Архаичным элементом, зафиксированным на части рассматриваемых комплексов, являются дополнительные восьмерковидные петли, схожие с предметами из памятников Алтая предтюркского времени (Соенов, Эбель 1992, рис. 33, 5; Соенов 1998, рис. 1, 9; 2000, рис. 7, 8; Гишкин, Горбунов 2003: 491).

Таким образом, время бытования удил с кольчатыми ложновитыми псалиями определяется довольно широкими рамками IV–VII вв. Детальный анализ изделий данного типа позволит более подробно рассматривать датировку находок. Комплект из кургана № 1 памятника Кок-Паш, учитывая все имеющиеся материалы, представляется возможным отнести ко второй половине V – VI вв.

Еще более показательной находкой, обнаруженной в этом же кургане и заслуживающей подробного рассмотрения, является *миниатюрное стремя* (см. рис. 3, 2, 5). Данный предмет представляет собой уменьшенную копию (высота – 3 см) петельчатого стремени с плоской подножкой. Нет сомнений, что вотивное изделие не имело функционального назначения. Обозначим некоторые возможности анализа находки в контексте синхронных материалов из комплексов Центрально-Азиатского региона.

Вотивные стремена представляют собой весьма редкую группу изделий. Несколько таких предметов обнаружено в погребениях таштыкской культуры (Савинов 2005: 131–133; Тетерин 2007, рис. 19, 9; Азбелев 2008, рис. 2, 1).

---

* Результаты исследований на данном комплексе только начинают вводиться в научный оборот (Серегин и др. 2018).

Рис. 5. Кок-Паш. Миниатюрное стремя из кургана № 1

Датировка этих комплексов, принимая во внимание дискуссионность хронологии склепов Минусинской котловины, может быть определена в широких рамках V–VI вв. Кроме того, одно миниатюрное стремя происходит из тюркской оградки из урочища Мейшелык на Алтае (Савинов 2005, рис. 2, 5). По мнению Д.Г. Савинова (2005: 134), зафиксированные в ходе раскопок находки, в том числе стремя, связаны с более поздним (впускным?) погребением и относятся к концу I – началу II тыс. Другие исследователи склоняются к тому, что предметы составляют с оградкой единый комплекс и датируются «таштыкским временем» (Гаврилова 1965: 34) или V–VI вв. н.э. (Кубарев 2016: 454). Таким образом, имеющиеся материалы позволяют утверждать, что вотивные стремена характерны для памятников середины I тыс. н.э.*

В связи с этим важно отметить, что на сегодняшний день сформирована небольшая серия вотивных изделий из тюркских оградок, раскопанных на территории Алтая (Соенов, Эбель 1996, рис. 3; Кубарев 2018: 85–86; и др.). Практически все эти комплексы относятся к начальным этапам развития материальной культуры тюрков и датируются в рамках второй половины V – первой половины VII в. н.э. Имеются также примеры из памятников на сопредельных территориях (Кубарев 2016: 430–451). Показательным фактом является то, что феномен создания миниатюрных копий изделий совершенно не был характерен

---

* Очевидно, что в целом феномен создания миниатюрных копий стремян в Центральной Азии имеет гораздо более широкие хронологические рамки. Сводка изделий конца раннего – развитого средневековья приведена в статье Д.Г. Савинова (2005: 130–131). Другим примером являются вотивные стремена, входящие в состав шаманского костюма этнографического времени, представленные в экспозиции музея БНЦ СО РАН.

для погребальной практики населения булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийского времени и является на Алтае своего рода «новацией», которая, очевидно, связана с приходом в регион нового населения в середине I тыс. н.э.

Таким образом, несмотря на то что votивное стремя из кургана № 1 комплекса Кок-Паш (см. рис. 5) само по себе не является узко датирующей находкой, оно при этом демонстрирует особенности историко-культурных процессов в регионе. Учитывая фиксируемые морфологические признаки изделия, а также обозначенные выше обстоятельства, хронология предмета может быть определена в рамках второй половины V – VI вв. н.э.

Показательной находкой, обнаруженной в ходе раскопок кургана № 2 рассматриваемого памятника, является полоса из пяти железных **панцирных пластин** (рис. 3, 7). Данные изделия представляют собой часть доспеха для защиты корпуса человека. Рассматриваемые предметы были использованы в классификации В.В. Горбунова (2003: 35), который отнес их к типу 11, варианту «в», объединяющему прямоугольные пластины средних пропорций, с 17 отверстиями. По мнению оружейоведа, находки относятся ко второй половине V – первой половине VI в. (Горбунов 2003: 114).

Несколько менее показательными с точки зрения хронологии являются **пряжки**, обнаруженные в «ритуальном» кургане № 1. Два изделия (рис. 3, 3–4) имеют длинный прямоугольный подвижный щиток, выделенный от рамки и крепящийся к ремню с помощью шпеньков. Язычок размещен на основании подовальной рамки и крепится к ней с помощью петли. Подобные находки фиксируются в памятниках Центрально-Азиатского региона начиная с хуннуского времени. На Алтае пряжки такого типа получили наибольшее распространение во II–V вв. н.э. (Матренин 2017: 45–46). В памятниках раннесредневековых тюрков они встречаются в гораздо меньшем количестве (Мамадаков, Горбунов 1997, рис. VIII, 5; Худяков, Борисенко 1997, рис. 2, 4) и чаще всего характеризуются более коротким щитком. Две другие пряжки из кургана № 1 (рис. 3, 5–6) относятся к типу безщитковых, с подвижным язычком, закрепленным на основании округлой рамки. Такие предметы имеют еще более широкую хронологию бытования – с последней четверти I тыс. до н.э. и вплоть до этнографической современности (Матренин 2017: 42). В погребальных и «поминальных» комплексах тюрков подобные изделия фиксируются уже с ранних этапов развития культуры (Тишкин, Серегин 2011, рис. 3, 6–12).

Учитывая зафиксированные особенности конструкций, а также возможности определения времени бытования обнаруженных предметов, «ритуальные» курганы комплекса Кок-Паш представляется возможным датировать в рамках второй половины V – VI вв. н.э. и отнести к начальным этапам в развитии культуры раннесредневековых тюрков.

Обсуждение результатов

Материалы раскопок памятника Кок-Паш, в том числе результаты исследования «ритуальных» курганов позволяют затронуть ряд важных и до сих пор дискуссионных вопросов, связанных с реконструкцией процессов формирования традиций раннесредневековых тюрков, а также интерпретацией «поминальных» комплексов номадов данной общности.

Прежде всего, необходимо указать на то, что Кок-Паш представляет собой один из редких памятников, в составе которого присутствуют объекты предтюркского времени и раннего этапа культуры тюрков (вторая половина V – первая половина VI в.). Последние представлены не только публикуемыми в настоящей статье «ритуальными» курганами, но также серией оградок, характеризующихся целым рядом «ранних» черт (нестабильность ориентировок «внеоградных» объектов, наличие миниатюрных каменных ящиков, сооружение смежных оградок и др.). При том что обозначенные группы объектов демонстрируют разные традиции обрядовой практики, имеются признаки, указывающие на возможную связь между ними. Так, в одном случае тюркская оградка Д сооружена менее, чем в метре от кургана № 7 предтюркского времени. Ряд курганов второй половины IV – первой половины V в. имеют наземные конструкции в виде оград, возведенных, в том числе, из установленных вертикально плит. От одной из оград (№ 40) отходит ряд балбалов (Бобров, Васютин, Васютин 2003: 179) – особенность, более характерная для периода раннего средневековья. Значительный интерес в контексте хрестоматийных сведений китайских летописей о погребальном обряде тюрков представляет захоронение по обряду кремации, обнаруженное в ходе раскопок кургана № 43 (Бобров, Васютин, Васютин 2003: 180, рис. 28) – единственный достоверно зафиксированный пример реализации такой практики на территории Алтая в объектах первой половины I тыс. н.э. Предварительно можно утверждать, что материалы раскопок комплекса Кок-Паш демонстрируют процессы взаимного влияния местной и пришлой групп населения, происходившие, судя по имеющимся данным, в середине – второй половине V в. Планируемая обработка и публикация всех результатов раскопок «поминальных» объектов рассматриваемого памятника будут способствовать расширению имеющихся данных, позволяющих более детально рассматривать вопрос о преемственности некоторых элементов материальной культуры, погребальных и «поминальных» традиций между кочевниками Алтая жужанского и раннетюркского времени.

«Ритуальные» курганы могильника Кок-Паш характеризуются чертами, которые дают основания для рассмотрения вопросов интерпретации не только подобных объектов, но также и «поминальных» оградок.

Помимо упомянутого ранее миниатюрного каменного ящичка, примечателен факт помещения панцирных пластин в объект № 2. К настоящему времени отмечено более 20 случаев фиксации элементов доспеха в памятниках тюрков Центральной Азии. При этом рассматриваемые изделия крайне редко обнаружены в «стандартных» погребениях (Кубарев 2005, табл. 132–134; Овчинникова 2013, табл. XIII, 18). В абсолютном большинстве случаев части доспеха найдены в кенотафах (Грач 1960: 130, рис. 77; Гаврилова 1965, табл. XXIV, 1; Савинов 1982, рис. 8; Мамадаков, Горбунов 1997: 117, рис. 8, 14; Шульга, Горбунов 2002: 118–129; Кубарев 2005, табл. 106, 10) и оградках (Гаврилова 1965, табл. V, 1; Кызласов 1979: 122, рис. 85, 4; Соёнов, Эбель 1996: 117, рис. 3, 5–12; Соёнов, Эбель 1997: 104, рис. 3, 2; Загородний, Григорьев 1998: 118–122; Досымбаева 2006: 28; Суразаков, Тишкин, Шелепова 2008: 38–39; Кубарев 2018, рис. 3, 2; 7, 1 и др.). Не исключено, что в кенотафах защитное вооружение являлось своего рода символической «заменой» отсутствовавшего умершего человека. Обнаружение элементов доспеха в «ритуальном» кургане № 2 комплекса Кок-Паш некоторым образом сближает подобные сооружения с кенотафами и оградками. Добавим, что практически все «ритуальные» курганы, при исследовании которых зафиксированы датирующие предметы либо органические материалы, позволившие получить радиоуглеродные даты, относятся к ранним этапам в развитии культуры тюрков (Кубарев 1979, рис. 19; Илюшин 1990, рис. 1; Мамадаков, Горбунов 1997, рис. VI, 24–25; Соёнов и др. 2009: 80–81, рис. 13–23; Кубарев 2018: 87 и др.).

Приведенные обстоятельства позволяют предположить, что в середине I тыс. н.э., после прихода на Алтай новой группы населения, некоторое время происходил «поиск» форм обрядовой практики. Об этом свидетельствует фиксация на раннем этапе культуры тюрков целой группы сооружений («ритуальных» курганов, оградок округлой формы, четырехугольных оградок с нестандартными характеристиками – захоронениями лошадей, необычной ориентировкой внеоградных объектов и др.), которые отличаются от «классических» форм «поминальных» памятников тюрков. При этом очевидно, что определенное влияние на их обрядовую практику оказали традиции населения Алтая предшествующего периода.

Заключение

Анализ впервые полностью введенных в научный оборот материалов раскопок «ритуальных» курганов комплекса Кок-Паш стал основанием для ряда выводов, связанных как с культурно-хронологической интерпретацией этих объектов, так и с решением дискуссионных вопросов реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в се-

редине I тыс. н.э. Установлено, что исследованные сооружения по ряду показателей сближаются с «поминальными» оградками. Подробное рассмотрение конструктивных особенностей «ритуальных» курганов, а также обнаруженных предметов инвентаря позволили определить время сооружения комплексов в рамках второй половины V – VI вв. Таким образом, данные объекты относятся к ранним этапам в развитии культуры раннесредневековых тюрков. Результаты раскопок могильника Кок-Паш, а также других известных комплексов обозначенного периода демонстрируют сложные процессы взаимодействия местной и пришедшей групп населения. Судя по имеющимся данным, в середине I тыс. н.э. происходил своего рода «поиск» форм обрядовой практики, который получил отражение в материалах исследования целого ряда объектов, отличающихся от «классических» памятников тюрков (насыпи без погребений, но с характерными конструкциями; оградки округлой формы; прямоугольные оградки с нестандартными характеристиками – захоронениями лошадей, необычной ориентировкой внеградных сооружений и др.). Дальнейшие полевые исследования археологических комплексов Алтая обозначенного периода, а также введение в научный оборот неопубликованных материалов раскопок прошлых лет имеют большое значение не только для реконструкции историко-культурных процессов в обозначенном регионе, но и для понимания особенностей формирования и начальных этапов развития одной из крупнейших общностей кочевников раннего средневековья.

Список сокращений

АН – Академия наук
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ – Государственный исторический музей
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
КемГУ – Кемеровский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РАН – Российская академия наук
СО – Сибирское отделение
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Литература

- Азбелев П.П.* Стрелена и склепы таштыкской культуры // Исследование археологических памятников эпохи средневековья: сб. статей / отв. ред. А.В. Виноградов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 56–68.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.* Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003.
- Вайнштейн С.И.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 г.: (Погребения кызылганской и сыын-чурекской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-

- этнографической экспедиции: сб. ст. / отв. ред. Л.П. Потапов. М.; Л.: АН СССР, 1970. Т. III. С. 7–79.
- Васютин А.С.* О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири: сб. ст. / отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1985. С. 73–79.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
- Грач А.Д.* Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: материалы по археологии и этнографии Западной Тувы: сб. статей / отв. ред. Л.П. Потапов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 73–150.
- Грач А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Изд-во вост. лит., 1961.
- Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б.* Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев: сб. статей / Отв. ред. А.П. Окладников. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1980. С. 77–94.
- Досымбаева А.* Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: Тюркское наследие, 2006.
- Евтюхова Л.А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири / под ред. С.В. Киселева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 72–120. (МИА, № 24).
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Ермоленко Л.Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004.
- Загородний А.С., Григорьев Ф.П.* Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана: сб. статей / отв. ред. З.С. Самашев. Алматы; Москва: Гылым, 1998. Вып. II. С. 117–123.
- Илюшин А.М.* Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии: сб. ст. / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.
- Илюшин А.М.* Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая: сб. статей / отв. ред. Ю.Ф. Киришин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 117–119.
- Кубарев В.Д.* Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока: сб. ст. / отв. ред. А.П. Погожева. Новосибирск: Наука, 1979. С. 135–160.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984.
- Кубарев Г.В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005.
- Кубарев Г.В.* Мир в миниатюре: традиция помещения votивных вещей в древнетюркские поминальные оградки // Алтай в кругу евразийских древностей: сб. ст. / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 429–479.
- Кубарев Г.В.* Древнетюркские оградки Кызыл-Шина (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 2. С. 79–89.
- Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Лхундеев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль.* Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: сб. ст. / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 298–303.

- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Кызласов Л.Р. Курганы тюркоязычных племен Северной Тувы IX–X вв. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. общественных наук. 1979. № 1, вып. 1. С. 105–112.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии: сб. ст. / отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. С. 115–129.
- Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири: сб. ст. / отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. Вып. 2. С. 35–51.
- Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017.
- Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири: сб. ст. / отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.
- Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая: сб. ст. / отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
- Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н. Раскопки в Куроте // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая: сб. ст. / отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 83–84.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.
- Овчинникова Б.Б. Погребально-поминальный комплекс древних тюрков на могильнике Даг-Аразы // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции): сб. ст. / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 139–172.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии: сб. статей / отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
- Савинов Д.Г. Миниатюрные стремена в культурной традиции Южной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии: сб. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 129–135.
- Садыков Т.Р. Тюркское погребение с конями в урочище Бай-Булун в Центральной Туве // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2. С. 47–59.
- Серегин Н.Н. Удила и псалии из погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Монголии // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 174–181.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Начало исследований некрополя сяньбийско-жужанского времени на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. XXVI. С. 136–144.
- Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015.
- Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: сб. ст. / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 93–98.
- Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая: сб. ст. / отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. № 5. С. 48–62.
- Соенов В.И., Глебов А.М., Эбель А.В., Пивоварова Н.Н. Раскопки аварийных средневековых памятников на могильнике Мендур-Соккон-I // Проблемы сохранения, ис-

- пользования и изучения памятников археологии Алтая: сб. ст. / отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 90.
- Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике III // Древности Сибири и Центральной Азии: сб. ст. / отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. № 1/2. С. 74–95.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 115–118.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии: сб. ст. / отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.
- Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008.
- Тетерин Ю.В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс-I на севере Хакасско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края: сб. ст. / отв. ред. С.П. Нестеров. Новосибирск: Хакас. гос. ун-т; Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 62–88.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: сб. ст. / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 488–493.
- Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии: сб. ст. / отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 24–28.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований: сб. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 14–32.
- Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая: сб. ст. / отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. Вып. 1. С. 99–109.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: сб. ст. / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. Т. IV. С. 369–373.
- Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в северо-западной Монголии // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии: сб. ст. / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 82–90.
- Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий: сб. ст. / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.
- Kubarev G.V. Altürkische Gräber des Altaj. Bonn: Habelt-Verlag, 2017.

Seregin Nikolay N. and Vasyutin Sergey A.

**‘RITUAL’ MOUNDS ON THE KOK-PASH BURIAL SITE (EASTERN ALTAI):
THE FORMATION OF A CULTURAL COMPLEX OF EARLY MEDIEVAL TURKS***

DOI: 10.17223/2312461X/27/7

Abstract. The article introduces and gives a cultural and chronological interpretation of the materials of the excavations of two mounds of the Kok-Pash funeral and memorial complex in Eastern Altai. The excavations were carried out by the Altai group of the South-Siberian archaeological expedition undertaken under the leadership of Aleksandr S. Vasyutin in 1983 (Kemerovo State University), but the research results produced have not been fully published since then. The authors present a detailed description of the complexes, suggesting that these be referred to as ‘ritual’ mounds. Analysis of the identified structures, as well as the inventory items found, made it possible to support the dating of the excavated objects to the second half of the fifth to the sixth centuries AD and to associate them with the early stages of the Turkic archaeological culture. Analysis of the excavated materials also allowed reconsidering a number of controversial issues related to the reconstruction of the Turkic traditions. The authors hypothesise that, in the middle of the first millennium AD, there was a kind of ‘search’ for ritual practices in the territory of Altai, which can be seen in the research materials on a number of objects from the site that differ from those found on the early medieval ‘classical’ nomad sites.

Keywords: ‘ritual’ mound, Early Middle Ages, Turks, Altai, ‘funeral’ objects, new pre-Turkic materials

* This work received support from the Russian Foundation for Basic Research, RFFI project No. 18-09-00536a.

References

- Azbelev P.P. Stremena i sklepy tashtytskoi kul'tury [Tashtyk stirrups and crypts]. In: *Issledovanie arkhelogicheskikh pamiatnikov epokhi srednevekov'ia: sb. statei* [Research on medieval archaeological sites: a collection of papers]. Ed. by A.V. Vinogradov. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2008, pp. 56–68.
- Bobrov V.V., Vasiutin A.S., Vasiutin S.A. *Vostochnyi Altai v epokhu velikogo pereseleniia narodov* [Aleksandr S. Vasyutin and Sergey A. Vasyutin. Altai in the Great Resettlement era]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2003.
- Vainshtein S.I. Raskopki mogil'nika Kokel' v 1962 g.: (Pogrebeniia kyzylganskoi i syunchiurekskoi kul'tur) [Excavating the Kokel burial ground in 1962: (Burial mounds of the Kyzylgan and Syun-Churek Cultures)]. In: *Trudy Tuvinskoj kompleksnoi arkhelogo-etnograficheskoi ekspeditsii: sb. statei* [The works by the Tyva integrated archaeological and ethnographic expedition: a collection of papers]. Ed. by L.P. Potapov. M.; L.: AN SSSR, 1970, Vol. III, pp. 7–79.
- Vasiutin A.S. O khronologii i etnicheskoi prinadlezhnosti rannekudyrghinskogo kompleksa arkhelogicheskikh pamiatnikov [On the chronology and ethnic origins of early Kudyrghinsky complex of archaeological sites]. In: *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri: sb. statei* [The archaeology of South Siberia: a collection of papers]. Ed. by A.I. Martynov. Kemerovo: KemGU, 1985, pp. 73–79.
- Gavrilova A.A. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen* [The Kudyrge burial ground as a source on the history of the Altai peoples]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965.
- Gorbunov V.V. *Voennoe delo naseleniia Altaia v III–XIV vv. Ch. I: Oboronitel'noe vooruzhenie (dospekh)* [The warfare-associated production among the Altai population in the

- third to the fourteenth centuries. Part 1: defensive weapons (armour)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003.
- Grach A.D. Arkheologicheskie issledovaniia v Kara-Khole i Mongun-Taige (Polevoi sezon 1958 g.) [Archaeological research in Kara-Khol and Mongun-Taiga (the fieldwork season of 1958)]. In: *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii: Materialy po arkheologii i etnografii Zapadnoi Tuvy: sb. statei* [The works by the Tyva integrated archaeological and ethnographic expedition: Materials on the archaeology and ethnography of Western Tyva: a collection of papers]. Ed. by L.P. Potapov. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960, Vol. I, pp. 73–150.
- Grach A.D. *Drevnetiurkskie izvaianiia Tuvy* [Old Turkic monuments in Tyva]. Moscow: Izd-vo vost. lit-ry, 1961.
- Dluzhnevskaiia G.V., Ovchinnikova B.B. Kochevoe naselenie Tuvy v rannem srednevekov'e [The nomad population of Tyva in Early Middle Ages]. In: *Noveishie issledovaniia po arkheologii Tuvy i etnogenezu tuvintsev: sb. statei* [Recent research in the archaeology of Tyva and the ethno-genesis of the Tuvinians: a collection of papers]. Ed. by A.P. Okladnikov. Kyzyl: TNIIaLI, 1980, pp. 77–94.
- Dosymbaeva A. *Zapadni Tiurkskii kaganat. Kul'turnoe nasledie kazakhskikh stepei* [The Western Turkic Khaganate. The cultural heritage of the Kazakh steppes]. Almaty: Tiurkskoe nasledie, 2006.
- Evtiukhova L.A. Kamennye izvaianiia Iuzhnoi Sibiri i Mongolii [Stone monuments of South Siberia and Mongolia]. In: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Sibiri* [Materials and studies on the archaeology of Siberia]. Ed. by S.V. Kiseleva. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952, Vol. 1, pp. 72–120. (MIA, № 24).
- Evtiukhova L.A., Kiselev S.V. Otchet o rabotakh Saiano-Altaiiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1935 g. [A report on the work of the Sayan-Altai archaeological expedition in 1935]. In: *Trudy GIM* [The works by GIM]. 1941, Vol. 16, pp. 75–117.
- Ermolenko L.N. *Srednevekovye kamennye izvaianiia kazakhstanskikh stepei (tipologiya, semantika v aspekte voennoi ideologii i traditsionnogo mirovozzreniia)* [Medieval stone monuments of the Kazakhstan steppes (typology and semantic aspects in the military ideology and traditional worldview perspectives)]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2004.
- Zagorodnii A.S., Grigor'ev F.P. Dopolnitel'nye dannye o mogil'nike Issyk [Additional data on the Issyk burial ground]. In: *Voprosy arkheologii Kazakhstana: sb. statei* [Issues of the archaeology of Kazakhstan: a collection of papers]. Ed. by Z.S. Samashev. Almaty; Moscow: Gylm, 1998, Vol. II, pp. 117–123.
- Iiushin A.M. Mogil'nik Kudyrge i voprosy drevnetiurkskoi istorii Saiano-Altaiia [The Kudyrge burial ground and the Old Turkic history of the Sayan-Altai region]. In: *Pamiatniki drevnetiurkskoi kul'tury v Saiano-Altai i Tsentral'noi Azii: sb. statei* [Old Turkic cultural sites in Sayan-Altai and Central Asia: a collection of papers]. Ed. by V.I. Molodin. Novosibirsk: NGU, 2000, pp. 157–169.
- Iiushin A.M. Khronologiya i periodizatsiia ritual'nykh kurganov Gornogo Altaia [The chronology and periodisation of Gornyy Altai ritual mounds]. In: *Okhrana i ispol'zovanie arkheologicheskikh pamiatnikov Altaia: sb. statei* [The protection and use of Altai archaeological sites: a collection of papers]. Ed. by Iu.F. Kiriushin. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1990, pp. 117–119.
- Kubarev V.D. Novye svedeniia o drevnetiurkskikh ogradkakh Vostochnogo Altaia [New materials on the Old Turkic enclosures in Eastern Altai]. In: *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka: sb. statei* [Developments in the archaeology of Siberia and the Far East: a collection of papers]. Ed. by A.P. Pogozheva. Novosibirsk: Nauka, 1979, pp. 135–160.
- Kubarev V.D. *Drevnetiurkskie izvaianiia Altaia* [The Old Turkic monuments of Altai]. Novosibirsk: Nauka, 1984.
- Kubarev G.V. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* [The culture of the Old Turks in Altai (based on the burial site materials)]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2005.

- Kubarev G.V. Mir v miniatyure: traditsiia pomeshcheniia votivnykh veshchei v drevnetiurkskie pominal'nye ogradki [A world in miniature: the tradition of placing votive objects inside the Old Turkic memorial enclosures]. In: *Altai v krugu evraziiskikh drevnostei: sb. statei* [Altai and Eurasian antiquities: a collection of papers]. Ed. by A.P. Derevianko, V.I. Molodin. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2016, pp. 429–479.
- Kubarev G.V. Drevnetiurkskie ogradki Kyzyl-Shina (Iugo-Vostochnyi Altai) [Old Turkic stone enclosures at Kyzyl-Shin, Southeastern Altai], *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 2018, no. 2, pp. 79–89.
- Kubarev G.V., So Gilsu, Kubarev V.D., Tseveendorzh D., Lkhundev G., Baiarkhuu N., Kim Khyi Chkhan, Kann Som, Chzhon Von Chkhol'. Issledovanie drevnetiurkskikh pamiatnikov v doline reki Khar-lamaatyn-Gol (Mongol'skii Altai) [Research on the Old Turkic sites in the Khar-lamaatyn-Gol river valley (the Mongolian Altai)]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: sb. statei* [Issues in the archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories: a collection of papers]. Ed. by A.P. Derevianko, V.I. Molodin. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2007, Vol. XIII, pp. 298–303.
- Kyzlasov L.R. *Istoriia Tuvy v srednie veka* [The history of Tyva in the Middle Ages]. Moscow: Izd-vo MGU, 1969.
- Kyzlasov L.R. Kurgany tiurkoiazychnykh plemen Severnoi Tuvy IX–X vv. [Burial mounds of the Turkic-speaking peoples of Northern Tyva from the ninth to the tenth centuries], *Izvestiia Sibirskogo otdeleniia AN SSSR. Ser. Obshchestvennykh nauk*, 1979, no. 1, is. 1, pp. 105–112.
- Mamadakov Iu.T., Gorbunov V.V. Drevnetiurkskie kurgany mogil'nika Katanda-III [Old Turkic burial mounds at Katanda-III]. In: *Izvestiia laboratorii arkheologii: sb. statei* [Bulletin of the Archaeology Laboratory: a collection of papers]. Ed. by V.I. Soenov. Gorno-Altai: GAGU, 1997, pp. 115–129.
- Matrenin S.S. Sposoby zakhroneniia naseleniia Gornogo Altaia II v. do n.e. – V v. n.e. [Burial methods used by the population of Gornyy Altai in the second century BC to the fifth century AD]. In: *Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledii narodov Iuzhnoi Sibiri: sb. statei* [Research on the historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia: a collection of papers]. Ed. by V.I. Soenov. Gorno-Altai: AKIN, 2005, Vol. 2, pp. 35–51.
- Matrenin S.S. *Snariazhenie kochevnikov Altaia II v. do n.e. – V v. n.e.* [The Altai nomad gear in the second century BC to the fifth century AD]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2017.
- Matrenin S.S., Sarafanov D.E. Klassifikatsiia ogradok tiurkskoi kul'tury Gornogo Altaia [The classification of Turkic enclosures (Gornyy Altai)]. In: *Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledii narodov Iuzhnoi Sibiri: sb. statei* [Research on the historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia: a collection of papers]. Ed. by V.I. Soenov. Gorno-Altai: AKIN, 2006, Vol. 3-4, pp. 203–218.
- Mogil'nikov V.A. Drevnetiurkskie kurgany Kara-Koba-I [Old Turkic burial mounds at Kara-Koba-I]. In: *Problemy izucheniia drevnei i srednevekovoii istorii Gornogo Altaia: sb. statei* [Issues in the study of the ancient and medieval history of Gornyy Altai: a collection of papers]. Ed. by A.S. Surazakov. Gorno-Altai: GANIIIaL, 1990, pp. 137–185.
- Mogil'nikov V.A., Kuibyshev A.V., Elin V.N. Raskopki v Kurote [Excavations in Kurot]. In: *Problemy sokhraneniia, ispol'zovaniia i izucheniia pamiatnikov arkheologii Altaia: sb. statei* [Issues of preservation, use and study of the Altai archaeological sites: a collection of papers]. Ed. by A.S. Surazakov. Gorno-Altai: GAGPI; GANIIIaL, 1992, pp. 83–84.
- Ovchinnikova B.B. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altai v VI–X vv.* [Turkic antiquities of Sayan-Altai in the sixth to the tenth centuries]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1990.
- Ovchinnikova B.B. Pogrebal'no-pominal'nyi kompleks drevnikh tiurok na mogil'nike Dag-Arazy [The Old Turkic burial and memorial complex at Dag-Arazy]. In: *Drevnie tiurki v Tsentral'noi Tuve (po materialam rabot Saiano-Tuvinskoi ekspeditsii): sb. statei* [Old Turks in Central Asia (based on the materials of the Sayan-Tyva expedition: a collection of papers)]. Ed. by D.G. Savinov. St. Petersburg: ElekSis, 2013, pp. 139–172.

- Savinov D.G. Drevnetiurkskie kurgany Uzuntala (k voprosu o vydelenii kuraiskoi kul'tury) [Old Turk burial mounds of Uzuntal (on the question of the Kurayskaya culture)]. In: *Arkheologiya Severnoi Azii: sb. statei* [The archaeology of North Asia: a collection of papers]. Ed. by R.S. Vasil'evskii. Novosibirsk: Nauka, 1982, pp. 102–122.
- Savinov D.G. *Narody Iuzhnoi Sibiri v drevnetiurkskuiu epokhu* [The peoples of South Siberia in the Old Turkic era]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1984.
- Savinov D.G. Miniatiurnye stremena v kul'turnoi traditsii Iuzhnoi Sibiri [Small stirrups in the cultural tradition of South Siberia]. In: *Snariazhenie kochevnikov Evrazii: sb. statei* [The Eurasian nomad gear: a collection of papers]. Ed. by A.A. Tishkin. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005, pp. 129–135.
- Sadykov T.R. Tiurkskoe pogrebenie s koniami v urochishche Bai-Bulun v Tsentral'noi Tuve [The Turkic burial mound featuring horses in the Bay-Bulun area in Central Tuva], *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniĭ*, 2017, no. 2, pp. 47–59.
- Seregin N.N. Udila i psalii iz pogrebal'nykh kompleksov rannesrednevekovykh tiurok Mongolii [Horse-bits and cheek-pieces from the early medieval Turkic burials of Mongolia], *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 2(100), pp. 174–181.
- Seregin N.N., Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Matrenin S.S. Nachalo issledovaniĭ nekropolia sian'biisko-zhuzhanskogo vremeni na komplekse Choburak-I (Severnyi Altai) [The beginning of research on the Xianbei-Rouran necropolis at Choburak-I (Northern Altai)]. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia: sb. statei* [The preservation and study of the cultural heritage of the Altai region: a collection of papers]. Ed. by A.A. Tishkin. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2018, Vol. XXVI, pp. 136–144.
- Seregin N.N., Shelepova E.V. *Tiurkskie ritual'nye komplekсы Altaia (2-ia polovina I tys. n.e.): sistematizatsiia, analiz, interpretatsiia* [Turkic ritual complexes in Altai (the second half of the first millennium AD)]. Barnaul: Azbuka, 2015.
- Soenov V.I. Udila i psalii gunno-sarmatskogo vremeni Gornogo Altaia [Horse-bits and cheek-pieces of the Hunno-Sarmatian era in Gornyy Altai]. In: *Snariazhenie verkhovogo konia na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e: sb. statei* [Horse gear in Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages: a collection of papers]. Ed. by Iu.F. Kiriushin. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, pp. 93–98.
- Soenov V.I. Rezul'taty raskopok na mogil'nike Verkh-Uimon v 1999 godu [Results of the excavations at Verkh-Uimon in 1999]. In: *Drevnosti Altaia: sb. statei* [The antiquities of Altai: a collection of papers]. Ed. by V.I. Soenov. Gorno-Altai: GAGU, 2000, no. 5, pp. 48–62.
- Soenov V.I., Glebov A.M., Ebel' A.V., Pivovarova N.N. Raskopki avariinykh srednevekovykh pamiatnikov na mogil'nike Mendur-Sokkon-I [Excavating medieval objects at Mendur-Sokkon-I]. In: *Problemy sokhraneniia, ispol'zovaniia i izucheniia pamiatnikov arkheologii Altaia: sb. statei* [Issues of preservation, use and study of the Altai archaeological sites: a collection of papers]. Ed. by A.S. Surazakov. Gorno-Altai: GAGPI; GANIIIIL, 1992, pp. 90.
- Soenov V.I., Trifanova S.V., Konstantinov N.A., Shtanakova E.A. Raskopki srednevekovykh ob'ektov na mogil'nike Bike III [Excavating medieval objects at Bike III]. In: *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii: sb. statei* [The antiquities of Siberia and Central Asia: a collection of papers]. Ed. by V.I. Soenov. Gorno-Altai: GAGU, 2009, no. 1/2, pp. 74–95.
- Soenov V.I., Ebel' A.V. *Kurgany gunno-sarmatskoi epokhi na Verkhnei Katuni* [Huno-Sarmatian burial mounds in the region of the Upper Katun river]. Gorno-Altai: GAGPI, 1992.
- Soenov V.I., Ebel' A.V. Novye materialy iz altaiskikh ogradok [New materials from the Altai enclosures], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1996, no. 3, pp. 115–118.
- Soenov V.I., Ebel' A.V. Ritual'nye sooruzheniia mogil'nika Mendur-Sokkon-I [Ritual constructions at Mendur-Sokkon-I]. In: *Izvestiia laboratorii arkheologii: sb. statei* [Bulletin of the Archaeology Laboratory: a collection of papers]. Ed. by V.I. Soenov. Gorno-Altai: GAGU, 1997, Vol. 2, pp. 103–115.

- Surazakov A.S., Tishkin A.A., Shelepova E.V. *Arkheologicheskii kompleks Kotyr-Tas na Altae* [The archaeological complex of Kotyr-Tas in Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2008.
- Teterin Iu.V. Tashtytskie sklepy mogil'nika Markelov Mys-I na severe Khakassko-Minusinskogo kraia [The Tashtyk crypts at Markelov Mys-I in the north of the Khakassia-Minusinsk region]. In: *Tashtytskie pamiatniki Khakassko-Minusinskogo kraia: sb. statei* [Tashtyk sites of the Khakassia-Minusinsk region: a collection of papers]. Ed. by S.P. Nesterov. Novosibirsk: Khakas. gos. un-t; Novosib. gos. un-t, 2007, pp. 62–88.
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Issledovaniia pogrebal'no-pominal'nykh pamiatnikov kochevnikov v Tsentral'nom Altae [Research on the burial-memorial nomad sites in Central Asia]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: sb. statei* [Issues in the archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories: a collection of papers]. Ed. by A.P. Derevianko, V.I. Molodin. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2003, Vol. IX, part I, pp. 488–493.
- Tishkin A.A., Grushin S.P. Chto takoe kenotaf? [What is cenotaph?]. In: *Izvestiia laboratorii arkheologii: sb. statei* [Bulletin of the Archaeology Laboratory: a collection of papers]. Ed. by V.I. Soenov. Gorno-Altai: GAGU, 1997, Vol. 2, pp. 24–28.
- Tishkin A.A., Dashkovskii P.K. *Sotsial'naia struktura i sistema mirovozzrenii naseleniia Altaia skifskoi epokhi* [The social structure and worldview of the population of Altai in the Scythian era]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003.
- Tishkin A.A., Seregin N.N. Predmetnyi kompleks iz pamiatnikov kyzyl-tashskogo etapa tiurkskoi kul'tury (2-ia polovina V – 1-ia polovina VI vv. n.e.): traditsii i novatsii [Objects from the Kyzyl-Tash sites of the Turkic culture (the second half of the fifth to the first half of the sixth centuries AD): the traditional]. In: *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovani: sb. statei* [The theory and practice of archaeological research: a collection of papers]. Ed. by A.A. Tishkin. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2011, Vol. 6, pp. 14–32.
- Khudiakov Iu.S. Kok-Edigan – novyi pamiatnik kyrgyzskoi kul'tury v Gornom Altae [Kok-Edigan, a new site of the Kyrgyz culture in Gornyy Altai]. In: *Arkheologiya i etnografiia Altaia: sb. statei* [The archaeology and ethnography of Altai: a collection of papers]. Ed. by V.I. Soenov. Gorno-Altai: GAGU, 2003, Vol. 1, pp. 99–109.
- Khudiakov Iu.S., Borisenko A.Iu. Svoeobraznoe vpusknoe pogrebenie drevnetiurkskogo vremeni na mogil'nike Tiangys-Tyt [An Old Turkic entry burial mound at Tyangys-Tyt]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: sb. statei* [Issues in the archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories: a collection of papers]. Ed. by A.P. Derevianko, V.I. Molodin. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1997, Vol. IV, pp. 369–373.
- Khudiakov Iu.S., Tsevendorzh D. Drevnetiurkskoe pogrebenie iz mogil'nika Tsagan-Khairkhan-Uul v severo-zapadnoi Mongolii [An Old Turkic burial mound at Tsagan-Khairkhan-Uul in northwestern Mongolia]. In: *Pamiatniki kul'tury drevnikh tiurok v Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: sb. statei* [Cultural sites of Old Turks in South Siberia and Central Asia: a collection of papers]. Ed. by V.I. Molodin. Novosibirsk: NGU, 1999, pp. 82–90.
- Shul'ga P.I., Gorbunov V.V. Fragment dospekha iz tiurkskogo kenotafa v doline r. Sentelek [A fragment of armour from the Turkic cenotaph in the Sentelek river valley]. In: *Materialy po voennoi arkheologii Altaia i sopredel'nykh territorii: sb. statei* [Materials on the military archaeology of Altai and adjacent territories: a collection of papers]. Ed. by Iu.F. Kiriushin. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2002, pp. 112–130.
- Kubarev G.V. *Altürkische Gräber des Altaj*. Bonn: Habelt-Verlag, 2017.

УДК 93/94

DOI: 10.17223/2312461X/27/8

ПАРАДОКСЫ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ: ПАМЯТЬ О КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЯХ 100 ЛЕТ СПУСТЯ*

Артем Владимирович Кравченко,
Никита Андреевич Ломакин,
Варвара Михайловна Склез,
Анна Дмитриевна Соколова

Аннотация. Настоящая статья проблематизирует феномены памяти и забвения в современном российском обществе на примере памяти о крестьянских восстаниях периода Гражданской войны. На материалах большого корпуса воспоминаний о событиях крестьянских восстаний 1920-х гг., собранных в Тюменской и Тамбовской областях, мы анализируем некоторые особенности структуры нарративов о событиях столетней давности. Особенностью данных нарративов являются систематические темпоральные смещения, когда при разговоре о событиях крестьянских восстаний начала 1920-х гг., респонденты самостоятельно переходят к описанию событий другого временного регистра. Различные способы обращения со временем можно рассматривать как одну из составляющих осмысления прошлого в ситуации, когда социальная память о нем находится на грани исчезновения, но само событие еще может быть выделено в качестве отдельного и достаточного значимого.

Ключевые слова: историческая память, память, забвение, темпоральности, нарратив, крестьянские восстания, Гражданская война

Историографические замечания

Череда столетних юбилеев событий Революции и Гражданской войны, в которую Россия вступила в 2017 г., актуализировала научную дискуссию по основной проблематике и интерпретации этого периода в истории страны. Однако рефлексия о функционировании памяти о событиях столетней давности остается на периферии этих обсуждений, в тени политических и историографических дискуссий (Smith 2015; Fitzpatrick 2017; Swain 2017; Malinova 2018; Ryan 2018). Между тем, вопрос о том, как и почему мы продолжаем помнить об одних значимых исторических событиях и забывать другие, является не менее важным для понимания исторических процессов. Настоящая статья проблематизирует феномен памяти и забвения в современном российском обществе на примере памяти о крестьянских восстаниях периода Гражданской войны. В фокусе нашего внимания оказываются не историче-

---

* Работа выполнена в рамках проекта РФФ № 19-78-10076.

ские факты, а нарративные практики людей, рассказывающих о восстаниях.

Сегодня очевидно, что крестьянские восстания времен Гражданской войны в России занимали особое (и весьма существенное) место в истории революционных потрясений начала XX в. Историография последних тридцати лет существенно обогатила представления об их характере, ходе и движущих силах. Значительную роль в разработке этой темы в постсоветскую эпоху сыграл уход от идеологического партийного диктата с его устоявшимися историографическими клише. Так, советская историография обычно использовала формулировку «кулацко-эсеровские мятежи», подчеркивая тем самым предполагаемую ключевую роль зажиточных крестьян, с одной стороны, и влияние агитаторов из партии эсеров – с другой¹. В постсоветский период становится возможным говорить о крестьянских восстаниях и о собственной позиции крестьянства в этих конфликтах. Не менее значимым оказалось влияние последовавшей в 1990-е гг. «архивной революции», когда открывшиеся архивы сделали доступными многочисленные материалы по советской истории. Другим существенным фактором развития историографии также стало формирование концепции «крестьянской революции», в рамках которой борьба сельских жителей представляется ключевой движущей силой российской революции, хронологические рамки которой задаются периодом 1902–1922 гг. (Данилов 1996: 4–23). Сформулировавший эту концепцию В.П. Данилов и способствовавший ее развитию и распространению Т. Шанин оказали влияние на большой сегмент отечественной историографии и способствовали появлению исследований целого ряда региональных ученых².

Нельзя не отметить вклад работ Т. Шанина в историографию роли крестьян в революционных потрясениях. В частности, в монографии «Революция как момент истины» (Шанин 1997) автор проводит прямую связь между событиями 1905–1907 и 1917–1922 гг. В то же время важной и логичной хронологической связкой, соединяющей восстания времен Гражданской войны с другими эпохами, для большей части историографии является указание на связь аграрной политики большевиков времен Гражданской войны с развернувшейся с конца 1920-х гг. политикой коллективизации³.

В постсоветские десятилетия многие исследователи, опираясь на новые подходы и источники, задавались вопросами о факторах крестьянских восстаний и предпосылках перехода сельского населения от пассивного сопротивления (см. концепцию «оружия слабых» Дж. Скотта (Scott 1985)) к прямому вооруженному сопротивлению. Эти факторы не всегда связаны исключительно с пресловутым «аграрным вопросом». Например, А.В. Посадский указывал на важность масштабных воинских призывов: *«Зеленые (участники восстаний. – Авт.) выступали как*

вариант повстанческого движения, мотивированного прежде всего извлечением из деревни не продовольственного, а человеческого ресурса» (Посадский 2018: 86). В.Л. Дьячков пришел к выводу о принципиальной роли создавшегося на тамбовщине социально-демографического «мешка», т.е. районов социально-демографической замкнутости, порождавшей повышенную агрессивность как предпосылки Антоновского восстания (Дьячков 2014: 128–141).

В целом современная историография позволяет составить довольно нюансированную картину событий крестьянских выступлений в разных частях страны. Обоснованный Т.В. Осиповой тезис об активном вооруженном протесте крестьян в центральных российских губерниях (а не только на периферии бывшей империи) (Осипова 1996: 90–161) подтверждается материалами многих более поздних исследовательских работ, посвященных крестьянским восстаниям⁴. И все же история крестьянских выступлений времен Гражданской войны сегодня остается изученной очень неравномерно. Так, например, если список исследовательской литературы, посвященной антоновскому восстанию выглядит очень внушительно, то историография Западно-Сибирского восстания заметно более скромна по объему. И это при том, что, как отмечает В.И. Шишкин, «в конце зимы – начале весны 1921 г. по количеству мятежников Сибирь вышла в советской России на первое место, опередив Орловский военный округ с его знаменитой “антоновщиной” и Петроградский округ, где находился мятежный Кронштадт» (Шишкин 2011). Как представляется, это связано не только с внутренней логикой развития историографии, но и с представленностью события в публичной сфере (так, Антоновское восстание с советских времен воспринималось в качестве общенационального события) или с формированием «крамок памяти»⁵.

Несмотря на богатство новых источников о крестьянских восстаниях, которые стали доступны исследователям в результате «архивной революции», изначально была ясна принципиальная ограниченность этих собраний документов – в них практически не представлен голос побежденной стороны. Представление событий войны с точки зрения большевиков, по понятным причинам, совершенно преобладало на протяжении всей советской истории. И если первое десятилетие постсоветского периода работа методами устной истории могла дать существенные результаты в фиксации воспоминаний о временах коллективизации или Великой Отечественной войны, то в отношении событий эпохи Гражданской войны воспоминания свидетелей не могли уже играть столь существенной роли. И все же даже в этот момент еще было возможно фиксировать данные, которые способны помочь в понимании механики и характера функционирования крестьянского сообщества в целом, его памяти, касающейся в том числе времен Гражданской вой-

ны. В этом смысле важное место занял исследовательский проект, организованный Т. Шаниным и В.П. Даниловым в 1990–1994 гг., ставший существенным для развития российского крестьяноведения. Этот проект, нацеленный, прежде всего, на сбор устного материала в процессе длительной работы социологов в сельской местности, подразумевал ориентацию на совместную работу социологов и историков и стремился к *«реконструкции истории советского села, опираясь на свидетельства непосредственных участников событий»* (Фадеева, Никулин 2002: 99). Его масштабные и разнообразные результаты продолжают осмысливать до сих пор. В этом смысле характерна статья одного из участников проекта В.Г. Виноградского, изданная в 2017 г. и посвященная изучению характера нарративов пожилых сельских жителей о Гражданской войне на момент 1990–1994 гг. (Виноградский 2017: 70–85).

В то же время поворот к изучению памяти, который можно констатировать в ряде сегментов современного социально-гуманитарного знания, проявился и в работах, касающихся того, в каких условиях и как формировалась и функционировала память о крестьянских восстаниях. Так, из работ последних лет стоит отметить монографию И.Е. Козновой о сталинской эпохе в памяти крестьян, в которой затрагиваются и смежные сюжеты (Кознова 2016). Предпринимаются и попытки осмысления тех «рамки памяти» о Гражданской войне, которые задавались в разные периоды советской истории⁶. Можно сказать, что данная статья продолжает этот тренд.

О полевом материале

Материалом, на котором основана статья, является массив из более 200 интервью, собранный в 2018 г. в Тамбовской и Тюменской областях⁷. Выбор этих регионов был обусловлен тем, что здесь разворачивались два крупнейших крестьянских восстания времен Гражданской войны: Антоновское (Тамбовское) и Западно-Сибирское (Ишимское). Сопоставление памяти об этих событиях «на местах» особенно интересно в свете уже упоминавшейся диспропорции в их историографическом изучении и публичности.

Основной целью сбора интервью было не получение дополнительной информации о восстаниях, а фиксация состояния памяти и / или забвения о событиях восстаний в разных сообществах и регионах. С этой целью для интервью отбирались те люди, которые в силу своего семейного происхождения, личной истории или служебного положения воспринимают себя или воспринимаются другими как те, кто должен знать что-то о событиях восстаний либо имеют явную отчетливую связь с этими событиями (например, являются потомками свидетелей или участников восстаний). При этом мы стремились к максимальному

разнообразию информантов по возрасту и социальному статусу. Исследователи брали интервью как у историков и работников школ, музеев, библиотек или сельских домов культуры, так и у людей, которые не имели прямого «профессионального» отношения к теме – родственников участников событий, городских и сельских активистов, старожилов. Работа проводилась как в крупных городах – столицах регионов (Тамбов, Тюмень), так и в районных центрах, сельских поселениях, находящихся на охваченных восстаниями территориях⁸.

Интервьюеры работали с воспоминаниями о событиях почти столетней давности. В исследованиях памяти именно рубеж 70–100 лет после события описывается как момент исчезновения социальной памяти и сохранения только памяти культурной⁹. Одной из целей сбора интервью стало изучение на эмпирическом материале того, насколько успешно работает это теоретическое допущение. Хотя в целом данное предположение подтвердилось, нам удалось получить и другие интересные результаты, касающиеся работы и функций социальной памяти на границе ее исчезновения.

В ходе сбора и анализа материалов мы столкнулись с целым рядом вопросов о том, как в разных сообществах современной России происходит сохранение и исчезновение социальной памяти о восстаниях столетней давности и об особенностях темпорального устройства подобных нарративов. При первичном анализе массива интервью мы задались вопросом о том, каким образом и почему при разговоре о событиях крестьянских восстаний начала 1920-х гг. респонденты самостоятельно переходили к описанию событий другого временного периода.

В данной статье будет предпринята попытка описания и типологизации способов такого перехода. Мы будем говорить о непреднамеренном и не заданном общим ходом интервью (а тем более вопросом интервьюера) переходе респондента на события других эпох, чем та, которая задается интервьюером как основная (в нашем случае – время крестьянских восстаний периода Гражданской войны). Мы полагаем, что такая рекурсивная структура нарратива не является дефектом работы интервьюеров или ошибкой выборки, а имеет собственную ценность, которая сама по себе может дать нам информацию о работе исторической памяти.

Историческое время и время памяти

Исследовательница памяти Я. Зерубавель подчеркивает неизбежность совмещения различных исторических событий в рамках коммеморативного нарратива. Зерубавель отмечает, что такая повествовательная конструкция систематизирует представления общества о прошлом: *«Исторические события сдвигаются, уплотняются, дополня-*

ются новыми деталями или, наоборот, опускаются, иным же из них придается преувеличенное значение» (Зерубавель 2011: 20). В результате этого процесса, как утверждает исследовательница, *«историческое время в рассказе трансформируется в коммеморативное время – время памяти»* (20). Отмечая продуктивную роль актов коммеморации в отдельных сообществах, Зерубавель, тем не менее, скорее, отождествляет «коллективную память» с «национальной памятью».

Дж. Олик и Дж. Роббинс указали на напряжение между гомогенизирующим свойством понятия «коллективная память» и необходимостью внимания к разнообразию способов влияния социальных групп на представления индивидов о прошлом. Исследователи предложили рассматривать *«отдельные наборы мнемонических практик в различных социальных контекстах»* вместо *«коллективной памяти как сущности»* (Olick, Robbins 1998: 112). В ходе планирования и проведения полевой работы (как и в ходе написания этой статьи) мы опирались именно на подобное понимание коллективной памяти. Рассказы наших респондентов рассматриваются нами как важные источники, позволяющие определить границы и механики передачи памяти о крестьянских восстаниях, а не через призму противопоставления официальным нарративам. В этом смысле для нас были одинаково ценными как указания на рассказы, услышанные в кругу семьи, так и отсылки к школьной программе. Выделение подобных источников и исследование взаимоналожений связанных с ними нарративов представляются нам наиболее продуктивным способом исследования различных рамок памяти о восстании и одновременно – возможностью сохранить сложность картины этой памяти.

Эта оптика определила для нас и способы исследования категорий времени в собранном материале. По Зерубавель, исследование коллективной памяти о том или ином событии требует изучения актов коммеморации *«в их связи с другими значимыми событиями в прошлом данного социума»* (Зерубавель 2011: 16). Не претендуя на реконструкцию всего исторического воображения наших респондентов, в этой статье мы обратим внимание на ситуации, когда они самостоятельно сближают различные события, и постараемся выделить основные типы такого сближения. Говоря словами Зерубавель, такие способы обращения с историческими событиями мы будем рассматривать как риторические приемы, при помощи которых конструируется коммеморативное время.

Механизмы темпорального перехода

Рассказ о событиях Гражданской войны в устах наших респондентов крайне редко ограничивался именно этими событиями. Как правило, он сопровождался многочисленными отсылками и сравнениями с событиями и явлениями других эпох. Например:

Вопрос: А вот остальные, которые остались – и ваш дед, и друзья – они, получается... Какая политика, что ли, или идеология у них там была? То есть, они не поддерживали ни тех и ни других, и в интересах именно Королёва? То есть, получается, ни повстанцы и ни беляки, ни красные, никто?

Ответ: Я деда спрашивал, я говорю: «Вот ты прошёл мировую войну и был там, в Европе, с какими мыслями там, что?» «А мы, – говорит, – не думали ни о чём. Мы думали, как прийти, тем более, что я был раненый, мне нужно было просто-напросто выжить. Я доехал до дому. Выжил. Вылечился». Ну, не совсем вылечился, он до самой смерти своей... он был ранен в плечо в этом месте, но рука не поднималась вообще¹⁰.

Или же:

Ответ: [...] Ишин, вот про которого я говорил, главный комиссар Антоновской армии, он пользовался таким авторитетом, такой жестокостью, что он и диктовал Антонову: что, как, когда. Я читал, что-то такое про этого Ишина, какой он был богатый, как он деньги давал. Дал деньги в рост... Это как вот ипотека.

Вопрос: А, своим людям давал?

Ответ: Он давал всем. Как ипотека, от двенадцати процентов и выше. Один товарищ ещё вот тут вот купил машину, в кредит, он уже за две машины заплатил¹¹.

Говоря о темпоральных переходах в речи наших респондентов, важно подчеркнуть, что мы рассматриваем в качестве таковых только те ситуации, когда человек самостоятельно (без участия интервьюера) переходит от рассказа об одном периоде времени к другому. В нашем случае центральной темой разговора всегда был период начала 1920-х гг. – эпохи крестьянских восстаний. Отвечая на вопросы интервьюера, респонденты свободно меняли темпоральность рассказа, переходя как к другим событиям XX в., так и к событиям XIX, XVIII и даже более ранних веков, к Афганской и Чеченской войнам и современности.

Мы предлагаем описывать подобные ситуации как особый способ существования памяти на границе исчезновения социальной памяти и замещения ее культурной. Респонденты по разным причинам не выстраивают рассказ о событии (и не осмысляют его) в линейной перспективе. События в нарративе смешиваются, образуя временные арки, т.е. семантические пространства соединения между разными временными пластами, в которых приписываемый событиям смысл и схожее эмоциональное восприятие соединяют их в единые конструкции. В подобных временных арках существующие у респондента «культурные воспоминания» или личный социальный опыт замещают или дополняют образы, связанные непосредственно с событиями восстаний. В ходе анализа материала мы выявили три механизма темпорального перехода – аналогия, сопряжение и замещение.

Аналогия

Наиболее типичная модель перехода между событиями в речи наших респондентов может быть описана как аналогия. В подобном случае говорящий делает акцент на схожести между двумя различными событиями, их аналогичной природе. Зачастую апелляция к другому историческому событию позволяет респонденту прояснить для себя и собеседника смысл того события, которому посвящен разговор.

Аналогия – вполне привычная и понятная модель обращения с временем, знакомая, в том числе, по учебным и историческим текстам. Хорошим примером здесь может служить рефлексия одной из респонденток о том, как она представляет Антоновское восстание на уроках истории в школе:

Я придерживалась середины, я не старалась никакую сторону объяснить. Я просто говорила, что это руководитель крестьянского восстания, и я про это (...?) как Пугачёв. Правильно, неправильно, я не знаю, а я вот так говорила, такой же, как и Пугачёв. Он тоже поднял восстание, потерпело поражение это восстание. Хотел какие-то, наверное, свои идеи воплотить в жизнь, но не получилось. Я им ничего никогда не говорю такого...¹²

На основе всего корпуса интервью можно выделить несколько периодов и тем, которые связываются респондентами с крестьянскими восстаниями 1920-х гг. по принципу аналогии. Среди событий, к которым обращаются респонденты, есть не только те, которые связаны с их личным опытом, но и те, что имели место значительно раньше, чем крестьянские восстания времён Гражданской войны.

Наиболее ранними образами являются дореволюционные крестьянские и казацкие восстания. В первую очередь респонденты вспоминают о фигурах Стеньки Разина и Емельяна Пугачева (как в приведенном выше примере из интервью учительницы из Уваровского района Тамбовской области). Интересно, что подобные параллели проводили исключительно респонденты из Тамбовской области – аналогия проводится по личности яркого лидера восстания: Антонов либо ставится в одну линию с Разиным и Пугачевым (что, вероятно, не обрадовало бы авторов советских учебников истории), либо оказывается по другую сторону «народности»:

Что это народное восстание, а не просто восстание какой-то там личности, некой харизматичной личности, которая под себя потом подобрала каких-то... Ну, вот Разин, Пугачёв, вот это всё. Это вопрос такой, что это... Да, там было много людей лидеров, историки спорят ещё до сих пор, кто имел большее влияние. Потому что некоторые считают, что там Токмаков, например, а отнюдь даже не Антонов¹³.

Среди событий, предшествовавших восстаниям, респонденты вспоминают также события крестьянских выступлений 1905 г. Этот сюжет встречается у немногих респондентов-краеведов преимущественно из тамбовской области, где корни восстания ищут в дореволюционной эпохе.

Парадоксальным образом в речи респондентов практически не встречаются отрефлексированные сопоставления событий восстаний с коллективизацией – как представляется, для этого периода действуют иные механизмы темпорального перехода. О них мы скажем ниже.

В то же время политические репрессии второй половины 1930-х гг. становятся частым объектом для аналогий. Особенно регулярно к теме репрессий обращаются сотрудники музеев и профессиональные историки. При этом есть существенные региональные различия. В Тамбовском материале прослеживается тенденция к разделению двух явлений:

Крестьянские восстания всплывают в этом контексте [дня памяти жертв политических репрессий], но, к сожалению, приходится концентрироваться на сталинских репрессиях. Потому что немногие даже сейчас готовы признаться и выступить с рассказом о том, что они потомки пострадавших «антоновцев», или даже потомки тамбовских крестьян. Этот страх, он до сих пор сидит, и немногие рискнут признаться, что они потомки «антоновцев», очень немногие¹⁴.

В Тюменской области респонденты скорее были склонны указывать на их преемственность (но не тождественность!):

По словам уже его внука, [он,] значит, никого не убивал <...> Тем не менее, он был осужден после того, как восстание было подавлено, за участие в карательных экспедициях. Так большевики называли, значит, своих противников за их дела против большевиков, действия, за участие в карательных экспедициях. Он был осужден в 22-м году на семь лет. В 29-м он вышел, значит, устроился на работу, обзавёлся семьёй, продолжал обычную деятельность, уже в политику не вникал. Но в 37-м году он повторно был по этому же делу осужден и расстрелян. Он как бы жертва репрессий стал уже в период Большого террора, вот. <...> Ну, в основном люди обращаются, значит, обнаружив родственников своих, которые были расстреляны 37-й–38-й год, вот, за 21-й мало. Но, в принципе, многие из этих обращений, там, видно было, что люди были расстреляны именно за участие ещё в 20-е годы в восстаниях, вот¹⁵.

Особенно частым объектом для сопоставлений становятся образы и события из истории Великой Отечественной войны. Например, вакуум власти, междоусобица и масштабы насилия сближают, с точки зрения некоторых респондентов, ситуацию на оккупированных войсками Германии и ее союзников советских землях и охваченные восстанием тамбовские волости начала 1920-х гг. Сотрудник художественной школы в Тамбове считает, что разобщенность во время Гражданской войны похожа на конфликты эпохи войны, писатель-краевед из Тамбова называ-

ет подавление восстания красноармейцами «оккупацией», а учитель из Инжавинского района Тамбовской области сравнивает антоновцев с фашистами. Сравнения с оккупированными территориями довольно редки, но сам факт их наличия примечателен – ни земли Тамбовщины ни, тем более, Западной Сибири не были захвачены немцами или их союзниками. Другой аналогией становятся женщины-лидеры, немало-численные и среди партизанского движения, и среди восставших. Наконец, чрезвычайно распространено в интервью сравнение поминовения героев войны и состояния памяти о восстаниях (не в пользу последнего, разумеется).

Довольно неожиданной аналогией восстаниям становится новочеркасский расстрел 1962 г. Жесткие действия властей по отношению к восставшим крестьянам ассоциируются у ряда респондентов с событиями в Новочеркаске. При этом аналогии находят как в предпосылках восстания и демонстрации, так и в самих расстрелах.

Надо искать точку, где может власть остановиться, чтобы не довести дело до гражданской войны... Найти такую точку, как бы показать, что да, вот тут бы надо было исправиться, остановиться, тогда вот этого бы не было. Это вот как Новочеркасск, 62-й год <...>. Ну, вот не поднимите вы в этот день цены, вы дождитесь хотя бы, ну, по два, по три процента, ну, не все сорок сразу. Не было бы этого события¹⁶.

Личный опыт респондентов представлен аналогиями из событий перестройки, 1990-х гг. и современности – именно поэтому эти события вспоминают наиболее часто. Интервьюируемые неожиданно вспоминают героев (и антигероев) теленовостей – чегу Скрипалей, полковника Юрия Буданова, Владимира Путина, Бориса Ельцина. Хотя большая часть сопоставлений касается бытовых вопросов и условий жизни, в некоторых случаях события восстания столетней давности вводятся в современный политический дискурс:

Вот голод. Что делать? Им есть надо. А люди тёмные, наверно, давайте мы возьмём. Эти не дают, ну, как вот быть? Я тоже не знаю. Поэтому государство – это очень важная вещь. Регулирование процессов между людьми. Самое главное, которое вообще может быть и самое эффективное. Средства массовой информации, они должны быть объективными. Нац президент, дай Бог ему здоровья, думаю, как он вообще выживает¹⁷.

Особняком стоит сопоставление братоубийственных войн – Гражданской и событий на Украине после 2014 г. Это сравнение предлагается во множестве интервью, а учитель истории из Тамбовской области даже обсуждает такую аналогию с учениками:

Вообще конечно, хотелось бы <...> Чтобы на нее [эту тему] больше обратили внимание <...> Когда люди одной национальности, из одной семьи друг друга ненавидят и убивают, конечно, очень не хочется, чтобы это повторилось. И, конечно, они [школьники] должны это понимать. Поэтому, может быть, мы про Украину и говорим¹⁸.

В другом интервью наряду с аналогией с другими войнами выстраивается определенная иерархия между ними: события восстаний оказываются слишком отдаленными по времени в ситуации, когда еще не вполне осмыслены более недавние войны:

У нас много событий, много событий, которые требуют тоже осмысления, осмысления. Ну, начнём, вот конфликт с Украиной, война в Сирии, война в Афганистане, война в Чечне, понимаемте, война, война, война. И до той, крестьянской, войны уже как-то далековато стало, понимаете. Вот новые события заслоняют исторические те явления¹⁹.

В целом можно отметить, что респонденты из тамбовской области намного свободней проводили аналогии, чем жители территорий, на которых происходило Западно-Сибирское восстание. Видимо, немалую роль играет большая публичность (и, следовательно, политизация) темы Антоновского восстания. В ходе многочисленных публичных обсуждений тамбовский бунт оказался намного тесней интегрирован в российский исторический контекст и современность.

Сопряжение

Другую форму сочетания различных временных пластов мы предлагаем называть сопряжением. По своей внутренней механике оно может показаться близким к аналогии. Но в отличие от нее в основе сопряжения лежит не последовательно подчеркиваемая схожесть между двумя временными пластами или фигурами из разных эпох, а существенное совпадение ситуации, эмоций, переживаний, связанных с двумя темпоральными областями. Кроме того, в отличие от аналогии, которая использует самый широкий спектр времен, здесь речь идет о гораздо более узком временном диапазоне.

Нередко в ходе интервью респонденты начинали делиться семейными или сельскими преданиями, которые ассоциируются у них с событиями восстаний. Однако при детальном разборе становилось очевидно, что происхождение этих преданий может не иметь отношения к началу 1920-х гг. Некоторые из них действительно восходят к восстаниям, другие – к коллективизации, третьим трудно найти четкую привязку во времени. Объединяет их то, что такие предания являются своего рода обобщенным опытом выживания в период нестабильной власти, голода и / или репрессий. Именно это привязывает те или иные ис-

тории то к восстанию, то к коллективизации, то к войне или же ко всем событиям сразу.

В интервью воспроизводство таких преданий создавало ситуацию смещения времен – начав рассказывать о восстании, респондент легко переходил к ситуации середины 1920-х гг. или коллективизации. Иногда респонденты даже подменяли один рассказ другим, не осознавая этого:

Вопрос: Получается, ваш прадед участвовал в восстании, да?

Ответ: Да. Дед, наверно, тоже участвовал. Про него как-то мать не рассказывала, но он уехал, завербовался на Урале. В то время было, когда прадеда арестовали, а дед был на Урале. И поэтому не попал под раздачу.

Вопрос: А когда прадеда арестовали?

Ответ: О, вот насчёт даты это уже у меня...

Вопрос: Ну примерно в какое время.

Ответ: Это уже, наверно, в тридцатые годы где-то²⁰.

Как отметила одна из интервьюеров, М. Байдуж, в рассказах респондентов из Аромашевского и Гольшмановского районов Тюменской области границы «смешанных» времен шире и доходят до быта периода Второй мировой войны. Например, для респонденток из деревни Смородиновка Аромашевского района весь довоенный период стал временем скитаний и лишений, отдельные события в интервью с ними датировать практически невозможно²¹.

В рамках болезненного опыта, зафиксированного в преданиях, история Гражданской войны, коллективизации и поздних 1930-х становится единым бедствием, постигшим семьи респондентов. Ярким примером такого отношения ко времени и к истории можно назвать фрагмент из интервью с работником художественной школы в Тамбове:

...мы были зажиточные: вот своя мельница была, дом большой. Мукомольный... Но так как деревень мало, вот эта мельница у него была на несколько деревень, приезжали молоть муку. Революция в 17-м году, в деревню она пришла не в 17-м, а позже, когда стали собираться вот эти банды всякие, «Антоновщина» через нас проходила... Так, в каком году... я уже сейчас не помню. Семья деда была большая – семь человек, чтобы под раскулачивание не попасть, он большую часть отдал своим детям, и в колхоз отдал, когда стали собирать колхоз. Он всё, что у него... ну, по мере того... Он передал в колхоз. <...> Вот, передал в колхоз. А вот сколько он там... в каком году... <...> Здесь вот «Антоновщина»... Из наших деревень сгоняли... или коммунисты, или «белые», в армию. Но дед, так как был старый, у него... Мой отец был самый маленький, ему было четырнадцать лет. Они жили с бабушкой. Они жили, и деда забрали на подразверстку. И они ездили по деревням... Ну, ему сказали ехать, и они поехали. Так как у него была лошадь своя, и они поехали. Ну, по деревням они ездили... <...> На них они [Антоновцы] напали, и отобрали всё. А так как отец был из деревни... который в банде Антонова служил, он узнал деда. Говорит: «Надо его расстре-

лять, потому что он придет, и скажет, что я был у вас». И вот их там несколько человек расстреляли. Там памятник ещё был, до Перестройки целый, в Юрловке, что там вот их...²²

Как мы видим из приведенного фрагмента, дед респондентки погиб еще во время событий Антоновского восстания, и, следовательно, никак не мог принимать участие в событиях коллективизации. В данном случае респондентка, по-видимому, либо смешивает события разных временных периодов (Гражданскую войну и коллективизацию), либо соединяет категории, относящиеся к разным эпохам (продразверстка и раскулачивание), либо делает и то и другое.

Подобного рода истории группируются вокруг нескольких устойчивых мотивов.

Одним из главных мотивов является незаконное обогащение и грабеж в пределах одной деревни. Упоминается, что «изъятые» при помощи силы у крестьян ценности вдруг оказывались во владении других крестьян. Классический пример – «бабушкина шубка на дочке председателя сельсовета»²³. Этот мотив, как правило, воспроизводился респондентами даже без привязки к конкретным родственникам. Другим важным мотивом, отсылающим к этим обстоятельствам, является нарратив о навыках тайного владения ценностями и ведения хозяйства. Так, один из респондентов, житель Москвы с тамбовскими корнями поделился с интервьюерами своим знанием о том, как зарезать свинью «втихую», чтобы не услышали соседи. Как он сам отмечает, происхождение предания сложно понять – то ли оно относится к началу 1920-х гг., то ли – к периоду коллективизации²⁴.

Ситуация внутреннего конфликта и систематического насилия породила предания о массовом исчезновении людей и опустении деревень. Респонденты нередко приводят примеры подобного рода, смешивая коллективизацию и период восстания. То участников восстания отправляют «на Соловки»²⁵, то крестьян-кулаков забирают в отряды на продразверстку²⁶.

С подавлением крестьянских восстаний 1920-х гг. мир на этих территориях не наступил. Нередко небольшие вооруженные отряды продолжали действовать на протяжении месяцев и даже лет. Опыт противостояния «бандам» пересказывается респондентами из разных сел. При этом их рассказы очень похожи. Бандиты грабят сёла и путников, проходя по улицам деревень и собирая «дань», выставленную на порог²⁷. Бандиты отброшены селянами благодаря хитрым уловкам безоружных крестьян²⁸. Бандиты грабят церкви²⁹. При этом не всегда возможно установить, о каких именно эпизодах идет речь и не произошла ли смена или смешение разных сил, которые воспринимались местными жителями как внешние (здесь одинаково «внешними» могли оказаться красногвардейцы, колчаковцы или отряды крестьян из других сел).

Наиболее существенными в таких воспоминаниях нередко оказываются не политические дихотомии «красные–белые», «восставшие–представители советской власти», а именно дихотомия локальная, географическая: «местные–пришлые». Так, из рассказов родителей респондентка из Гольшмановского района Тюменской области передает интервьюеру только факт укрывания мужчин в лесах, а женщин и детей – в подвалах, и напрочь игнорирует вопрос о том, от кого прятались:

Вопрос родственницы респондента: ...Вот, баба, ты родилась когда – папа-мама твои что-то рассказывали тебе?

Уточнение другой родственницы: Про Гражданскую войну, она с 24-ого... Мама, ты вспомни, как бабы-то сидели в погребе, в ящичке... ну одежду раньше хранили, скобяные ящички.

Ответ: Мама с маленьким ребёнком – и сидели в погребе. Ещё и тётя, папина сестра, вот их втроём. Подойдут к погребу: «Вылазь, хозяйка, ставь самовар, мы же (...?)». Маленький ребёнок – в погребе на ящичке, клали котомки-то. На этом ящичке, говорит, сидели. Уж не знаю, сколь они суток там были, и как там маленький не простудился.

Вопрос: Они прятались от того, что эти белогвардейцы, ага, баба?

Ответ: А мужики были в лесу, в согре³⁰.

В дальнейшем респондентка так и не называет тех, от кого прятались – в ее нарративе значение имеет именно средство сопротивления бедствию, а не его причина.

В интервью с профессиональными историками и журналистами период насилия по отношению к деревне в 1920–1940-х гг. часто становится предметом рефлексии:

...Не очень-то бережно относились к этой области, коль она вот когда-то дала такое мощное крестьянское восстание, Антоновское движение, поэтому, может быть. Это тоже факт. Поэтому так получается. Поэтому у нас Героев, вроде бы двести Героев Советского Союза дала Тамбовская область, ну, если мы возьмём те области и территории, которые от нас были отрезаны, то мы дали около четырёхсот. Это же разница³¹.

Представленный в этом интервью нарратив подчеркивает особые качества тамбовчан, их умение сопротивляться внешним обстоятельствам и связывается с политикой подавления, осуществляемой в отношении этого региона. В этом же контексте прослеживается связь между указанными и более поздними событиями:

Но события, опять же, показали, что мы умеем генерировать, мы умеем возрождаться, мы умеем вставать на ноги. И вот хотя бы факты того, как мы неплохо, наверно, проявляли себя в Афганской войне. Опять же, к ней по-разному можно относиться, как к событиям в той же Чечне, Первой и Второй Чеченской войне и так далее³².

В другом интервью действия власти по подавлению крестьянского восстания встраиваются в длинный ряд притеснений, которым подвергалась деревня в разные исторические периоды:

Наоборот, всё брали, брали, всегда брали из деревень. И в эпоху крестьянского восстания забрать хотели, и в эпоху Хрущёва забрать хотели, ничего не отдавали. Вот и пришло время, когда оскудели деревни. Ну, нет людей там. ...В итоге вон и город скудеет тоже. Ну, раньше, возьмите, все личности – из деревни, что Герой Советского Союза, что Герой Соцтруда. Вот она и оскудела, деревня. Когда это началось... и в царское время тоже уничтожали деревню, и советская власть. А уж что сделала новая демократическая власть с деревней, она и с городом сделала. Ни заводов нет, ни работы нет³³.

Замещение

В некоторых случаях респонденты игнорировали вопросы интервьюера и отвечали на них историями, не имеющими прямого отношения к теме беседы, подразумеваемой им. Со стороны сложно найти связь между новым нарративом и заданной темой разговора, тем не менее, чаще всего ее можно проследить на семантическом уровне. Новый нарратив оказывался для респондента более значимым, чем предлагаемая тема беседы. Почти всегда смена нарратива означала резкое смещение во времени, о котором идет рассказ.

Мы говорим о замещении в случаях, когда респондент при ответе на вопрос сразу переключается на тему, отличную от заданной интервьюером. Этим замещение принципиально отличается от аналогии, которая предполагает аналитическое сравнение отдельных аспектов событий прошлого, и от сопряжения – неосознанного сопоставления по принципу схожести эмоционального опыта. Замещение постоянно в отличие от аналогии или сопряжения. По аналогии и сопряжению разные периоды и события могут связываться в одном интервью. Эти принципы создают фрагментарную картину события, охватывают его отдельные стороны. Замещение всегда очень цельно и полностью вытесняет предложенные темы для беседы.

Замещающий нарратив можно описать как своего рода фарватер памяти, мощный поток, который захватывает респондента, о чем бы он ни рассказывал. Он ценен для говорящего, так как это именно та история, которую он может и должен транслировать собеседнику. В данной истории сконцентрирован значимый аспект его жизни, жизни сообщества (семьи, прихода) или страны. Замещение позволяет лучше разобраться в тех «рамках памяти», которые действуют в том или ином сообществе, группе, а значит, оказывают влияние и на других респондентов.

Наиболее распространенным проявлением этого механизма является использование военного нарратива. История Великой Отечественной

войны и ее связь с деревней зачастую в самом прямом смысле заслоняет собой всю прочую историю XX в.: военные памятники становятся единственным местом коммеморации, перенимая эти функции у кладбищ и монументов, событиям Гражданской войны. Тем не менее большинство респондентов довольно четко отделяют события первой половины 1940-х гг. от всех прочих. Немотивированный переход от истории восстания (или других эпизодов Гражданской войны в семейной истории) к истории военных лет встречается, как правило, в интервью с ветеранами – людьми, привыкшими за десятилетия рассказывать одну неизменную историю и видящими в этом свой главный социальный долг. Но такие переходы встречались и в речи других, более молодых респондентов.

Вопрос: С Гражданской войной? А что связано с Гражданской?..

Ответ: Ну, там вот у моей бабушки много было детей, родственников. Вот кто-то погиб от рук колчаковцев, там разные были эпизоды в жизни.

Вопрос: Бабушка вспоминала об этом?

Ответ: Да, да, да-да-да. <...> Интересные, в общем, там события были. И вот, значит, отец учился до войны на зоотехника. Но началась война, он не успел закончить техникум. Его отправили в училище связи красноярское в 42-м году, связи. Не успел он закончить это училище, оно-то ускоренное было, курс, а тут Сталинградская битва началась. Им не дали даже лейтенантов, не дали закончить, и сержантами отправили под Сталинград. Вот он под Сталинградом, много рассказывал, был, медаль у него была «За боевые заслуги» как раз за Сталинград, там ещё что-то, связистом был, вот³⁴.

Представитель одной из районных ветеранских организаций Тюменской области вдруг перемещается от восстания к похоронам сына Сталина, на которые был приглашен лично:

У нас чтобы бунт крестьяне, никогда не было в Абатском районе. Я одну деталь упустил. У Сталина 3 сына было. Николай, пьянчужка. Яков, на которого говорил, что он генералов на солдат... И Василий. Василий у нас в армии воздушной, он со стороны Китая был. Он командир дивизии был, генерал-майор. <...> Я был на похоронах у него. Меня пригласили. Он похоронен в Казани. Но дурость Хрущёва перешигнула всё. Он был прекрасный лётчик. Потом ему не разрешили летать и отправили на авиазавод в Казань. Он там работал. У него с сердцем было плохо, он умер там. Мне приглашение было. Он говорил, что в Сибири вот такой-то есть. Я ездил на похороны³⁵.

Интересно, что в качестве основы для замещающего нарратива может использоваться и более ранняя (по отношению к крестьянским восстаниям) семейная история.

Вопрос: Когда вы узнали вообще, что были, были крупные восстания в регионе против советской власти?

Ответ: Ну, это только я знаю о истории, больше... сам лично, я 38-го года рождения, мне уже восемьдесят лет, поэтому я о восстании и не знаю. Родственники мне тоже никто не говорил, поэтому о восстании я не... Ну, так только, историю знаю, конечно, что такое мероприятие /улыбается/ было в Тюменской области, вот. А лично или родственники у меня никто этим не занимался и... <...> Вот мой дед 1884 года рождения, в Тобольске родился, так, 1884 года рождения. Теперь... они, он окончил, и брат его вот помладше, они, значит, это, мама их отправила в Томск в коммерческое училище после гимназии. Они поехали оба брата, окончили там этот, коммерческое училище, приехали и здесь работали. Брат его, Михаил, работал в Торговом доме здесь, в Тобольске. А мой этот, дед, у своей мамы в магазине работал. Она купеческая дочь, у ней был свой магазин здесь, в Тобольске³⁶.

Замещающий нарратив может строиться не только на историях о конкретных событиях, но и на более широких основаниях, таких как культурная или конфессиональная идентичность. Для сибирских татар, традиционно проживающих в Тюменском регионе, в качестве такой идентичности может выступать конфессиональная. Представители национальных общин, в основном утратившие память о восстании, склонны переходить с темы восстания на этнокультурные особенности диаспоры.

Нет-нет, нет, не притесняли. Ну, и белые, я думаю, сильно не притесняли, ну, если не воевал никто, дак... Потому что, ну, мусульмане, они сильно религиозные же были. Убивать, убивать, это категорически запрещено было. Потому что Бог, это, в Коране говорит, вот здесь вот, я читаю Коран, в Коране говорит: если вы убьёте одного мусульманина, или христианина, или иудея, всё равно они мусульмане, то считайте, вы убили весь мир. Вот так вот говорится. И одного мусульманина убили, значит, убили весь мир³⁷.

Функции механизма темпорального перехода

Предложенная выше классификация позволяет продемонстрировать, что темпоральный переход имеет разные причины. При этом мы утверждаем не замкнутость каждого из трех механизмов, предложенных в рамках этой классификации (напротив, они вполне могут сосуществовать внутри одного нарратива), а именно различие их причин. Это и стремление человека говорить о наиболее важных и знакомых ему сюжетах, и попытка актуализировать описываемые события через проведение аналогий с другими темпоральными пластами (особенно более близкими и знакомыми говорящим), и необходимость передать важные для респондента ассоциации и переживания, связанные с ха-

рактистикой того события, которое является ключевым для беседы (например, крестьянские восстания – как связанные со страданием, насилием, потерями события).

Разговор о типах темпорального перехода интересен не только для лучшего понимания действующих в сообществах рамок памяти, но и для общего понимания ситуации исчезновения социальной памяти об историческом событии. Его анализ потенциально может позволить лучше понять то место, которое занимала (полу)исчезнувшая социальная память. Например, переход к героическим или трагическим эпизодам может служить своеобразным следом того, какими были существовавшие ранее рамки памяти о событии. Основная сложность состоит в том, чтобы отделить воздействие ныне действующих рамок памяти от следов более ранних. И здесь особенный смысл и перспективы приобретает исследование как официальных, так и вернакулярных практик прошлого, распространенных ранее нарративов, которые позволяют нам понять нюансы рамок памяти прошлого и обнаружить их следы в современности. Впрочем, кажется продуктивным делать это, постоянно возвращаясь к современным нарративам и практикам и сравнивая их с тем, что возможно реконструировать из более ранних периодов. Подобное динамическое исследование может позволить выделить следы прежних рамок памяти и их влияния на нынешнее положение дел.

Различные способы смешения и смещения времен можно рассматривать как механизмы осмысления прошлого в ситуации, когда социальная память о нем находится на грани исчезновения, но само событие еще может быть выделено в качестве отдельного и достаточно существенного. В этом смысле различные способы сочленения событий позволяют, с одной стороны, вписать крестьянские восстание в более широкий исторический горизонт и с другой – восполнить неизбежную неполноту памяти о Гражданской войне при помощи обращения к другим эпохам.

Примечания

¹ В этом советская историография следовала за определениями характера восстаний, данными В.И. Лениным (например, в речи на митинге в Политехническом музее 23 августа 1918) и закрепленными в «Кратком курсе истории ВКП(б)» И.В. Сталина – «Вспыхнули организованные белогвардейцами и эсерами кулацкие мятежи в Сибири, на Украине, в Тамбовской губернии (антоновщина)» (История 1945: 237–238).

² Об этом см.: (Кондрашин 2008: 88).

³ См. например, (Грациози 2001).

⁴ См., например, (Аптекарь 2002; Кондрашин 2001; Посадский 2018; Соколов 2017).

⁵ Здесь и далее «рамки памяти» понимаются в соответствии с концепцией М. Хальбвакса (Хальбвакс 2007).

⁶ См., например, (Нарский 2004: 394–412).

⁷ Интервью, на анализе которых основана данная работа, были собраны в 2018 г. в рамках Проекта Фонда президентских грантов для НКО № 17-2-012905 «Сохранение исто-

рической памяти о крестьянских восстаниях 20-х годов XX века как способ достижения гражданского мира: цифровая и перформативная перспективы» (Руководитель Соколова А.Д. Сроки выполнения: 2017–2018 гг.). Собранные в ходе проекта интервью были опубликованы на портале www.warandpeasant.ru. Проект носил просветительский характер и не предполагал научного анализа собранного материала.

⁸ Авторы статьи выражают благодарность интервьюерам за их прекрасную работу: Байдуж М., Гарднеру М., Доронину Д., Клюевой В., Козловой А., Лискевич Н., Лискевич А., Мироновой Е., Мустафиной Р., Пртавян А., Рачевой Е., Штейнбергу И.

⁹ И то и другое мы понимаем в данном случае в соответствии с определением А. Ассман (Ассман 2014: 31–33).

¹⁰ М., ок. 70 лет, преподаватель. Голышмановский район Тюменской области.

¹¹ М., ок. 70 лет, религиозный лидер. Тамбовская область.

¹² Ж., ок. 50 лет, учитель. Тамбовская область.

¹³ М., 52 года, предприниматель. Тамбов.

¹⁴ М., 48 лет, журналист. Тамбов.

¹⁵ М., 32 года, историк. Тюменская область.

¹⁶ Ж., ок. 60 лет, историк. Тюменская область.

¹⁷ Ж., ок. 55 лет, сотрудник библиотеки. Тамбовская область.

¹⁸ Ж., ок. 50 лет, учитель истории. Жердевский район, Тамбовская область.

¹⁹ Ж., ок. 70 лет, журналист, пенсионер. Тамбов.

²⁰ М., 47 лет, сторож. Аромашевский район Тюменской области.

²¹ Женщины, 70 и 90 лет. Смородиновка, Аромашевский район Тюменской области.

²² Ж., ок. 70 лет. Тамбовская область.

²³ Ж., ок. 60 лет. Жердевский район, Тамбовская область.

²⁴ М., ок. 30 лет. Москва.

²⁵ М., ок. 70 лет. Тамбовская область.

²⁶ Ж., ок. 70 лет. Тамбовская область.

²⁷ Ж., ок. 70 лет. Жердевский район, Тамбовская область.

²⁸ Ж., ок. 50 лет, учитель истории. Жердевский район, Тамбовская область.

²⁹ Ж. ок. 60 лет, Жердевский район, Тамбовская область.

³⁰ Ж., 71 год, доярка. Голышмановский район Тюменской области.

³¹ М., ок. 70 лет, преподаватель истории, пенсионер. Уваровский район Тамбовской области.

³² М., ок. 70 лет, преподаватель истории, пенсионер. Уваровский район Тамбовской области.

³³ Ж., ок. 70 лет, журналист, пенсионер. Тамбов.

³⁴ М., 64 года, преподаватель, пенсионер. Жердевский район Тамбовской области.

³⁵ М., 90 лет, ветеран войны, общественный и партийный работник. Абатский район Тюменской области.

³⁶ М., 80 лет, собиратель семейной истории. Тобольский район Тюменской области.

³⁷ М., 70 лет, мулла. Тюменская область.

Литература

Аптекарь П.А. Сопротивление крестьян политике большевиков 1918–1922 гг.: по материалам европейских губерний РСФСР: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Виноградский В.Г. Крестьяне и гражданская война: дискурс новеллистики // Крестьяноведение. 2017. Т. 2, № 4. С. 70–85.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / пер. с англ. Л.Ю. Пангиной. М.: Росспэн, 2001.

- Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. Москва-Тамбов, 1996. С. 4–23.
- Дьячков В.Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX века (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1 (19). С. 128–141.
- Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. ст. М.: Новое издательство, 2011.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1945.
- Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
- Кондрашин В.В. «Крестьянская революция в России 1902–1922»: научный проект и научная концепция (предварительные заметки) // Уральский исторический вестник. 2008. № 2 (19). С. 85–89.
- Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М.: Янус-К., 2001.
- Нарский И.В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности национального забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 394–412.
- Осипова Т.В. Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1996. С. 90–161.
- Посадский А.В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922. М.: Центрполиграф, 2018.
- Соколов К.И. Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в тверской губернии в конце 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2017.
- Фадеева О., Никулин А. Исследования и исследователи: замыслы, проекты, результаты, люди (1990–2001) // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследования сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, Росспэн, 2002.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
- Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. / пер. с англ. Е.М. Ковалев. М.: Весь Мир, 1997.
- Шшикин В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011.
- Fitzpatrick S. Celebrating (or Not) The Russian Revolution // Journal of Contemporary History. 2017. № 52 (4). P. 816–831. URL: <https://doi.org/10.1177/0022009417723975>
- Malinova O. The embarrassing centenary: reinterpretation of the 1917 Revolution in the official historical narrative of post-Soviet Russia (1991–2017) // Nationalities Papers. 2018. № 46:2. P. 272–289. DOI: 10.1080/00905992.2017.1386639
- Olick J., Robbins J. Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105–140.
- Ryan J. The Politics of National History: Russia's Ruling Elite and the Centenary of 1917 // Revolutionary Russia. 2018. № 31:1. P. 24–45. DOI: 10.1080/09546545.2018.1480115
- Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. L.: Yale University Press, 1985.
- Smith S.A. The Historiography of the Russian Revolution 100 Years On // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16, № 4. P. 733–749. Doi: 10.1353/kri.2015.0065
- Swain G. The Centenary of the Russian Revolution: New Directions in Research // Revolutionary Russia. 2017. № 30:2. P. 278–281. DOI: 10.1080/09546545.2017.1383732

Kravchenko Artyom V., Lomakin Nikita A., Sklez Varvara M., and Sokolova Anna D.

PARADOXES OF TEMPORALITY: REMEMBERING PEASANT UPRISINGS 100 YEARS LATER*

DOI: 10.17223/2312461X/27/8

Abstract. The article problematizes the phenomena of memory and oblivion of the Civil War peasant revolts in Russian society, through the case studies of the regions of Tyumen and Tambov. Specifically, studied were memorial narratives about the events that took place in the 1920s. These narratives revealed some temporal shifts, whereby the respondents would unexpectedly start to talk about other epochs instead of the events in question. Here, various ways of dealing with time can be considered part of trying to understand the past in a situation when social memory is almost gone, but specific events are still remembered and seen as quite significant.

Keywords: historical memory, memory, oblivion, temporality, narrative, peasant revolt, Civil War

*The research was conducted under the project No.19-78-10076, funded by the Russian Science Foundation (RNF).

References

- Aptekar' P.A. *Soprotivlenie krest'ian politike bol'shevikov 1918-1922 gg.: po materialam evropeiskikh gubernii RSFSR. Dis. ... kand. ist. nauk* [Peasant resistance to the Bolshevik politics, 1918-1922: the case of the regions of the Russian Soviet Federalist Socialist Republic. Dissertation for the 'Candidate of Science' degree]. Moscow, 2002.
- Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo: memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Vinogradskii V.G. Krest'iane i grazhdanskaia voina: diskurs novellistiki [Peasants and the Civil War: The discourse of short stories], *Krest'ianovedenie*, 2017, Vol. 2, no. 4, pp. 70–85.
- Gratsiozi A. *Velikaia krest'ianskaia voina v SSSR. Bol'sheviki i krest'iane. 1917-1933* [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants, 1917-1933]. Transl. from English by L.Iu. Pantina. Moscow: ROSSPEN, 2001.
- Danilov V.P. Krest'ianskaia revoliutsiia v Rossii, 1902-1922 gg. [The Peasant Revolution in Russia, 1902-1922]. In: *Krest'iane i vlast'* [Peasants and authority]. Moscow-Tambov, 1996, pp. 4–23.
- D'iachkov V.L. Prirodno- i sotsial'no-demograficheskie faktory rosta krest'ianskoi agressii v pervoi treti XX veka (Tambovskii sluchai) [Natural and socio-demographic factors of peasant aggression growth in the first third of the 20th century (the case of Tambov)], *Istoriia i sovremennost'*, 2014, no. 1(19), pp. 128–141.
- Zerubavel' Ia. Dinamika kollektivnoi pamiati [The dynamics of collective memory]. In: *Imperiia i natsiia v zerkale istoricheskoi pamiati. Sbornik statei* [Empire and nation as reflected in historical memory. A collection of articles]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011.
- Istoriya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov): Kratkij kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): A brief course]. Moscow, Gospolitizdat, 1945.
- Koznova I.E. *Stalinskaia epokha v pamiati krest'ianstva Rossii* [The Stalin epoch as remembered by the Russian peasantry]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2016.
- Kondrashin V.V. «Krest'ianskaia revoliutsiia v Rossii 1902-1922»: nauchnyi proekt i nauchnaia kontseptsii. (predvaritel'nye zametki) ['The Peasant Revolution in Russia, 1902-1922': a scientific project and concept (preliminary notes)], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2008, no. 2(19), pp. 85–89.
- Kondrashin V.V. *Krest'ianskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918-1922 gg.* [The peasant movement in the region of Povolzhye, 1918-1922]. Moscow: Ianus-K., 2001.

- Narskii I.V. Konstruirovaniie mifa o grazhdanskoi voine i osobennosti natsional'nogo zabyvaniia na Urale v 1917-1922 gg. [Constructing a myth about the Civil War and national oblivion in the Urals, 1917-1922]. In: *Vek pamiati, pamiat' veka. Opyt obrashcheniia s proshlym v XX stoletii* [The era of memory and the memory of the era. Dealing with the past in the 20th century]. Cheliabinsk: Kamennyi poias, 2004, pp. 394–412.
- Osipova T.V. Krest'ianskii front v Grazhdanskoi voine [The Peasant Front in the Civil War]. In: *Sud'by rossiiskogo krest'ianstva* [The fate of the Russian peasantry]. Moscow: RGGU, 1996, pp. 90–161.
- Posadskii A.V. *Zelenoe dvizhenie v Grazhdanskoi voine v Rossii. Krest'ianskii front mezhdu krasnymi i belymi. 1918-1922* [The green movement in the Russian Civil War. The Peasant Front: between the Red and the White armies. 1918-1922]. Moscow: Tsentropoligraf, 2018.
- Sokolov K.I. *Plamia nad Volgoi. Krest'ianskie vosstaniia i vystupeniia v tverskoi gubernii v kontse 1917-1922 gg.* [The Volga in flames. Peasant uprisings in the region of Tver in the end of 1917 to 1922]. Moscow: Tsentropoligraf, 2017.
- Fadeeva O., Nikulin A. Issledovaniia i issledovateli: zamysly, proekty, rezul'taty, liudi (1990-2001) [Research and researchers: ideas, projects, results, and people (1990-2001)]. In: *Refleksivnoe krest'ianovedenie: desiatiletie issledovaniia sel'skoi Rossii* [Reflexive Peasant Studies: a decade of research on the rural Russia]. Eds. T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov. Moscow: MVShSEN, ROSSPEN, 2002.
- Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamiati* [Social boundaries of memory]. Transl. from French and Introduction by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007.
- Shanin T. *Revoliutsiia kak moment istiny. Rossiia 1905-1907 gg. – 1917-1922 gg.* [Revolution as the moment of truth. Russia, 1905-1907]. Transl. from English by E.M. Kovalev. Moscow: Ves' Mir, 1997.
- Shishkin V.I. Vooruzhennoe soprotivlenie sibirskogo krest'ianstva kommunisticheskomu rezhimu v nachale 1920-kh godov [Siberian peasantry's armed resistance to the Communist regime in the beginning of the 1920s]. In: *Istoriia stalinizma: krest'ianstvo i vlast'. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Ekaterinburg, 29 sentiabria – 2 oktiabria 2010 g.) [The history of Stalinism: peasants and authority. Proceedings of International research conference (Yekaterinburg, 29 September to 2 October 2010)]. Moscow: ROSSPEN, 2011.
- Fitzpatrick, S. Celebrating (or Not) The Russian Revolution, *Journal of Contemporary History*, 2017, no. 52(4), pp. 816–831. <https://doi.org/10.1177/0022009417723975>
- Malinova, O. The embarrassing centenary: reinterpretation of the 1917 Revolution in the official historical narrative of post-Soviet Russia (1991–2017), *Nationalities Papers*, 2018, 46:2, pp. 272-289. DOI: 10.1080/00905992.2017.1386639
- Olick J., Robbins J. Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices, *Annual Review of Sociology*, 1998, Vol. 24, pp. 105–140.
- Ryan, J. The Politics of National History: Russia's Ruling Elite and the Centenary of 1917, *Revolutionary Russia*, 2018, 31:1, pp. 24-45. DOI: 10.1080/09546545.2018.1480115
- Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. L.: Yale University Press, 1985.
- Smith, S.A. The Historiography of the Russian Revolution 100 Years On, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 733–749. doi: 10.1353/kri.2015.0065.
- Swain, G. The Centenary of the Russian Revolution: New Directions in Research, *Revolutionary Russia*, 2017, 30:2, pp. 278-281. doi: 10.1080/09546545.2017.1383732

УДК 93/94

DOI: 10.17223/2312461X/27/9

ВЛАДИМИР ОХРИМОВИЧ И ЕГО ПУТЬ В СИБИРЬ

Дмитрий Станиславович Парфирьев

Аннотация. Вниманию читателей предлагается перевод на русский язык статьи украинского политика и ученого Владимира Охримовича «Приангарский край и его жители: тунгусы и чолдоны» (1920). В ней автор, в 1915–1917 годах отбывавший в Восточной Сибири административную ссылку, описывает окружающие его флору и фауну, а также хозяйство, быт и традиции эвенков («тунгусов») и потомков русских первопоселенцев («чалдонов»).

В предисловии переводчика к статье описаны путь автора статьи в Сибирь и обстоятельства его пребывания там. Даны комментарии относительно особенностей языка Охримовича и деталей перевода.

Ключевые слова: народы Сибири, эвенки, чалдоны, воспоминания

Украинский адвокат и политик Владимир Охримович (1870–1931) отметился изысканиями в области статистики, лингвистики, а также этнографии. В 1888 г., окончив гимназию, он поступил на философский факультет Львовского университета, а в следующем году перевелся на факультет права того же университета. Еще в 1890 г., будучи студентом, Охримович опубликовал в газете «Народ» статьи «О родовой общности в Скольских горах» и «Женская участь в Скольских горах». В 1891 г. петербургское «Этнографическое обозрение» напечатало присланную Охримовичем статью «Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи». Большое количество собранных им этнографических материалов Охримович передал польскому антропологу И. Коперницкому, после смерти которого в сентябре 1891 г. эти данные были утрачены (Д-р Володимир Охримович... 1931).

По окончании университета В. Охримович занимался адвокатской деятельностью. В 1897 г. ему была присвоена степень доктора права. С тех пор к этнографическим штудиям ученый уже не возвращался – вслед за адвокатурой его увлекла политика. В конце 1899 г. он стал одним из основателей Украинской национально-демократической партии (УНДП), затем дважды возглавлял редакцию самой популярной украинской газеты Австро-Венгрии «Дило», а в 1907 г. был избран депутатом австрийского парламента (Д-р Володимир Охримович... 1931).

Первую мировую войну Охримович встретил во Львове. В августе 1914 г., в преддверии взятия города русскими войсками, он решил не уезжать в Вену, подобно большинству украинских политиков, а остаться и адаптироваться к новой обстановке. Вместе с немногочисленными

коллегами он пытался сохранить возможность издавать во Львове украинскую прессу, но успехом эти попытки не увенчались. Напротив, Охримович попал в поле зрения русской оккупационной администрации как «неблагонадежное» лицо. В январе 1915 г. русские власти стали высылать «неблагонадежных» галичан вглубь Российской империи: сначала в Томскую губернию, затем в Симбирскую и Пермскую и, наконец, в Енисейскую. Охримовича арестовали в ночь на 18 февраля 1915 г. Три месяца он содержался в тюрьмах Львова, а в конце мая в составе группы арестованных украинских деятелей был конвоирован в галицийский городок Броды. По словам ученого, уже тогда арестанты пришли к выводу, что их везут в Сибирь (Охримович 1919: 73). Как вспоминала поэтесса Константина Малицкая, ровесница Охримовича, оказавшаяся в этой же партии ссыльных, от упоминания о Сибири у них с товарищами «на душе похолодело»: представления галичан об этой части России основывались на польской литературе, в которой Сибирь описывалась как «бескрайняя снежная тундра, непролазная тайга и закованные в кандалы люди в рудниках» (Малицька 2011: 391).

Путь Охримовича и других галицийских украинцев в Сибирь занял 18 дней: 4 июня заключенные поездом прибыли в Киев и к 15 июня добрались до Красноярска с пересадками в Москве, Екатеринбурге и Омске. 28 июня на пароходе «Святой Николай» заключенные покинули Красноярск и через три дня достигли Енисейска, откуда 2 июля 1915 г. в сопровождении двух полицейских направились к устью реки Ангары. Оттуда им предстояло добраться до конечного пункта пути, села Богучаны (Охримович 1919: 74–82). Единственным способом попасть в Богучаны была сама Ангара. Поскольку лодки со ссыльными плыли против течения, в дополнение к мужчинам-гребцам их тянули вдоль берега женщины-крестьянки, «запряженные» веревками. «Эта наша езда на лодках, запряженных женщинами и девушками, – вспоминал Охримович, – производила на нас очень странное впечатление: у нас было укоренившееся мнение, что это высшая почеть, которую воздают самым достойным и заслуженным героям, когда их везут люди, запряженные вместо лошадей, а между тем на Ангаре запрягают людей (и обычно женщин) в лодку, чтоб везти в ссылку отторгнутых от общества “преступников” и “шпионов”!» (Охримович 1919: 86).

13 июня пополудни ссыльные галичане прибыли в Богучаны. Всех их распределили по разным деревням Пинчугской волости. Местом ссылки В. Охримовича была определена деревня Гольтявино неподалеку от Богучан, в ней насчитывалось 40 домов. Ученый остановился в избе Дмитрия Колпакова, одного из местных «чалдонов», потомков первых русских поселенцев в этих краях. В письме украинскому деятелю из США Алексею Пристаю Охримович пояснял, что живет на «краю света»: «До ближайшей станции железной дороги у меня

700 верст, до ближайшего городка 400 верст, до ближайшей почты 60 верст. Но хуже всего то, что единственный способ коммуникации – это река, по которой летом плавают на лодках (на протяжении 3 месяцев), а зимой (на протяжении 5 месяцев) ездят на санках. Весной, когда река растаивает, и осенью, когда река замерзает <...>, мы здесь полностью отрезаны от мира и тогда не получаем два месяца никакой почты» (Світлій памяти... 1931: 3). Удручало политика и то, что в селе не было ни школы, ни церкви, ни магазина, ни корчмы, почта приходила два раза в месяц, а газеты поступали с месячной задержкой. Покидать Гольтьявино Охримовичу было запрещено. Ему также возбранялось иметь оружие, принимать участие в собраниях и сходках, читать лекции и доклады, учить крестьянских детей. За нарушение грозили арест и временное заключение (Охримович 1919: 88–91).

Поскольку выезжать из Гольтьявина Охримович не мог, а другие этапированные вместе с ним украинцы жили в десятках и сотнях верст от него, взаимодействие политика с земляками ограничивалось перепиской. Первое время политик компенсировал нехватку общения чтением: «Я, слава Богу, здоров, не мерзну, не голодаю, и не скучно мне, потому что есть что читать», – писал он брату 4 декабря 1915 г. (ЦДІАУЛ: Арк. 7зв). Но с течением времени Охримовичу становилось все труднее переносить одиночество. «В том селе, где я сейчас живу, кроме меня нет больше ни одного австрийского подданного, ни кого-либо из российских украинцев, ни людей с высшим или хотя бы средним образованием, – жаловался он А. Пристаю в письме от 21 декабря 1916 года. – Зная все это, ты сможешь оценить мое одиночество и потерянность» (Світлій памяти... 1931: 3). В послании супруге от 14 февраля 1917 г. ученый признавался: «Я пока что еще как-то держусь и не поддаюсь беде, надеюсь, что выдержу до конца, хотя на скорое возвращение не надеюсь» (ЦДІАУЛ: Арк. 9). Мрачное предчувствие не оправдалось: после Февральской революции новые российские власти разрешили Охримовичу свободно перемещаться по всей Сибири. 4 июля 1917 года, прибыв в Красноярск, он писал жене: «Проехав 500 верст на лодке и 300 верст на пароходе после 3-хнедельного путешествия приехал я в губернский город Красноярск, где проживу 2 недели. У меня уже есть право жить свободно во всей Сибири, и я надеюсь получить разрешение на возвращение в Австрию или хотя бы на Украину» (ЦДІАУЛ: Арк. 10зв).

Вернувшись на малую родину, Охримович, в прошлом сторонник левых идей и антиклерикал, стал ревностным католиком и даже издал на эту тему брошюру «Почему я обратился к христианской вере?». Западноукраинский политик К. Трилевский предполагал, что пребывание в Сибири пошатнуло психическое здоровье его коллеги (Трильовський 1999: 114). Зять Охримовича впоследствии также признавал, что «под влиянием одиночества во время пребывания на Ангаре» тот «ударился

в религиозный мистицизм» (Маланчук 1972: 102–103). Несмотря на кардинальные перемены в мировоззрении, В. Охримович не стал затворником и продолжил заниматься политикой и журналистикой, но до самой смерти в 1931 г. никуда не выезжал из Львова.

Свои впечатления от пребывания в Сибири ученый изложил в двух статьях. Первая из них, «Из Львова на Ангару», была напечатана в 1919 г. в ежегодном календаре общества «Просвита»; вторая под названием «Приангарский край и его жители: тунгусы и чолдоны» появилась в 1920 г. на страницах литературного сборника «На вавилонских реках». Если в первой статье Охримович описывает путь украинских ссыльных из Львова на место ссылки, то во второй излагает свои наблюдения о жизни эвенков и сибирских крестьян-чалдонов. Если насчет эвенков автор признает, что лично общался с ними только трижды, то с чалдонами, среди которых он жил, ему приходилось контактировать куда плотнее. Неудивительно, что их обычаям и быту в статье уделяется гораздо более пристальное внимание.

Как в описании флоры и фауны тех мест, где ему пришлось отбывать ссылку, так и в описании людей Охримович нередко проводит параллели с галицийскими явлениями и предметами: так, чалдонский зипун он сравнивает с украинским сиряком, тунгусские стеклянные бусы – с гуцульскими герданами, а в песенках чалдонов обнаруживает сходство с «коломыйками». Привыкший к тому, что на его малой родине словом «край» обычно называется вся Галиция, Охримович с некоторой наивностью поясняет читателю, что в Сибири не край делится на уезды, как в Галиции, а наоборот, в одном уезде (Енисейский) может быть несколько огромных краев (например, Приангарский).

Хотя до нас дошло сравнительно мало релевантных свидетельств о быте эвенков в 1910-х гг. (Василевич 1969: 30–31) и статья В. Охримовича могла бы дополнить имеющуюся картину, специалисты по этнографии народов Сибири обходят ее вниманием. Так, Г.М. Василевич, автору первой большой обобщающей работы об эвенках, вышедшей в 1969 г., работы Охримовича не были знакомы. Беглый пересказ содержания его «сибирских» статей дала В. Маланчук в небольшой книжке «Этнографическая деятельность В.Ю. Охримовича», опубликованной в 1972 г. (Маланчук 1972). В 1973 г. рецензия на работу Маланчук появилась в крупнейшем профильном журнале «Советская этнография» (Гольберг 1973), но и это не привлекло к изысканиям Охримовича внимания ученых, занимающихся эвенками (Сирина 2012). Надеемся, что данная публикация будет познавательна как для специалистов, так и для всех интересующихся историей и этнографией народов Сибири.

Охримович пишет с прописной буквы названия этнических групп («Чолдоны», «Москали», «Тунгусы») и иногда производные от них

прилагательные. В соответствии с принятой в русском языке нормой мы приводим эти слова со строчной буквы.

Цитируя некоторые русские слова («хозяин», «общественный», «тайга»), Охримович передает их в украинской транскрипции: «хазяїн», «абщественний», «тайга». Эти слова мы приводим в том виде, в котором они пишутся по-русски. Все ударения, поставленные автором в цитируемых словах, нами сохранены, тем более что порой они не соответствуют современным нормам (не «пóгреб», а «погрéб», не «сiтец», а «ситéц» и т.д.).

Авторская пунктуация по возможности сохранена, исключения сделаны для очевидных противоречий нормам русского языка (например, отсутствие запятой при причастном обороте).

Приангарский край и его жители: тунгусы и чолдоны¹

Во время великой мировой войны – а именно в июле 1915 г[ода] – москали вывезли меня в Сибирь и выслали в Енисейскую губернию, в Енисейский уезд², в так называемый Приангарский край, где я прожил два года – с июля 1915 года по июнь 1917 г[ода] – в селе Гольтявино, Пинчугской волости, а последние два месяца в селе Чадобец той же волости.

Приангарский край, отстоящий примерно на 300 километров на север от главной сибирской железной дороги, лежит по обе стороны реки Ангары, притока Енисея, в ее нижнем течении и тянется с востока на запад на пространстве примерно 600 километров в длину и более 200 километров в ширину. Хотя Приангарский край образует лишь небольшую часть гигантского Енисейского уезда, он охватывает пространство значительно большее, чем вся Галиция; у нас край³ делится на уезды, там уезд охватывает много больших краев.

Река Ангарá (называется также Верхней Тунгуской) берет начало в горах, расположенных на Байкальском озере, через которое она протекает, течет через г[ород] Иркутск, столицу Иркутской губернии, и затем дальше через эту губернию в северном направлении; на границе Иркутской и Енисейской губернии она круто поворачивает на запад и течет дальше через Енисейскую губернию в западном направлении и, наконец, впадает в главную реку Енисей чуть выше города Енисейска.

---

¹ Охримович В. Приангарський Край і його мешканці: Тунгузи й Чолдони // На ріках вавилонських... Літературний Збірник. Львів, 1920. С. 59–69.

² Здесь и далее в оригинале – «повіт» («повет»), аналог уезда в украинском и польском («powiat») языках.

³ «Край» используется как нарицательное обозначение Галиции.

По обе стороны в Ангару впадает много притоков⁴, из которых крупнейший – Чуна (левый).

Река Ангара в нижнем своем течении, там, где я был в ссылке, имеет ширину от трех до четырех километров, а местами еще шире. (Когда я из Сибири приехал в Киев, Днепр по сравнению с Ангарой казался мне маленькой речкой.) Несмотря на большую ширину, глубина реки тоже немалая, одним словом, река многоводная. Берега Ангары высоки, скалисты, живописны, да и на самой реке часто встречаются скалы, острова и пороги. По обе стороны реки окрестности по большей части дикие и лесистые; хотя все тамошние поселения (села и деревни) лежат только выше реки, но достаточно редко они встречаются и на реке, да и то с очень неравномерными интервалами: село от села отдалено иногда на несколько, иногда на десять с лишним, а иногда и на несколько десятков километров. За исключением этих редких поселений весь Приангарский край, такой длинный и широкий, покрыт бескрайним непролазным лесом, преимущественно еловым и березовым; этот лес называется по-тамошнему «тайга».

В Приангарском крае нет ни повозок, ни наезженных дорог, а единственным средством коммуникации является река. Осенью, в октябре месяце, она замерзает и покрывается толстым льдом, по которому люди всю зиму ездят на лошадях и санях; весной в мае месяце река оттаивает, и все лето люди плавают по ней на больших и меньших лодках⁵ и на плотах⁶ («плотах»). Весной, пока река оттаивает и очищается ото льда, наступает двухмесячный перерыв любой коммуникации, т[ак] н[азываемая] «распутица»; такая же «распутица» наступает и осенью, до тех пор, пока река уже не покроется толстым льдом. Во время весенней и осенней «распутицы» невозможно перебраться даже в ближайшее село, потому что, как было сказано, наезженных дорог совсем нет; тогда надо целых два месяца терпеливо ждать почты, писем и газет.

Очень красивым бывает вид Ангары, когда она оттаивает, а именно когда река приходит в движение; тогда белые льдины движутся по руслу реки, словно гигантская отара гигантских белых овец идет по дороге. А уже там, где русло реки сужается между высокими берегами, вид бывает просто душераздирающий; в результате безмерного напора большие льдины, словно каменные дома толщиной в несколько сажень и шириной в несколько сажень, выскакивают из реки на берег на высоту в десять с лишним сажень; какой тогда бывает грохот и шум, невозможно описать.

---

⁴ В оригинале – «допливів (приток)». Зачастую в тексте Охримович приводит в скобках местные названия тех или иных объектов. Там, где перевод украинского слова и приведенное в скобках название будут совпадать, мы будем приводить украинское обозначение.

⁵ В оригинале – «човнах («лодках»).

⁶ В оригинале – «сплавах («плотах»).

Дно Ангары каменистое, а вода в ней прозрачная и чистая, так что тамошние люди зимой и летом пьют воду из реки; родников и колодцев я там не видел.

В Ангаре и ее притоках очень много всякой рыбы: и большой, и маленькой, и белой, и красной. К белой рыбе причисляются все виды рыб с костями и белым мясом, как «щука», «таймень», «налим» (разновидность мнюхов⁷), «хариуз» (разновидность форели) и т[ак] д[алее]; к красной рыбе относятся виды рыб, у которых красное мясо и нет костей, как «стерлядь» (чечуга), «кастеря», «чалбыш» или «осетер»⁸ (осетр) и т[ак] д[алее]. Любой может ловить рыбу где хочет и как хочет безо всякого ограничения.

В бескрайних, вековых лесах, простирающихся на сотни километров вдоль и вширь по обе стороны Ангары, растут разные деревья, и основную массу леса составляют «ель»⁹, и «береза»¹⁰, уже не так густо растут сосна, «пихта»¹¹ и «лиственница»¹². Зато там совсем нет ни дубов, ни буков, ни плодовых деревьев¹³, ни лещины. Нет там и мохнатой ивы, но есть лозина («тальник»). Среди деревьев растут в «тайге» разные кусты и разные травы; есть там и разнообразные ягоды, как черемуха¹⁴, земляника¹⁵, брусника¹⁶, смородина¹⁷, малина¹⁸, ежевика¹⁹, «клюква», черные ягоды («черница» и «голубица»), «костяница» и другие; наконец, растут там разные виды грибов, преимущественно такие же, как у нас.

Лишь незначительные по размеру части этих бескрайних лесов заняты в собственности государства как т[ак] н[азываемые] «лесные дачи»; за этим исключением все эти бескрайние леса никому не принадлежат; каждый может там рубить и корчевать лес, а кто отторгнет от «тайги» кусок земли, превратив его в пашню, тот становится его собственником. Древесина не имеет совсем никакой ценности, и во всем Приангарском крае нет ни одной лесопилки, не то что паровой, а даже водяной. В Приангарском крае любой может охотиться на разных зверей и разных птиц безо всякого ограничения. А охотиться есть на кого, пото-

⁷ Устаревшее название налима.

⁸ В оригинале – «асетьор».

⁹ В оригинале – «ель себто смерека» («себто» – укр. «то есть»).

¹⁰ В оригинале – «берйбза себто береза».

¹¹ В оригинале – «пихта себто ялица».

¹² В оригинале – «лиственница себто модерев».

¹³ В оригинале – «овочевих дерев (садовини)».

¹⁴ В оригинале – «черемха («черйбмуха»)».

¹⁵ В оригинале – «суняца («земляница»)».

¹⁶ В оригинале – «камянка («брусьница»)».

¹⁷ В оригинале – «веприна («смородина»)».

¹⁸ В оригинале – «малина («маліна»)».

¹⁹ В оригинале – «ужина («ежевика»)».

му что в «тайгах» живут лоси («сохатые»²⁰), очень большие животные с рогами как лопаты, и олени²¹, значительно меньшие, чем лоси, с красивыми ветвистыми рогами; тех и других добывают²² тамошние обитатели ради их вкусного мяса, крепкой шкуры и красивых рогов; еще в «тайге» живут черные и бурые медведи, желтые, черные и синие лисицы, драгоценные соболи и горностаи, белые зайцы («ушканы») и многочисленные белки²³. Еще там много всевозможных птиц; в «тайге» живут среди прочих глухари²⁴ («глухари»), тетери («польники»), рябчики²⁵, на скалах гнездятся орлы, соколы, совы, а на реках и болотах выводятся стада диких лебедей, диких гусей и уток и более мелкой птицы. Однако я не видел там ни ласточек, ни аистов.

Климат Приангарского края чисто континентальный. Зима длинная и лютая, но зато ясная и тихая. Морозы достигают 60 градусов по Цельсию ниже нуля. Зимой никогда не бывает оттепели. Из-за того, что зима сухая, ясная, солнечная и тихая, люди и животные легко выдерживают даже самые сильные морозы. Снега выпадает немного, но, поскольку на протяжении зимы он никогда не тает, слой снега достаточно глубок.

Весна начинается очень поздно (в середине мая) и продолжается очень недолго, едва три-четыре недели, но зато она на удивление красива; растительность развивается очень быстро; так и видно, как трава растет!

Лето очень жаркое и очень неприятное, потому что противно досаждают разные насекомые: в хате клопы²⁶ и тараканы²⁷, а на дворе днем москиты (т[ак] н[азываемая] «мошка»), а ночью комары. Кроме того, во время летней засухи горят леса на огромных пространствах, так что от дыма солнца не видно, или, даже если солнце и видно, кажется, будто это красный кружок без какого-либо света.

Осенью нет грязи, потому что осень сухая, и земля уже с осени замерзает; еще до того, как начнет падать снег, земля от морозов трескается и покрывается узкими, но глубокими расселинами.

***

В бескрайних, вековых лесах «тайги», простирающихся на сотни километров вширь и вдоль на север от реки Ангары, живут тунгусы, коренные жители или автохтоны Приангарского края.

---

²⁰ В оригинале – «сахатиє» себто росохаті звірі».

²¹ В оригинале – «феніфери («олєні» себто олєні)».

²² В оригинале – «добувають («добивають»)».

²³ В оригинале – «білиці («бєлкі»)».

²⁴ В оригинале – «гутурі».

²⁵ В оригинале – «орябки (рябчики)».

²⁶ В оригинале – «блощиці («клопи»)».

²⁷ В оригинале – «таргани («таракани»)».

Это дикий, нецивилизованный народ монгольской расы. Все они низкорослые, мелкокостные, темнокожие, черноволосые; как у мужчин, так и у женщин волосы черные, гладкие, длинные, заплетенные в одну косу; лицо широкое, глаза черные, маленькие и косые. У мужчин растительность на лице очень слабая, и по большей части мужчины не имеют ни бороды, ни усов.

Тунгусы не имеют ни хат, ни постоянных поселений, только живут в лесах, кочуя и скитаясь с места на место. Каждая семья живет обособленно и каждая имеет свою отдельную «юрту», то есть свой шатер из шкур; в юрте они ночуют и держат свое имущество. Под юртой, то есть на середине площади, накрытой шатром, тунгуски жгут беспрестанный огонь для защиты от холода и для варения пищи; дым выходит через дыру в шатре.

Каждая семья держит свое стадо оленей²⁸, состоящее из нескольких десятков, а то и нескольких сотен штук. Олень – это необычайно полезное животное. Тунгусы имеют от оленей молоко, мясо, шкуру, возят на оленях свое имущество, и им не приходится их ничем кормить, потому что олени сами питаются лесным мхом и побегами, как зимой, так и летом. Прирученные олени ничем не отличаются от диких, разве что только тем, что идут на голос своих хозяев и не убегают от людей. Кроме оленей тунгусы держат собак для охоты; у тунгусских собак длинная белая шерсть и стоячие уши.

Главное занятие тунгусов – это рыболовство и охота. Они охотятся на диких животных и птиц, стреляя в них из ружей и из луков. Из шкур лосей и оленей они делают себе одежду, обувь, коробки и юрты; шкуры других зверей, таких как медведи, лисы, соболя, горностаи и белки, они по большей части отдают заезжим купцам или соседним крестьянам в обмен на муку, на полотно, на иголки и нитки, на пуговицы и бусы, на порох и пули, на ножи и ружья, на табак и водку и на другой товар.

Исподняя и верхняя одежда одинакова и у мужчин, и у женщин; она состоит из высоких сапог без каблуков и подошв; сапоги эти (т[ак] н[азываемые] «унты») в высоту доходят чуть выше колен; верхняя часть тела облачается в сорочку, фартук и кожух; сапоги и кожух сшиты из оленьей или лосиной шкуры, вывернутой шерстью наружу; из такой же шкуры сделана и шапка. Сапоги, фартук и шапка украшены орнаментами из разноцветных стеклянных бус²⁹, наподобие гуцульских герданов³⁰.

Семьи тунгусов преимущественно моногамны: муж имеет одну жену и жена, разумеется, имеет одного мужа; только очень богатые тунгусы имеют в порядке исключения двух или трех жен.

²⁸ В оригинале – «ренів (реніферів)».

²⁹ В оригинале – «пацьорок (бусів, бисерів)».

³⁰ Гердан – шейное украшение из бисера в виде ленты из нанизанных на нитяную или волосную основу бусин. Характерно для Западной Украины, особенно для Восточной Галиции.

Тунгус обычно женится таким способом: покупает себе жену, а в качестве платы дает за нее тестю какое-то количество оленей или какое-то количество шкур; только в исключительных случаях тунгус добывает себе жену путем кражи или путем обмена на родную сестру.

У тунгусов есть свой родной язык, совсем непонятный русакам-русским (москалям); только купцы, постоянно торгующие с тунгусами, понимают и немного говорят по-тунгусски. Тунгусы тоже поголовно не понимают русского (московского) языка, и лишь некоторые старые, бывалые тунгусы знают немного по-русски.

Христианство среди тунгусов очень мало распространено; среди них совсем немного крещеных, но и крещеные так же, как и некрещеные, придерживаются своей языческой веры. Они верят в разные идолы и амулеты, в разное колдовство и ворожбу; единицы, которые лучше всего умеют ворожить и колдовать, называются «шаманами»; «шаманы» — это предсказатели и колдуны, имеющие большое значение у тунгусов, и даже многие сибирские крестьяне верят в «шаманов» и боятся их.

Тунгусы не имеют ни кладбищ, ни могил, ни гробов и не хоронят умерших в земле. Похороны у них проходят очень странно. Когда кто-то из них умирает, свояки делают ему высоко на дереве лежанку из веток, кладут на нее тело покойного, облаченное в его самую лучшую одежду, кладут рядом с ним его оружие и немного еды и так оставляют покойного на веки вечные на растерзание небесным птицам, а сами со всем лагерем как можно скорее переходят на другое место.

Вплоть до великой русской революции (то есть до 1917 года) тунгусы платили в «казну» дань шкурами, т[ак] н[азываемый] «ясак»; эту дань собирали вожди тунгусских родов (кланов) и отвозили в ближайшее «казначейство». За это тунгусы были освобождены от любых других налогов и повинностей, в том числе были свободны и от военной службы.

Что касается характера, то тунгусы спокойны, приветливы, добродушны и даже легковерны; их сильно используют проезжие купцы и всякие прохиндеи, главным образом с помощью водки. Водка и сифилис сильно повлияли на то, что тунгусское население стало гораздо менее многочисленным, чем было когда-то.

Когда-то кочевья тунгусов доходили до самой реки Ангары; теперь они отдалены от нее плюс-минус на 100–200 километров к северу. Поэтому-то на самой реке Ангаре очень редко приходится видеть тунгусов, но чаще появляются они в селах, расположенных в стороне от Ангары, на ее притоках, как например, в Яркине и Юрöкте на р[еке] Чадобец или в Бедобе на р[еке] Бедоба.

Мне самому доводилось трижды встречаться с тунгусами. В селе Гольтявино, где я был в ссылке, я познакомился с одним тунгусским начальником, который ехал вместе с одним купцом и по пути ночевал в

Гольтьявине; он говорил немного по-русски, так что я мог с ним поговорить. По пути из села Гольтьявино в с[ело] Чадобец я встречал однажды целую тунгусскую семью, а в самом Чадобце я познакомился с одним цивилизованным тунгусом, который совсем хорошо говорил по-русски. Его фамилия была Августовский, потому что так звали одного ссыльного поляка, который взял к себе этого тунгуса маленьким мальчиком и воспитал его у себя.

Моим товарищам по несчастью, которые жили чуть дальше от Ангары, чаще доводилось контактировать с тунгусами.

***

Во всем Приангарском крае нет ни одного города или местечка, а только одни села, большие или меньшие; большие так и называются селами³¹, меньшие называются «деревнями». Все села – как было сказано – лежат исключительно на воде, то есть на Ангаре или ее наибольших притоках: Чадобце, Муре, Карабуле, Бедобе, Чуне, Тасееве. Весь Приангарский край Енисейской губернии делится на три волости: Рыбинскую, Пинчугскую и Кежемскую, а каждая волость охватывает по десять с лишним, а то и больше, сел и деревень. У каждой волости есть свой отдельный волостной старшина и волостная управа, избираемая представителями сел и деревень, относящихся к этой волости.

Волостная управа управляет в центре волости; таким центром для Рыбинской волости является село Рыбное, для Кежемской волости село Кежма, а для Пинчугской волости центром когда-то было село Пинчуга, а теперь село Богучаны. К Пинчугской волости кроме этих двух относятся еще такие села: Иртенеево, Каменка, Ярки, Заимка, Гольтьявино, Пашутино, Климина, Залегеева, Чадобец, Бедоба, Карабула, Федина, Юрокта, Яркина и много менее крупных деревень.

Только в крупнейших селах население достигает тысячи душ; обычно в селах насчитывается по несколько сотен жителей, а в некоторых маленьких деревнях лишь по несколько десятков.

Жители этих сел и деревень – приангарские крестьяне, которых посторонние люди называют «чолдонами», а они себя самих называют по «словию» «крестьянами», по вере «православными», а по языку «русскими», потому что они говорят на сибирском диалекте великорусского (московского) языка. Это потомки³² великорусских переселенцев (колонистов) из европейской России с примесью тунгусской крови, а также с мелкой примесью разных рас и типов, которые населяют европейскую Россию и которые тут сошлись вместе среди ссыльных. И правда, среди «чолдонов» можно видеть очень неодинаковые типы разного роста, разного цвета во-

³¹ В оригинале – «села (сьбла)».

³² В оригинале – «нащадки (потомки)».

лос и глаз и с разными чертами лица. Красивых лиц среди них немного, в особенности очень мало красивых женщин.

Мужчины («мужики») стригут волосы на голове достаточно коротко, а подбородки у них по большей части полностью заросшие; однако много и таких, которые бреют бороду; усы немного подстригают. Все женщины, не только девушки («девки»), но и замужние («бабы»), как молодые, так и старые («молодухи» и «старухи»), носят длинные волосы и заплетают их в косы.

Мужчины одеваются («оболокаются») в широкую, короткую, цветную (синюю, красную, желтую или черную) рубашку³³ из ситца³⁴ или другого фабричного материала, и в штаны («шаровары») из домашнего полотна («холст») или из домашнего сукна или из плюша («плис»). Женщины после рубашки и штанов надевают цветную юбку³⁵ и цветную блузку европейского кроя.

На ноги надевают как женщины, так и мужчины длинные чулки³⁶ и кожаные постолы, которые сами себе делают («чирки»). Вместо поршней мужчины иногда надевают «бродни» (разновидность сапог без задников и подошв с привязанными голенищами («голяшки»)), а по праздникам сапоги; женщины по праздникам надевают покупные башмаки («ботинки») европейского кроя; зимой в очень сильные морозы как мужчины, так и женщины надевают на ноги войлочные башмаки («ва́ленки» или «пíмы»).

Голову летом накрывают «сёткой»³⁷, сплетенной из конского волоса, пришитого к треугольному куску цветного перкаля, таким образом, что лицо закрыто сеткой, а верх и зад закрыты перкалем. Эту сетку носят летом на голове не только женщины, но и мужчины для защиты от москитов и комаров. У женщин эта сетка украшена орнаментом, вышитым на перкале. Зимой мужчины накрывают голову шапкой с отрезками, спадающими на уши и на затылок, а женщины платком («платок» или «шаль»).

В качестве верхней одежды летом носят сирак³⁸ («зипун») из домашнего сукна, однако женщины одевают по праздникам «пальто» или «сак» европейского кроя из фабричного сукна. Зимой одеваются в кожухи («полушубок») из овечьей шкуры шерстью вовнутрь, а в сильные морозы берут поверх этого кожуха еще один кожух, длиной до самой земли, сшитый из собачьей шкуры шерстью наружу («даха»).

³³ В оригинале – «сорочку («рубашка»)).

³⁴ В оригинале – «перкалю («сітец»)).

³⁵ В оригинале – «спідницю («юбка»)).

³⁶ В оригинале – «панчохи («чулкі»)).

³⁷ В оригинале – «сеткою» себто сіткою».

³⁸ Сирак (сиряк) – украинская народная мужская или женская верхняя одежда с длинным рукавом и высоким стоячим воротником, носившаяся поверх рубашки.

На руках носят рукавицы, вязанные из шерсти – летом для защиты рук от mosкитов и комаров, а зимой для защиты от холода; в очень сильные морозы поверх шерстяных рукавиц они надевают еще одни рукавицы, сделанные из кожуха, т[ак] н[азываемые] «верхонки».

«Чолдоны» живут в деревянных хатах («хата», «изба́», «дом»), построенных из грубых сосновых или еловых круглых бревен. Обычно хата состоит из двух жилых помещений («изба́» и «го́рница») и сеней; у более богатых крестьян в хате бывает по три и четыре комнаты, а у самых богатых бывают хаты, достроенные на этаж. Хаты высокие и просторные, окна средней величины, двери низкие с высокими порогами. Хата покрыта высокой крышей, сделанной из сосновых или еловых досок. Хата приведена в порядок и побелена только внутри; снаружи виднеются круглые голые бревна, которые на углах перекрещиваются и входят одно в другое. Черных изб нет, и на хатах всюду видны дымоходы. У входной двери, которая ведет в сени, обычно пристроено крыльцо с навесом. Скаты крыши, порожки и карнизы украшены орнаментами, вырезанными в досках.

В каждой «избе» есть большая «русская» печь, которая обогревает хату и в которой печется хлеб и варится пища. Рядом с этой большой печью находится обычная маленькая печка из железной жести, а иногда еще и английская кухонная. Вдоль стены стоят лавки, в углу стоит стол, а за столом висят на стене святые образа, в основном «богомазы»³⁹. Пол в хате чистый, потому что его каждую неделю моют и скоблят, и застилают полотняным или тряпичным половиком⁴⁰. Всегда и всюду блестит в хате большой, желтый, латунный самовар. В целом в хате достаточно чисто; несмотря на это, всюду в хатах полно клопов и тараканов – но только летом; зимой их не видно, несмотря на то, что печи топят очень сильно, и в хатах очень тепло даже в самые сильные морозы.

Перед хатой обычно находится передний двор, огороженный по периметру очень высоким забором от улицы и от соседей; этот передний двор называется «ограда». За «ограду» въезжают с улицы через ворота, а входят через калитку. В «ограде» находится амбар⁴¹, где хранят зерно⁴² и другое имущество, погреб⁴³, где хранят мясо, дичь и рыбу, и навес⁴⁴, где хранят лодки⁴⁵, санки и хозяйственные орудия. Сзади за домом находится задний двор, так называемый «скотский двор»; этот задний двор обнесен по периметру стенами высотой в дом, а вдоль этих

³⁹ «Богомаз» – плохо, неискусно выполненная икона.

⁴⁰ В оригинале – «хідником («половік»)).

⁴¹ В оригинале – «шпихлір («амбар»)).

⁴² В оригинале – «збіжжа (зерно»)).

⁴³ В оригинале – «пивниця («погреб»)).

⁴⁴ В оригинале – «шопа («навес»)).

⁴⁵ В оригинале – «лодки (човни»)).

стен стоят пристроенные стойла и хлева, в которых держат лошадей, коров, овец, свиней и собак; весь «скотский двор» накрыт сверху редко уложенной дранкой.

Немолотое зерно в снопах, солому и сено не держат рядом с хатой, а хранят в отдельных хозяйственных постройках, т[ак] н[азываемых] «ригах», построенных в поле далеко за селом.

Однако обычно рядом с хатой находится «баня»⁴⁶; маленькая постройка, в которой хозяин⁴⁷ и его семья парятся каждую субботу и перед каждым большим праздником; если же у какого-то хозяина хата стоит далеко от реки, то его «баня» стоит обычно не около хаты, но на берегу реки у воды. Каждый хозяин имеет свою собственную, отдельную «баню».

Хаты в селе построены очень плотно; «ограда» примыкает к «ограде», и ни между хатами, ни около них нет ни садов, ни огородов, ни цветников; также и деревьев в селе очень мало, или их и вовсе нет. А поскольку чолдонские хаты, снаружи небеленые, имеют темно-серую окраску, чолдонское село имеет сверху очень тоскливый вид. Единственное, что его оживляет, это пристань на реке, где летом вдоль берега стоят рядом большие и маленькие лодки и челны. У любого хозяина есть своя собственная лодка; у некоторых есть по две и по три лодки; у тех, что занимаются торговлей, есть большие купеческие лодки; кроме того, есть большие общественные лодки («карбазы») для перевоза скота.

«Чолдоны» занимаются охотой, рыболовством, выращиванием домашних животных и хлеборобством.

У каждого «чолдона» есть свое ружье⁴⁸, из которого он охотится на дикого зверя и дикую птицу – обычно с помощью собак. Больше всего они охотятся на белок⁴⁹ ради их меха; шкурки белок, так же как и мех с горностаев, соболей и лис (т[ак] н[азываемую] «пушнину»), они продают заезжим купцам, которые плывут на своих больших лодках вдоль по Ангаре. Лосей («сохатые») и оленей⁵⁰ добывают не только с помощью стрельбы («стреляное мясо»), но чаще всего таким образом: копают в лесу ямы, прикрытые ветвями, и время от времени проверяют, не упал ли в эту яму лось или олень; когда это происходит, обычно бывает так, что этот лось или олень умрет в этой яме от голода и от мороза. «Чолдоны» едят и такое дохлое мясо и называют его «сненное мясо», то есть мясо с животного, которое «заснуло».

У любого хозяина также есть снасти для рыбной ловли: сети, неводы, верши («морда»), удочки («уда»), переметы⁵¹ и т[ак] д[алее].

⁴⁶ В оригинале – «баня», себто парня».

⁴⁷ В оригинале – «господар («хазяїн»))».

⁴⁸ В оригинале – «стрільба («фужжю»))».

⁴⁹ В оригинале – «білиці-попелиці («белкі»))».

⁵⁰ В оригинале – «ренів («олені»))».

⁵¹ В оригинале – «перемети («перемйот»))».

Охота и рыболовство – как уже было сказано – для всех свободны и ничем не ограничены.

Из домашних животных «чолдоны» держат много лошадей и много собак и понемногу коров, овец, свиней, кошек и кур. Лошадьми пашут и боронуют, возят дерево из леса, воду из реки и другие грузы – а самое важное – ездят на лошадях, запряженных в сани, обычно «тройкой». У любого «чолдона» есть по меньшей мере одни сани и одна тройка лошадей. Чолдонские кони низкорослые, лохматые и очень умные. Чолдонские коровы тоже маленькие и тоже лохматые – настолько, что из коровьей шерсти плетут рукавицы и чулки; молока коровы дают мало. Овец держат только ради кожуха, ради шерсти и ради мяса, но их не доят.

Лошади, коровы и овцы пасутся все лето в лесу сами без надзора пастухов; как выгонят лошадей и овец с приходом лета на пастбище в лес, так они там пасутся вплоть до поздней осени; коровы же идут на пастбище и возвращаются с пастбища домой каждый день, но сами идут и сами возвращаются; на пастбище они идут вечером, когда уже москиты («мошка») перестают кусать, и пасутся в лесу сами всю ночь, а утром коровы сами возвращаются из леса домой, чтобы в стойле спрятаться от москитов, которые днем их сильно кусают и не дают им пастись.

Собак держат для охоты, а также ради шкуры, потому что из собачьих шкур «чолдоны» делают себе длинные кожухи, т[ак] н[азываемые] «дохи». Чолдонские собаки очень глупые и как домашние сторожа совсем непригодны.

В хлеборобстве придерживаются «чолдоны» стародавней системы трехпольного хозяйства. Землю пашут деревянным плугом («сохá») и боронуют деревянной бороной с деревянными кольями. Сеют яровую пшеницу («пшеница»), яровую рожь («ярица»), ячмень и овес; все это сеют в конце мая или в начале июня, а собирают в первой половине сентября; весь хлеб доходит (дозревает) и удается очень хорошо. Потому что лето очень теплое – даже горячее – и растительность очень быстро развивается. Озимые не сеют совсем. Хлеб жнут серпами, вяжут в снопы и складывают в стога («суслоны»), а потом зимой свозят на санях в гумна, построенные далеко за селом в поле. В каждом таком гумне («рига») есть печь, которую топят дровами и на которой сушат снопы – и только что высушенные на печи снопы молотят цепями. Зерно мелют на муку в деревянных, водяных мельницах, которые сами себе строят. Кроме хлеба собирают картофель, который всегда перемерзает и имеет сладковатый привкус, капусту, которую они не умеют квасить, морковь, петрушку, редьку, лук, чеснок и огурцы, которые получаются очень хорошими, но которых не умеют квасить.

Главная еда у «чолдонов» – хлеб и чай («хлеб да чай»). Чай пьют три или четыре раза в сутки. Хлеб пекут «чолдонки» на квасу, из пше-

ничной муки грубого помола, в форме буханок («коврига») или в форме круглых бубликов («калач»). Хлеб всегда хорошо пропеченный и вкусный. Пекут также хлеб из ржаной муки грубого помола, но люди обычно его не едят, а только кормят им лошадей, коров, свиней и собак; из ржаного хлеба также делают прохладительный напиток, т[ак] н[азываемый] «хлебной квас», которого летом пьют достаточно много. Из пшеничной муки пекут еще разную праздничную выпечку, как «сочни», «шаньги», «оладьи», «блины». Наряду с хлебом, едят достаточно много рыбы и мяса. Рыбу едят или сырую, или соленую⁵², или мороженую, или сушеную, или вареную, или печеную в тесте («пирог с рыбой»). Из мяса больше всего едят дичь, главным образом мясо лоса («сохатина») – или свежее, или мороженое, или соленое, которое обычно бывает нежным. Вообще они не умеют хорошо приправлять ни рыбы, ни мяса. Из коровьего молока делают сметану, сыр (свежий сыр называется «творог») и масло; масло делают обычно таким образом: горшок со сметаной ставят в горячую печь и так вытапливают масло со сметаной («русское» или «топленое масло»). Чолдоны не едят ни борща, ни квашеной капусты.

В поле собирают «чолдонки» также лен и коноплю, из которых прядут нитки, крутят веревки и ткут домашнее полотно; у каждой «хозяйки» есть своя кудель и свои кросна (ткацкий станок); нередко можно увидеть в чолдонской хате ручную швейную машинку.

Женщины «чолдонов» весьма трудолюбивые и работящие, потому что кроме обычных женских работ на них возлагаются и те хлеборобские работы, которые где-то относятся к мужчинам, как пахота, боронование, сеяние и даже молотьба зерна. Мужчины занимаются главным образом охотой и рыболовством, а также плотничеством, потому что «чолдоны» сами себе строят хаты и другие постройки, сами мастерят лодки, сани, кросна, хозяйственные орудия и домашнюю мебель. Любую другую работу, пусть даже самую тяжелую, мужчины стараются взвалить на плечи женщин. Когда, например, они плывут на лодке, то обычно заставляют девушек и женщин тянуть лодку веревкой («бечевой») и грести веслами, а мужчины и парни сидят себе удобно в лодке, сложа руки. В целом у «чолдонов» женщины весьма угнетены, порабощены и унижены. «Кобыла не конь, баба не человек» – гласит чолдонская поговорка. Если хозяин отдает дочь замуж, то не дает за нее никакого вена, выкупа или приданого, а наоборот, молодой («жених») должен за молодую («невесту») заплатить ее отцу немалую денежную сумму, так называемый «калым», и за эти деньги он будто покупает себе жену, которая таким образом становится его работницей и рабыней. Женщины исключены из наследования, так что не имеют никакого

---

⁵² В оригинале – «насолювану («сальонная рыба»).

права на наследство после своих родственников и свояков; если хозяин умрет, то его дочери не получают ничего из его наследства, потому что все хозяйство переходит к его сыновьям, а если хозяин не оставил ни одного сына, только одних дочерей или только одну дочь, то и тогда дочь не получит ничего из наследства, потому что все хозяйство переходит к братьям или сыновьям братьев или другим своякам-мужчинам умершего хозяина. Это относится главным образом к «ограде» с хатой и другими постройками и к посевной земле.

Посевную землю, то есть пахотные поля и сенокосы, любой хозяин присваивает, обрабатывает и использует сам для себя отдельно, индивидуально. Однако собственность посевной земли бывает двух видов: «общественная» и «частная». Частную собственность хозяина составляют только те земли (поля и сенокосы), которые каждый хозяин обрабатывает себе путем вырубки и корчевания леса. Как уже было сказано, лес («тайга») – ничейный, он никому не принадлежит, и каждый может безо всякого ограничения его рубить и корчевать; но если кто-то кусок леса вырубит, выкорчует, вычистит и обработает и таким образом своим трудом преобразует его в посевную землю, такой оторванный от «тайги» кусок посевной земли принадлежит ему как его частная собственность; такую частную землю он имеет право продать, обменять или подарить кому сам захочет безо всякого ограничения. Вся прочая посевная земля, то есть все прочие пахотные поля и сенокосы, составляют общинную («общественную») землю, которой община («общество») по возможности поровну и по справедливости наделяет всех своих членов, то есть всех хозяев (женатых мужчин), принадлежащих к общине. Любой хозяин присваивает и использует отведенные ему куски общинной земли сам для себя индивидуально, однако в вопросе способа обработки этой земли он должен подчиняться решениям «сходки», то есть общинного собрания; само собой разумеется, что эту общинную, надельную землю хозяин не имеет права ни дарить, ни продавать, только должен оставить ее в наследство своим сыновьям, а если не имеет сыновей, то своим племянникам, а если и их не имеет, то надельная земля возвращается «обществу», общине, которая наделяет ей наиболее нуждающихся членов общины или новых членов общины.

От присвоенной земли и от занимаемых домов платят их хозяева небольшой земельный и домовый государственный налог в казну и доплатнение на общинные нужды в волость; эти налоги собирает волостной старшина. Никаких других непосредственных (прямых) налогов «чолдоны» не платят, однако они обременены довольно тяжелой повинностью давать подвод⁵³, то есть перевозить летом на лодках, а зимой на санях разных государственных и волостных чиновников и слу-

---

⁵³ В оригинале – «підводи («подводи»)».

жащих, почтовых и других посланцев, а главным образом всех ссыльных⁵⁴ в их путешествии на место ссылки. За все это «чолдоны» в «Приангарском крае» освобождены от военной повинности, так что никто из них не обязан служить в армии и фактически даже во время этой великой мировой войны никто из них в армии не служил и войны не видел.

Общинный⁵⁵ совет и старшина («волостная старшина») есть только в «волости», то есть в округе, который охватывает десять с лишним, а то и больше, сел и деревень; однако в отдельных селах и деревнях нет ни общинного совета, ни общинного старшины. Правда, в каждом селе, да и в каждой деревне, есть свой «староста» (что-то наподобие войта в Галиции), «заместитель старосты» (что-то наподобие заместителя войта), «сотский» (что-то наподобие присяжного) и «десятский» (что-то наподобие общинного полицейского), но их община не выбирает, только назначает по очереди, и они не имеют никакой власти, а лишь являются «общественными служаками»⁵⁶, выполняющими постановления общины. Всеми общинными делами распоряжается сама община («общество») на общинном собрании, которое называется «общественная сходка» или вкратце «сходка». Эта общинная «сходка» собирается плюс-минус раз в неделю, иногда реже, иногда чаще – по необходимости. В «сходке» принимают участие только самостоятельные хозяева, то есть главы семейства мужского пола; все женщины безусловно отстранены от сходки; если главы семейства («хозяина») нет дома, его может заместить самый старший из женатых сыновей. На «сходке» решаются разные общинные вопросы: административные, церковные, школьные, дорожные, хозяйственные (как определение способа обработки земель, сохранение «поскотины», то есть плетней, огораживающих засеянные земли от пастбища, заведование общественным амбаром, совместная ловля «красной» рыбы, совместная охота на медведя, тушение лесных пожаров и т[ак] д[алее]), и споры (процессы) между членами общины, как гражданские, так и уголовные, если те не относятся к компетенции волостного суда или более высокой инстанции. На «сходке» нет ни президиума, ни голосования, ни вообще каких-либо общепринятых парламентских форм, а решением общины («приговор общества») считается только то, на что все члены «сходки» единогласно согласятся.

Только в больших чолдонских селах есть церковь и школа, священник («батюшка») и учитель; в таких селах среди крестьян часто встречаются письменные люди («грамотеи»), и обычаи и нравы бывают у них более культурные; в таких селах обычно бывают кредитные, торго-

---

⁵⁴ В оригинале – «засланців («сильных»)).

⁵⁵ Слова «громада», «громадський» в тексте переводятся как «община», «общинный».

⁵⁶ В оригинале – «громадськими слугами («общественные служаки»)).

вые и потребительские объединения («потребилковки»), основанные по кооперативному принципу. Однако по большей части в чолдонском селе или в деревне нет ни кооператива, ни школы, ни церкви, только разве что звонница («часовня»), построенная у кладбища. В такое село приезжает раз в год «батюшка», который живет за сто, а то и за двести верст оттуда, и тогда одним махом покропит могилки всех покойников, повенчает все еще невенчаные молодые пары и окрестит всех новорожденных, еще не крещеных, детей. В таком селе обычно нельзя встретить какого-то письменного, грамотного человека, а все крестьяне – сплошь неграмотны.

Все «чолдоны» исповедуют православную веру. С виду они очень религиозны: справляют очень многие праздники⁵⁷, даже такие, которые в европейской России не празднуют, как например, святого Иннокентия; постятся очень много и очень стойко – и при любой возможности осеняют себя крестным знамением: входят ли в хату или выходят, садятся ли за стол или встают из-за стола – всегда крестятся. Однако их религиозность очень поверхностна: лишь очень немногие «чолдоны» знают «Отче наш». При этом они очень суеверны; больше, чем своим «батюшкам», они верят всяким предсказателям и «шаманам». Они свято верят в разных водяных и лесных духов, в разные колдовства и заговоры.

Если в село придет массовое заболевание людей или скота (эпидемия или эпизоотия), то в качестве единственного и самого верного лекарства «чолдоны» применяют т[ак] н[азываемый] «деревянный огонь»⁵⁸. Поздним вечером по оба конца села кладут «костры» (груды) сухих дров и поджигают их «деревянным огнем», то есть огнем, добытым таким образом: трут две сухие дощечки одну о другую длинно и сильно, вплоть до того, пока их не охватит огонь. Одновременно дают знать в село, что, наконец, удалось добыть «деревянный огонь», и тогда во всех хатах гасят огни в печах, гасят свет ламп, свечек и лучин, даже гасят зажженные трубки и папироски. Из каждой хаты посылают за село за «деревянным огнем», и этим принесенным из костра огнем заново поджигают в печах, заново зажигают лампы и свечки и закуривают трубки и папироски. С этого момента на протяжении трех суток никому в селе нельзя добывать огонь ни спичками, ни огнивом, одним словом, нельзя использовать другого огня, кроме «деревянного». Даже если кто-то чужой в село приедет или через село будет переезжать, нельзя будет ему пользоваться другим огнем, кроме «деревянного». «Чолдоны» свято убеждены, что «деревянный огонь» безусловно помогает от любого массового заболевания; если же заболевание, несмотря на это, не прекращается, то это знак, что кто-то пренебрег «деревянным ог-

⁵⁷ В оригинале – «свята («празнікі»)).

⁵⁸ В оригинале – «деревянный огонь («деревянный огонь»)).

нем», значит, кто-то в селе, несмотря на запрет, воспользовался спичкой или огнем – и тогда надо заново добывать «деревянный огонь».

«Чолдонь» не празднуют ни святого вечера перед Рождеством, ни щедрого вечера перед Крещением (Иорданом), не поют ни колядок, ни щедровок, не ходят с колядой. Зато в масленицу⁵⁹ ходят по хатам – хата за хатой – так называемые «нарядчики», то есть парни, переодетые в девушек, и девушки, переодетые в парней, и, придя в хату, танцуют и устраивают всякие шутки и комедии, и за это хозяин или хозяйка одачивают их хлебом. В конце масленицы «чолдонь» устраивают гонки на санях: запрягают лошадей в сани, одеваются по-праздничному, садятся на сани и ездят на санях по селу и за селом и гоняются друг с другом наперегонки. Весной, когда уже березы распустятся и покроются листвою, устраивают девушки девичий праздник, который называется «семик»; со всего села собираются девушки, одетые по-праздничному, на площади, приносят с собой разную еду и закуски, заставляют ими стол и, сев вокруг стола, угощаются под открытым небом, а между собой сажают за стол на стул молодую березку, облаченную в девичью одежду; затем все девушки (и только девушки) садятся верхом на лошадей и ездят по всему селу и за селом, гоняясь друг с другом наперегонки. По воскресеньям и праздникам – как летом, так и зимою, но только в хорошую погоду – собираются парни и девушки на площади или на широкой улице и устраивают дружеские развлечения или танцы; танцуют под звуки «балалайки» или «гармошки» (гармонии). «Чолдонь» в целом очень немзыкальные и не певучие.

Поют они мало, да и то лишь короткие песенки любовного или шуточного содержания, что-то наподобие наших «коломыек»⁶⁰. Одну такую песенку я запомнил и тут ее привожу, сохраняя точно «чолдонский» говор:

По гольтявскому посаду
торная дарошка,
антересно пасматреть
з избы у акошка:

Мой миленок-виноград
йдет па улице, играт;
шапочка, тужурочка,
харошая фигурочка⁶¹.

⁵⁹ В оригинале – «мясниця («масляница»)).

⁶⁰ Коломыйки («колومیяка») – танцевальные песенки, характерные для Западной Украины (название происходит от города Коломыя современной Ивано-Франковской области).

⁶¹ В оригинале Охримович передает песенку так: «По гольтявському посаду // торная дарошка, // антересно пасматреть // з избы у акошка: // Мой мільнонок-віноград //

На характер «чолдоны» жадные и алчные, падкие на деньги и материальные выгоды. Половая моральность у них находится на очень низком уровне; верные жены и мужья у них встречаются очень редко, еще реже честные парни и уж совсем редко честные девушки.

С чужими и посторонними людьми «чолдоны» ведут себя дружелюбно и приветливо, как со своими, и никогда не высмеивают их и не передразнивают – возможно, потому, что еще с незапамятных времен (еще с XVIII в.) Приангарский край был местом ссылки обычных и политических ссыльных, и поэтому «чолдоны» уже с малых лет привыкли к чужим людям.

Литература

- Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
- Гольберг М.Я.* [Рецензия на:] В.А. Маланчук. Етнографічна діяльність В.Ю. Охримовича. К., 1972 // Советская этнография. 1973. № 6. С. 173.
- Д-р Володимир Охримович (некролог) // Діло. 8 листопаду 1931. Ч. 252. С. 1.
- Маланчук В.А.* Етнографічна діяльність В.Ю. Охримовича. К.: Наукова думка, 1972.
- Малицька К.* Твори. Чернівці: Букрек, 2011.
- Охримович В.* Зі Львова на Ангару (Спомини) // Ілюстрований календар товариства «Просвіта» на переступний рік 1920. Львів, 1919.
- Світлій пам'яті пок. д-ра В. Охримовича // Діло. 22 грудня 1931. Ч. 286. С. 3.
- Сирин А.А.* Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012.
- Трильовський К.* З мого життя. Київ; Едмонтон; Торонто: Видавництво Канадського інституту Українських Студій, 1999.
- Центральний державний історичний архів України, м. Львів (ЦДІАУЛ). Ф. 372. Оп. 1. Спр. 22. Листи Охримовича Володимира до дружини.

Перевод с украинского Д.С. Парфирьева

Статья поступила в редакцию 9 июня 2019 г.

Parfiryev Dmitriy S.

VOLODYMYR OKHRYMOVYCH AND THE ROAD TO SIBERIA

DOI: 10.17223/2312461X/27/9

Abstract. The readers are invited to familiarize themselves with the article by Volodymyr Okhrymovych, entitled ‘The Angara region and its inhabitants: The Tungus and the Chaldon people’ (1920) and offered here in Russian translation. In the article, the Ukrainian politician and researcher, who was in administrative exile in Eastern Siberia from 1915 to 1917, describes the flora and fauna around him, as well as the economy, life and traditions of the Evens (‘Tungus’) and of the descendants of the first Russian settlers (‘Chaldons’).

йдьот па улице, іграг; // шапочка, тужурочька, // харошая фігурочька». Далее Охримович поясняет: «В переводе это значит: По селу Гольтявину (ведет) торная дорожка, интересно посмотреть из хаты в окошко: мой миленький-виноград идет по улице и играет, (на нем) шапочка и тужурочка, (и у самого) хорошая фигура».

The translator's preface expands on the author's road to Siberia and the conditions of his stay there. Also provided are comments on some distinctive features of the language Okhrymovych used, as well as on the details of translation.

Keywords: peoples of Siberia, Evenks, Chaldons, memoirs

References

- Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [The Evenks. Essays on history and ethnography, the 18th century to the early 20th century]. Leningrad: Nauka, 1969.
- Gol'berg M. Y. [Review of V.A. Malanchuk. *Etnografichna diyalnist' V.Y. Ochrymovycha*] V.A. Malanchuk. *Etnografichna diyalnist' V.Y. Ochrymovycha*. Kyiv, 1972, *Sovetskaya entografiya*, 1973, no. 6, pp. 173.
- D-r Volodymyr Ochrymovych (nekroloh) [Volodymyr Okhrymovych (obituary)], *Dilo*. 8 lystopadu 1931, no. 252, pp. 1.
- Malanchuk V.A. *Etnografichna diyalnist' V.Y. Ochrymovycha* [Ethnographic work of Volodymyr Okhrymovych]. Kyiv, 1972.
- Malys'ka K. *Tvory* [Writings]. Chernivtsi, 2011.
- Ochrymovich V. *Zi L'vova na Anharu (Spomyny)* [From Lvov to Angara (memoirs)], *Il-yustrovanyj kalendar tovarystva «Prosvita» na perestupnyj rik 1920*. L'viv, 1919.
- Svitlij pamyati pok. d-ra V. Ochrymovycha [To the memory of Volodymyr Okhrymovych], *Dilo*. 22 hrudnia 1931, no. 286, pp. 3.
- Sirina A.A. *Evenki i eveny v sovremennom mire: camocoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [The Evenks and the Evens today: self-identification, natural resource use, and worldview]. Moscow, 2012.
- Tryl'ovs'kyj K. *Z mogo zhyttia* [From my life]. Kyiv – Edmonton – Toronto, 1999.
- Tsentral'nyj derzhavnyj istorychnyj arkhiv Ukrainy, m. Lviv (TsDIAUL) [The Central State Historical Archive of Ukraine, Lviv]. F. 372, Op. 1, C. 22.

УДК 93/94

DOI: 10.17223/2312461X/27/10

***IT'S VERY PERSONAL, ИЛИ I DON'T REALLY CARE:*
ПРАЖСКАЯ ВЕСНА МЕЖДУ АФФЕКТОМ
И ДИСКУРСОМ**

Дмитрий Андреевич Бочков

Аннотация. Постсоциалистические идентичности, как полагают многие исследователи, опираются на заново переживаемый, травмирующий опыт коммунистического прошлого. Тем не менее, полевые данные, собранные в Чешской Республике в марте и июле 2018 г. и январе 2019 г., демонстрируют фрагментацию травматического дискурса, связанного с Пражской весной, попытка реинтерпретации которой происходит в личном пространстве информанта. Будучи вытесненным из публичного обсуждения, травматический опыт 1968 г. переходит в сферу до-символического, «застревая» между аффектом и дискурсом (травма-промеж). Этот процесс является, говоря языком психоанализа, интроекцией – травматический опыт, в частности, связанный с семьёй, уходит в глубинные слои и сопровождается переносом в виде апатии. Моё исследование, таким образом, рассматривает реконтекстуализацию травматических нарративов в контексте кризиса культурной памяти.

Ключевые слова: Пражская весна, 1968 г., культурная травма, аффект, дискурс-анализ, память, объектные отношения

Большинство нарративов, которые артикулируются как в публичных, так и в частных дискурсах, или форм памяти, связанных с оккупацией ЧССР войсками стран Организации Варшавского договора 20–21 августа 1968 г., определяются как *травматические* (ср. Pehe 2018). Одним из контрапунктов в эволюции таких нарративов, безусловно, является 1989 г., Бархатная революция, после которой отчётливо прослеживается очевидная антикоммунистическая тональность, которая спустя 15–20 лет предположительно редуцируется (см.: Andělová 2018). Многие исследователи, например Стефан Трёбст, подчёркивают отсутствие единого дискурсивного консенсуса, связанного с коммунистическим прошлым (Трёбст 2011: 149), символическим апогеем которого можно назвать именно ввод войск ОВД в Чехословакию. Так, ответ на вопрос о том, сохраняется ли травматическое переживание, связанное с событиями 1968 г., не представляется очевидным.

Таким же образом, как личная травма конституирует невротическое самосознание (ср.: Freud 2003: 75), постсоциалистические идентичности опираются на травмирующий опыт коммунистического прошлого (ср.: Eyal 2004: 19–28; Holy 1996). Тот же принцип, давно ставший триумфом в *trauma studies* – символическое «повторение» (или комме-

морация) опыта, является фундаментом представления о культурной травме, существующей в принципиально другом пространстве. Кэти Карут, например, объясняет это повторение «чрезмерностью увиденного» (Карут 2009: 561), которое неизбежно подвергается символизации по мере того, как становится достоянием культурной памяти. Рассуждая же о «комплексной травме», Дэвон Хинтон и Байрон Гуд выделяют различные подходы для анализа одного и того же травмирующего опыта (с биологической, социальной, религиозной точки зрения) (Hinton and Good 2016: 51–52). По аналогии с этим один и тот же травмирующий процесс / событие¹ может существовать в публичном, приватном и персональном пространстве. Такая категоризация созвучна с «тремя измерениями памяти» немецкого культуролога Алейды Ассман (Ассман 2014: 31), чья логика заключается в переходе от индивидуального к коллективному.

В публичном пространстве символическое «повторение» осуществляется посредством социальных практик и культурных медиаторов, создающих общий травматический дискурс, определяемый как культурная травма (например, культурная травма Пражской весны² как события, повлиявшего на чешскую историю и национальную идентичность): «...культурная память покоится на таком носителе, как передаваемые и воспроизводящиеся культурные объективации <...>. Средой культурной памяти служит группа, которая определяет свою идентичность с помощью данных символов <...>; опорой культурной памяти являются отдельные индивидуумы, осваивающие данные символы...» (Там же: 30–31).

В контексте Пражской весны такими медиаторами можно считать, например, произведения Милана Кундеры (*Невыносимая лёгкость бытия*), Давида Черни (*Розовый танк*) или Яна Хребейка (*Уютные норки*).

В приватном же пространстве существует так называемая трансгенерационная травма (см.: Schwab 2010), отображающая опыт, связанный с семьей и передаваемый через устные нарративы (предположим, индивид болезненно вспоминает умершего во время Пражской весны родственника). В данном случае можно легко провести аналогию по принципу функционирования с так называемой социальной памятью (Ассман 2014: 30), чьим «...носителем является социальная группа, сплоченная общим, регулярно обновляемым ресурсом воспоминаний, средой оказываются отдельные индивидуумы, обменивающиеся индивидуальными вариантами общих воспоминаний, а опорой – символические медиаторы, которыми пользуются эти индивидуумы» (Там же).

В персональном пространстве существует личная травма (например, будучи ребёнком, индивид увидел труп убитого во время Пражской весны), которая обходится без медиаторов, т.е. повторение происходит на досимволическом, преддискурсивном уровне. Такая травма является

аффектом. Например, в 1952 г. немецкий психоаналитик Паула Хайманн отметила, что дети склонны к тому, чтобы воспроизводить болезненный для них опыт во время игры (Heimann 2002: 323), что является защитным механизмом от травмы (ср.: Riviere 2002: 49).

«В случае с нейронной памятью носителем является человеческий организм и его мозг, средой – социальное окружение и его рамки памяти, а опорой служат мемориальные стратегии...» (Ассман 2014: 30).

С такими мыслями я впервые посетил Чешскую Республику в марте 2018 г., ожидая столкнуться с конвенциональными проявлениями культурной травмы – социальными практиками, передающими память о событиях Пражской весны от старшего поколения к младшему. Предполагалось, что 50-летняя годовщина должна только интенсифицировать мемориальные практики, связанные с 1968 г., а значит, консолидировать условно единый травмирующий дискурс (Alexander 2012: 19), что, вероятно, должно было отразиться в нарративах информантов. Категоризация и изучение эволюции форм памяти о 1968 г. не входили в мои цели, акцент был поставлен на взаимодействии с информантом до непосредственного 50-летнего юбилея, в тот период, когда общественные процессы находятся в режиме «ожидания». Тогда моей целью было выявить механизм воздействия медиаторов на поколение, родившееся после Бархатной революции 1989 г., которое уже не имело возможности самостоятельно наблюдать реалии социалистической Чехословакии. Как известно, третье поколение не рождается с готовым представлением о травмирующем событии (Aarons, Berger 2017: 10). Я решил прибегнуть к методу спонтанных взаимодействий (spontaneous interactions) или неструктурированного интервью (unstructured interviewing) (Bernard 2006: 213–214) с информантами вследствие самой специфики работы с травмой и широты поля, а затем уже проследивать конструирование и ре-интерпретацию травмы на материале устных нарративов (все цитаты даны курсивом, перевод – мой).

Во время сбора полевых данных в основном использовался английский язык в качестве третьего (между чешским и русским), нейтрального для создания комфортного пространства и общего контекста, в котором можно обсуждать травматический опыт – так как неродной для информанта язык не связан с травмой. С одной стороны, это приводит к определенной потере смыслов в нарративах, а с другой – к более осознанным и обдуманным ответам, поскольку информант формулирует мысль дважды. Необходимо отметить, что все информанты прекрасно изъяснялись на английском языке, многие же используют его как рабочий в повседневной жизни. Помимо этого, сама форма неструктурированных интервью, не предполагающая строгого следования перечню вопросов, соответствует принципу интересубъективности, а также стирает грань между исследователем и информантом (Bernard 2006: 213).

Во главе угла – опыт «проживания» (Там же). Именно такой метод позволяет выявить «персонализированное» значение в нарративе (Rampton 2007), в том числе в контексте взаимодействия нарративов (Duranti 2015: 180–181). Поскольку многие паттерны и узловые точки (nodal points) дискурсов (Laclau, Mouffe 2001: 113) повторяются, я не буду их дублировать для подтверждения того или иного тезиса.

Полевые данные, использованные в статье, были собраны в марте, июле 2018 г. и в январе 2019 г. В марте во время полевой работы был проделан маршрут Прага – Млада-Болеслав (центр Чехии) – Дечин – Ческа-Липа – Либерец (север Чехии) – Карловы Вары (запад Чехии) – Прага. В июле полевая работа велась по маршруту Острава – Брно (восток Чехии). В январе полевая работа велась в Праге. Форма неструктурного интервью не предполагает предварительного знакомства с информантом, поэтому спонтанные взаимодействия и включённое наблюдение проходили в местах скопления людей – в барах, на площадях, в центрах городов, а также в транспорте (такси, поезд) и в инфраструктурных точках (платформы, станции, автобусные остановки).

Александр Эткинд определяет миметическое горе (т.е. результат культурной памяти о травме) как неотъемлемый компонент идентичности группы (Эткинд 2018: 10–12). В связи с этим я рассчитывал проследить влияние Пражской весны как культурной травмы на чешское поколение пост-1989 г. Однако предварительные полевые данные отражают то, что можно назвать кризисом социально-культурных медиаторов относительно 1968 г. Единственный пример упомянутого культурного артефакта:

О, тебе нужно посмотреть «Уютные Норки» (чешский фильм 1999 г. на тему «Пражской Весны». – Д.Б.)³.

Зато многие информанты часто упоминали такие важнейшие в контексте травмы социальные практики, как историческое образование (Felman 1992: 54) или официальную коммеморацию 21 августа⁴. Тем не менее уроки истории в школе, судя по всему, не выполняют свою функцию медиатора, так как период после Второй мировой войны, по словам информантов, не входит в школьную программу.

Я опять в баре Кракога, изящно скрытом от посторонних глаз. Информанту № 9 (Т.) 27 лет, и он работает младшим научным сотрудником в Пражском экономическом университете и там же преподаёт. Он явно заинтересован во мне, подходит, отходит, возвращается, приводя за собой новых и новых информантов.

[Изучаете ли вы Пражскую весну в школе?] Не особо. У нас странная схема: по школьной программе мы начинаем с каменного века и всяких древних времён, а потом заканчиваем Второй мировой войной, так как у нас нет времени двигаться дальше. Вот так вот⁵.

После ряда уточняющих вопросов Т. заключает:

В принципе, это зависит от желания учителя, выделять на это время или нет. Однако, кажется, что большинство из них сами не знают, как об этом говорить⁶.

Об этом говорят практически все информанты, если речь заходит о школьном образовании. Это даёт основания предположить, что историческое школьное образование не выполняет свои коммеморативные функции и персонализируется.

В Кракога всегда много студентов, среди которых мне в глаза бросается S., потому что на нём футболка с изображением надгробия, на которой написано «1948–1989», – очевидная отсылка на «эру коммунизма». Ему 25 лет, учится в Карловом университете. Что важно, информант представляется сыном бывшего политзаключённого, пострадавшего после 1968 г., видимо, поэтому он *готов* разговаривать о Пражской весне и делает аналогичный вывод (напоминающий перформативный сдвиг (Юрчак 2014: 76): форма коммеморации остаётся, смысл уже другой – нерабочий день), с которым соглашается группа его знакомых, сопровождавших его:

[2018 год – это год двух годовщин: создания Республики (см.: Kundera 1984; Kann, Zdeněk 1984) и Пражской весны. Какая годовщина важнее и почему?] Предполагается, что первая важнее, потому что она радостная и светлая. Всегда проще говорить о хороших событиях. Несмотря на то, что у нас есть национальный праздник в Августе, связанный с Пражской весной, люди обычно воспринимают его не как день памяти, а как выходной⁷.

Показательным является то, что в январе 2019 г. на Вацлавской площади, важном пражском lieu de mémoire, прочно связанным с самосожжением Яна Палаха в 1969 г. – главного чешского культурного символа⁸ эпохи подавления Пражской весны, находилось несколько памятных плакатов с надписью «1918–2018. 100 лет Республике⁹» и чешским национальным гимном. Данный кейс свидетельствует о чётком сдвиге в чешской культурной политике и культурной памяти 1968 г.

Судя по всему, это и приводит к тому, что многие представители молодого поколения упускают возможность ознакомиться с базовыми фактами о 1968 г., что может свидетельствовать об определённом кризисе культурной памяти. Например, информант из Либереца по имени Н. (примечательно, что разговор произошёл недалеко от либерецкой ратуши с мемориальной табличкой с именами погибших во время операции «Дунай») признаётся:

Я мало об этом слышал. Знаю, что было много русских танков. Они оккупировали Чехословакию. Тогда это была одна страна. Всё¹⁰.

Н. явно обескуражен, хотя стоит в компании знакомых. Он сам начинает расспрашивать меня о 1968 г., окружающие нас молодые люди с интересом меня слушают и периодически делают незначительные дополнения.

Вообще, многие информанты отказывались рассуждать о Пражской весне не из-за нежелания, а по причине незнания, демонстрирующего фрагментарное представление как о прошлом, так и о национальной идентичности. Реакцию тех, кто соглашался на взаимодействие и показывал свою заинтересованность, можно разделить на два частных травматических дискурса, которые семантически и эмоционально вбирают в себя большинство нарративов: «*Это очень личное*»¹¹ и «*Мне в общем-то всё равно*»¹². И первый и второй вариант демонстрирует достаточно личное отношение к травме Пражской весны, часто пропущенное через семейный опыт посредством интроекции (Klein 2002: 298) или проекции. В первом случае, информант(ы) впускает семейный травмирующий опыт в себя, во втором – исключает из себя плохой объект (Там же: 299). По всей видимости, и первая, и вторая реакция обусловлены определённым паттерном вины, который хорошо прослеживается в нарративах, связанных именно с семьёй.

Опять Кркога, меня туда уже зовут прийти вечером и поговорить, и я не могу упустить такую возможность. У информанта № 6 (V.) грустные и серьёзные глаза, он молодо выглядит, он 19-летний студент. V. сам подходит ко мне с предложением рассказать что-нибудь о 1968 г. и делится такими переживаниями:

*Мои мама и бабушка не разговаривали 10 лет; мои родители до сих пор обвиняют их в случившемся. Тем временем бабушка всё ещё верит в коммунистические идеалы и не чувствует себя виноватой*¹³.

Через некоторое время V. делает следующий вывод:

*Сегодня очень трудно найти нейтральный способ [поговорить]. И я считаю, что чувство вина – то, что мешает разговору*¹⁴.

Один из информантов из Остравы даже обвиняет своего деда во лжи (впрочем, не конкретизируя)¹⁵. Многие информанты завершали взаимодействие после вопросов о Пражской весне, поскольку они вызывали у них неудобство. Жаркий день, окраина Брно. Информант № 12 (D.) пьёт со мной кофе; ему 52 года, но он замечательно говорит по-английски, мы живо обсуждаем современную чешскую политику и конец эпохи нормализации. Однако он отказывается говорить о 1968 г., потому что его отец работал в КГБ¹⁶. Ему стыдно.

Любопытные сведения даёт информант № 2 (D.), очевидец событий августа 1968 г., в то время он жил в Либереце:

*Это был ужасный шок для наших родителей, для всех нас. Пражская весна – не то, чем я хочу делиться со своими детьми*¹⁷.

На момент оккупации D. было 16 лет, после августа 1968 г. его семья эмигрировала в ФРГ, где он и выучил английский. Вернулся он обратно в Чехословакию уже после Бархатной революции.

Зато информант № 9, показывая своё безразличие, прибегает к контексту национальной идентичности, которую раздражает и провоцирует травма:

*Честно говоря, я космополит, так что всё это меня не касается*¹⁸.

Неосведомлённость и нежелание говорить, судя по всему, происходят из-за того, что заново «переживаемый» травмирующий опыт (в том числе и во время спонтанного взаимодействия) не формирует условно единый (публичный) дискурс, на котором базируется культурная травма и культурная память. Исследователь Вероника Пехе, в частности, полагает, что идеалистический общественный посыл августа 1968 г. – важный чешский культурный символ – не коррелирует с сегодняшним прагматическим дискурсом (Pehе 2018). Фрагментацию травматического дискурса можно наблюдать в устных нарративах информантов, если предположить за дискурсивные узловые точки четыре аспекта культурной травмы, выявленных социологом Джефффри Александером (Alexander 2012: 17–19).

1. Характер боли (the nature of the pain) проявляется, например, в политическом дискурсе (*Нельзя быть нейтральным, если в правительстве сидят коммунисты. Вы должно быть слышали, что на предыдущих выборах они получили 7 или 10%*¹⁹, – энергично говорит К., 23-летняя студентка из города Бржецлав), который является проекцией травматического опыта 1968 г. Более яркий пример подобной проекции – «компарация» 1968 г. и Крымского кризиса 2014 г., Чехословакия и Украина в качестве жертв (*Я уверен, что мы должны её помнить [Пражскую весну], потому что подобная [ситуация] может повториться. Взгляните, например, на Украину*²⁰). J., молодой таксист звучит очень уверенно и, судя по всему, цитирует чешское СМИ; после 2014 г. параллель между чехословацким и украинским опытом – очень распространённый паттерн, в том числе и в чешском публичном дискурсе (Andělová 2018). Также можно выделить исторический дискурс (*Всё же очевидно, это была оккупация и всё*²¹, – спокойно и холодно произносит информант № 8, 20-летний студент, смотрит мне прямо в глаза, не отводя взгляда и не моргая) и взаимодействие внутри семейного пространства (*Для меня Пражская весна – это личный опыт. Из-за этого у нас в семье был конфликт поколений*²²).

2. Природа жертвы (the nature of the victim) может быть самой разной. Информант № 11 утверждает, что вся нация является жертвой (*Я имею в виду, что это действительно поменяло нашу национальную историю*²³). Информант № 10, совсем молодой парень, однако прояв-

ляющий интерес к истории Чехии, подчёркивает не-персональный характер травмы и проявляет определенную апатию (*Разумеется, по идее, 1968 г. должен быть национальной травмой, но признаться честно, лично меня это не касается*²⁴).

3. Отношение между жертвой травмы и остальной частью общества (the relationship between the trauma victim and the wider audience) имеет ярко выраженный генерационный подтекст. Например, информант № 1 выделяет именно молодое поколение как не-травмированную часть чешского общества (*Думаю, что это не такая уж и травма, как Вы хотите её видеть, потому что кажется, что молодое поколение ничего об этом не знает*²⁵). Опять появляется паттерн неосведомлённости и незаинтересованности поколения пост-1989 г. в коммунистическом прошлом, который представляется усвоенным и осознанным. Информант № 7, 20-летний студент, который также представился как внук бывшего политического заключённого, утверждает:

[*Вижу, что тебе не сложно говорить о Пражской весне. Это вообще проблема или нет?*] *Разумеется, об этом очень трудно говорить, даже для меня. Не говоря уже о моих сверстниках. Главная проблема – невежество*²⁶.

После ряда уточняющих вопросов он делает неутешительный обобщающий вывод:

*Чехи вообще ленивы в плане менталитета как в политике, так и в истории. Наверное, это из-за нашего прошлого. Я имею в виду, то, что мы были под австро-венграми, потом под Советами, оставило свой след*²⁷.

Неспособность рассуждать о прошлом – характерная черта не только устных нарративов многих информантов, но и публичного дискурса; Франсуаза Майер ещё в 2004 г. отмечала в разговорах о коммунистическом прошлом чехи довольствуются намёками и молчанием (Mauger 2004: 10, 12).

4. Возложение моральной ответственности (the attribution of moral responsibility) – важный компонент культурной травмы, основанной на амбивалентной паре жертва–преступник (Ассман 2014: 74). В этом случае можно выделить три дискурса: вина СССР как агрессора (*Я считаю, что это вина советской международной политики*²⁸) – типичный паттерн «чешское» – жертва / «советское» – агрессор, важный для конструирования национальной идентичности (ср.: Holey 1996). Потом вина чешского правительства как провокатора (*Это может быть ошибка Дубчека, который не договорился с Брежневым и начал реформацию слишком рано*²⁹), – утверждает Д., свидетель 21 августа из города Либерец) и вина чешского народа, сделавших «неправильный» выбор в 1946–1948 гг. (*Чехи искренне проголосовали за коммунистическую*

партию³⁰, – с едва скрываемым сожалением резюмирует Ап., 37-летняя женщина из Карловых Вар).

Очевидно, что в основе нарративов лежат отголоски публичных дискурсов, которые, впрочем, неспособны объяснять и реинтерпретировать коммунистическое прошлое. Любопытно провести параллель с важной частью публичного дискурса о «Пражской весне», представленной музеем коммунизма в Праге, сам факт существования которого демонстрирует отсутствие дискурсивного консенсуса: значимый мемориальный и коммеморативный институт не является государственной инициативой и финансируется американским предпринимателем (Трѣбст 2011: 149). Многие тезисы, заявленные на стендах постоянной выставки музея, перекликаются с нарративами информантов, например, вина чешского народа: «Наивность и некомпетентность чешской буржуазии означало победу для коммунистов в Чехословакии»³¹.

Этот публичный дискурс, описывающий коммунистический период истории Чехии такими семантическими точками, как, например, «диктатура»³², «было продиктовано»³³, «ужасный»³⁴ или «неэффективный»³⁵ и внешне представляющий собой законченную и бескомпромиссную смысловую систему, содержит в себе имплицитное противоречие.

На многих стендах встречается слово, которое является важнейшей дискурсивной узловой точкой – «парадокс» / «парадоксально»³⁶ – показывающей неспособность реинтерпретировать коммунистическое прошлое. Подобная структура (два смысловых противоречия по логике дискурса в одном предложении, которые никак не объясняются) встречается довольно часто, например: «Таким образом, эти два предложения возвестили о коммунистической диктатуре, которая продлится 40 лет, без единого выстрела, но, парадоксальным образом, при большой народной поддержке»³⁷.

Юмор, часто появляющийся как дискурсивная черта, прекрасно отображает травму (см.: Garrick 2006), а точнее, реакцию на травмирующий опыт. Параллельно с этим, по логике дискурса, он работает как семантический нивелир коммунистических символов:

Люди не были в восторге от памятника [речь идёт о памятнике Сталину в Праге, демонтирован в 1962 г.] и в шутку называли его 'очередью за мясом'³⁸.

Впрочем, юмористическое высказывание, приписанное У. Черчиллю, вызывает сомнения в достоверности:

Если вы поставите коммунистов управлять пустыней Сахарой, то через пять лет там будет нехватка песка³⁹.

Это (не)вольное искажение ради эмоционального усиления может быть интерпретировано как стратегия вытеснения или отрицания, дви-

жимая паттерном вины, который приобретает в нарративах весьма персонализированный характер.

Возвращаясь к тезису о трёх пространствах травмы (публичное, приватное, персональное), нужно сказать, что Пражская весна, изначально заявленная как культурная травма, не принадлежит ни к одному из этих измерений, а точнее, не артикулируется ни в одном из них в полной мере. С похожей проблемой, но в контексте памяти сталкивается антрополог Нилима Джичандран во время полевой работы в Кочине, Республика Индия: такой тип воспоминаний нельзя полностью отнести к культурной, политической, социальной или любой другой памяти (Jeuchandran 2016: 116). Попытка реинтерпретации, наблюдаемая в нарративах, чаще всего персонифицируется, культурная травма пытается превратиться в персональную (т.е. модель Алейды Ассман переворачивается), движется в сторону экстра-дискурсивного (т.е. на грани дискурса) вследствие нехватки социально-культурных медиаторов и отсутствия условно единого дискурса. 1968 г. в представлениях молодого поколения находится между аффектом (личная травма) и дискурсом (культурная травма). Вопрос о том, забывается или игнорируется Пражская весна, представляется разумным, но некорректным: небольшие локальные социальные практики внутри семейного круга имеют место, но, тем не менее, этого недостаточно для конструирования культурной травмы. Семья становится чуть ли не единственным источником передачи памяти (медиатором), для многих информантов – первым⁴⁰, но и самостоятельным источником травмы. Такой тип травмы находится в лиминальной позиции, всегда где-то между и обладает собственной особой динамикой. В этом контексте показательно то, что президент Чешской республики Милош Земан проигнорировал мемориальные и коммеморативные практики в августе 2018 г. (см.: Andělová 2018). Я предлагаю обозначить этот тип как травма-промеж (trauma in-between) – это травма, «зажатая» между аффектом и дискурсом, обладающая своеобразной динамикой, которая проявляется при кризисе культурной памяти.

Примечания

¹ Автор поддерживает позицию С. Ушакина в диалектическом восприятии травмы как события и как процесса (см.: Ушакин 2009: 7).

² Здесь и далее под культурной травмой Пражской весны подразумевается именно оккупация ЧССР 20–21 августа 1968 г.

³ № 5, *Oh, you should watch Pelišky!*

⁴ 21 августа 1968 г. начался ввод войск в Чехословакию. Сейчас это день памяти.

⁵ № 9, [*Did you study the Prague Spring at school?*] *Not really. We've got a strange system: in our classes of history we start with the stone age and those ancient times, and then we finish with the Second World War, because we don't have time to move farther. That's it.*

⁶ № 9, *Actually, it depends on teacher's will, to make time for it or not to. But the majority of them doesn't seem to know how to speak about it.*

⁷ № 11, [2018 is a year of two anniversaries, of the creation of Republic (см.: Kundera 1984; Kann and Zdeněk 1984) and of the Prague Spring. Which one is more important and why?] *The first one is supposed to be the most important, and that's because it's happy and bright. It is always easier to speak about the good events. Despite that we have the national holiday in August because of the Prague Spring, but usually people consider it just as non-working day, not as a day of memory.*

⁸ Между прочим, до сих пор актуальный: 21 августа 2018 г. состоялась премьера фильма-байопика *Jan Palach*, реж. Robert Sedláček. Байопик получил главную премию чешских кинокритиков (2018 г.), любопытно, что аналогичную премию в 2013 г. получил мини-сериал *Hořící keř*, который также является экранизацией биографии Яна Палаха. Никто из информантов не упомянул эти культурные медиаторы ни в марте, ни в июле 2018 г., ни в январе 2019 г.

⁹ “1918–2018. 100 let republiky”.

¹⁰ № 3, *I heard little about it. I know that there were a lot of Russian tanks. They occupied Czechoslovakia. Then it was one country. That's it.*

¹¹ № 6, *It's very personal.*

¹² № 10, *I don't really care.*

¹³ № 6, *My mother and grandmother didn't talk for 10 years; my parents still blame them for the happened. Meanwhile grandma still believes in the communistic ideals and she doesn't feel guilty.*

¹⁴ № 6, *Nowadays it is very difficult to find a neutral way. And I think that the main feeling that prevent a conversation is guiltiness.*

¹⁵ № 5.

¹⁶ № 12.

¹⁷ № 2, *It was a terrible shock for our parents, for all of us. The 'Prague Spring' is not that kind of experience, with which I'd like to share with my children.*

¹⁸ № 9, *to be honest, I'm a cosmopolitan, all that stuff has anything to do with me.*

¹⁹ № 5, *You can't be neutral if you have communists in your government. You might have heard that they got 7 or 10% in the previous elections.*

²⁰ № 1, *I'm convinced that we should remember it ['Prague Spring'] because such kind of [situations] can happen again. Look at Ukraine, for example.*

²¹ № 8, *It's obvious, it was an occupation and that's all.*

²² № 6, *The Prague Spring is a personal experience for me. There was a collision between the generation in our family by reason of the Prague Spring.*

²³ № 11, *I mean, it really changed our national history.*

²⁴ № 10, *For sure, 1968 must be a national trauma, but, to be honest, it doesn't concern me personally.*

²⁵ № 1, *I believe that it's not such a trauma as you want it to be, because the young generation seems to know nothing about it.*

²⁶ № 7, [I see that it's not hard for you to talk about the Prague Spring. Is it a problem actually or not?] *For sure, it's very hard to talk about it, even for me. Not to mention all my peers. The main problem is ignorance.*

²⁷ № 7, *The Czechs are basically mentally lazy, in politics and in history. It might be because of our past, I mean, being under Austro-Hungarians, under Soviets has left a mark.*

²⁸ № 1, *On my opinion, this is the fault of the Soviet international politics.*

²⁹ № 2, *It might be the mistake of Dubček who didn't reach an agreement with Brezhnev and started the reformation too early.*

³⁰ № 4, *The Czechs sincerely voted for the communist party.*

³¹ The naivety and incompetence of the Czech bourgeoisie meant victory for the Communists in Czechoslovakia.

³² dictatorship.

³³ was dictated to.

³⁴ horrible.

³⁵ inefficient.

³⁶ paradox / paradoxically.

³⁷ Thus, with these two sentences a Communist dictatorship that would last for 40 years was ushered in without a single shot being fired, but, paradoxically, with great support from the public.

³⁸ People were not overly fond of the monument and they jokingly referred to it as 'the line for the meat'.

³⁹ If you put the Communists in the charge of the Sahara Desert, there will be a shortage of sand in five years.

⁴⁰ Например, для № 1.

Список информантов

№ информанта	Псевдоним	Пол	Возраст	Образование	Род деятельности	Место происхождения	Тип взаимодействия	Место взаимодействия	Разрешение использовать материалы для исследований следователей целей
1	J.	М.	29	Неизвестно	Таксист	Прага	Спонтанный	Такси	Да
2	D.	М.	66	Неизвестно	Неизвестно	Либерец	Спонтанный	Бар	Да
3	H.	М.	18	Технический университет Либереца	Студент	Родился в Zákuru, живёт в Либереце	Спонтанный	Бар	Да
4	An.	Ж.	37	Карлов университет	Неизвестно	Карловы Вары	Спонтанный	Станция	Да
5	K.	Ж.	23	Экономический университет Праги	Студент	Родился в Vřeslav, живёт в Праге	Спонтанный	Бар	Да
6	V.	М.	19	Экономический университет Праги	Студент	Прага	Спонтанный	Бар	Да
7	T.	М.	20	Экономический университет Праги	Студент	Прага	Спонтанный	Бар	Да
8	J.	М.	20	Экономический университет Праги	Студент	Прага	Спонтанный	Бар	Да
9	V.	М.	27	Экономический университет Праги	Учитель	Родился в Брно, живёт в Праге	Спонтанный	Бар	Да
10	J.	М.	16	Школа	Нет	Прага	Спонтанный	Бар	Да
11	S.	М.	25	Карлов университет	Студент	Прага	Спонтанный	Бар	Да
12	D.	М.	52	Неизвестно	Неизвестно	Брно	Спонтанный	Кафе	Да

Литература

- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и политика. Перевод Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Карут К. Травма, время, история. Перевод Елены Трубиной // Травма: пункты / ред. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Трёбст С. 'Какой такой ковёр?' Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. ст. М.: Новое издательство, 2011. С. 142–180.
- Ушакин С. «Нам этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты / ред. Сергей Ушакин, Елена Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Aarons V., Berger A. Third-Generation Holocaust Representation: Trauma, History and Memory. Evanston: Northwestern University Press, 2017.
- Alexander J. Trauma: A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012.
- Andělová K. The Sound of Silence: How Czechs Commemorated the 50th Anniversary of the Prague Spring. 2018. URL: <http://www.cultures-of-history.uni-jena.de/debates/czech/the-sound-of-silence-how-czechs-commemorated-the-50th-anniversary-of-the-prague-spring> (дата обращения: 04.04.2019).
- Bernard R. Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches. Lanham: AltaMira Press, 2006.
- Duranti A. The Anthropology of Intentions. Language in a World of Others. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Eyal G. Identity and trauma: Two forms of the will to memory // History & Memory. 2004. № 16 (1). P. 5–36. DOI:10.2979/HIS.2004.16.1.5
- Felman Sh., Laub D. Testimony: Crisis of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. New York: Routledge, 1992.
- Freud S. Beyond the Pleasure Principle. New York: Penguin Books, 2003.
- Garrick J. The Humor of Trauma Survivors: Its Application in a Therapeutic Milieu // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2006. Vol. 12, is. (1–2). P. 169–182. DOI: 10.1300/J146v12n01_09
- Heimann P. Notes on the Theory of the Life and Death Instincts // Developments in Psychoanalysis / ed. by Joan Riviere. London: Karnac Books, 2002.
- Hinton D., Good B. The Culturally Sensitive Assessment of Trauma: Eleven Analytic Perspectives, a Typology of Errors, and the Multiplex Models of Distress Generation in Culture and PTSD: Trauma in global and historical perspective / ed. by D. Hinton, B. Good. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016.
- Holy L. The Little Czech and the Great Czech Nation: National Identity and the Post-Communist Transformation of Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Jeychandran N. Marginalized Narratives: Memory Work at African Shrines in Kochi, India // Excavating Memory: Sites of Remembering and Forgetting / ed. by Maria Teresia Starzmann, John R. Roby. Gainesville: University Press of Florida, 2016.
- Kann R., Zdeněk D. The People of the Eastern Habsburg Land, 1526–1918. Seattle; London: University of Washington Press, 1984.
- Klein M. Notes on Some Schizoid Mechanisms // Developments in Psychoanalysis / ed. by Joan Riviere. London: Karnac Books, 2002.
- Kundera M. The Tragedy of Central Europe // The New York Review of Books. 1984. № 31 (7).
- Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001.

- Mayer F. Les Tchèques et leur communism: Mémoire et identités politiques. Paris: EHESS, 2004.
- Pehe V. Remembering 1968 in Czech Republic: Living Trauma and Forgotten Ideals. 2018. URL: <https://zeitgeschichte-online.de/beitraege-thema/remembering-1968-czech-republic> (дата обращения: 05.04.2019).
- Rampton B. Linguistic ethnography, interactional sociolinguistics and the study of identities. 2007. URL: <https://www.kcl.ac.uk/ecs/research/research-centres/ldc/publications/workingpapers/the-papers/43.pdf> (дата обращения: 09.04.2019).
- Riviere J. On the Genesis of Psychological Conflict in Earliest Infancy // Developments in Psychoanalysis / ed. by Joan Riviere. London: Karnac Books, 2002.
- Schwab G. Haunting Legacies: Violent Histories and Transgenerational Trauma. New York: Columbia University Press, 2010.

Статья поступила в редакцию 30 мая 2019 г.

Bochkov Dmitriy A.

IT'S VERY PERSONAL, OR I DON'T REALLY CARE: THE PRAGUE SPRING BETWEEN AFFECT AND DISCOURSE

DOI: 10.17223/2312461X/27/10

Abstract. According to many researchers, post-socialist identities rest on the experience of the communist past that is relived and continues to traumatise. Yet, field materials, collected in the Czech Republic in March and July of 2018 and in January of 2019, reveal the fragmented state of the discourse of trauma associated with the Prague Spring – an event now being reinterpreted in the informant's personal space. Pushed outside public debate, the traumatic experience of 1968 is moving to the sphere of pre-symbolic, getting 'stuck' between affect and discourse (trauma-in-between). In psychoanalytic terms, this process constitutes introjection, whereby traumatic experience, particularly the one associated with one's family, is buried deeply in one's mind and is accompanied by transfer in the form of apathy. Drawing on this analogy, the study presented in the article analyses how traumatic narratives are recontextualised in the situation of the crisis of cultural memory.

Keywords: Prague Spring, 1968, cultural trauma, affect, discourse analysis, memory, object relations.

References

- Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo: memorial'naia kul'tura i politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Karut K. *Travma, vremia, istoriia*. Pervod Eleny Trubinoi [Trauma, time, history. Translated by Elena Trubina]. In: *Travma: punkty* [Trauma: points]. Ed. by Serguei Oushakine and Elena Trubina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
- Troebst S. 'Kakoi takoi kover?' Kul'tura pamiati v postkommunisticheskikh obshchestvakh Vostochnoi Evropy: popytka obshchego opisaniia i kategorizatsii ['What carpet?' The culture of memory in East European post-communist societies: an attempt at general description and categorisation]. In: *Imperii i natsiia v zerkale istoricheskoi pamiati: Sbornik statei* [Empire and nation as reflected in historical memory: a collection of articles]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011, pp. 142-180.
- Oushakine S. «Nam etoi bol'iu dyshat'?» O travme, pamiati i soobshchestvakh ['Is this pain here to stay?' On trauma, memory, and associations]. In: *Travma: punkty* [Trauma: points]. Ed. by Serguei Oushakine and Elena Trubina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.

- Etkind A. *Krivoje gore: pamiat' o nepogrebennykh* [Warped mourning. Stories of the undead in the land of unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.
- Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'* [Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Aarons, V. and Berger, A. *Third-Generation Holocaust Representation: Trauma, History and Memory*. Evanston: Northwestern University Press, 2017.
- Alexander, J. *Trauma: A Social Theory*. Cambridge: Polity Press, 2012.
- Andělová, K. *The Sound of Silence: How Czechs Commemorated the 50th Anniversary of the Prague Spring*. 2018. Available at: <http://www.cultures-of-history.uni-jena.de/debates/czech/the-sound-of-silence-how-czechs-commemorated-the-50th-anniversary-of-the-prague-spring> (Accessed 4 April 2019).
- Bernard, R. *Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches*. Lanham: AltaMira Press, 2006.
- Duranti, A. *The Anthropology of Intentions. Language in a World of Others*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Eyal, G. Identity and trauma: Two forms of the will to memory, *History & Memory*, 2004, no. 16 (1), pp. 5-36. DOI:10.2979/HIS.2004.16.1.5
- Felman, Sh. and Laub, D. *Testimony: Crisis of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*. New York: Routledge, 1992.
- Freud, S. *Beyond the Pleasure Principle*. New York: Penguin Books, 2003.
- Garrick, J. The Humor of Trauma Survivors: Its Application in a Therapeutic Milieu, *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 2006, Vol. 12, Is. (1-2), pp. 169-182. DOI: 10.1300/J146v12n01_09
- Heimann, P. Notes on the Theory of the Life and Death Instincts. In: *Developments in Psychoanalysis*. Edited by Joan Riviere. London: Karnac Books, 2002.
- Hinton, Devon and Good, Byron. 2016. *The Culturally Sensitive Assessment of Trauma: Eleven Analytic Perspectives, a Typology of Errors, and the Multiplex Models of Distress Generation in Culture and PTSD: Trauma in global and historical perspective*, edited by Devon Hinton and Byron Good. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Holy, L. *The Little Czech and the Great Czech Nation: National Identity and the Post-Communist Transformation of Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Jeychandran, N. Marginalized Narratives: Memory Work at African Shrines in Kochi, India. In: *Excavating Memory: Sites of Remembering and Forgetting*. Edited by Maria Teresia Starzmann and John R. Roby. Gainesville: University Press of Florida, 2016.
- Kann, R. and Zdeněk, D. *The People of the Eastern Habsburg Land, 1526–1918*. Seattle; London: University of Washington Press, 1984.
- Klein, M. Notes on Some Schizoid Mechanisms. In: *Developments in Psychoanalysis*. Edited by Joan Riviere. London: Karnac Books, 2002.
- Kundera, M. The Tragedy of Central Europe, *The New York Review of Books*, 1984, no. 31 (7).
- Laclau, E. and Mouffe, C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso, 2001.
- Mayer, F. *Les Tchèques et leur communism: Mémoire et identités politiques*. Paris: EHESS, 2004.
- Pehe, V. *Remembering 1968 in Czech Republic: Living Trauma and Forgotten Ideals*. 2018. Available at: <https://zeitgeschichte-online.de/beitraege-thema/remembering-1968-czech-republic> (Accessed 5 April 2019).
- Rampton, B. *Linguistic ethnography, interactional sociolinguistics and the study of identities*. 2007. Available at: <https://www.kcl.ac.uk/ecs/research/research-centres/ldc/publications/workingpapers/the-papers/43.pdf> (Accessed 9 April 2019).
- Riviere, J. On the Genesis of Psychical Conflict in Earliest Infancy. In: *Developments in Psychoanalysis*. Edited by Joan Riviere. London: Karnac Books, 2002.
- Schwab, G. *Haunting Legacies: Violent Histories and Transgenerational Trauma*. New York: Columbia University Press, 2010.

УДК 32 (420): 811. 111
DOI: 10.17223/2312461X/27/11

ДИАЛЕКТЫ КАК МАРКЕР ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРНОЙ АНГЛИИ

Дина Николаевна Караваева

Аннотация. Статья посвящена исследованию дискурса идентичности жителей Северной Англии (североанглийскость – *Northerness*) и отвечает на вопрос, где проходят географические и культурные границы региона, как исторически воспринимался регион англичанами и каковы сегодня его идентичности. Фокусом разговора о североанглийскости выступают язык и североанглийские диалекты, языковая политика центрального радио- и телевидения, а также литературы на диалектах. Язык здесь выступает маркером идентичности и коммуникативным пространством. Работа основана на источниках историографического, музейного характера, а также авторских полевых материалах 2010–2020 гг.

Ключевые слова: Северная Англия, Великобритания, региональная / локальная идентичность, дискурс идентичности, постиндустриализм, класс, диалект, литература на диалектах, Би-би-си

Когда мы говорим об идентичности какой-либо группы, которую мы привыкли считать «этнокультурной», в частности англичан Северной Англии, мы не имеем в виду идентичность как таковую, потому что, безусловно о некоей единой концепции самовидения северян или видения региона говорить не приходится – не существует административной единицы «Север», не существует единого северного диалекта, единого культурного, экономического и прочих пространств, этнически гомогенного «северянина» (исторически культурную основу региона североанглийскости, помимо белых англичан, составляют ирландцы, а также выходцы из бывших карибских и азиатских колоний, живущие здесь и считающие себя йоркширцами, ланкаширцами и т.д. уже не одно поколение), но существует понятие «Север» как идея, политическая стратегия, языковое и классовое пространство, дискурс, ощущение и мечта. Североанглийскость сегодня – это взаимодействие множества социальных, политических, религиозных, расовых, языковых, этнических идентичностей, это идентичность культурная, и складывается она из привычного ландшафтного и архитектурного окружения, работы, диалекта.

Вслед за многими ведущими в области исследований идентичности, этничности и национализма учеными мы признаем изменчивый, ситуативный и множественный характер идентичности, зависимый от ее акторов, факторов, контекстов, продуцируемых и репродуцируемых дискурсов ценностей, образов и норм (Smith 1991; Woodward 2003;

Anderson 2006; Soysal 2015; Филлипова 2010, 2018; Репина 2012; Губогло 2017; Дробижева 2018 и др.).

Региональная идентичность применительно к нашему исследованию понимается как одна из форм коллективной идентичности, репрезентирующей некую территорию, пространство, локальность – мифические или реальные. Факторами и аспектами ее существования являются: этнокультурное, историческое, языковое, природно-ландшафтное своеобразие региона; функция психологической защиты и социальной мобилизации населения региона; политизированность и ситуативность образов региона (Issues of Regional... 1998). В данной статье используются понятия «локальная идентичность» для городков и деревень Севера, «региональная идентичность» относительно североанглийскости в рамках английскости и «субрегиональная» – в качестве обозначения идентичности жителей районов и графств Севера.

Понятие региональной / локальной идентичности (*regional / local / place identity*) как коллективной культурной идентичности стало частью гуманитарных исследований в контексте конкретного и «мифического» пространства благодаря разработкам А. Лефевра, Э. Пааси, И. Туана, Д. Мэсси, Д.Н. Замятина, Е.В. Дзякович и др. Для современных авторов характерно обращение к структурам, образам территорий, компонентам (например, когнитивный, ценностной, эмоциональный и регулятивный компоненты идентичности у Е.В. Головневой (2013: 49)). Основной задачей этой статьи, наряду с обращением к существующим теориям, становится исследование дискурсивности природы региональной идентичности как части идентичности национальной и / или этнической и связанных с этим механизмов и способов ее функционирования. Также работа ориентирована на прикладной аспект исследований – в ракурсе имиджа и бренда территорий.

До 1980–1990-х гг., времени деиндустриализации и активной регионализации, Север и вообще региональная идентичность оставались для британских исследователей маргинальными темами. Свою роль сыграло и то, что благодаря реформам бесплатного высшего образования в 1960–1990-х гг. к концу XX в. выросло поколение ученых, чьей родиной были северные города (Jewell 1994: vii). В этом смысле готовность таких публицистов и «певцов Севера», как С. Макоуни, С. Армитаж, Дж. Холдер, М. Уэйнрайт, увидеть «реальную Англию» приобрела экзистенциальный смысл. Наибольший интерес в региональном измерении для нас представляют работы Д. Рассела, К. Эланда, Ч. Невина, Э. Оуэнса и К. Уайтхеда и др. (Owens 1999; Russell 2003, 2004; Nevin 2006; Thinking Northern 2007 и др.). Несмотря на то, что авторы практически не обращаются к современным сюжетам и собственно исследованию идентичности, их работы отличаются научной глубиной и стремлением в определенных ракурсах (литературе, музыке, кино,

спорте, языке) рассмотреть в историческом контексте различные видения Севера как специфической и уникальной территории.

В работах Д. Тернера, П. Граджила, Дж. Уидоусон, Б. Гриффитса и др. (Turner 1967; Trudgill 1990; Widdowson 1999; Griffiths 2008) содержатся сведения о языковой топографии, северных диалектах и языковых идентичностях. Но о диалектах в контексте идентичности ведут речь немногие – в частности, П. Уоллер и Б. Гриффитс (Waller 1987; What's in a Name 2010). Русскоязычная историография проблематики диалектов в контексте идентичности представлена преимущественно филологическими и лингвистическими исследованиями Т.И. Шевченко (1990), О.И. Бродович (2018), О.А. Бубенниковой, Е.И. Энгель (2018), М.М. Маковского (2019), и др. Авторы подчеркивают, что сегодня для Англии характерны активные процессы массовой диалектизации, классифицируют диалекты Англии, но за исключением апелляции к «языковому творчеству и общественному сознанию тех людей, которые проживают на той или иной территории» (Жирова 2018), параллелей с процессами формирования и репрезентации идентичности не проводят.

В целом, несмотря на значительное число работ по отдельным сюжетам тематики, можно констатировать, что дискурс североанглийской идентичности не являлся предметом анализа. Если исследуется английскость, то авторы, как правило, обращаются преимущественно к юго-восточному ее варианту (Лондон и предместья), североанглийскость – к локальным версиям без обобщений на региональном уровне. Большая часть литературы о северянах посвящена периоду до 1980-х гг., времени экономического и культурного расцвета региона. Исследователи языкового своеобразия региона уделяют основное внимание собственно этим феноменам, а не дискурсу идентичности. Авторы нередко обращаются и к «характеру» англичан, не задумываясь о научной и эпистемологической ценности подобных подходов, подчас являясь носителями того или иного варианта идентичности, от которого не способны абстрагироваться. Британская историография посвящена исследованию актуальных проблем в контексте национальной истории и культуры, и у российского читателя в данном случае есть преимущество сопоставительного ракурса.

Актуальность анализируемого сюжета, как мне видится, заключается в исследовании феномена идентичности, являющегося как системой отношений, существующих и продуцирующих определенный дискурс «места», так и комплексом представлений, тесно связанных с феноменом регионального языка. Соответственно в этой статье анализируются североанглийские диалекты как специфическое дискурсивное и коммуникативное пространство и маркер идентичности жителей английского Севера, в том числе на уникальных материалах полевых исследований автора в Ливерпуле, Манчестере, Лидсе, Йорке, Ньюкасле, Сандерлен-

де и др. (часть полевых работ была организована при поддержке проекта «Антропogeос» (руководитель С.С. Сардаров)).

Можно спорить о том, является ли язык прямым отражением этнокультурной или иной идентичности народа и его региональных групп или является гораздо более независимой единицей, особенно в случае с международным языком английским (Edwards 2009; *Identity and Dialect...* 2017; Nickel 2018 и др.), но, несомненно, национальный / региональный / этнический язык является одним из ключевых факторов формирования и презентации идентичности северян Англии, залогом ее сохранения и развития.

Север – идея, история или место?

При анализе культуры или политики Англии в пределах Великобритании в России зачастую происходит обращение к наследию Юго-Восточной Англии, или вовсе Лондона и предместий. Вместе с тем Англия является разнообразнейшей в социокультурном и административном отношении территорией. У регионального (северного) дискурса английскости есть особенности, не сопоставимые подчас с этими «иконическими» стандартами английскости.

Регион Северная Англия относится к категории бывших индустриальных монорегионов. И если в XVIII и XIX вв. маргинальный прежде Север превратился в экономически развитый регион, флагман индустриализма в Великобритании, то в XX в. стал свидетелем упадка, а также изменения своих прежних ролей после приватизации производства во времена правления М. Тэтчер в 1980-е гг., на фоне окончания холодной войны и конкуренции со стороны Юго-Восточной Азии. В это время тысячи людей оказались в прострации. Отдельные попытки лейбористского и консервативного правительства в 1990–2000-е гг. регенерировать регион путем развития сферы услуг, восстановления части или организации новых производств существенно не исправили положения дел.

И сегодня бывший промышленный гигант и «альма матер» рабочего класса – не что иное, как постиндустриальный, постмодернистский «зал ожидания» со специфической миксом успешных попыток решения проблем кризиса идентичности и проявлениями расизма, межэтнических конфликтов, криминализации, разрыва привычных производственных и социальных отношений, деструктивной ностальгии и фрустрации. Все перечисленное, а также общие тенденции развития общества 1960–1990-х гг. (молодежная музыкальная «революция», мультикультурализм, феминизм, упадок церкви и др.) создали то, что сегодня понимается под «особенной северной культурой» (Christopher 1999).

В Англии существует четкое различие северных и южных регионов, выражающееся в культурной формуле «разделение Севера и Юга» (Jewell 1994). Наше исследование базируется в основном на материалах территории, входящей в географическое и культурное понятие «Северная Англия» (*Northern England, North of England, the North, the North Country* (графства, считающиеся «северными» по Закону о местных правительствах 1972 г.)).

Северная идентичность и представления о том, что такое Север, развивались в зависимости от времени, контекста и угла зрения – видится ли этот регион из Шотландии, Лондона или вообще Европы. Границы административных регионов на протяжении 1940–2000 гг. не раз пересматривались, поэтому речь о границе Севера ведется с известной долей условности. В национальном дискурсе южная граница проводится приблизительно по р. Трент от эстуария Хамбер до реки Мерси, северная – между Англией и Шотландией (Thinking Northern 2007: 8–9). По данной выкладке северными могут считаться семь исторических графств (Чешир, Кумберленд, Дарем, Ланкашир, Нортумберленд, Вестморленд и Йоркшир) и три региона – Северо-Восток (мы используем этнографические материалы, собранные в городах Ньюкасл, Дарем, Сандерленд), Северо-Запад (Манчестер, Олдем, Ливерпуль) и Йоркшир и Хамбер (Йорк, Халдерсфилд, Бредфорд). Площадь Северной Англии – более 30 тыс. км² (общая площадь Англии около 130 тыс. км²), население – около 14,5 млн чел. (общее количество населения Англии более 53 млн чел.) (Census 2011).

Рассматриваемые районы в историческом и культурном отношении разнородны и разнообразны, даже в пределах собственных границ существуют трения между территориями, стремящимися к лидерству, культурной и другой самостоятельности, например между Манчестером и Ливерпулем, что, по мнению многих исследователей, ставит под вопрос существование единой региональной идентичности (Briggs 1966: 3). Реальность локальных оппозиций, впрочем, менее значительна, чем «мифологичность» этой идеи: участники любых конкуренций между городами и графствами так или иначе демонстрируют уважение к общим ценностям, и здесь, безусловно, можно говорить о традиции позитивной локальной конкуренции.

По данным наших этнографических опросов, жители Севера Англии отмечают свою принадлежность к «локальному сообществу» («место, где родился и вырос», «территории детства и настоящего я») чаще, чем к сообществу национальному, «большой родине». Свою идентичность жители Северной Англии ассоциируют: с местом рождения и проживания (35%), местным диалектом (27%), историей страны и региона (21%), английской природой и ландшафтами (9%, рис. 1, 2), британским государством (3%), с самим собой (3%). В «матрешке идентичности» (Великобритания – Англия – Север – Манчестер – Дидсбери (по-

селения в рамках Манчестер-Сити)) самым значимым оказывается последнее звено.

Рис. 1. Озерный край – жемчужина Севера. Кумбрия, Северо-Запад Англии, 2018 г., автор Д. Караваева

Рис. 2. Северное море. Близ этих скал в VIII в. высаживались викинги и покоряли Британию. Норт-Ширлдс, Северо-Восток Англии, 2010 г., автор Д. Караваева

В политическом смысле эта территория также обладает выраженным «самосознанием»: в 2002–2003 гг. правительство Британии инициировало проект организации в Англии референдумов по вопросу создания подобных валлийской или шотландской ассамблей, и было отобрано только три региона, высказавшихся положительно относительно референдума (т.е. более 50% проголосовавших) – Северо-Восток, Северо-Запад, Йоркшир и Хамбер (Tomaneu 2002: 721–732). Напомним, что во время референдума о членстве в ЕС 2016 г. высокое по сравнению с другими регионами количество голосов за выход (так называемый *Brexit*) было получено именно в Северной Англии – 53,7% на Северо-Западе, 57,7% в Йоркшире и Хамбере и 58% на Северо-Востоке (на Юго-Востоке 51,8%, например) (Coles, Kirk 2016). Ф. Фернандес, например, считает, что если и есть в пределах Англии сильные региональные идентичности, то это Йоркшир и Северо-Восток (Fernandez-Armesto 1994: 42).

Несмотря на все это разнообразие и правительственные межевания, область Северной Англии представляется нам обладающей самобытностью на основе именно культурной общности. И важнейшую роль здесь играют такие обстоятельства, как разделение Севера и Юга, локальное брендингирование и языковое своеобразие региона.

Диалекты, коммуникация и идентичность

Дж. Вулридж писал о том, что о Севере принято думать и рассуждать не как о реальности, а об идее, и произносить ее нужно непременно с максимально аутентичными говорами и интонациями (Woolridge 2003: 25–32).

Рядом исследователей проводились попытки классифицировать региональные и локальные диалекты английского языка Англии, в том числе Северной, по различным принципам. Одна из самых распространенных классификаций по времени и актуализации – разделение на традиционные (сельские) и индустриальные (урбанистичные) диалекты. Последние являются самыми «живучими» и представляют собой смесь местных диалектов, шотландского и нормативного английского (Жирова 2018: 290–294).

Исследователи помещают диалектную границу вдоль южной части современной Северной Англии (рис. 3), во многом совпадающей с исторической границей саксонской Нортумбрии и Мерсии. Таким образом, если иметь в виду дифференциацию по таким словам, как *lang / long* (длинный), *stane / stone* (камень), *hoose / house* (дом), Север оказывается в одной лингвистической зоне с Шотландией (Widdowson 1999: 10, 16). П. Траджил, подчеркивая консерватизм диалектов, пишет о шести региональных традиционных диалектах в пределах этой зоны, три из которых остаются актуальными и в современности – Северо-Восток, центральный Ланкашир и Мерси (Trudgill 1990: 50–78). Наиболее зна-

чимы для идентичности северян манкунианский диалект Манчестера (манкунианцы, манки – жители региона, см. рис. 4), диалект Ньюкасла джорди (такемы, джорди), тиссайдерский диалект Мидлсборо (тиссайдеры), сандерлендский макемский диалект (макемы), йоркширский тайкский диалект (тайки, см. рис. 5), скаузский диалект Ливерпуля (скаузеры). Считается, что джорди наиболее отличен от стандарта: в частности, *friendly* употребляется в значении *hostile* (враждебный), *scruffy* как *dirty* (грязный), *scran* как *food* (каменный), *gaffer* как *foreman* (старшина, мастер) и т.д. (Griffiths 2008: 5–6).

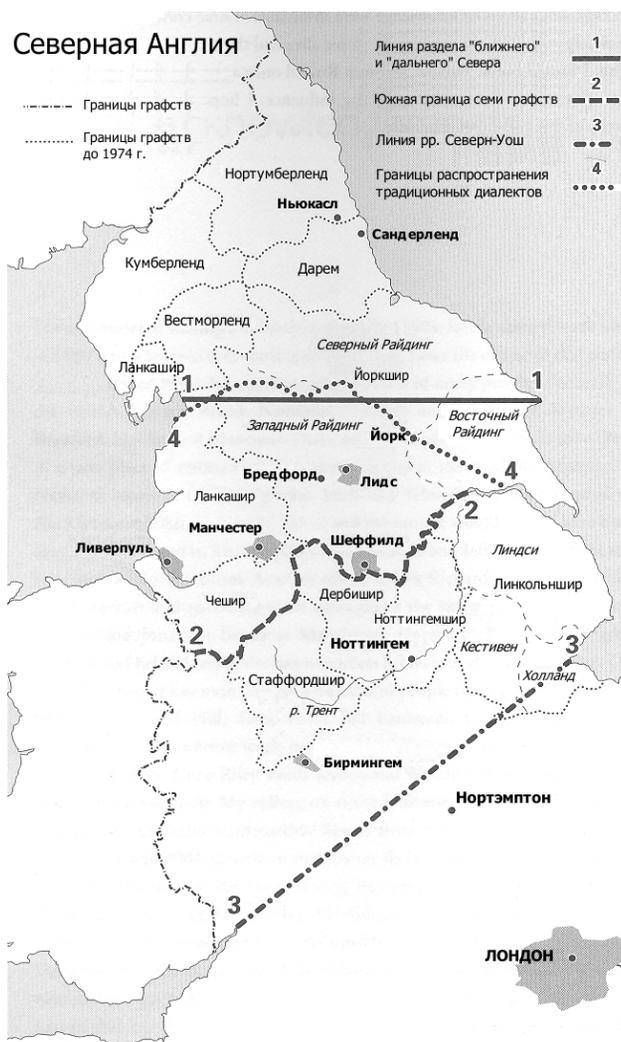

Рис. 3. Карта Северной Англии, русифицированная, исправленная и дополненная.
 Источник: Russell D. Looking North: Northern England and the National Imagination. Manchester, NY, 2004

Рис. 4. Манкунианки, манки – жители региона Манчестера и носители диалекта.
Мосли, Большой Манчестер, 2018 г. Фото Д. Караваевой

Рис. 5. Йоркширец (гайкский диалект, тайки). Йорк, 2017 г. Фото Д. Караваявой

Понятие «диалект» (*dialect*) передает региональный вариант языка, отличного от нормативной, стандартизированной формы (*standard English*). Понятие «акцент» (*accent*) употребляется для обозначения разности произношения с нормативным вариантом (*received pronunciation*). Помимо этих, наиболее выраженными в пределах Британии сегодня считаются территориальные диалекты Глазго, Ливерпуля, Западной Центральной Англии, Северной Ирландии, Ист-Энда в Лондоне (Upton, Widdowson 1996).

В итоге не только у южанина на севере возникают сложности с пониманием отдельных звуков или слов, но и внутри самого региона Северной Англии житель Ланкашира не вполне сладит с жителем Ньюкасла. К. Робинс пишет, например, о том, что мигрант из среднего Дербишира в Шеффилде в середине XIX в. несколько месяцев мог находиться в социальной изоляции из-за языковых различий (Robins 1988: 45–46). Если говорить о современных диалектах, широко адаптированных городскими жителями на протяжении периода с середины XIX в. в пределах различных зон, а не только двух зон по разную сторону этой линии (Севера и Юга, условно говоря), то жителей севера от юга отличают во многом по нескольким изоглосам – короткому или длинному произношению звука «а» в таких конструкциях, как *past / pahst, oop / up* (Бродович 2018).

Североанглийские «рабочие» говоры и диалекты являются одним из основных объектов стереотипов о регионе, ведущим маркером идентичности, а также богатым материалом для изучения культурного наследия. Иконическое йоркширское выражение «Нормэл гаври, гаврю, если гавришь с жинтельменам» (англ. «*Ah wish you'd mouth your wods more properer when you're a-talkin' to a gentleman*»), сказанное когда-то отцом своему нерадивому сыну, иллюстрирует отчасти эти процессы. Исторически приверженность диалекту была символом социального неравенства и культурной отсталости – на диалектах говорили, как правило, представители рабочего класса.

Ключевым обстоятельством в понимании развития диалектов и их влияния на дискурс идентичности является соотношение диалекта с «безакцентным» нормативным английским, или языка провинции с языком метрополии, периферии и центра, языка рабочего класса с языком среднего класса и аристократии. Даже несмотря на то, что к концу XX в. только около 15% населения Соединенного Королевства говорило на нормативном английском и только 3–5% британцев употребляли его безо всякого регионального акцента (Trudgill 1990: 2–3), диалекты обладают более низким статусом, а его носители автоматически попадают в поле нежелательного поведения, более низкого положения по сравнению с теми, кто использует желательные лингвистические коды. Как писал П. Джойс, «каждое слово, произнесенное на диалекте, стано-

вилось неудачливым термином, несущим свою собственную молчаливую апологию... Появление нормативного английского как “классового” диалекта юга Англии образованных слоев высших классов произвело множество ассоциаций этого варианта языка с властью, силой, могуществом, образованностью и властью – до такой степени, что многие стали жить с ощущением, что их собственное произношение “неправильное” или “безграмотно”» (Joyce 1991: 195, 200).

Еще более интересен этот феномен тем, что Север Англии не одинок в этой проблеме. В России как пределах Федерации, так и на бывшем постсоветском пространстве можно найти предостаточно подобных примеров. Проблема корреляции диалектного своеобразия с социальным статусом является, безусловно, не только вопросом региональной идентичности, но и класса и классового неравенства вообще, актуальных в пределах Великобритании и России. Если человек чувствует себя лингвистически «несостоятельным», это неизбежно распространяется на его чувство территориальной лояльности и социального достоинства, именно поэтому проблема языкового разнообразия в пределах одного языка или группы – это не только лингвистическая проблема, но и глобальная социокультурная задача.

Длительная ассоциация Севера Англии с варварством и фелистнизмом напрямую связывалась с якобы вульгарной или комической манерой речи, полной специфической профессиональной лексики с шотландскими, валлийскими, ирландскими заимствованиями (Jewell 1994: 191). Северные диалекты исторически и сегодня напрямую ассоциируются с рабочим классом и рабочей культурой. В силу того, что в пределах Севера существовало языковое разнообразие, движение за «равные права» не было, так скажем, единым.

В академическом и общественном дискурсе северяне зачастую подчеркивают, что диалект является не неким вульгарным вариантом английского нормативного, а самостоятельной формой языка, которая развилась из староанглийского, древнескандинавского и норманнского. Диалекты зачастую имели не письменную форму (но проводились попытки создания словарей северных диалектов) и исторически являлись средством коммуникации менее образованного населения (Griffiths 2008: 2–3). Л. Маглстон пишет о том, что нормативный английский в свое время тоже является диалектом, связанным с конкретной географией, социальной и политической властью, и подъем его как нормы письменности в конце XV в. и в разговорной речи в конце XVIII в. означал смерть диалектов (Mugglestone 1995: 16–17). Б. Гриффитс считает, что большей культурной значимостью сегодня обладают региональные диалекты (в конце XX в. на них говорит около 88% населения Британии) (Griffiths 2008: 2). Если разговорные варианты диалектов оказались живучи по отношению к стандарту, то письменные были вытесне-

ны еще в XV – начале XVII вв. С конца XVII в. диалекты стали sporadически использоваться в литературе в художественных целях. На протяжении XVIII – начала XIX в. в связи с развитием печатного рынка и общего роста образованности населения, несмотря на то, что такая литература воспринималась как «низшая», получило развитие массовое издание литературы на диалектах. Средоточием литературного производства на диалектах стали индустриальные Дарем и Нортумберленд, Ланкашир и Вест-Райдинг Йоркшира; Северо-Восток стал «столицей» мюзиклов на диалектах (Leith 1983: 41–42).

В силу этого большинство авторов существующей литературы концентрировались на негативном опыте и тяжелой судьбе носителей диалектов – пытаются ли они получить образование, вписаться в истеблишмент, или стать ведущим на Би-би-си, всегда приходится бороться на сохранение достоинства и позитивную идентичность. Соответствие стандартам нормативного английского было особенно важно для выходцев из местного среднего класса, пытающихся закрепиться в метрополии, Лондоне, выходцев из низшего среднего класса для перемещения по классовой лестнице, молодых представителям рабочего класса, поступивших в колледж или университет, в среде которых значение диалекта уже очевидно. В 1954 г. сценарист Алан Беннет, сын мясника из Лидса, писал по этому поводу, что «каждый, кто мигрирует южнее Трента, как будто цепляет болезнь гласных звуков и его попытки заговорить на южном акценте приводят только к осознанию того, что я не знаю теперь, куда иду и кто я» (Bennet 1994: xiii). Диалект и акцент как основание для эксклюзии тоже нередкое дело. Например, над композитором Уильямом Уолтоном из-за его ланкаширского акцента издевались другие ученики хора во время обучения в Оксфорде (Russell 2004: 130). Дж. Смит вспоминал о том, какую досаду чувствовал, когда в своей школе в Лидсе в 1950-е гг. его прервала учитель английской классической поэзии из Лондона словами «Остановитесь, варвар» (Интервью с учителем... 2010). Профессор Университета Сандерленда Дж. Стори говорил о своем опыте работы преподавателем в 1960-е гг. в Колледже Суррея: «Я произносил слова не так, как жители городка, и из-за своего манкунианского я был особенным. Сейчас в университете Сандерленда, где я преподаю, я тоже стараюсь говорить на своем диалекте – студенты меня выделяют и запоминают лучше материал» (ПМА 1). Информант М. Кларк, чей отец был актером, которого нередко критиковали за акцент, вспоминал, что тот часто говаривал: «Я чувствую себя правым. Я могу говорить, как мне хочется – это мой язык» (ПМА 3).

Диалекты связаны с проблемой классового неравенства, и до недавнего массового распространения нормативного английского являлись индикатором происхождения, образования, культурных позиций:

«Здесь все люди или их предки всегда работали на доках или шахтах, и мы все говорим одинаково. Богатеи из Лондона нас не сразу поймут» (ПМА 28: Б. Плэйс). Д. Лейт пишет, что диалект образованного среднего класса (буржуазии) Юго-Востока Англии постепенно стал ассоциироваться с властью и силой, а другие диалекты из-за этого стали восприниматься чем-то «неправильным» или «искаженным». И конечно, проблема соответствия норме особенно волнует тех, кто стремится закрепить собственное положение (Leith 1983: 56).

В любом случае, безусловно, взаимоотношения диалектов и нормативного английского значительно сложнее, нежели это преподносится большинством авторов или респондентов. Необходимо отметить, что для большинства вопрос отношений диалектов и языкового стандарта не был столь проблематичным на протяжении последних двух веков. У северных англичан, как правило, было достаточно языковых навыков и «билингвальных» компетенций для сосуществования с носителями «стандарта». И, наоборот, носитель стандартизированного английского чувствовал неприятие, когда сталкивался с группой, говорящей на диалекте и использующей его как средство эксклюзии и общественной лояльности. Данные стратегии диалектной речи использовались некоторыми северными предприимчивыми акторами в качестве патерналистской управленческой стратегии для «измерения» возможностей работников играть в лингвистические игры с их «работодателями» (Waller 1987: 16–17). Помимо прочего, необходимо добавить, что региональные диалекты и акценты отвергались молодыми северянами на протяжении XX в. в том числе и из-за развития молодежной культуры, американизации культуры и языка. Например, в 1960-е гг. в Олдеме некоторые стилисты на фоне битломании и популярности движения «Мерсибит» культивировали ливерпульский акцент, рокеры – кокни, потому что им казалось, что «кокни реально жесткий» (Turner 1967: 194). Представительница современной молодежной постиндустриальной культуры выражает это формулой: «Мне нравится американский язык, фильмы – все такое свежее, позитивное. А английское все такое сложное, неудобное...» (ПМА 1: К. Свинберн).

Диалекты расстаются со своей стигмой с 1960-х гг., и употребление диалектов в ежедневной речи и профессиональной и творческой деятельности сегодня нередко расценивается как выражение патриотизма и индивидуализма. Также с 1960-х гг. наряду с ростом регионального самосознания диалекты приобретают статус рупора идентичности («национализирование диалектов» (Waller 1987: 24)), становятся инструментом индивидуализации. Национальные медиа, которые массово стали использовать диалекты в вещании, экспансия молодежной (особенно музыкальной) культуры и развитие системы всеобщего образования, не желающей отказываться от локальных паттернов, сыграли в

этих процессах огромную роль. Некоторые северные акценты и диалекты стали не только разрешенными, но и модными и желательными. В частности, это касается ливерпульского диалекта в 1960-е гг., и северо-восточного диалекта в 1990-е и 2000-е гг. (с развитием телевизионной культуры и ростом популярности северных ситкомов). Северные голоса и диалекты приобрели большое значение и с развитием системы колл-центров (услуг, оказываемых по телефону). Хотя и в организации таких центров первостепенное значение играла стоимость рабочей силы на Севере, было очевидным, что работодатели и потребители услуг относились с особым доверием к тем, кто говорил на местном языке, т.е. был кем-то знакомым и надежным, своим, кому можно доверять. С ними же ассоциировались позитивные черты в характере и в публичном восприятии. В публичном восприятии с йоркширским акцентом связывается финансовая неподкупность, а с северо-восточным джорди – дружелюбие и желание помочь (ПМА 29: П. Бентон; Mugglestone 1995: 3), и эти примеры – это еще одна иллюстрация того, насколько глубоко укоренились некоторые стереотипы, связанные с диалектами, в национальной культуре.

Помимо таких значений, как защитные механизмы, игнорирование или рыночные силы и отношения, существует множество примеров, когда диалекты или акценты служат источником подлинной региональной, локальной или классовой гордости. Публичные персоны все чаще говорят на диалекте, считая его выразительной частью своей культуры. Многие информанты указывают, что работодатели в колл-центрах стали принимать на работу тех, кто говорит на «более мелодичном и простом» диалектном английском (Интервью с директором... 2010). В любой сувенирной лавке можно найти карманные словари диалектов, сборники песен и анекдотов («100 шуток на джорди» и т.п.) и пр. (Scouse English 2008; Howey 2010; Irwin 2010). Многие популярные пабы, например *The Smugglers* в Сандерленде, используют выражения на диалекте в своем декоре.

Тот факт, что диалекты сохранились и адаптировались под современные нужды, демонстрирует их значение для социальной и персональной идентичностей. Выраженные речевые паттерны, или мифы, ими производимые, могут быть значимой силой для локального патриотизма. Ливерпульская репутация (внешняя и внутренняя для данного случая) искрометного остроумия может быть хорошим примером в этом смысле. Проще говоря, для каждого северянина диалект может быть символом патриотизма или источником чувства отличия, идиосинкразии.

Северяне склонны подчеркивать своеобразие региональных вариантов языка. Л. Хоппер из Сандерленда утверждает: «Йоркширцы болтуны и жадины, но звучат приятно. Манкунианский говор очень сексу-

альный, они как французы в нос говорят» (ПМА 1: Л. Хоппер). Из-за рок-волны 1960-х гг. ливерпульский «уличный» говор скаузи стал восприниматься «приятным на слух, задорным и очень мелодичным» (ПМА 29: П. Бентон). Джорди для респондентов – «выразительный, дружелюбный, хоть и грубоватый» (ПМА 29: Л. Хэннон).

В то же время диалекты могут генерировать социальные сложности, когда из-за диалектного разнообразия в пределах одной территории жители Тиссайда и Гейтсхеда в Ньюкасле (районы, располагающиеся по разную сторону одной реки), или джорди Ньюкасла и такемы Сандерленда регулярно массово противостоят друг другу, например во время матчей футбольных команд (ПМА 1: Л. Хоппер).

Би-би-си как инструмент анти/коммуникации

Разговор о значении диалектов в развитии региональной идентичности как инструмента коммуникации и антикоммуникации одновременно неотделим от анализа функций и роли пространства, в рамках которого системно и массово распространялась идея уникальной северной идентичности и северной манеры речи, где происходила «встреча» Севера и Юга – *Би-би-си* (Британская вещательная корпорация, BBC).

Для тех, кто пытается защитить региональность Севера от посягательств Лондона или локальность вообще от современного электронного мира, Би-Би-Си всегда была легкой мишенью. И хотя нельзя говорить о единой культурной стратегии, изначально компания развивалась из позиций распространения лондонских стандартов вкусов, качеств и суждений, «супрематии метропольного превосходства» если угодно (по крайней мере это касается политики управления компанией Дж. Рейтом в 1922–1938 гг. (Briggs 1995: 309)). Безусловно, данная «лондонцентричность» легла в основу региональной политики компании и оказывала влияние на региональную культуру и язык на протяжении всего XX в. Попытки вписаться в эту политику или опротестовать данное положение дел стали неким катализатором «движения» региональных «голосов» за культурную независимость и сформировали причудливый облик взаимоотношений «центра» и «периферии».

Роль Би-би-си в формировании характера взаимоотношений Севера и Юга не очевидна для историографов, однако, безусловно, Би-Би-Си обладало и обладает мощным потенциалом в деле формирования языковой структуры Англии. Во многом благодаря агрессивности политики компании был создан Комитет разговорного английского при участии Роберта Бриджеса, основателя Общества содействия чистоте английского языка (*Society for Pure English*). В работе этой организации принимали участие различные специалисты, в том числе диалектолог Г. Ортон (член с 1934 г.), и одной из задач работы комитета было со-

действие отображению языкового разнообразия региона, сопротивление (как всегда саркастичное) общей американизации. Несмотря на то, что официально у Би-би-си были те же задачи, по мнению специалистов, вещание, несомненно велось на английском языке образованного класса Юго-Востока и ориентировалось на определенные классы, не включая рабочий (Russell 2004: 132–133).

Политика Би-би-си по регионализации вещания создала предпосылки для развития региональной идентичности, особенно в период с 1970-х гг. Однако общественные дискуссии очевидно иллюстрируют ассоциацию этого медиамонополиста в Британии с юго-восточной аристократией и соответствующими институтами угнетения, в рамках постколониального дискурса – даже с имперскостью, расизмом, шовинизмом. Диалекты и дискурс языковой идентичности в данном случае – это площадка развития регионализма, борьбы с бюрократией Лондона и даже Брюсселя.

Нельзя сказать, что в XX в. компания игнорировала региональные голоса (имеются в виду дикторы с акцентом), но проблема состоит в том, что историческое использование региональных акцентов и диалектов рабочего класса в работе дикторов и актеров как нечто вульгарного, комического и не слишком достойного, закрепили соответствующее восприятие их у аудитории, зачастую формирующей свои взгляды посредством апроприации неких готовых идейных конструкций и образов региона.

Если говорить о других «эффектах» компании, то благодаря ее вещанию за Севером закрепилась репутация комедийного региона, «столицы» специфического, но интересного массовой аудитории юмора. Североанглийские комедианты появились на Би-би-си с ее первых лет работы, например йоркширский диктор «Джон Генри», первый комедиант, ставший радиоперсонай после своего дебюта в 1923 г. Но ситуация складывалась таким образом, что в то время любой северянин, говорящий на диалекте, мог стать комедиантом или предметом насмешек при появлении на радио. И такое отношение к северянам и к Северу в целом, безусловно, наложило сильный отпечаток на региональное самосознание и личную самооценку жителей; регион «страдал» больше многих в пределах Британии.

Случай с приглашением в начале Второй мировой войны северянина и носителя выраженного диалекта У. Пиклеса в качестве ведущего новостей для национального радиовещания является симптоматичным в деле иллюстрации взаимоотношений Би-би-си и регионов. Руководство компании полагало, что работа в вещании носителя диалекта, понятного в культурном смысле и близкого сердцу большинства слушателей радио, отражает стойкость и непоколебимость духа народа Британии; это должно было сплотить нацию перед лицом нависшей опасности, а

также стать препятствием для работы разведслужб Германии (Gifford 1985: 114). Но выступления Пиклеса спровоцировали дебаты о привилегированности национального вещания. Множество обозревателей считали, что вещание на диалектах воспринимается более комфортным для большинства населения страны, а Пиклес – это «северная душа», открытая и дружелюбная, способная вынести на себе Англию из очередных перипетий. Его знаменитые фразы стали нарицательными для северян (*Ow do, ow are yer? Now, are yer coortin? Give him the money, Barney*) (Furst, Foster 1996: 96). Другие утверждали, что диалекты ассоциируются с хулиганством, рабочей бедностью и безграмотностью, что подрывает доверие слушателей (Mugglestone 1995: 323–324). Вклад в трансформацию языковой политики компании внесла и развернувшаяся с 1950-х гг. дискуссия о проблеме мимикрии «диалекта» высшего класса Англии (эстуарного английского) (Barnard 2000: 176).

1970-е гг. стали некоей точкой невозврата по отношению к региональной политике – диалекты и их носители по-прежнему «знали свое место», но благодаря реформе бесплатного образования, стартовавшей в 1940-е гг. (Образовательный акт 1944 г.), к этому времени выросло целое поколение университетской / образованной когорты северян, вызывающих неприятие по отношению к вещанию на стандартном английском и в целом к Би-би-си и проявлявших на фоне этого научный и «человеческий» интерес к диалектам. Усиливал настроения северян, и так склонных к сочувствию борцам за равные права женщин, тот факт, что Юго-восток и южный диалект ассоциировались также с маскулинностью, маскулинным духом частных школ и элитных университетов. Итогом стало введение диалектного английского в официальное вещание, тогда так до 1970-х гг. вещание велось на нормативном английском преимущественно (впрочем, сегодня существует такой феномен как английский стандарта Би-би-си (*BBC English*), но это уже другая история) (Pegg 1983: 161–162).

Если с 1930-х гг. на Би-би-си была закреплена «региональная схема» из семи региональных радиостанций, обеспечивающих нужды регионов, но подчиненных головному офису в Лондоне, то в 1970-е гг. были образованы региональные радиостанции, относительно свободно выбирающие контент, и регионы таким образом завоевали свои позиции в национальном вещании, закрепив с конца 1970-х гг. в национальном (а не только региональном, как ранее) новостном вещании (радио, ТВ, кино) диалектную речь (Crissel 1997: 131–145). Безусловно, вплоть до сегодняшнего времени позиции у северного голоса и диалектного вещания не так сильны (за исключением телевизионных ситкомов и кино), но наличие собственной площадки для самовыражения играет большую роль в функционировании идентичности. Особенно это касается программ о музыке: успешными «первопроходцами» 1970-х гг.

стали ведущие Б. Редхед (радиопрограмма *Today*) и П. Голдвелл (*You and Yours* на «Радио 4»), а также А. и Л. Киршоу – ведущие музыкальных программ в 1980-е гг. на «Радио 1» (Караваева 2015).

Диалектная / региональная литература

Литература на диалектах представляет собой уникальный феномен в отношении репрезентации дискурса идентичности – не описывает дискурс напрямую, но «рисует» образы и «характеры» региона и «места», позволяет узнавать свой регион посредством очерченных художественных версий, сигнализирует своим широким распространением о росте регионального самосознания.

Региональная литература в контексте этого исследования – это художественная массовая литература, связанная апологетически с регионализмом, созданная на определенной территории, отражающая географию, культуру и диалектное своеобразие региона в пределах города или деревни, обращающаяся к локальной топографии посредством выстраивания содержательных диалогов с использованием диалектной речи (Peripheral Visions 1995; Николюкин 2001: 864). Желая подчеркнуть урбанистическую природу жанра, Д. Рассел предпочитает употреблять термин «индустриальный роман» (Russell 2004: 81). Исследователь Ф. Додд в этой же связи обозначил литературное северное пространство термином «лоурискейп» (lowtyscape), по имени знаменитого индустриального художника (Dodd 1990: 17). Региональный роман XX в. ассоциируется с традицией прямого нарратива и эстетикой реализма, с массовым рынком и ростом численности женщин-авторов и женщин-читателей (Urqu 2002: 193). По этим же причинам региональная литература традиционно занимала околосубкультурные позиции в общем культурном дискурсе. Расцвет региональной литературы Севера в 1950–1960-е гг. был ознаменован созданием ставшего впоследствии иконическим романа «Рассерженные молодые мужчины» (*Angry Young Man*) и совпал со временем экономического подъема региона и появлением новых образовательных возможностей для его жителей. В 1980 – начале 2000-х гг. аналогичный по значимости расцвет региональной литературы (Snell 2002: 1, 6) был связан с агрессивной антииндустриальной политикой М. Тетчер и дальнейшим социально-экономическим кризисом.

Современная северная литература полна ностальгии по разрушенной или разрушающейся культуре рабочей общины. Паттерны литературной географии имеют свою специфику – в происхождении авторов и выборе сюжетных мест очевидно доминирование Ланкашира и Йоркшира (К. Снелл говорит о 70% в 1960–2000-е гг.); Северо-Восток уступает этим регионам, даже несмотря на головокружительный успех и творческую даровитость К. Куксон во второй половине XX в. (Snell 2002: 6).

Каковы примеры функционирования диалектов в литературе? Дж. Белчем пишет о значимости диалектной литературы в условиях специфических социально-экономических условий, спланивающих перед лицом неурядиц и провоцирующих самовыражение сильной и по своему монолитной общности «неравных возможностей» теперь уже в письменной, а не только устной (рассказы, анекдоты и т.д.), как прежде, форме (Belchem 2000: 41).

Первый подъем литературы на диалектах приходится на 1850–1860-е гг., впоследствии она теряет позиции. Д. Рассел, рассуждая о траектории развития этой литературы, пишет о журнале *Clock Almanack* (и других местных газетах), издававшемся, например, в 1930-е гг. тиражом более 70 тыс. экземпляров. Упадок литературы на диалектах принято отсчитывать со времени закрытия журнала в 1956 г. (Russell 2004: 119). С 1980–1990-х гг. эта некогда наиболее популярная и массовая культурная северная форма в некоторой степени изживает себя, уступая сцену буквально и фигурально таким рупорам северной идентичности, как театр, кино, телевидение с их стендап-комедиями, мыльными операми, сит-комами, комедийными драмами. Сюда перекочевали такие персонажи диалектной литературы, как язвительные женщины, злословящие бабушки и дедушки, хулиганистые мальчишки и мудрые дядюшки, самый знаменитый из которых – Морт (*Uncle Mort*) писателя П. Тиннисвуда, ставший героем сериала «Я не знал» (*I Didn't Know You Cared*). Р. Джарски пишет о нем как о воплощении северного «характера», полного специфического юмора, народных мудростей и прибауток, забавных предрассудков и острых суждений, независимости и особой рабочей гордости: «Дядюшка Морт – это... поколение двух войн, со своими сэндвичами и кепками. Его образ устаревает, но он по-прежнему живет где-то глубоко в сердце у каждого северянина» (Jarski 2009: xviii). Символами Севера Англии являются такие литературные и телевизионные герои, как Рой Браун «Толстяк» (*Roy "Chubby" Brown*), Энди Кап (*Andy Capp*) и др. Также символами Севера являются такие легендарные комедианты «смеха сквозь слезы» и авторы, использовавшие образы героев из диалектной литературы, как Кэролайн Херн (*C. Aherne*), Виктория Вуд (*V. Wood*), Крэг Кэш (*C. Cash*).

Несмотря на то, что диалектная литература возникла как рабочий феномен, ее авторами во второй половине XX в. становятся выходцы из среднего и высшего классов. Большая часть этих писателей стала обращаться к подобной деятельности в силу потери своих лидирующих позиций в социальной и культурной областях: как правило, они занимались поэзией, а не комедийной прозой, тогда как последнее явно относилось к популярной, рабочей традиции. Исходя из этого, авторы вынуждены были менять тематику собственных произведений на более универсальную (Vicinus 1974: 225). Классовые различия стирались и на

фоне попыток сохранить свое наследие в бурном потоке глобализации, выраженной в сопротивлении американизации или распространению нормативного английского и «высокой» литературы путем обращения к мелодраматическим и комедийным жанрам, органичным для северной традиции короткого юмористического или трагикомического устного рассказа до такой степени, что исследователи заговорили даже о девальвации культурного наследия. Д. Даттон приводит в пример работу, в которой в качестве иллюстрации был изображен запретительный дорожный знак с буквой V в красном треугольнике (указательный и средний пальцы ладони, повернутые тыльной стороной к адресату, ассоциируются с выражением негостеприимной позиции в Англии) с подписью «Водители с Юга, добро пожаловать в Ланкашир» (Dutton 2000: 13). Даттон романтизирует Север как территорию террасных домов, ароматных запахов хлеба, жареной картошки и рыбы, архитектуры доков, пабов, рабочей моды и андеграундной музыкальной культуры (8–9), но в то же время выстраивает более сложную картину взаимоотношения северян и южан, используя сатирические образы лондонцев в качестве реверсии сатиры на провинциальность северного человека.

Таким образом, обращение к диалектам является инструментом популяризации и актуализации иконических символов, региональной культуры в целом. В художественных продуктах на диалектах метафорически разворачиваются абстракты, «материализующиеся» в свои локальные формы и культурную географию, пространственные обширные проекции, связанные с индустрией, портовой космополитичной культурой, андеграундами и впечатляющими географическими ландшафтами, характерными героями, говорящими на узнаваемых кодах. Удастся ли носителям диалектов и авторам, использующих их в качестве художественной или политической проекции, показать, что культура Севера является существенной частью национального культурного наследия, покажет время, но, безусловно, это уникальный феномен, нуждающийся в дальнейшем изучении.

Литература

- Бродович О.И.* История английского языка: учеб. для бакалавриата. СПб.: Изд-во РХГА, 2018.
- Бубенникова О.А., Энгель Е.И.* Основные тенденции развития английского диалектного языка (древнеанглийский период – современная эпоха): исследование исторического развития языковых изменений в диалектном языке с древнеанглийского периода по настоящее время. М.: Макс Пресс, 2008.
- Головнева Е.В.* Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42–50.
- Губогло М.Н.* Этничность как истина и как правда. Опыт лексико-семантического исследования // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2017.
- Дробизева Л.М.* Гражданская идентичность как потенциал межэтнического согласия в обществе // Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измере-

- нии. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. С. 177–216.
- Жирова И.Г.* Территориальная и социальная диалектическая вариативность британского английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10 (88), ч. 2. С. 290–294.
- Интервью с директором Центра исследований культуры и медиа Университета Сандерленда, профессором, культурологом Дж. Стори. Сандерленд. 07.06.2010 // Архив лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований ИИиА УрО РАН. Ф1. А2. 2.
- Интервью с учителем истории частной школы г. Дарем Дж. Смитом. Дарем. 20.06.2010 // Архив лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований ИИиА УрО РАН. Ф1. А2. 6.
- Караваева Д.Н.* Север vs Юг, или Музыка в поисках английскости (на материалах современной Северной Англии) // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 57–86.
- Маковский М.М.* Английская диалектология. Современные английские территориальные диалекты Великобритании. М.: Либроком, 2019.
- Николюкин А.Н.* Региональная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 864.
- ПМА 1 – Полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд (Sanderland), регион Северо-Восточная Англия, июнь 2010 г. (информанты: секретарь Л. Хоппер (Lianne Hopper) 1978 г.р., секретарь К. Свинберн (Karen Swinburne) 1982 г.р., профессор Дж. Стори (John Storey) 1957 г.р. // Архив лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 1.
- ПМА 28 – Полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд (Sanderland), регион Северо-Восточная Англия, июль 2012 г. (информанты: профессор Дж. Стори (John Storey) 1957 г.р., музыкант Б. Плэйс (Bam Place) 1968 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 28.
- ПМА 29 – Полевые материалы экспедиции автора в Ньюкасл-апон-Тайн (Newcastle upon Tyne), регион Северо-Восточная Англия, июль 2012 г. (информанты: исследователь П. Бентон (Paul Benton) 1982 г.р., музыкант Л. Хэннон (Lindsay Hannon) 1978 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 29.
- ПМА 3 – Полевые материалы экспедиции автора в Дарем (Durham), регион Северо-Восточная Англия, июнь 2010 г. (информанты: музыкант М. Кларк (Martin Clarke) 1986 г.р. // Архив лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 3.
- Ретина Л.П.* «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19.
- Филиппова Е.И.* Территории идентичности в современной Франции. М.: Росинформ-агротех, 2010.
- Филиппова Е.И.* Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / В.В. Амелин, Я. Бебан, Е. Веттер и др.; под ред. Е.И. Филипповой, К. Ле Торривеллека. М.: ИЭА РАН, Горячая линия – Телеком, 2018.
- Шевченко Т.И.* Социальная дифференциация английского произношения. М.: Высш. шк., 1990.
- Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. N.Y.: Verso, 2006.
- Barnard S.* Studying Radio. L.: Hodder Education Publishers, 2000.
- Belchem J.* An Accent Exceedingly Rare: Scouse and the Inflection of Class // Merseypride. Essays in Liverpool Exceptionalism / ed. by J. Belchem. Liverpool: Liverpool University Press, 2000. P. 31–67.
- Bennet A.* Writing Home. L.: Faber and Faber, 1994.
- Briggs A.* The History of Broadcasting in the United Kingdom. Vol. 2: The Golden Age of Wireless. Oxford: Oxford University Press, 1995.

- Briggs A.* Themes in Northern History // Northern History. 1966. Vol. 1, is. 1. P. 1–6.
- Census 2011. Office for National Statistics. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/index.html> (дата обращения: 01.07.2016).
- Christopher D.* British Culture. An Introduction. L.; N.Y.: Routledge, 1999.
- Coles M., Kirk A.* EU referendum results and maps: Full breakdown and find out how your area voted // The Telegraph News. 2016. 1 July. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/23/leave-or-remain-eu-referendum-results-and-live-maps/>
- Crissel A.* An Introductory History of British Broadcasting. L.: Routledge, 1997. 296 p.
- Dodd P.* Lowryscapes: Recent Writing about “the North” // Critical Quarterly. 1990. Vol. 32, № 2. P. 17–28.
- Dutton D.* Completely Lanky: Comic Guide to Lancashire Lingo. Chorley: Book Clearance Centre, 2000.
- Edwards J.* Language and Identity: An introduction (Key Topics in Sociolinguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Fernandez-Armesto F.* The Times Guide to the Peoples of Europe. L.: Times Books, 1994.
- Furst S., Foster A.* Radio Comedy, 1938–1968. L.: Virgin Publishing, 1996.
- Gifford D.* The Golden Age of Radio. L.: Batsford, 1985.
- Griffiths B.* Fishing and Folk: Life and Dialect on the North Sea Coast. Newcastle: Northumbria University Press, 2008.
- Howey P.* The Geordie Cook Book. Thropton: Butler Publishing, 2010.
- Identity and Dialect Performance: A Study of Communities and Dialects / ed. by R. Bassiouney. L.: Routledge, 2017.
- Irwin D.* 100 Geordie Jokes. Thropton: Butler Publishing, 2010.
- Issues of Regional Identity / ed. by E. Royle. Manchester: Manchester University Press, 1998.
- Jarski R.* The Wit and Wisdom of the North. L.: Ebury Press, 2009.
- Jewell H.* The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England. Manchester: Manchester University Press, 1994.
- Joyce P.* Visions of the People. Industrial England and the Question of Class, 1848–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Leith D.* A Social History of English. L.: Routledge & K. Paul, 1983.
- Mugglestone L.* Talking Proper. The Rise of Accent as Social Symbol. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Nevin Ch.* Lancashire, Where Women Die of Love. London; Edinburgh: Mainstream Publishing, 2006.
- Nickel S.* The Geordie Dialect. On Language Identity and the Social Perception of Tyneside. L.: Grin Verlag, 2018.
- Owens A.* Yorkshire Stories of the Supernatural. Newbury, Berkshire: Countryside Books, 1999.
- Pegg M.* Broadcasting and Society, 1918–1939. L.: Croom Helm, 1983.
- Peripheral Visions. Images of Nationhood. Contemporary British Fiction / ed. by I. Bell. Cardiff: University of Wales Press, 1995.
- Robins K.* The Nineteen-century Britain. Integration and diversity. Oxford: Clarendon Press, 1988.
- Russell D.* Selling Bradford: Tourism and Northern Image in the Late Twentieth Century // Contemporary British History. 2003. № 2, vol. 17. P. 49–68.
- Russell D.* Looking North: Northern England and the National Imagination. Manchester; New York: Manchester University Press, Palgrave, 2004.
- Scouse English / ed. by F. Fazakerly. L.: Abson Books, 2008.
- Snell K.D.M.* The Bibliography of Regional Fiction in Britain and Ireland 1800–2000. Aldershot: Ashgate, 2002.
- Smith A.* National identity (Ethnonationalism in comparative perspective). Nevada: University of Nevada Press, 1991.

- Soysal Y.* Mapping the Terrain of Transnationalization: Nation, Citizenship, and Region // *Transnational Trajectories in East Asia: Nation, Citizenship, and Region* / ed. by Y. Soysal. L.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2015.
- Thinking Northern: Textures of Identity in the North of England* / ed. by Ch. Ehland. Amsterdam; New York: Editions Rodopi B.V., 2007.
- Tomanev J.* The Evolution of Regionalism in England // *Regional Studies*. 2002. № 7, vol. 6. P. 721–732.
- Trudgill P.* The Dialects of England. Cambridge: Basil Blackwell, 1990.
- Turner G.* The North Country. L.: Eyre and Spottiswoode, 1967.
- Upton C., Widdowson J.D.A.* An Atlas of English Dialects. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Urry J.* Consuming Places. L.: Routledge, 2002.
- Vicinus M.* The Industrial Muse. Beckenham: Croom Helm, 1974.
- Waller P.J.* Democracy and Dialect, Speech and Class // *Politics and Social Change in Modern Britain* / ed. by P.J. Waller. Brighton: Harvester, 1987. P. 1–33.
- What's in a Name. Street Names of Sunderland. Project by Sunderland Heritage Forum. Sunderland: Heritage Lottery Fund, 2010.
- Widdowson J.D.A.* Sheffield Dialect on the Eve of the Millenium // *TYDS*. 99. 19. 1999. P. 9–16.
- Woodward K.* Understanding Identity. N.Y.: Bloomsbury USA, 2003.
- Woolridge J.* Living in the Past: the Imagined North of England in Contemporary British Films of the 1990s // *Film and Film Culture*. 2003. Vol. 2. P. 25–32.

Статья поступила в редакцию 3 июня 2019 г.

Karavaeva Dina N.

DIALECTS AS MARKERS OF REGIONAL IDENTITY IN CONTEMPORARY NORTHERN ENGLAND

DOI: 10.17223/2312461X/27/11

Abstract. The article presents the discourse of identity of the Northern English people (Northernness), and investigates where geographical and cultural boundaries lie in Northern England, and how the region was and is perceived by the English. It focuses on language and Northern English dialects, specifically, as well as on the language policy of central radio and television broadcasting companies, and on literature on dialects – the themes the discourse of Northernness is centred around. The language here serves as a marker of identity and communicative space. The study presented in the article is based on a variety of historiographic, media, and museum-related sources, as well as on the author's own field materials collected from 2010 to 2018.

Keywords: Northern England, UK, regional / local / national identity, identity discourse, post-industrialism, class, dialect, literature on dialects, BBC

References

- Brodovich O.I. *Istoriia angliiskogo iazyka: Uchebnik dlia bakalavriata* [The history of the English language]. St. Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2018.
- Bubennikova O.A., Engel' E.I. *Osnovnye tendentsii razvitiia angliiskogo dialektного iazyka (drevneangliiskii period - sovremennaiia epokha): issledovanie istoricheskogo razvitiia iazykovykh izmenenii v dialektnom iazyke s drevneangliiskogo perioda po nastoiashchee vremia* [Major trends in the development of the English language dialects (from the Old English period to the present): a study on the history of changes in the English dialects]. Moscow: Maks Press, 2008.

- Golovneva E.V. Regional'naiia identichnost' kak forma kollektivnoi identichnosti i ee struktura [Regional identity as a form of collective identity and its structure], *Labirint: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniï*, 2013, no. 5, pp. 42–50.
- Guboglo M.N. Etnichnost' kak istina i kak pravda. Opyt leksiko-semanticheskogo issledovaniia [Ethnicity as truth. A lexical-semantic study]. In: *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* [Applied and Emergency Ethnology Research]. Moscow, IEA RAN, 2017.
- Drobizheva L.M. Grazhdanskaia identichnost' kak potentsial mezhetnicheskogo soglasia i obshchestve [Civil identity as a potential for interethnic agreement in society]. In: *Mezhnatsional'noe soglasie v obshcherossiiskom i regional'nom izmerenii. Sotsiokul'turnyi i religiozni konteksty: [monografiia]* [Interethnic agreement in social and regional dimensions. Sociocultural and religion-related contexts: a monograph]. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: FNISTS RAN, 2018, pp. 177–216.
- Zhirova I.G. Territorial'naiia i sotsial'naiia dialekticheskaia variativnost' britanskogo angliiskogo iazyka [Territorial and social dialectic variation of the British English language], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 10(88), part 2, pp. 290–294.
- Interv'iu s direktorom Tsentra issledovaniï kul'tury i media Universiteta Sanderlenda, profesorom, kul'turologom Dzh. Stori. Sanderlend. 07.06.10. [Interview with Professor John Storey, Director of the Centre for Research in Media and Culture Studies (University of Sunderland), dated 7 June 2010]. *Arkhiv laboratorii mezhdistitsiplinarnykh gumanitarnykh issledovaniï IiA UrO RAN* [Archives of the Laboratory for Interdisciplinary Research in the Humanities, Ural Office of the Russian Academy of Sciences]. F. 1. Is. A2. C. 2.
- Interv'iu s uchitelem istorii chastnoi shkoly g. Darem Dzh. Smitom. Darem. 20.06.10. [Interview with John Smith, private school teacher in the city of Durham, dated 20 June 2010]. *Arkhiv laboratorii mezhdistitsiplinarnykh gumanitarnykh issledovaniï IiA UrO RAN* [Archives of the Laboratory for Interdisciplinary Research in the Humanities, Ural Office of the Russian Academy of Sciences]. F. 1. Is. A2. C. 6.
- Karavaeva D.N. Sever vs Iug, ili Muzyka v poiskakh angliiskosti (na materialakh sovremennoi Severnoi Anglii) [North versus South, or music in search of Englishness (based on the materials of contemporary Northern England)], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2015, no. 1, pp. 57–86.
- Makovskii M.M. *Angliiskaia dialektologiya. Sovremennye angliiskie territorial'nye dialekty Velikobritanii* [Research in English dialects. Regional dialects in the UK today]. Moscow: Librokom, 2019.
- Nikoliukin A.N. Regional'naiia literatura [Regional literature]. In: *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [The Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, 2001, p. 864.
- PMA 1 – Polevye materialy ekspeditsii avtora v Sanderlend (Sanderland), region Severo-Vostochnaia Angliia, iun' 2010 g. (informanty: sekretar' L. Hopper (Lianne Hopper) 1978 g.r., sekretar' K. Svinbern (Karen Swinburne) 1982 g.r., professor Dzh. Stori (John Storey) 1957 g.r. [Field materials collected during the author's expedition to Sunderland, North-East England, June of 2010 (respondents: Lianne Hopper, born 1978, Assistant; Karen Swinburne, born 1982, Assistant; John Storey, born 1957, Professor)]. *Arkhiv laboratorii mezhdistitsiplinarnykh gumanitarnykh issledovaniï IiA UrO RAN* [Archives of the Laboratory for Interdisciplinary Research in the Humanities, Ural Office of the Russian Academy of Sciences]. F1. A1. 1.
- PMA 3 – Polevye materialy ekspeditsii avtora v Darem (Durham), region Severo-Vostochnaia Angliia, iun' 2010 g. (informanty: muzykant M. Klark (Martin Clarke) 1986 g.r. [Field materials collected during the author's expedition to the city of Durham, North-East England, June 2010 (respondent: Martin Clarke, born 1986, musician)]. *Arkhiv laboratorii mezhdistitsiplinarnykh gumanitarnykh issledovaniï IiA UrO RAN* [Archives of the Laboratory for Interdisciplinary Research in the Humanities, Ural Office of the Russian Academy of Sciences]. F1. A1. 3.
- PMA 28 – Polevye materialy ekspeditsii avtora v Sanderlend (Sanderland), region Severo-Vostochnaia Angliia, iul' 2012 g. (informanty: professor Dzh. Stori (John Storey) 1957

- g.r., muzykant B. Pleis (Bam Place) 1968 g.r.) [Field materials collected during the author's expedition to Sunderland, North-East England, July 2012 (respondents: John Storey, born 1957, Professor; Bam Place, born 1968, musician)]. *Arkhiv sektora etnoistorii IliA UrO RAN* [The Ethnohistory Department's Archives, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences]. F1. A1. 28.
- PMA 29 – Polevye materialy ekspeditsii avtora v N'iukasl-apon-Tain (Newcastle upon Tyne), region Severo-Vostochnaia Angliia, iul' 2012 g. (informanty: issledovatel' P. Benton (Paul Benton) 1982 g.r., muzykant L. Khennon (Lindsay Hannon) 1978 g.r.) [Field materials collected during the author's expedition to Newcastle upon Tyne, North-East England, July 2012 (respondents: Paul Benton, born 1982, researcher; Lindsay Hannon, born 1978, musician)]. *Arkhiv sektora etnoistorii IliA UrO RAN* [The Ethnohistory Department's Archives, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences]. F1. A1. 29.
- Repina L.P. "Natsional'nyi kharakter" i "obraz Drugogo" ["National character" and the 'image of the Other'], *Dialog so vremenem*, 2012, Vol. 39, pp. 9-19.
- Filippova E.I. *Territorii identichnosti v sovremennoi Frantsii* [Territories of identity in contemporary France]. Moscow: FGNU «Rosinformagrotekh», 2010.
- Filippova E.I. *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostoke i zapade Evropy* [Locals and aliens. Identity issues in the east and west of Europe]. V.V. Amelin, Ia. Bevan, E. Vetter et. al.; Ed. by E.I. Filippova and K. Le Torrivelleka. Moscow: IEA RAN, Goriachaia liniia – Telekom, 2018.
- Shevchenko T.I. *Sotsial'naia differentsiatsiia angliiskogo proiznosheniia* [Social categorization of the English roots]. Moscow: Vysshiaia shkola, 1990.
- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. N.-Y.: Verso, 2006.
- Barnard S. *Studying Radio*. L.: Hodder Education Publishers, 2000.
- Belchem J. An Accent Exceedingly Rare: Scouse and the Inflection of Class. In: *Merseypride. Essays in Liverpool Exeptionalism*. J. Belchem (ed.). Liverpool: Liverpool University Press, 2000, pp. 31–67.
- Bennet A. *Writing Home*. L.: Faber and Faber, 1994.
- Briggs A. *The History of Broadcasting in the United Kingdom*. Vol. 2: The Golden Age of Wireless. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Briggs A. Themes in Northern History, *Northern History*, 1966, Vol. 1, Issue 1, pp. 1–6.
- Census 2011. *Office for National Statistics*. Available at: <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/index.html> (01.07.2016).
- Christopher D. *British Culture. An Introduction*. L., N.-Y.: Routledge, 1999.
- Coles M., Kirk A. EU referendum results and maps: Full breakdown and find out how your area voted, *The Telegraph News*. 1 July, 2016. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/23/leave-or-remain-eu-referendum-results-and-live-maps/>
- Crissel A. *An Introductory History of British Broadcasting*. L.: Routledge, 1997. 296 p.
- Dodd P. Lowryscapes: Recent Writing about "the North", *Critical Quarterly*, 1990, Vol. 32, no 2, pp. 17–28.
- Dutton D. *Completely Lanky: Comic Guide to Lancashire Lingo*. Chorley: Book Clearance Centre, 2000.
- Edwards J. *Language and Identity: An introduction (Key Topics in Sociolinguistics)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Fernandez-Armesto F. *The Times Guide to the Peoples of Europe*. L.: Times Books, 1994.
- Furst S., Foster A. *Radio Comedy, 1938-1968*. L.: Virgin Publishing, 1996.
- Gifford D. *The Golden Age of Radio*. L.: Batsford, 1985.
- Griffiths B. *Fishing and Folk: Life and Dialect on the North Sea Coast*. Newcastle: Northumbria University Press, 2008.
- Howey P. *The Geordie Cook Book*. Thropton: Butler Publishing, 2010.
- Identity and Dialect Performance: A Study of Communities and Dialects* / Ed. by R. Bassiouney. L.: Routledge, 2017.

- Irwin D. *100 Geordie Jokes*. Thropton: Butler Publishing, 2010.
- Issues of Regional Identity* / Ed. by E. Royle. Manchester: Manchester University Press, 1998.
- Jarski R. *The Wit and Wisdom of the North*. L.: Ebury Press, 2009.
- Jewell H. *The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England*. Manchester: Manchester University Press, 1994.
- Joyce P. *Visions of the People. Industrial England and the Question of Class, 1848-1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Leith D. *A Social History of English*. L.: Routledge & K. Paul, 1983.
- Mugglestone L. *Talking Proper. The Rise of Accent as Social Symbol*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Nevin Ch. *Lanchashire, Where Women Die of Love*. L., Edinburgh: Mainstream Publishing, 2006.
- Nickel S. *The Geordie Dialect. On Language Identity and the Social Perception of Tyneside*. L.: Grin Verlag, 2018.
- Owens A. *Yorkshire Stories of the Supernatural*. Newbury, Berkshire: Countryside Books, 1999.
- Pegg M. *Broadcasting and Society, 1918–1939*. L.: Croom Helm, 1983.
- Peripheral Visions. Images of Nationhood. Contemporary British Fiction* / Ed. by I. Bell. Cardiff: University of Wales Press, 1995.
- Robins K. *The Nineteen-century Britain. Integration and diversity*. Oxford: Clarendon Press, 1988.
- Russell D. Selling Bradford: Tourism and Northern Image in the Late Twentieth Century, *Contemporary British History*, 2003, no. 2, Vol. 17, pp. 49–68.
- Russell D. *Looking North: Northern England and the National Imagination*. Manchester, N.-Y.: Manchester University Press, Palgrave, 2004.
- Scouse English* / Ed. by F. Fazakerly. L.: Abson Books, 2008.
- Snell K.D.M. *The Bibliography of Regional Fiction in Britain and Ireland 1800-2000*. Aldershot: Ashgate, 2002.
- Smith A. *National identity (Ethnonationalism in comparative perspective)*. Nevada: University of Nevada Press, 1991.
- Soysal Y. Mapping the Terrain of Transnationalization: Nation, Citizenship, and Region. In: Soysal Y. (Ed.). *Transnational Trajectories in East Asia: Nation, Citizenship, and Region*. L.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2015.
- Thinking Northern. Textures of Identity in the North of England* / Ed. by Ch. Ehland. Amsterdam, N.-Y.: Editions Rodopi B.V., 2007.
- Tomaney J. The Evolution of Regionalism in England, *Regional Studies*, 2002, no. 7, Vol. 6, pp. 721–732.
- Trudgill P. *The Dialects of England*. Cambridge: Basil Blackwell, 1990.
- Turner G. *The North Country*. L.: Eyre and Spottiswoode, 1967.
- Upton C., Widdowson J. D. A. *An Atlas of English Dialects*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Urry J. *Consuming Places*. L.: Routledge, 2002.
- Vicinus M. *The Industrial Muse*. Beckenham: Croom Helm, 1974.
- Waller P.J. Democracy and Dialect, Speech and Class. In: *Politics and Social Change in Modern Britain* / Ed. by P.J. Waller. Brighton: Harvester, 1987. P. 1–33.
- What's in a Name. Street Names of Sunderland. Project by Sunderland Heritage Forum*. Sunderland: Heritage Lottery Fund, 2010.
- Widdowson J. D. A. Sheffield Dialect on the Eve of the Millenium, *TYDS*, 1999, no. 99. 19, pp. 9-16.
- Woodward K. *Understanding Identity*. N.-Y.: Bloomsbury USA, 2003.
- Woolridge J. Living in the Past: the Imagined North of England in Contemporary British Films of the 1990s, *Film and Film Culture*, 2003, Vol. 2, pp. 25–32.

УДК 572

DOI: 10.17223/2312461X/27/12

БРАЧНАЯ АССОРТАТИВНОСТЬ И ЕЕ СВЯЗЬ С ПОЛОВЫМ ДИМОРФИЗМОМ У ИНДИЙЦЕВ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СТИМУЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ*

Дарья Алексеевна Дронова,
Марина Львовна Бутовская

Аннотация. Исследователи Э. Бершеид и Э. Уолстер (1974) выдвинули предположение, согласно которому женщины заключают брак с мужчинами, роста выше их собственного. В среднем во всех популяциях мужчины выше женщины, но половой диморфизм по росту имеет разную степень выраженности и оказывает влияние на это как культурная среда, так и филогенетическое развитие конкретного общества (Holden, Mace 1999). В западных культурах (Северная Америка и Европа) высокий рост мужчинам приносит дополнительные возможности и облегчает путь к достижению поставленных целей. При этом в популяциях, где ресурсы добываются иным путем, чем в индустриальных обществах, степень важности значения показателя «длина тела» мужчины носит иной характер. В рамках настоящего исследования мы проанализировали предпочтения в соотношении длины тела между партнерами в брачной паре у представителей индийской диаспоры в Танзании (г. Дар-эс-Салам). Нашими респондентами стали представители индийской диаспоры в Танзании, люди, оторванные от страны происхождения, хотя сохраняющие с ней четкую культурную связь, и проживающие в окружении иного этнического сообщества, являющегося коренным населением на данной территории. Для решения поставленной задачи применялся метод стимульных изображений. Респондентам предлагалось выбрать две пары мужчина-женщина из изображенных шести силуэтов. Первая отражала предпочтения индийцев относительно соотношения роста в брачной паре, а вторая демонстрировала реальную ситуацию, сложившуюся у респондента в жизни: разницы длины тела между мужем и женой. Принимая во внимание полученные результаты по индийцам, следует искать сходства-различия и причинно-следственные связи относительно предпочтений степени выраженности полового диморфизма по росту внутри определенных групп популяций (западные, индустриальные, доиндустриальные, развитые, развивающиеся страны, общества, ведущие традиционный образ жизни и т.п.), учитывать локальную специфику экологических условий проживания, показатели здоровья и культурные нормы.

---

* Дронова Д.А. благодарит РФФИ за финансовую поддержку проекта № 18-39-00128, в рамках которого проведено данное исследование. Бутовская М.Л. публикует в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Ключевые слова: половой диморфизм по росту, рост, длина тела, выбор брачного партнера, брачная ассортативность, стимульные изображения, индийцы, индийская диаспора, Танзания

Природу предпочтений в выборе брачного партнера исследуют специалисты из разных областей науки, в том числе этологи, физические антропологи, эволюционные психологи. Наряду с такими морфологическими показателями как симметричность лица, соотношение талии к бедрам, индекс массы тела, не меньший интерес представляет также длина тела.

В 1975 г. исследователь С. Фелдман (Feldman 1975) показал, что мужчины с более высоким ростом имеют больше шансов при устройстве на работу и получить начальную более высокую заработную плату, чем мужчины с меньшим ростом. Также интервьюеры при приеме на работу предпочитают высоких мужчин мужчинам с меньшим ростом (Kurtz 1969), им с большей вероятностью доверяют ведущую должность или назначат менеджером по тренинговым программам (Farb 1978). Не менее важен рост кандидатов на выборах: установлена положительная связь длины тела с результатами голосований (Kassarjian 1962). Данные по США, Великобритании, Швеции, Дании, Германии, Польше показывают, что мужчины высокого роста успешнее в социально-экономической сфере, чем другие мужчины. Они оказываются более образованными, имеют более высокий статус в обществе, достигают больших успехов в карьере и имеют более высокий доход, те же закономерности, в целом, отмечаются и для женщин в западном обществе (Peck, Vågerö 1987; Teasdale, Owen, Sorensen 1991; Judge, Cable 2004; Szklarska et al. 2007).

Высокие как мужчины, так и женщины Северной Америки и Европы обладают более крепким здоровьем по сравнению с низкими представителями мужского пола, что подтверждается показателями устойчивости к заболеваниям сердечно-сосудистой и респираторной систем, меньшим количеством инсультов и данными по общей смертности (Peck, Vågerö 1987; La Batide-Alanore et al. 2003). В то же время ряд работ показывает, что более высокие женщины чаще других подвержены раковым заболеваниям репродуктивной системы и имеют выше процент смертности по этой причине (Hilakivi-Clarke et al. 2001). Данные исследований по Норвегии и Великобритании свидетельствуют о том, что как очень высокие, так и очень низкие женщины обладают недостаточно хорошей физической формой в отличие от среднерослых представительниц женского пола (Nettle 2002b; Engeland et al. 2003). Эти исследования выявили U-образную связь между ростом, здоровьем и физической формой. Однако причины связи длины тела со здоровьем у представителей обоих полов остаются предметом научных дискуссий.

Длина тела является важным фактором при выборе брачного партнера. Исследователи Э. Берсшейд и Э. Уолстер (1974) выдвинули предположение, согласно которому женщины заключают брак с мужчинами, роста выше их собственного. Эта же тенденция прослеживается и в текстах матримониальных объявлений: заявители кроме уточнения своего собственного роста указывают на предпочтения относительно длины тела предполагаемого партнера (Cameron, Oskaps, Sparks 1978). Анализ объявлений позволяет подтвердить вышеизложенное предположение: женщины запрашивают партнера выше собственного роста, а мужчины – ниже. Более того, мужчины с ростом выше среднего достоверно чаще получают отклики, чем низкие мужчины (Lynn, Shurgot 1984).

Длина тела напрямую связана с привлекательностью (Graziano, Brothen, Berscheid 1978; Shepperd, Strathman 1989). Обобщая накопленные данные по степени важности показателя «длина тела» при достижении успеха человека в различных областях, Б. Павловски (Pawlowski 2003) провел исследование брачной ассортативности партнеров по росту. В рамках эволюционной теории Б. Павловски пытался оценить давление полового отбора по показателю «длина тела» внутри популяции с учетом выраженности полового диморфизма. Б. Павловски использовал модифицированный метод, предложенный Дж. Шеппердом и Э. Страсманом (1989), с использованием силуэтов пар мужчина-женщина: увеличил число сравниваемых пар до шести; отрегулировал соотношение длины тела мужчины относительно женщины на стимульных изображениях с учетом средних значений полового диморфизма для европейских популяций, опираясь на результаты ранее проведенных исследований. Кроме того, респонденты указывали свою гендерную принадлежность, возраст, рост и выбирали пару, где разница в росте между мужчиной и женщиной казалась им наиболее подходящей.

Важный вывод, полученный Б. Павловским, носил глубинный эволюционный смысл: каждый человек подсознательно стремится расширить свой пул брачных партнеров. Это означает, что в зависимости от значения своего показателя длины тела человек будет выбирать пару из предложенных силуэтов, где диморфизм по росту будет выражен в большей или меньшей степени. Примером может послужить высокорослый мужчина. В случае если он в качестве потенциальной постоянной партнерши будет рассматривать только высоких женщин, тогда круг подходящих ему женщин будет резко сужен. Поэтому высокие мужчины и низкие женщины будут предпочитать пары с большей степенью диморфизма по росту и, наоборот, невысокие мужчины и высокие женщины выберут пары с наименьшей разницей в росте между партнерами. Кроме того, автором описываемого исследования с соавторами (Pawlowski, Dunban, Lipowitz 2000) и его коллегами (Nettle 2002a, 2002b) доказано, что относительно высокие мужчины и относительно низкие

женщины репродуктивно более успешнее других. Существует психологический механизм, который находит баланс между желанием иметь партнера, длина тела которого близка к среднему значению по популяции, и стремлением к соотношению в росте между партнерами в брачной паре к среднему показателю диморфизма по росту в популяции. Это подтверждает стабилизирующий отбор внутри популяции по половому диморфизму по показателю «длина тела».

В другом исследовании по трем европейским странам (Германии, Австрии и Великобритании) (Fink et al. 2007), с использованием тех же стимульных изображений, респонденты указывали личную информацию (пол, возраст, сексуальную ориентацию, рост) и выбирали одну из пар, которая отражает наиболее предпочитаемую модель. Соотношение роста между мужчиной и женщиной варьировалось в диапазоне SDS (половой диморфизм по росту) от 0,96 до 1,19. Представители обоих полов выражали ростовые предпочтения потенциального брачного партнера, ориентируясь на показатели собственного роста. Подтвердилось предпочтение нормы «мужчина-выше-женщины» («male-taller-post»), о которой для западной популяции неоднократно упоминалось ранее (Gillis, Avis 1980).

Описанные выше исследования касаются индустриальных обществ, и экстраполировать их выводы на другие популяции, ведущие традиционный образ жизни, не представляется возможным. Хотя в среднем во всех популяциях мужчины выше женщины, но половой диморфизм по росту имеет разную степень выраженности и оказывает влияние на это как культурная среда, так и филогенетическое развитие конкретного общества (Holden, Mace 1999). В западных культурах (Северная Америка и Европа) высокий рост мужчинам приносит дополнительные возможности и облегчает путь к достижению поставленных целей. При этом в популяциях, где ресурсы добываются иным путем, чем в индустриальных обществах, степень важности значения показателя «длина тела» мужчины может носить иной характер. Так, например, данные по африканским охотникам-собираетелям !кунг сан показывают отрицательную корреляцию размера тела мужчины с количеством добычи, которую он приносит с охоты (Lee 1979). Невысокий рост может помочь охотнику незаметнее и проворнее вести себя во время выслеживания и погони за добычей. Поэтому в недавнее время рядом исследователей были изучены предпочтения длины тела партнера в брачной паре у представителей традиционных обществ (например, хадза Танзании: Sear, Marlowe 2009). Реальное число брачных пар, где женщина выше мужчины, соответствовало ожидаемому распределению в популяции. Эти результаты схожи с имеющимися сведениями по доиндустриальным обществам сельских районов Гамбии, где доля таких браков достигает 10%, и отличны от данных по Великобритании, где процент браков, в которых жена выше мужа, ниже ожидаемого (Sear 2006).

П. Сороковски с коллегами (Sorokowski et al. 2012) провели опросы среди кочевых пасторалистов химба, проживающих в северной части Намибии. В качестве метода сбора данных были использованы стимульные изображения шести пар мужчина-женщина с вариацией полового диморфизма по росту от 1,19 до 0,96 с шагом 0,05, разработанные Б. Павловски (Pawlowski 2003). Большинство респондентов обоих полов сошлись во мнении: предпочтительным оказался вариант пары, где мужчина и женщина одного роста. На втором месте у мужчин оказалась пара, в которой женщины выше ростом относительно своего партнера. Не было найдено связи между собственным ростом женщины и ее предпочтениями. Как и в случае с данными по хадза, характерная для западного общества норма в брачной паре «мужчина-выше-женщины» («male-taller-norm») у химба оказалась слабо выраженной. Полученные результаты авторы исследования связывают с условиями окружающей среды (полупустыня на севере Намибии), в которых химба ведут свой традиционный образ жизни. По их мнению, неблагоприятные условия жизни, ограниченность ресурсами и, как следствие, неправильная диета, стресс для организма, инфекционные заболевания могут негативно сказаться на здоровье человека, особенно в период его активного физического развития, что в свою очередь отразится и на рассматриваемом в данной работе показателе «длина тела».

В другом исследовании (Sorokowski, Sorokowska 2012) анализировали предпочтения роста у брачных партнеров среди яли, земледельцев центральной части Папуа. Как мужчины, так и женщины яли не выразили однозначного мнения в пользу конкретной пары, где мужчина был бы однозначно либо выше, либо ниже ростом своей партнерши. Ответы распределились практически равномерно между всеми парами силуэтов. Такие результаты говорят об отсутствии конкретных предпочтений или о наличии разнообразия в них по отношению к половому диморфизму по росту. Следует добавить, что мужчины старшего поколения чаще выбирали пары, где женщина выше мужчины. По мнению авторов исследования, это может свидетельствовать о том, что еще 10–20 лет назад предпочтения отдавались именно высоким женщинам. Тем не менее подтверждается тенденция слабой выраженности нормы «мужчина-выше-женщины» среди представителей популяций, ведущих традиционный образ жизни, по сравнению с ее широким распространением в западных обществах. В обществе яли не было обнаружено связи между длиной тела и общим количеством детей (Sorokowski, Sorokowska, Danel 2013), в противовес западной культуре, где наблюдается корреляция высокого роста у мужчин и низкорослых женщин с репродуктивным успехом (Pawlowski et al. 2000; Mueller, Mazur 2001; Nettle 2002b). По данным, полученным из Гамбии (Sear, Allal, Mace 2004), Гватемалы (Pollet, Nettle 2008) и Бангладеш (Baqui et al. 1994), видно,

что дети высоких женщин лучше адаптируются и имеют больше шансов на выживание. Полностью противоположные результаты показало исследование, проведенное в Перу: дети низкорослых мам имели больший процент выживаемости (Frisancho et al. 1973). Также не прослеживается зависимости показателя «длина тела» с благосостоянием, в то время как в индустриальных обществах существует четкая связь высокого роста с профессиональными успехами и материальным достатком (Melamed 1994; Sorokowski 2010).

Иные результаты относительно предпочтений длины тела брачного партнера были получены у представителей скотоводов датога, проживающих преимущественно на севере Танзании (Sorokowski, Butovskaya 2012). Данные собирались уже описанным выше методом демонстрации стимульных изображений шести пар мужчина-женщина, однако силуэты были несколько модифицированы (Pawlowski 2003). Длина тела мужчины оставалась неизменной, а рост женщины либо удлинялся, либо укорачивался относительно мужчины, при этом пропорции поперечного телосложения сохранялись. Половой диморфизм варьировался от 1,19 до 0,96. Анализ показал, что мужчины отдавали предпочтение в равной мере представительницам женского пола или значительно выше себя, или ниже. В свою очередь, женщины выбирали партнера одного с ними роста.

Таким образом, норма «мужчины-выше-женщины» («male-taller-popt») не подтвердилась как универсальная характеристика при выборе брачного партнера во всех популяциях.

В рамках настоящего исследования анализировали предпочтения в соотношении длины тела между партнерами в брачной паре у представителей индийской диаспоры в Танзании (г. Дар-эс-Салам). Наш выбор этнической группы был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, индийцы продолжают сохранять свою традиционную культуру и следовать ее строгим правилам, в том числе и в matrimониальных отношениях. Во-вторых, индийское общество не изолировано от влияния западной культуры, но, тем не менее, предпочитает соблюдать устоявшиеся в течение столетий нормы поведения. В-третьих, нашими респондентами стали не жители Индии, а представители индийской диаспоры в Танзании, люди, оторванные от страны происхождения, хотя сохраняющие с ней четкую культурную связь и проживающие в окружении иного этнического сообщества, являющегося коренным населением на данной территории. В связи с вышесказанным мы задались вопросом: предпочтения представителей индийской диаспоры будут близки с выбором тех, кто продолжает вести традиционный образ жизни, или с обществами, которые давно идут по индустриальному пути развития.

Существуют сведения о том, что индийцы начали осваивать восточноафриканское побережье примерно с I в. н. э. Это были мореплавате-

ли-купцы, наладившие торговые связи между Индией и Восточной Африкой. С середины XIX в. индийцы в качестве не только купцов, но и чиновников, охранников, сборщиков налогов активно сотрудничают с арабскими султанатами, располагавшимися на о. Занзибар и контролировавшими береговую зону Восточной Африки. Во времена колонизации англичанами и немцами территории Восточной Африки индийцы продолжали пребывать в этот регион. В первые десятилетия XX в. индийцы уже занимали прочные позиции в экономической жизни и имели своих представителей в административном аппарате. В значительной мере благополучное положение индийцев было подорвано политикой национализации в восточноафриканских странах, направленной против присутствия и участия индийцев в экономике и управлении упомянутых государств. Так, например, «африканизация» в Танзании, «кениянизация» в Кении и т.п. заставили большую часть индийцев мигрировать из Восточной Африки. Тем не менее принимаемые меры правительством Индии по реабилитации и поддержке представителей индийских диаспор в восточноафриканских государствах и развитие рыночной экономики в начале 90-х гг. XX в. способствовали улучшению положения индийцев и возобновлению привычной деятельности, в частности в сфере торговли, мелкого и среднего бизнеса (Усов 2010: 57). Численность индийцев в Танзании составляет 90 тыс. человек. Индийская диаспора достаточно замкнутая и самодостаточная (Дронова 2014). Индийцы компактно расселены в городах, образуя свои кварталы, в которых имеется вся необходимая инфраструктура для комфортного проживания: многоквартирные (заселены исключительно представителями своей этнической, а зачастую и религиозной, группы) и частные дома, медицинские и религиозные (индуистские храмы, мечети, гурудвары) центры, учебные заведения с индийской методикой преподавания, библиотека, магазины (ассортимент представлен в большей степени индийскими товарами) и т.п.

В ходе экспедиционного выезда нами опрошено 105 человек в г. Дар-эс-Салам, из которых 51 мужчина и 54 женщины. Возрастной диапазон составил от 19 до 65 лет, средний возраст – 39 лет ($SD = 11,20$). Длина тела у мужчин варьируется в пределах от 5 футов до 6 футов 2 инчей (среднее значение 5 футов 6 инчей при $SD = 0,313$), у женщин – от 4 футов 11 инчей до 5 футов 9 инчей (среднее значение 5 футов 3 инчей при $SD = 0,290$). Все респонденты по этнической принадлежности являются индийцами. Среди опрошенных приверженцами индуизма и ислама оказались 55,2 и 43,8% соответственно (1% не указал свою религиозную принадлежность).

Для проведения исследования мы использовали вариант анкеты, разработанный Дж. Шеппердом и А. Стравманом (1989), позднее дополненный Б. Павловски (2003) и П. Сороковски совместно с М.Л. Бу-

товской (2012). На листе бумаги расположены шесть стимульных изображений пар мужчина-женщина в порядке уменьшения полового диморфизма по росту, который представлен следующими пунктами: 1,19; 1,14; 1,09; 1,04; 1,0; 0,96. Респондентам предлагалось выбрать две пары мужчина-женщина из изображенных шести силуэтов. Первая – отражала предпочтения индийцев относительно соотношения роста в брачной паре, а вторая демонстрировала реальную ситуацию, сложившуюся у респондента в жизни: разницы длины тела между мужем и женой. Кроме того, требовалось указать гендерную принадлежность, возраст, свой рост.

Анализ полученных данных проводился с помощью программы SPSS-20 с применением методов распределения частот (позволил выявить распределение в процентном выражении как предпочтений по выраженности полового диморфизма в брачной паре, так и реальных ситуаций), описательной статистики, Хи-квадрат и дисперсионного анализа (таблица).

Предпочтения и реальная ситуация респондентов относительно полового диморфизма в брачной паре

Стимульное изображение (степень полового диморфизма)	Мужчины, %		Женщины, %	
	Реальность	Предпочте- ние	Реальность	Предпочте- ние
1 (1,19)	15,7	11,8	7,4	11,1
2 (1,14)	17,6	23,5	29,6	29,6
3 (1,09)	23,5	29,4	14,8	50,0
4 (1,04)	21,6	17,6	13,0	5,6
5 (1,0)	7,8	17,6	16,7	3,7
6 (0,96)	0	0	0	0

Оценивая свою реальную ситуацию, большая часть респондентов-мужчин указала на пару, в которой партнер выше партнерши (SDS = 1,09), и несколько меньше респондентов выбрали силуэт, где мужчина незначительно выше женщины в супружеской паре (SDS = 1,04). Практически в равной степени – 17,6 и 15,7% – мужчины отметили, что они соответственно (SDS = 1,14 и SDS = 1,19) значительно или сильно выше свое супруги. Наименьшее количество мужчин сообщили об отсутствии разницы в росте в их брачной паре. Ни один респондент не указал, что его супруга выше ростом. Такая же ситуация сложилась у женщин: никто из них не ответил о своем более высоком росте относительно их супруга. Достоверное большинство респондентов женского пола заявили о том, что в их паре мужчина значительно выше, чем они сами (SDS = 1,14). Большой процент женщин утверждает, что силуэт, где мужчина и женщина одинакового роста (SDS = 1,00), соответствует их реальной паре. Близки по частоте встречаемости среди респонденток пары с SDS = 1,09 и SDS = 1,04, где мужчина выше

или чуть выше женщины. Несколько женщин отметили, что в их супружеской паре мужчина сильно выше, чем они ($SDS = 1,19$).

Большинство мужчин предпочли пару с половым диморфизмом равным 1,09, где мужчина выше женщины. Несколько меньше респондентов мужского пола выбрали пару, в которой мужчина значительно выше партнерши ($SDS = 1,14$). В равной степени привлекательными для мужчин оказались силуэты с $SDS = 1,04$ и $SDS = 1,0$, где соответственно мужчина чуть выше женщины и партнеры одинакового роста. Наименьшее количество мужчин определили как наиболее подходящий им вариант соотношения роста с половым диморфизмом равным 1,19. В такой паре партнер значительно выше партнерши. Никого из респондентов, как мужчин, так и женщин, не привлек силуэт, где женщина выше партнера ($SDS = 0,96$). Ровно половина женщин от общей выборки отдали предпочтение паре с половым диморфизмом 1,09. Также высокий процент женщин считает оптимальным вариантом, когда мужчина значительно выше партнерши ($SDS = 1,14$). Некоторым респондентам наиболее привлекательной оказалась пара, в которой партнер сильно выше партнерши ($SDS = 1,19$). Небольшому числу женщин понравились силуэты в одном случае с равным ростом обоих партнеров ($SDS = 1,0$) и во втором – мужчина чуть выше женщины ($SDS = 1,04$).

Кроме того, были выявлены достоверные гендерные различия в оценке предпочитаемой степени выраженности полового диморфизма в брачной паре ($\chi^2=11,38$; $df=4$; $p=0,023$). Мужчины чаще, а женщины реже выбирали силуэты с $SDS=1,19$; 1,04; 1,00, чем ожидалось. Обратная ситуация сложилась с парами, где половой диморфизм равен 1,14 и 1,09 – мужчины реже, а женщины чаще отдавали им предпочтение, чем предполагалось.

Однако достоверная связь между предпочтением той или иной пары и длиной тела самих респондентов обоих полов не была обнаружена (для мужчин $F = 1,564$, $p = 0,217$, $R^2 = 0,383$; для женщин $F = 0,988$, $p = 0,431$, $R^2 = 0,394$). Также от возраста респондентов не зависит выбор одного из шести силуэтов (для мужчин $F = 1,468$, $p = 0,242$, $R^2 = 0,519$; для женщин $F = 0,422$, $p = 0,791$, $R^2 = 0,191$). Аналогично ни религиозная (для мужчин $F = 1,069$, $p = 0,393$, $R^2 = 0,347$; для женщин $F = 0,560$, $p = 0,693$, $R^2 = 0,549$), ни кастовая (для мужчин $F = 0,605$, $p = 0,663$, $R^2 = 0,308$; для женщин $F = 0,747$, $p = 0,569$, $R^2 = 0,313$) принадлежность респондентов-индийцев достоверно не коррелируют с предпочтением конкретного соотношения роста в брачной паре.

Обобщая полученные нами результаты по индийцам, проживающим в Танзании, становится очевидным, что характерная для индустриальных обществ норма «мужчина-выше-женщины» в этой группе ярко выражена. Это указывает на сходство ориентаций в предпочтениях значения полового диморфизма у респондентов-индийцев с западными мо-

делями. Большинство, как мужчин, так и женщин, остановили свой выбор на среднем варианте выраженности полового диморфизма с $SDS = 1,09$, где партнер выше своей партнерши. При этом ни один из респондентов не пожелал, чтобы в его брачной паре супруга была выше мужа. Хотя представители традиционных обществ довольно часто рассматривают пару, в которой женщина выше своего партнера, в качестве наиболее подходящей модели для реальной жизни. Ученые склонны объяснять такой выбор экологическими условиями проживания и невысоким уровнем жизни, ссылаясь на влияние этих фактор на общее здоровье человека, в частности и на его рост. Невозможно сказать, что в большинстве своем индийцы имеют достаточные возможности для полноценного питания и, соответственно, успешного физического развития. Исследования последних лет показывают, что, например, женщины из сельских районов Индии, социально незащищенные и с низким уровнем образования, имеют невысокий показатель по параметру «длина тела» (Viswanathan, Sharma 2009). Тем не менее представители индийской диаспоры не выразили желаний иметь высокую партнершу, скорее всего для них не важен этот фактор как показатель полноценного развития.

В то же время опубликованы данные, согласно которым средние значения длины тела индийцев, проживающих на Фиджи и Карибских островах, увеличились по сравнению со средним ростом тех, кто непосредственно уезжал из Индии в этот регион (Brennan, McDonald, Shlomowitz 1997). Авторы этого исследования указывают, что этому способствовали улучшение экологических условий и диеты. Возможно, схожие процессы происходили и в диаспоре, сформировавшейся в Танзании. Тем более, что на данный момент представители диаспоры по социоэкономическим показателям относятся к среднему и высшему классу в обществе: занимают престижные должности, являются успешными предпринимателям, учителями, врачами, т.е. достаточно обеспечены.

Нами не было выявлено влияния социокультурных компонентов на предпочтения индийцев в половом диморфизме по росту. Так религиозная и кастовая принадлежности не коррелируют с выбором конкретной величины длины тела. Правда, в литературе встречаются данные о ярко выраженном половом диморфизме по росту у высших каст (Brennan, McDonald, Shlomowitz 1994). Объяснение этому возможно кроется, с одной стороны, в продолжающейся дискриминации детей женского пола, а с другой – в большом значении порядка рождения детей (Jayachandran, Pande 2017). Больше ресурсов вкладывается в сына, даже если в семье уже есть дочь. Среди представителей индийской диаспоры в Танзании четкой зависимости от таких физико-морфологических показателей, как возраст и рост, выявлено не было. Длина тела самого респондента не коррелирует с выбором конкретной пары в отличие от данных по европейским культурам (Fink et al. 2007; Pawlowski 2003).

В ходе анализа наших данных и их интерпретации становится, однако, очевидным, что предпочтения относительного полового диморфизма по росту у представителей индийской диаспоры все же не соотносятся ни с западными, ни с доиндустриальными обществами. Напрашивается выделение среднего варианта между двумя представленными категориями. Очевидно, такой дуализм для индийцев не является исключением. Обратимся к китайским материалам (Higgins et al. 2002). До начала волны вестернизации в китайском обществе действовали довольно жесткие законы бракосочетания и сексуальной жизни. Эти процессы схожи с реалиями индийской культуры. Что касается предпочтений в половом диморфизме, по росту китайцы и китайки желают, чтобы в их брачной паре мужчина был выше женщины. Таким образом, норма «мужчина-выше-женщины» характерна и для китайского общества. Остается открытым вопрос, является ли это стремлением подражать западным нормам. Как, например, в Индии светлый цвет кожи считается более предпочтительным, чем смуглый (Дронова, Бутовская 2011). Женщины стремятся иметь светлый цвет кожи как у европейских женщин и для этих целей используют многочисленные косметические средства и процедуры для высветления кожи.

Тем не менее предпочтение нормы «мужчина-выше-женщины» выразили как представители индийской диаспоры в Танзании, так и представители китайского общества. Обе культуры практикуют моногамный брак. В прошлом брак заключали исключительно по сговору родителей, в настоящем молодые все чаще делают самостоятельный выбор брачного партнера, а после получают родительское одобрение. Авторы другого кросс-культурного исследования по доиндустриальным обществам (Sorokowski et al. 2015) полагают, что норма «мужчина-выше-женщины» распространена в обществах с моногамией и с самостоятельным выбором брачного партнера, тогда как в обществах, где выбор партнера – прерогатива родителей, предпочтения молодых нивелируются. В случае наших данных по индийцам, установки относительно полового диморфизма по росту могли измениться с течением времени вследствие вестернизации (о чем речь шла выше) или по мере роста возможности самостоятельного выбора, хоть и с согласия родителей. В то же время в самой Индии родители и сейчас подают брачные объявления в газеты, где указывают подходящий рост потенциального партнера. Это может свидетельствовать о давнем распространении нормы «мужчина-выше-женщины» в Индии (возможно, со времен британской колонизации).

Таким образом, принимая во внимание полученные данные по индийцам, следует искать сходства-различия и причинно-следственные связи относительно предпочтений степени выраженности полового диморфизма по росту внутри определенных групп популяций (западные,

индустриальные, доиндустриальные, развитые, развивающиеся страны, общества, ведущие традиционный образ жизни и т.п.), учитывать локальную специфику экологических условий проживания, показатели здоровья и культурные нормы. Метаанализ данных, собранных методом демонстрации стимульных изображений и опубликованных как по западным, так и по незападным культурам, показывает, что величина ассортативности браков по критерию длины тела невысока (Stulp et al. 2017). В соответствии с этим, предполагается, что фактор роста потенциального партнера играет не первостепенную роль в оценке привлекательности, хотя, при прочих равных условиях, может оказать влияние на выбор (Stulp et al. 2013).

Литература

- Дронова Д.А. Индийцы Дар-эс-Салама // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 175–185.
- Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Выбор брачного партнера в современном индийском обществе и половой отбор // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2011. № 6. С. 46–66.
- Усов В.А. Индия и Африка на рубеже тысячелетий. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Институт Африки РАН, 2010.
- Baqi A.H., Arifeen S.E., Amin S., Black R.E. Levels and correlates of maternal nutritional-status in urban Bangladesh // European Journal of Clinical Nutrition. 1994. Vol. 48. P. 349–357.
- Brennan L., McDonald J., Shlomowitz R. The height and economic well-being of North Indians under British rule // Social science history. 1994. Vol. 18 (2). P. 271–307.
- Brennan L., McDonald J., Shlomowitz R. Sex differences in Indian height at home and abroad // Man in India. 1997. Vol. 77. P. 105–118.
- Cameron C., Oskamp S., Sparks W. Courtship American style: Newspaper advertisements // Family Coordinator. 1978. Vol. 26. P. 27–30.
- Engeland A., Bjorge T., Selmer R.M., Tverdal A. Height and body mass index in relation to total mortality // Epidemiology. 2003. Vol. 14. P. 293–299.
- Farb B. Humankind. Boston: Houghton Mifflin, 1978.
- Feldman S.D. The presentation of shortness in everydaylife - Height and heightism in American sociology: Toward a sociology of stature // Life styles: Diversity in American society / S.D. Feldman, G.W. Thiebar (eds.), Boston: Little Brown, 1975. P. 427–442.
- Fink B., Neave N., Brewer G., Pawlowski B. Variable preferences for sexual dimorphism in stature (SDS): Further evidence for an adjustment in relation to own height // Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 43 (8). P. 2249–2257. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2007.07.014>.
- Frisancho A.R., Sanchez J., Pallarde D., Yanez L. Adaptive significance of small body size under poor socioeconomic conditions in Southern Peru // American Journal of Physical Anthropology. 1973. Vol. 39. P. 255–261.
- Gillis J.S., Avis W.E. The male-taller norm in mate selection // Personality and Social Psychology Bulletin. 1980. Vol. 6. P. 391–401.
- Graziano W.G., Brothen T., Berscheid E. Height and attraction: Do men and women see eye-to-eye? // Journal of Personality. 1978. Vol. 46. P. 128–145.
- Higgins L., Zheng M., Liu Y., Sun C.H. Attitudes to marriage and sexual behaviors: a survey of gender and culture differences in China and United Kingdom // Sex roles. 2002. Vol. 46 (3). P. 75–89.

- Hilakivi-Clarke L., Forsén T., Eriksson J.G., Luoto R., Tuomilehto J., Osmond C., Barker D.J.P.* Tallness and overweight during childhood have opposing effects on breast cancer risk // *British Journal of Cancer*. 2001. Vol. 85. P. 1680–1684.
- Holden C., Mace R.* Sexual dimorphism in stature and women's work: A phylogenetic cross-cultural analysis // *American Journal of Physical Anthropology*. 1999. Vol. 110. P. 27–45.
- Jayachandran S., Pande R.* Why are Indian children so shot? The Role of Birth Order and Son Preference // *American Economic Review*. 2017. Vol 107 (9). P. 2600–2629. DOI: 10.1257/20151282.
- Judge T.A., Cable D.M.* The effect of physical height on workplace success and income: Preliminary test of a theoretical model // *Journal of Applied Psychology*. 2004. Vol. 89. P. 428–441.
- Kassarjian H.* Voting intention and political perception // *Journal of Psychology*. 1962. Vol. 56. P. 85–88.
- Kurtz D.L.* Physical appearance and stature: Important variables in sales recruiting // *Personnel Journal*. 1969. Vol. 48. P. 981–983.
- La Batide-Alanore A., Trégouët D.A., Sass C., Siest G., Visvikis S., Tiret L.* Family study of the relationship between height and cardiovascular risk factors in the STANISLAS cohort // *International Journal of Epidemiology*. 2003. Vol. 32. P. 607–614.
- Lee R.B.* *The !Kung San: Men, women, and work in a foraging society*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1979.
- Lynn M., Shurgot B.A.* Responses to lonely hearts advertisements: Effects of reported physical attractiveness, physique, and coloration // *Personality and Social Psychology bulletin*. 1984. Vol. 10. P. 349–357.
- Melamed T.* Correlates of physical features: some gender differences // *Personality and Individual Differences*. 1994. Vol. 17. P. 689–691.
- Mueller U., Mazur A.* Evidence of unconstrained directional selection for male tallness // *Behavioral Ecology and Sociobiology*. 2001. Vol. 50. P. 302–311.
- Nettle D.* Height and reproductive success in a cohort of British men // *Human Nature* 2002a. Vol. 13. P. 473–491.
- Nettle D.* Women's height, reproductive success and the evolution of sexual dimorphism in modern humans // *Proceedings of the Royal Society of London B*. 2002b. Vol. 269. P. 1919–1923. DOI: 10.1098/rspb.2002.2111
- Pawlowski B., Dunbar R.I.M., Lipowicz A.* Tall men have more reproductive success // *Nature*. 2000. Vol. 403. P. 156.
- Pawlowski B.* Variable preferences for sexual dimorphism in height as a strategy for increasing the pool of potential partners in humans // *Proceedings of the Royal Society of London B*. 2003. Vol. 270. P. 709–712.
- Peck A.M., Vågerö D.H.* Adult body height and childhood socioeconomic group in the Swedish population // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 1987. Vol. 41. P. 333–337.
- Pollet T.V., Nettle D.* Taller women do better in a stressed environment: height and reproductive success in rural Guatemalan women // *American Journal of Human Biology*. 2008. Vol. 20. P. 264–269.
- Sear R.* Height and reproductive success: how a Gambian population compares to the West // *Human Nature*. 2006. Vol. 17. P. 405–418. doi: 10.1007/s12110-006-1003-1
- Sear R., Allal N., Mace R.* Height, marriage and reproductive success in Gambian women // *Research in Economic Anthropology*. 2004. Vol. 23. P. 203–224.
- Sear R., Marlowe F.W.* How universal are human mate choices? Size doesn't matter when Hadza foragers are choosing a mate // *Biology Letters*. 2009. Vol. 5. P. 606–609.
- Shepperd J.A., Strathman A.J.* Attractiveness and height: The role of stature in dating preference, frequency of dating, and perceptions of attractiveness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1989. Vol. 15. P. 617–627.

- Sorokowski P.* Politicians' estimated height as an indicator of their popularity // *European Journal of Social Psychology*. 2010. Vol. 40. P. 1302–1309.
- Sorokowski P., Butovskaya M.L.* Height preferences in humans may not be universal: Evidence from the Datoga people of Tanzania // *Body Image*. 2012. Vol. 9 (4). P. 510–516. <http://dx.doi.org/10.1016/j.bodyim.2012.07.002>.
- Sorokowski P., Sorokowska A., Butovskaya M., Stulp G., Huanca T., Fink B.* Body Height Preferences and Actual Dimorphism in Stature between Partners in Two Non-Western Societies (Hadza and Tsimane') // *Evolutionary Psychology*. 2015. Vol. 13 (2). P. 455–469.
- Sorokowski P., Sorokowska A.* Judgments of sexual attractiveness: a study of the Yali tribe in Papua // *Archives of Sexual Behavior*. 2012. Vol. 41. P. 1209–1218. doi:10.1007/s10508-012-9906-x
- Sorokowski P., Sorokowska A., Danel D.P.* Why pigs are important in Papua? Wealth, height and reproductive success among the Yali tribe of West Papua // *Economics and Human Biology*. 2013. Vol. 11. P. 382–390.
- Sorokowski P., Sorokowska A., Fink B., Mberira M.* Variable preferences for sexual dimorphism in stature (SDS) might not be universal: Data from a semi nomad population (Himba) in Namibia // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. P. 32–37.
- Stulp G., Buunk A.P., Kurzban R., Verhulst S.* The height of choosiness: mutual mate choice for stature results in suboptimal pair formation for both sexes // *Animal behavior*. 2013. Vol. 86. P. 37–46.
- Stulp G., Simons M.J.P., Grasman S., Pollet T.V.* Assortative mating for human height: a meta-analysis // *American journal of human biology*. 2017. Vol. 29. e22917. <https://doi.org/10.1002/ajhb.22917>
- Szklarska A., Koziel S., Bielicki T., Malina R.M.* Influence of height on attained level of education in males at 19 years of age // *Journal of Biosocial Science*. 2007. Vol. 39. P. 575–582.
- Teasdale T.W., Owen D.R., Sorensen T.I.* Intelligence and education levels in adult males at the extreme of stature // *Human Biology*. 1991. Vol. 63. P. 19–30.
- Viswanathan B., Sharma V.* Socio-economic differences in heights of adult Indian women // *Journal of developing societies*. 2009. Vol. 25 (4). P. 421–455.

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2019 г.

Dronova Daria A. and Butovskaya Marina L.

ASSORTATIVE MATING AND ITS RELATIONSHIP WITH SEXUAL DIMORPHISM IN INDIANS: EXPERIMENTAL DATA USING STIMULUS IMAGES

DOI: 10.17223/2312461X/27/12

Abstract. Berscheid and Walster (1974) suggested that women marry men who are taller than them. On average, in all populations, men are taller than women, but sexual dimorphism in height has different degrees of severity and affects both the cultural environment and the phylogenetic development of a particular society (Holden & Mace, 1999). In Western cultures (North America and Europe), being tall gives men additional opportunities and facilitates their goals. At the same time, in populations where resources are obtained in a different way than in industrial societies, the importance of the man's height differs. In this study, we analyzed the male-female height ratio preferred by married couples from the Indian Diaspora in Tanzania (Dar es Salaam). As a method, stimulus images were used, whereby the respondents were asked to choose two male-female pairs from six silhouettes depicted. The first pair chosen reflected the Indians' height preferences in a married couple, whereas the second one showed the real situation in the respondents' life: the difference in height between them and their husband / wife. Considering the results obtained for the Indians, it appears important to search for similarities / differences, as well as cause-and-effect relationships regarding the preferred

severity of sexual dimorphism in height, within certain groups of populations (Western, industrial, pre-industrial, developed and developing countries, traditional societies, etc.) and to take into account the specificity of local environment and living conditions, of health indicators and cultural norms.

Keywords: sexual dimorphism in height, height, body length, choice of marriage partner, assortative mating, stimulus images, Indians, Indian Diaspora, Tanzania

References

- Dronova D.A. Indiitsy Dar-es-Salama [Indians of Dar es Salaam], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, no. 5, pp. 175–185.
- Dronova D.A., Butovskaia M.L. Vybora brachnogo partnere v sovremennom indiiskom obshchestve i polovoi otkor [Choosing a marriage partner in modern Indian society and sexual selection], *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, 2011, no. 6, pp. 46–66.
- Usov V.A. *Indiia i Afrika na rubezhe tysiacheletii. Proshloe, nastoiashchee, budushchee* [India and Africa at the turn of the millennia: Past, present, and future]. Moscow: Institut Afriki RAN, 2010.
- Baqui A.H., Arifeen S.E., Amin S., Black R.E. Levels and correlates of maternal nutritional status in urban Bangladesh, *European Journal of Clinical Nutrition*, 1994, Vol. 48, pp. 349–357.
- Brennan L., McDonald J., Shlomowitz R. The height and economic well-being of North Indians under British rule, *Social science history*, 1994, Vol. 18(2), pp. 271–307.
- Brennan L., McDonald J., Shlomowitz R. Sex differences in Indian height at home and abroad, *Man in India*, 1997, Vol. 77, pp. 105–118.
- Cameron C., Oskamp S., Sparks W. Courtship American style: Newspaper advertisements, *Family Coordinator*, 1978, Vol. 26, pp. 27–30.
- Engeland A., Borge T., Selmer R.M., Tverdal A. Height and body mass index in relation to total mortality, *Epidemiology*, 2003, Vol. 14, pp. 293–299.
- Farb B. *Humankind*. Boston: Houghton Mifflin. 1978.
- Feldman S.D. The presentation of shortness in everydaylife - Height and heightism in American sociology: Toward a sociology of stature. In: S.D. Feldman, G.W. Thiebar (Eds.), *Life styles: Diversity in American society*. Boston: Little Brown. 1975, pp. 427–442.
- Fink B., Neave N., Brewer G., Pawlowski B. Variable preferences for sexual dimorphism in stature (SDS): Further evidence for an adjustment in relation to own height, *Personality and Individual Differences*, 2007, Vol. 43(8), pp. 2249–2257. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2007.07.014>.
- Frisancho A.R., Sanchez J., Pallarde D., Yanez L. Adaptive significance of small body size under poor socioeconomic conditions in Southern Peru, *American Journal of Physical Anthropology*, 1973, Vol. 39, pp. 255–261.
- Gillis J.S., Avis W.E. The male-taller norm in mate selection, *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1980, Vol. 6, pp. 391–401.
- Graziano W.G., Brothen T., Berscheid E. Height and attraction: Do men and women see eye-to-eye?, *Journal of Personality*, 1978, Vol. 46, pp. 128–145.
- Higgins L., Zheng M., Liu Y., Sun C.H. Attitudes to marriage and sexual behaviors: a survey of gender and culture differences in China and United Kingdom, *Sex roles*, 2002, Vol. 46 (3), pp. 75–89.
- Hilakivi-Clarke L., Forsén T., Eriksson J.G., Luoto R., Tuomilehto J., Osmond C., Barker D.J.P. Tallness and overweight during childhood have opposing effects on breast cancer risk, *British Journal of Cancer*, 2001, Vol. 85, pp. 1680–1684.
- Holden C., Mace R. Sexual dimorphism in stature and women's work: A phylogenetic cross-cultural analysis, *American Journal of Physical Anthropology*, 1999, Vol. 110, pp. 27–45.

- Jayachandran S., Pande R. 2015. Why are Indian children so shot? The Role of Birth Order and Son Preference, *American Economic Review*, 2017, Vol 107(9), pp. 2600-2629. DOI: 10.1257/20151282.
- Judge T.A., Cable D.M. The effect of physical height on workplace success and income: Preliminary test of a theoretical model, *Journal of Applied Psychology*, 2004, Vol. 89, pp. 428-441.
- Kassarjian H. Voting intention and political perception, *Journal of Psychology*, 1962, Vol. 56, pp. 85-88.
- Kurtz D.L. Physical appearance and stature: Important variables in sales recruiting, *Personnel Journal*, 1969, Vol. 48, pp. 981-983.
- La Batide-Alanore A., Trégouët D.A., Sass C., Siest G., Visvikis S., Tiret L. Family study of the relationship between height and cardiovascular risk factors in the STANISLAS cohort, *International Journal of Epidemiology*, 2003, Vol. 32, pp. 607-614.
- Lee R.B. *The !Kung San: Men, women, and work in a foraging society*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1979.
- Lynn M., Shurgot B.A. Responses to lonely hearts advertisements: Effects of reported physical attractiveness, physique, and coloration, *Personality and Social Psychology bulletin*, 1984, Vol. 10, pp. 349-357.
- Melamed T. Correlates of physical features: some gender differences, *Personality and Individual Differences*, 1994, Vol. 17, pp. 689-691.
- Mueller U., Mazur A. Evidence of unconstrained directional selection for male tallness, *Behavioral Ecology and Sociobiology*, 2001, Vol. 50, pp. 302-311.
- Nettle D. Height and reproductive success in a cohort of British men, *Human Nature*, 2002a, Vol. 13, pp. 473-491.
- Nettle D. Women's height, reproductive success and the evolution of sexual dimorphism in modern humans, *Proceedings of the Royal Society of London B*, 2002b, Vol. 269, pp. 1919-1923. DOI 10.1098/rspb.2002.2111.
- Pawlowski B., Dunbar R.I.M., Lipowicz A. Tall men have more reproductive success, *Nature*, 2000, Vol. 403, pp. 156.
- Pawlowski B. Variable preferences for sexual dimorphism in height as a strategy for increasing the pool of potential partners in humans, *Proceedings of the Royal Society of London B*, 2003, Vol. 270, pp. 709-712.
- Peck A.M., Vågerö D.H. Adult body height and childhood socioeconomic group in the Swedish population, *Journal of Epidemiology and Community Health*, 1987, Vol. 41, pp. 333-337.
- Pollet T.V., Nettle D. Taller women do better in a stressed environment: height and reproductive success in rural Guatemalan women, *American Journal of Human Biology*, 2008, Vol. 20, pp. 264-269.
- Sear R. Height and reproductive success: how a Gambian population compares to the West, *Human Nature*, 2006, Vol. 17, pp. 405-418. doi:10.1007/s12110-006-1003-1
- Sear R., Allal N., Mace R. Height, marriage and reproductive success in Gambian women, *Research in Economic Anthropology*, 2004, Vol. 23, pp. 203-224.
- Sear R., Marlowe F.W. How universal are human mate choices? Size doesn't matter when Hadza foragers are choosing a mate, *Biology Letters*, 2009, Vol. 5, pp. 606-609.
- Shepperd J.A., Strathman A.J. Attractiveness and height: The role of stature in dating preference, frequency of dating, and perceptions of attractiveness, *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1989, Vol. 15, pp. 617-627.
- Sorokowski P. Politicians' estimated height as an indicator of their popularity, *European Journal of Social Psychology*, 2010, Vol. 40, pp. 1302-1309.
- Sorokowski P., Butovskaya M.L. Height preferences in humans may not be universal: Evidence from the Datoga people of Tanzania, *Body Image*, 2012, Vol. 9(4), pp. 510-516. <http://dx.doi.org/10.1016/j.bodyim.2012.07.002>.

- Sorokowski P., Sorokowska A., Butovskaya M., Stulp G., Huanca T., Fink B. Body Height Preferences and Actual Dimorphism in Stature between Partners in Two Non-Western Societies (Hadza and Tsimane'), *Evolutionary Psychology*, 2015, Vol. 13(2), pp. 455–469.
- Sorokowski P., Sorokowska A. Judgments of sexual attractiveness: a study of the Yali tribe in Papua, *Archives of Sexual Behavior*, 2012, Vol. 41, pp. 1209–1218. doi:10.1007/s10508-012-9906-x
- Sorokowski P., Sorokowska A., Danel D.P. Why pigs are important in Papua? Wealth, height and reproductive success among the Yali tribe of West Papua, *Economics and Human Biology*, 2013, Vol. 11, pp. 382–390.
- Sorokowski P., Sorokowska A., Fink B., Mberira M. Variable preferences for sexual dimorphism in stature (SDS) might not be universal: Data from a semi nomad population (Himba) in Namibia, *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2012, Vol. 43, pp. 32-37.
- Stulp G., Buunk A.P., Kurzban R., Verhulst S. The height of choosiness: mutual mate choice for stature results in suboptimal pair formation for both sexes, *Animal behavior*, 2013, Vol. 86, pp. 37–46.
- Stulp G., Simons M.J.P., Grasman S., Pollet T.V. Assortative mating for human height: a meta-analysis, *American journal of human biology*, 2017, Vol. 29, e22917. <https://doi.org/10.1002/ajhb.22917>
- Szklarska A., Koziel S., Bielicki T., Malina R.M. Influence of height on attained level of education in males at 19 years of age, *Journal of Biosocial Science*, 2007, Vol. 39, pp. 575–582.
- Teasdale T.W., Owen D.R., Sørensen T.I. Intelligence and education levels in adult males at the extreme of stature, *Human Biology*, 1991, Vol. 63, pp. 19–30.
- Viswanathan B., Sharma V. Socio-economic differences in heights of adult Indian women, *Journal of developing societies*, 2009, Vol. 25(4), pp. 421–455.

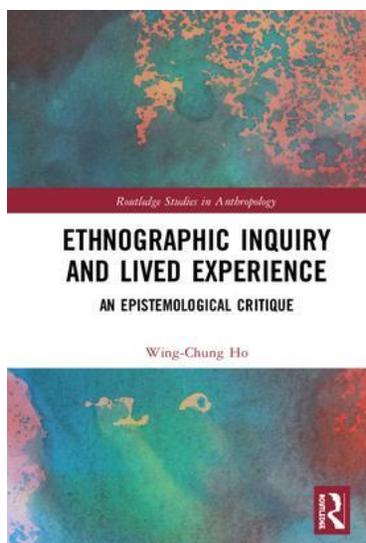
РЕЦЕНЗИИ

УДК 392.311

DOI: 10.17223/2312461X/27/13

НОВЫЙ РЕАЛИЗМ В АНТРОПОЛОГИИ И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ ВИНЧУНА ХО

Wing-Chung Ho. *Ethnographic inquiry and lived experience: an epistemological critique*. Routledge, 1st ed., 2019. 218 p.
ISBN: 978-1138478909

Эпистемологические основания этнографии не часто становятся предметом, обсуждаемым антропологами и социологами. Это, должно быть, связано с тем, что теоретическая работа некоторым кажется недостойным и неблагодарным витанием в облаках, не идущим к лицу тому, кто по локоть в грязи в поисках архаичных безделушек, или тому, кто в поте лица допрашивает информантов в «поле». Теория, дескать, это для тех, кто боится испачкать руки. Однако, как отмечает И. Гофман со ссылкой на чьи-то слова: «Нам следовало бы радоваться возможности обменять то, что мы успели сделать до сих пор, на несколько настоящего хороших концептуальных разграничений и кружечку холодного пива» (*Пер. автора по Goffman 1983: 17*). Иными словами, настоящему хорошая теория, удовлетворяющая требованию понимания феномена, дает право отдохнуть тем, кто пачкает руки.

Книга Хо «Этнографическое исследование и концепция переживания: эпистемологическая критика» приближается, как мне представля-

ется, к идеалу подобного рода теоретической работы, посвященной эпистемологическим основаниям этнографического исследования, и являет собой непревзойденный пример четкого изложения и ясности мысли. Она вышла в издательстве Routledge в серии «Достижения в социологии» (*Advances in Sociology*). Ее автор, Винчун Хо (PhD), является адъюнкт-профессором факультета социальных и поведенческих наук Городского университета Гонконга.

По признанию самого автора, идея книги пришла ему в голову чуть более двадцати лет назад, в 1998 г., когда он только начинал работу над докторской диссертацией. Поэтому данная работа вписывается в контекст дебатов и научного дискурса тех времен, при этом, однако, в ней обсуждаются многие узловые моменты, которые актуальны для современной социальной науки. Чтобы не ввести читателей в заблуждение, стоит отметить, что автор приводит новейшие цитаты и привлекает как работы классиков, так и свежие статьи и публикации; библиография содержит порядка 500 источников. Книга состоит из введения, двух частей, каждая из которых содержит по три главы, и заключения.

Автор начинает с обсуждения двух фундаментальных проблем, которые не находят однозначного решения у тех, кто так или иначе проводит этнографическое исследование. Первая – что обладает *эпистемологическим приоритетом: полевая работа или постполевая практика письма?* Радикальное решение автора заключается в том, что письмо, т.е. передача в текстовой форме переживания Другого (непосредственно этнография), находится в приоритете по отношению к работе в поле, несмотря на то, что поле предшествует во времени письму. Хо конкретизирует это в понятии *эпистемологического разрыва* (*epistemological break*), которое в дальнейшем эксплицирует, основываясь на переписке между Шюцем и Парсонсом. Опуская специальную терминологию, использованную автором в его книге, можно сказать, что исследователь не может познавать Другого в процессе сбора материала и непосредственного общения, это познание осуществляется *post factum* на расстоянии, по возвращении исследователя домой, когда он может выйти из нерелефлексированного момента переживания и, сделав его объектом размышлений, обсудить с коллегами. Иными словами, настоящее познание Другого происходит уже после того, как полевой материал собран, в процессе письма, т.е. теоретической работы. Автор делает акцент на том, что этот разрыв не является отсылкой к взаимной недоступности культурных миров этнографа и информанта, не является он и эмпирическим в том смысле, что оба субъекта видят мир по-разному (р. 36). Этот разрыв происходит вследствие темпоральных ограничений – можно лишь чередовать действие, координируемое здравым смыслом, с действием, подчиненным научному познанию, но никак не совмещать их. По мнению автора, этого разрыва нельзя избежать или

каким-либо образом его преодолеть. Он не позволяет переживать Другого до того, как мы можем об этом переживании написать (Ibid.).

Все же несмотря на то, что Хо ставит письмо в приоритет и проблематизирует его, он почти ничего не говорит о том, как писать, не предлагает какую-либо определенную технику или модус письма, не дает советов и не формулирует правил. Сам процесс письма он как будто бы оставляет за скобками. Это связано с тем, что автор является реалистом и отрицает позицию постмодернистов, согласно которой *быть – значит быть записанным в тексте*.

Автор развивает свой подход к познанию реальности, при этом разделяя некоторые положения критического и научного видов реализма. Он называет это «*engaging realism*» – не берусь точно перевести этот термин, однако вариантом может быть «вовлекающий реализм», так как ключевым для него является как раз то, что научное сообщество *вовлекается* в дискуссию вокруг теоретико-эмпирического соответствия в объяснении некоторого явления. Несколько упрощая, можно сказать, что основные положения данного вида реализма помимо того, что существует независимая от субъекта (его мыслей, поступков и пр.) реальность, следующие: 1) знание, полученное о Другом, не может быть валидизировано *напрямую* во взаимодействии с ним – только в процессе научной коммуникации; 2) эпистемологически доступный онтологический реализм – имея в распоряжении ограниченные познавательные инструменты и используя их, этнограф должен добыть как можно больше информации о том, как эти инструменты ведут себя при взаимодействии с изучаемым феноменом, чтобы как можно больше о нем узнать (но он должен помнить, что не все доступно познанию, поэтому не стоит притязать на вещи, которые невозможно исследовать научно, однако, нужно постепенно отодвигать ширму непознаваемого); 3) эпистемический релятивизм, удостоверяемый рациональной оценкой, – то, что любое знание является социальным продуктом и таким образом исторично, не означает, что не существует рациональных способов это знание проверить.

Отдельными пунктами автор дает иллюстрации к некоторым главам, когда хочет наполнить свою мысль конкретным содержанием. Так, чтобы пояснить, как работает выявление подходящего объяснения для конкретного феномена в ходе научного обсуждения, он пересказывает дискуссию, развернувшуюся вокруг вопроса, касающегося того, почему гавайцы убили капитана Джеймса Кука и каково было их отношение к нему. Главными участниками и оппонентами выступили Маршалл Салинз и Гананат Обейсекере. Участники предлагали свои гипотезы и объяснения, но в итоге победить было суждено одной из точек зрения. Неважно, чем разрешился спор, данное пояснение призвано продемонстрировать идею автора о том, как соответствие теории и эмпирических

данных, становясь доступным широкому научному сообществу, приводит к приближению к достоверному знанию путем валидации исходных положений спорящих сторон. Идея довольно стара, тем не менее, Хо настаивает на такой природе научного поиска, в том числе ссылаясь на главный труд историка науки Томаса Куна и на очерки Чарльза Пирса.

Во второй части Хо своим примером показывает, как устроены такие дискуссии, ввязываясь в спор о семейных отношениях с антиреалистами или, как он их называет, радикальными конструкционистами (не путать с конструктивистами), которые считают, что внеродственные отношения конструируются по аналогии с родственными, например, пациент-сиделка, читай: мать / отец-дочь (или наоборот, в зависимости от возраста). Однако в первую очередь он рассматривает непосредственно *предмет этнографического описания* (и это вторая фундаментальная проблема). Что это за предмет? – Для Хо таковым выступает «переживание» – *lived experience* (нем. *Erlebnis*), проблематика которого подробно разработана в феноменологии. Переживанию свойственны *трансцендентальность* (предзаданность и непроблематичность жизненного мира) и *нон-дискурсивность* («неизвестные» элементы переживания, которые не высказаны, но потенциально могут таковыми стать). Другой переживается в соответствии с этими характеристиками – знание и восприятие Другого, соответственно, имеет трансцендентальную и неясно выраженную природу. Такое понимание Хо заимствует у Шюца, который, используя понятия аппрезентации и апперцепции Гуссерля, развивает свою концепцию жизненного мира, и далее у Гарфинкеля, который продвигает ее до изучения конституирования социальных порядков. Хо приводит иллюстрацию того, как это плохо поддающееся выражению переживание может быть схвачено в исследовании сексуальных отношений у супружеских пар. Он предлагает два новых метода – *поверхностное интервью* (*surface interview*) и *область ответов* (*answer-aire*), которые позволяют научно исследовать сферу нон-дискурсивного. Опять-таки сам пример не играет существенной роли, главное здесь – демонстрация методического потенциала.

В данном примере Хо проводит интервью из шести вопросов, при этом роль этнографа минимизируется: он лишь слушает информанта и в конце уточняет, есть ли ему что сказать еще (такая процедура противостоит понятию глубинного интервью, откуда и название). Супруги опрашиваются отдельно друг от друга, перед этим, однако, производится нечто похожее на нарушающий эксперимент, их просят прочитать рассказ, в котором жена изменяет мужу. Нон-дискурсивное же проявляет себя в том, о чем не говорят информанты. Как понять, о чем они не говорят? – Загодя составить список тем, которые широко обсуждаются в обществе. Это и есть область ответов. В данном случае Хо составил ее на основе информации, которую он почерпнул из книг о

супружеских отношениях, в которых обсуждаются самые распространенные топики. Темы из этого списка, которые не затрагивал информант, и будут указывать на сферу умалчиваемого. Данный метод позволяет понять, как нон-дискурсивные практики конституируют повседневную реальность, ибо если бы нам приходилось все подвергать проговариванию, а не допускать, что другие будут понимать оставленные невысказанными вещи, наши взаимодействия с ними были бы затруднены, если и вовсе невозможны (р. 98).

Автор заключает книгу предложением собственной теории. Так как переживания, которые испытывает этнограф на протяжении полевого периода, не могут быть выражены непосредственно вследствие эпистемологического разрыва, необходимо их дальнейшее теоретизирование, которое, однако, должно учитывать, как уже было сказано, такие характеристики переживания как нон-дискурсивность и трансцендентальность, а также тот способ, каким властные отношения вплетаются в ткань повседневной жизни, преобразуя субъективность и практику агентов. Для этого автор сочетает несочетаемое – он сводит вместе такую пару, как Альфред Шюц и Мишель Фуко. Первый ему интересен своей концепцией жизненного мира, а второй – концепцией власти и знания. На этой основе он предлагает свою *общую теорию переживания*, которая, на его взгляд, является необходимой для всякого этнографического исследования. Не могу сказать, что эта теория была автором в каком-либо месте книги выражена четко, не могу также назвать комбинацию или наложение двух концептуальных рамок теорией, а уж тем более считать метафору «кнута и пряника» в качестве иллюстрации этой теории ясной, тем не менее, справедливо будет сказать, что эти концепции заполняют бреши друг друга, чего автор и пытался добиться: любая теория переживания должна отсылать к умалчиваемому и часто неосознаваемому диктату власти, который конституирует и субординирует Я.

По мысли автора, книга должна помочь читателю оценить конкретную форму отношений между исследователем и субъектом, которые составляют эпистемологический пререквизит при анализе и теоретизации этнографических данных. Однозначно, труд, проделанный автором, является значимым и колоссальным, однако, по-моему, пока рано бросать все дела и идти пить пиво. Автор бы и сам согласился с этим: по его словам, лучше продолжать научный поиск, чтобы что-то узнать, чем не узнать ничего, и это «что-то» ценно не из-за своей истинности или мнимого прогресса, а в силу того, что оно позволяет нам заглянуть под завесу непознаваемого неизвестного (*unknowable unknown*), что, в свою очередь, и приводит к росту научного знания (р. 86).

В действительности книга Хо гораздо интереснее, чем осуществленный мной пересказ; я лишь пытался донести ее особенности и общие

черты. Она вносит новый вклад в понимание предмета, метода и задач этнографии как науки. Советую ее всем, кто хочет разобраться в эпистемологических основаниях этнографического ремесла. Это хороший пример теоретико-эпистемологической работы в рамках реалистического научного подхода к изучению этнографической действительности, выполненной в простой и изящной манере.

Литература

Goffman E. The Interaction Order: American Sociological Association, 1982 Presidential Address // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48 (1), № 1. P. 1–17.

Отар Вахтангович Чантуридзе

Рецензия поступила в редакцию 19 ноября 2019 г.

Chanturidze Otar V.

NEW REALISM IN ANTHROPOLOGY AND THE GENERAL THEORY OF LIVED EXPERIENCE FROM WING-CHUNG HO.

Review of Wing-Chung Ho. *Ethnographic inquiry and lived experience: an epistemological critique*. Routledge, 1st ed., 2019. 218 p. ISBN: 978-1138478909

DOI: 10.17223/2312461X/27/13

References

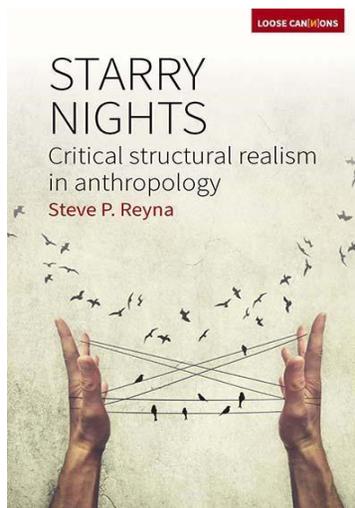
Goffman, E. The Interaction Order: American Sociological Association, 1982 Presidential Address, *American Sociological Review*, 1983, 48 (1), 1, pp. 1–17.

УДК 303:394

DOI: 10.17223/2312461X/27/14

ОСТРАЯ ТЕОРИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ С. РЕЙНЫ

Reyna Stephen P. *Starry nights: Critical structural realism in anthropology*. x, 210 p., bibliogr. Oxford, New York: Berghahn Books, 2017. ISBN 9781785332449

Книга Стивена Рейны «Звездные ночи: критический структурный реализм в антропологии» открывает серию с остроумным названием Loose Can(n)ons, которая призвана оспаривать устоявшиеся или модные точки зрения в социальных науках. Рейна – американский антрополог, живущий сейчас в Нью-Йорке. Последние два десятилетия Рейна по большей части аффилирован с Институтом социальной антропологии Макса Планка в Галле, где он проводит исследования по двум основным темам: мозг / культура и глобальные военные действия (global warring). Обе нашли отражение в рецензируемой работе.

В названии книги заложена метафора, которая раскрывается на первых страницах введения. Звездная ночь однажды впечатлила Рейну во время полевой работы в Чаде* – размеренное движение созвездий по небосводу он ассоциирует с человеческим бытием, которому, однако, угрожают три коршуна, способные принести вечную ночь без всяких

---

* Основные полевые исследования Рейны, получившего PhD в 1972 г. в университете Колумбии, связаны с Африкой (Чад, Кот-д'Ивуар, Камерун, Мавритания, Буркина-Фасо), в том числе в рамках прикладной работы в организациях, связанных с «развитием» (Программы развития ООН, США и др.).

звезд: экологическая катастрофа, экономический кризис и насилие глобальных военных действий (р. 1). Презентуемый в работе подход, критический структурный реализм, должен помочь понять и объяснить происходящее в человеческом мире с вполне конкретной целью: противостоять коршунам. При этом Рейна предполагает нео-боазианское понимание антропологии как науки, охватывающей все стороны человеческого бытия (*big galaxy anthropology*). Критический структурный реализм мыслится им не столько как отдельная теория, сколько как парадигма, инструмент для антрополога, который, подобно швейцарскому ножу, имеет три лезвия: эпистемологию (как получать знание), онтологию (что есть в мире, что познается) и критику (что предпринять относительно того, что стало известно).

Книга состоит из предисловия, введения, пяти глав в трех частях и предметного указателя. Каждая глава представляет собой самостоятельное эссе (в том числе сопровождается собственным списком литературы), так что все важное для понимания ее смысла содержится в ней самой. Главы 1 и 4 были опубликованы ранее в качестве отдельных статей. При этом, однако, рассмотрение всех глав в совокупности усиливает позиции каждой из них, вместе эссе составляют вполне последовательное, цельное повествование. Работа написана в ясном, отточенном стиле, все основные понятия имеют эксплицитные определения, ключевые аргументы резюмируются в заключительных абзацах разделов. При этом Рейна использует не только тяжелые научные, но и довольно остроумные риторические фигуры против своих оппонентов, что также делает чтение весьма увлекательным.

В целом суть работы можно передать следующим образом. Радикальная критическая антропология – это инструмент, направленный на выработку знания о том, где именно необходимо концентрировать усилия (совершать интервенцию), чтобы устроить галактику человеческого существования наилучшим для всех человеческих существ образом (р. 14).

Эпистемология: соответствующее знание должно быть надежным и точным, и получено наилучшим способом из доступных. Рассмотрев и отбросив постмодернистскую альтернативу, Рейна выбирает научный реализм: строгая теория и последовательные практики валидации дают наиболее достоверное знание из возможных, и до сих пор не было предложено их убедительной критики.

Онтология: социальный мир структурирован, в нем есть люди, которые задействуют силы (задействуют различные ресурсы) и кооперируются в социальные формы (предпринимают совместные, скоординированные усилия, задействуют бóльшие ресурсы), чтобы делать что-либо. Социальные формы имеют пределы функциональной совместимости действующих сил, при достижении которых происходит их распад. Рецепты удержания порядка зачастую изобретают элиты, удовлетворяя

прежде всего свои желания, производя тем самым итеративные трансформации (изменения социальных форм, направленные на достижение одной и той же цели). Провал итеративных трансформаций ведет либо к хаосу, либо к качественным трансформационным изменениям – появлению новых социальных форм, смене элит.

Критика: сверхпотребление природных ресурсов при капитализме ведет к экологической катастрофе и экономическому кризису недостатка этих самых ресурсов; в отсутствие экономического решения военные элиты (прежде всего американские, поскольку США является здесь предметом анализа) реализуют имперскую логику и захватывают недостающие ресурсы на других территориях; сопротивление гасится насильем. При этом постмодернизм, отбрасывающий практики валидации при производстве знания, является буквально средством, позволяющим текущим элитам продолжать доминировать. Речь же идет об организации глобального взаимодействия таким образом, чтобы исключить сверхпотребление природных ресурсов и при этом достичь справедливого распределения извлекаемых выгод (р. 203).

«Звездные ночи» уместно расположить в трех больших контекстах – философия науки (главы 1 и 2 – часть «Эпистемология», а также глава 4, посвященная критике Гирца – часть «Критика»); марксизм, социальная теория (глава 3 касается диалектики, противоречий, элит и предлагает теорию социальной трансформации – часть «Онтология»); международные отношения (глава 5, посвященная анализу 24 военных конфликтов с участием США – часть «Критика»). Далее я кратко оценю основные аргументы, предлагаемые рецензируемой работой в каждом из «контекстов», в порядке возрастания их убедительности.

В главе, которую можно отнести к сфере международных отношений, представлена теория глобальной войны и ее валидация на выборке кейсов военных действий, в которые прямо или косвенно были вовлечены США с 1950 г. до сих пор. Основной тезис теории можно представить так: империи разрешают внутренние противоречия с помощью военных действий (р. 170). Чтобы обосновать эту теорию, Рейне необходимо показать, что конфликты, в которые прямо или косвенно были вовлечены США: 1) были вызваны характерными для империй противоречиями и 2) разворачивались в определенной логике, исключающей мирные пути разрешения в пользу военных. Здесь и заключается проблема: в тексте нет пояснений того, как и из какой совокупности отобраны военные конфликты, источники информации о самих конфликтах также не указаны. Каждый кейс описывается очень сжато, несколькими фразами, лишь по важным для теории Рейны параметрам (например, характер противоречий, приведших к конфликту; рассматривался ли вариант мирного разрешения). Эти описания весьма специфичны, формализованы и настолько лишены подробностей, что у читателя, не погру-

женного в контекст военной истории, почти не остается возможностей составить представление о том, что именно происходило в каждом отдельном случае и насколько обоснован анализ, который предлагает Рейна.

Часть, связанная с марксизмом, содержит любопытный взгляд на социальную онтологию. Автор вводит понятие «культурная нейрогерменевтическая система» для объяснения причинно-следственных связей между социальными явлениями: мозг, по мнению автора, использует культурно зависимые «герменевтики» для интерпретации реальности, т.е. интериоризированную в процессе взаимодействий индивида с объектами внешнего мира и хранящуюся в памяти (Рейна разбирает это довольно подробно – на уровне нейронных взаимодействий) информацию, состоящую из перцептивно-процедурных пар («что происходит» и «что следует в связи с этим делать») (р. 108). Поскольку социальные события происходят в результате действий людей, ни одна причина не может вызвать здесь действия, если не будет кем-либо прежде замечена и принята во внимание. Соответственно, какое именно действие она окажет, существенно зависит от «культурных» особенностей того, чья нейрогерменевтическая система задействована. К этой онтологии Рейна добавляет диалектическую теорию социальных изменений, основанную на понятии противоречия. Вся конструкция чрезвычайно любопытна, но в отсутствие иллюстраций несколько декларативна. Вероятно, роль иллюстрации должна была взять на себя глава с анализом военных конфликтов США, но именно в этой части она не совсем удачна. Возможно, декларативность третьей главы, как и неубедительность пятой, связаны с тем, что за каждой из них стоит отдельная большая книга – соответственно, «Connections: brain, mind and culture in a social anthropology» 2003 г. и «Deadly contradictions: The new American empire and global warring» 2016 г., и их содержание Рейне не вполне удалось упаковать в относительно небольшие 40-страничные эссе.

Наиболее убедительные аргументы книга предлагает, на мой взгляд, в области философии науки. Последовательно представляя основные позиции в дискуссии о возможности научной антропологии, убедительно подтверждая свою интерпретацию различных позиций цитатами и ссылками, Рейна показывает, что наиболее оппозиционно настроенные к науке «литературные антропологи» (Гирц, Розальдо, Тайлер, Рабинов и Салливан) не имеют против нее серьезных аргументов (р. 28–35). Более того, философы-герменевты, на которых литературные антропологи ссылаются (Дильтей, Гадамер, Рикер), заинтересованы не столько в аргументации против науки, сколько в том, чтобы показать связь между герменевтическими и научными практиками (р. 37), а спор релятивистов (Дюгем, Куайн, Фейерабенд, Кун) и реалистов (Глимор, Миллер, Харре, Суппе и др.) показывает, что обосновать или опровергнуть теорию довольно сложно, но не то, что теории вообще не должны

подкрепляться фактами (р. 39). В текстах литературных антропологов Рейна также не находит никакой равноценной или более совершенной замены научному познанию – он отдельно разбирает «насыщенное описание» как такую альтернативу, но приходит к выводу, что в отсутствие валидации этот метод производит скорее сплетни и фантазии (р. 45). Соответственно, по мнению Рейны, литературные антропологи не хотят ничего в полном смысле слова «знать», но не дают для этого жизненного выбора достаточных оснований (р. 45).

Позитивная программа Рейны подразумевает, что наука – это искусство, предметом которого является репрезентация ощущений в виде обобщенных концепций, обоснованно объясняющих некоторое положение дел. Научные теории бесполезны, если они не были или не могут быть валидированы, т.е. теоретические обобщения должны пройти проверку с помощью наблюдения на предмет того, действительно ли то, что они утверждают, происходит (р. 69). Именно валидация позволяет сравнивать истинность различных теорий, предпочитая одни другим*.

В четвертой главе Рейна показывает, как с помощью научных процедур (прежде всего валидации) можно противостоять элитарным акторам. Относительная истина, полученная с применением строгих процедур, может вскрывать ложные «истины», транслируемые идеологами того или иного «режима правды». Иллюстрация Рейны затрагивает тему массовых убийств в Индонезии 1965–1966 гг. и того, как это событие отражено в работе Клиффорда Гирца «After the Fact» (1995). Гирц не дает собственной моральной оценки массовым убийствам, однако он воспроизводит (не давая комментариев) в виде цитаты одного из информантов «правду» индонезийских военных элит о том, что массовые убийства коммунистов в Индонезии происходили в ситуации «убей или будешь убит» (р. 140). Истинность этой «правды», по мнению Рейны, предполагает истинность следующих трех утверждений: 1) произошло восстание компартии Индонезии (ИКП) (организованное, скоординированное действие); 2) действия военных со стороны правящего режима были направлены на защиту (а не нападение); 3) действия военных были вызваны именно восстанием, имели реактивный характер (р. 146). Исторические источники (Рейна цитирует различных исследователей, а также архивные документы) не подтверждают ни одно из этих утверждений: 1) ИКП не имела военной мощи (оружие, тренированные люди) и не проводила военных операций перед массовыми убийствами; 2) действия военных не были только защитными – они привели не

---

* Продуманность позиции Рейны относительно теории неудивительна, учитывая, что он является основателем и соредктором журнала «Антропологическая теория» (Anthropological Theory) – одного из двух журналов первого квартала SJR, которые эксплицитно посвящены теории; второй – «ХАУ: журнал этнографической теории».

только к убийствам, но к пыткам, изнасилованиям, показательному разделыванию человеческих тел; 3) действия военных были вызваны не атаками ИКП, а представлениями индонезийских военных об угрозе со стороны ИКП и распространением двух «правд» – о том, что «ИКП начала действовать», и что «коммунисты – нелюди, с которыми следует поступать бесчеловечно» (р. 146–160). С точки зрения Рейны, проблема заключается в том, что Гирц (влиятельный интеллектуал), следуя канонам интерпретативной антропологии, не проверил информацию от своих информантов и без комментариев и опровержений распространяет в качестве мнения самих людей ложь – «правду», которую во время идеологической кампании, сопровождавшей массовые убийства, распространяли военные элиты Индонезии, чтобы оправдать свои глубоко аморальные действия (р. 160).

Из этого кейса и из критики, представленной в первой главе, посвященной литературным антропологам, следует более общий вывод: постмодернизм, отрицающий научные процедуры и практику валидации (которые позволяют отличить правду от «правды»), является средством, позволяющим элитам доминировать и поддерживать режим эксплуатации (р. 161).

В целом «Звездные ночи» представляют собой небольшой, но весьма разнообразный и насыщенный текст, который увязывает воедино и позволяет читателю сориентироваться в довольно большой теоретической работе, которой занимался Рейна на протяжении, по крайней мере, последних 30 лет. Книга ставит серьезные вопросы и дает на них интересные и сильные ответы. Как мне кажется, работа будет полезна, прежде всего, студентам и исследователям, заинтересованным в коротком, но очень ясном и емком введении в философию науки и основы социальных исследований, а также всем, кто заинтересован в марксистской антропологии, анализе международных отношений и политики США.

А.С. Басов

*Институт этнологии и антропологии РАН
Московский государственный университет*

Рецензия поступила в редакцию 17.01.2020 г.

Basov Alexander S., Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow)

POIGNANT THEORY: CRITICAL REALISM OF STEPHEN REYNA

Review of Reyna, Stephen P. *Starry nights: Critical structural realism in anthropology*. x, 210 p., bibliogr. Oxford, New York: Berghahn Books, 2017. ISBN 9781785332449

DOI: 10.17223/2312461X/27/14

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАСОВ Александр Сергеевич – аспирант кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: aes.basov@gmail.com

БОЧКОВ Дмитрий Андреевич – студент кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия).

E-mail: bochkoff12@yandex.ru

БУТОВСКАЯ Марина Львовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая Центром кросскультурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

ВАСЮТИН Сергей Александрович – доктор исторических наук, доцент Института истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово (Россия).

E-mail: vasutin2012@list.ru

ДРОНОВА Дарья Алексеевна – младший научный сотрудник, Центр кросскультурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: dariadronova@yandex.ru

КАРАВАЕВА Дина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург (Россия).

E-mail: dina.karavaeva@bk.ru

КРАВЧЕНКО Артем Владимирович – старший преподаватель, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН); стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: artemioskravchenko@gmail.com

ЛОМАКИН Никита Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН; помощник исполнительного директора, Международный Мемориал, г. Москва (Россия).

E-mail: lomakinu@gmail.com

ПАРФИРЬЕВ Дмитрий Станиславович – аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия).

E-mail: parfiryeff@yandex.ru

ПОПРАВКО Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия).

E-mail: irina.popravko83@gmail.com

СЕРЕГИН Николай Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия).

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

СИВКОВ Денис Юрьевич – кандидат философских наук, доцент Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, г. Москва (Россия).

E-mail: d.y.sivkov@gmail.com

СКЛЕЗ Варвара Михайловна – стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН; преподаватель, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), г. Москва (Россия); аспирант Университета Уорика, г. Ковентри (Великобритания).

E-mail: varvar.sk@gmail.com

СОКОЛОВА Анна Дмитриевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: annadsokolova@gmail.com

ТЕРЕШИН Макар Романович – магистрант, Институт исследований культуры, Университет Тарту, г. Тарту (Эстония).

E-mail: makar.tereshin@gmail.com

ЧАЛАКОВ Иван Христов – PhD, профессор, кафедра институциональной и прикладной социологии, Пловдивский университет; старший научный сотрудник, Институт философии и социологии, Болгарская академия наук, г. Пловдив (Болгария); старший научный сотрудник, НОЦ PAST-Центр, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия).

E-mail: tchalakov@gmail.com

ЧАНТУРИДЗЕ Отар Вахтангович – магистр этнологии и антропологии, независимый исследователь, г. Москва (Россия).

E-mail: merlin92100@mail.ru

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: shnirv@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

BASOV Aleksandr Sergeevich – Postgraduate Student at the Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University; Research Assistant, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: aes.basov@gmail.com

BOCHKOV Dmitriy Andreevich – Student at the Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia).

E-mail: bochkoff12@yandex.ru

BUTOVSKAYA Marina Lvovna – Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History), Professor, Head of Cross-Cultural Psychology and Human Ethology Division, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

CHANTURIDZE Otar Vakhtangovich – MA (Ethnology and Anthropology), Independent Researcher, Moscow (Russia).

E-mail: merlin92100@mail.ru

DRONOVA Daria Alekseevna – Junior Research Fellow, Cross-Cultural Psychology and Human Ethology Division, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: dariadronova@yandex.ru

KARAVAEVA Dina Nikolaevna – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow, Institute of History and Archeology, Russian Academy of Sciences Ural Office, Yekaterinburg (Russia).

E-mail: dina.karavaeva@bk.ru

KRAVCHENKO Artyom Vladimirovich – Senior Lecturer, Moscow School of Social and Economic Sciences; Research Intern, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: artemioskravchenko@gmail.com

LOMAKIN Nikita Andreevich – Cand.Sc. (History), Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Assistant to Executive Director of International Memorial, Moscow (Russia).

E-mail: lomakinu@gmail.com

PARFIRYEV Dmitriy Stanislavovich – Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia).

E-mail; parfiryeff@yandex.ru

POPRAVKO Irina Gennadievna – Cand.Sc. (History), Associate Professor at the Department of Anthropology and Ethnology, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia).

E-mail: irina.popravko83@gmail.com

SEREGIN Nikolay Nikolaevich – Cand.Sc. (History), Leading Research Fellow at the Laboratory for Interdisciplinary Research on the Archeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul (Russia).

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

SHNIRELMAN Viktor Aleksandrovich – Dr.Sc. (History), Chief Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).
E-mail: shnirv@mail.ru

SIVKOV Denis Yurievich – Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor, Institute for Social Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow (Russia).
E-mail: d.y.sivkov@gmail.com

SKLEZ Varvara Mikhaylovna – Research Intern, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Lecturer, Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow (Russia); Postgraduate Student, The University of Warwick, Coventry (UK).
E-mail: varvar.sk@gmail.com

SOKOLOVA Anna Dmitrievna – Cand.Sc. (History), Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, Moscow (Russia).
E-mail: annadsokolova@gmail.com

TCHALAKOV Ivan Hristov – PhD, Professor at the Department of Applied and Institutional Sociology, University of Plovdiv; Senior Research Fellow at the Institute for the Study of Knowledge and Society, Bulgarian Academy of Sciences (Bulgaria); Senior Research Fellow, PAST-Centre, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia).
E-mail: tchalakov@gmail.com

TERESHIN Makar Romanovich – Undergraduate Student, Institute of Cultural Studies, University of Tartu, Tartu (Estonia).
E-mail: makar.tereshin@gmail.com

VASYUTIN Sergey Aleksandrovich – Dr.Sc. (History), Associate Professor at the Institute of History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo (Russia).
E-mail: vasutin2012@list.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!);

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;
- e-mail;
- почтовый адрес;

- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

- название статьи на русском и в переводе на английский язык;
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potarow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьеккофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титuleльный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.docor *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (**UDC**) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, first name, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V.Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the «et al» is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the «et al» even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at www.journals.tsu.ru/siberia

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2020. № 1

Редактор Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 30.03.2020 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Печ. л. 16,8. Усл. печ. л. 23,6. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 4290. Цена свободная.

Дата выхода в свет 10.04.2020 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)-52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru